

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

9

9. (47) Царевскій, Алексѣй
" Александровичъ.
~~и-5579~~

ПОСОШКОВЪ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

ДВУХЛЕТНЫЙ ФОНД
УПРАВЛЕНІЯ БИБЛИОТЕК
ВЪ ГОРОДАХЪ
Адресъ № 12455

ОБЗОРЪ СОЧИНЕНІЙ ПОСОШКОВА

(ИЗДАВАННЫХЪ И НЕИЗДАВАННЫХЪ)

СО СТОРОНЫ ИХЪ РЕЛИГІОЗНАГО ХАРАКТЕРА

И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАГО ЗНАЧЕНІЯ.

Алексѣя Царевскаго.

МОСКВА.

Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, на Арбатѣ, въ домѣ Каринской.
1893.

11129-

H
59
P85
T88

Определе́ніемъ Совѣта Казанской Духовной Академіи отъ 30-го декабря
1882 года печатать разрѣшается. Января, 17-го дня, 1883 года.

Ректоръ Академіи Протоіерей *А. Владимірскій.*

Stacks
Exchange
Lib of St. Nit
11.1.171
902038-143

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.....	Стр. 1
------------------	--------

Введеніе. — Посошковъ какъ человекъ и какъ писатель.

Биографическія свѣдѣнія о Посошковѣ. Литературная дѣятельность Посошкова. Обозрѣніе извѣстныхъ его сочиненій.....	5
Народность и жизненность сочиненій Посошкова. — Взглядъ на состояніе русскаго общества во время реформы. — Борьба двухъ направленій: привязанность къ старинѣ и влеченіе къ новизнѣ. — Направленіе Посошкова.....	20
Характеръ сочиненій Посошкова. — Религіозный элементъ въ сочиненіяхъ Посошкова, какъ существенный пунктъ, связующій ихъ съ древними періодами русской жизни и письменности. — Черты религіозности въ сочиненіяхъ Посошкова. Характеръ богословскихъ убѣжденій Посошкова — Практичность, какъ другая воспринимавшая черта въ характерѣ сочиненій Посошкова.....	35

Сочиненія Посошкова.

«КНИГА О СКУДОСТИ И БОГАТСТВѢ».

Политико-экономическая литература въ Россіи до Посошкова. — Экономическій характеръ Книги о скудости и богатствѣ. — Основныя политико-экономическія воззрѣнія Посошкова. — Состояніе общественныхъ сословій на Руси по Посошкову и сущность его проектов. — Мысли Посошкова объ иностранцахъ въ русской торговлѣ и производительности. — Значеніе Книги о скудости и богатствѣ.	61
---	----

«ЗЕРЦАЛО ОЧЕВИДНОЕ».

Библиографическія замѣчанія о составѣ редакцій Зеркала очевиднаго. — Подлинность и происхожденіе двухъ редакцій Зеркала очевиднаго.....	101
---	-----

I. «Зерцало на раскольниковъ обличеніе»

(1 — XXII гл. Зерц. оч.).

. Стр.

Полемическая противуракольниковая литература въ Россіи до Посошкова. — Историко-литературное значеніе его сочиненія. — Состояніе раскола въ началѣ XVIII в. по Посошкову. — Взглядъ Посошкова на расколъ. — Существенные приемы и характеръ полемики Посошкова.....	106
---	-----

II. «О иконоборцахъ».

(XXIII гл. Зерц. оч.).

Отношеніе Русскихъ къ иконовѣрцамъ до Петра Великаго. — Двоякое направленіе полемики съ иконовѣрцемъ при Петрѣ, сообразно діленію новаго русскаго общества на партіи консервативно-охранительную и прогрессивно-либеральную. — Отношеніе Посошкова къ этимъ партіямъ въ вопросѣ объ иконовѣрцѣ. — Полемическая противоконсервативная литература въ Россіи до Посошкова. — Взглядъ Посошкова на иконовѣрца. — Сущность и характеръ полемики Посошкова.....	143
---	-----

«ЗАВѢЩАНІЕ ОТЕЧЕСКОЕ».

Значеніе этого сочиненія. — Завѣщательная литература въ Россіи до Посошкова. — Идеалы Посошкова сравнительно съ прежде господствовавшими.....	191
Взглядъ Посошкова на духовенство. — Мысли Посошкова о воспитаніи и о женщинѣ.	241
Заключеніе.....	269

Исторія петровскаго времени, между множеством выдающихся личностей и событій, которыми такъ богата была эта пора сверх-нормальнаго напряженія русской жизни, далеко уже заднимъ числомъ отпѣтила замѣчательный фактъ изъ исторіи современной литературы: она сохранила намъ негромкое имя самороднаго русскаго публициста, крестьянина Ивана Тихоновича Посошкова. Долгое время послѣ его смерти, Посошковъ оставался совершенно незамѣченнымъ, какъ онъ не былъ замѣченъ и въ свое время. Случайно открывавшіяся рукописи сочиненій Посошкова постепенно проникали въ печать, на первыхъ порахъ не останавливая на себѣ особеннаго вниманія. Имя «мизернаго крестьянина», вѣроятно, мало внушало къ себѣ довѣрія; о немъ упоминалось вскользь, самое его существованіе даже заподозривалось, сочиненія его также бѣгло оспаривались и во всякомъ случаѣ не находили себѣ серьезнаго изслѣдователя. Пекарскій, въ своемъ специальномъ изслѣдованіи о литературѣ при Петрѣ, не счелъ нужнымъ даже и упомянуть о Посошковѣ. Между тѣмъ, ближайшее знакомство съ сочиненіями Посошкова тѣхъ немногихъ лицъ, которыя имѣли къ тому случай (напр. издатели его сочиненій), убѣдило послѣднихъ въ драгоцѣнности этихъ забытыхъ произведеній, какъ памятниковъ литературно-историческихъ, воспроизводящихъ и объясняющихъ любопытнѣйшую эпоху отечественной исторіи. Эти немногія лица (Погодинъ, А. Поповъ, Брикнеръ) увидѣли въ Посошковѣ «геніальнаго мыслителя», «русскаго государственнаго генія, съ умомъ проницательнымъ, толковымъ, спокойнымъ...»; въ произведеніяхъ Посошкова они увидѣли «безсмертныя творенія», «высокое произведеніе здраваго русскаго смн-

сла», «полное, обстоятельное изслѣдованіе о Россіи при Петрѣ великаго русскаго политика-самоучки» и пр. Подобные восторженные отзывы, какъ бы они ни были немногочисленны, естественно усилили интересъ къ Посошкову. Имя его, наконецъ, извлечено изъ забвенія и начинаетъ теперь приобрѣтать большую и большую популярность въ наукѣ русской исторіи и литературы. Тѣмъ не менѣе, и теперь личность Посошкова еще далеко не вполне обследована и сочиненія его рассмотрѣны, можно сказать, съ одной только стороны.

Общее представленіе, сложившееся о Посошковѣ у лицъ знакомыхъ съ этимъ именемъ, обыкновенно рисуетъ его какъ русскаго политико-экономиста. Такимъ, главнымъ образомъ, онъ, дѣйствительно, и являлся для читающей публики до настоящаго времени. Ранѣе другихъ приведенное въ извѣстность его сочиненіе: «Книга о скудости и богатствѣ» было по преимуществу экономическаго характера, и оно-то установило взглядъ на Посошкова. Тѣ немногія замѣтки и изслѣдованія о Посошковѣ, которыя появлялись въ литературѣ, почти исключительно рассматривали его съ этой именно стороны. Между тѣмъ уже и Книга о скудости и богатствѣ, помимо ея политико-экономическаго значенія, имѣетъ широкій научный интересъ, какъ документъ собственно *историческій*, какъ полная и правдивая картина внутренней жизни Россіи конца XVII и начала XVIII ст. Но Посошковъ извѣстенъ теперь уже далеко не одною только Книгою о скудости и богатствѣ. Въ послѣднія десятилѣтія сдѣланы новыя капитальнѣйшія открытія о немъ. Въ 1863 году явилось въ печати другое замѣчательное сочиненіе Посошкова: «Зерцало на раскольниковъ обличеніе», которое, какъ теперь оказывается, составляетъ только часть — и притомъ въ сокращенной редакціи — громаднаго полемическаго сочиненія: «Зерцала очевиднаго», рукописный списокъ котораго хранится въ библиотекѣ Казанской Духовной Академіи. Наконецъ, въ 1873 г. было открыто и издано третье большое сочиненіе Посошкова, его «Завѣщаніе отеческое». Эти послѣднія сочиненія не дождались пока спеціальнаго систематическаго просмотра и въ полномъ

ихъ составѣ доселѣ еще остаются неразобранными. Между тѣмъ, они восполняютъ историческія данныя Книги о скудости и богатствѣ новымъ, обильнымъ и еще болѣе дорогимъ матеріаломъ. Здѣсь Посошковъ, воздерживаясь отъ политико-экономическихъ соображеній и проектовъ, является по преимуществу нравоописателемъ своей эпохи, представителемъ своего времени, воспитавшимся подъ воздѣйствіями разнохарактерныхъ направленій, порожденныхъ реформою, является образцомъ здравомыслящаго, глубокорелигіознаго и строгоправославнаго русскаго человѣка вообще и семьянина въ частности, является, наконецъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ даже идеалистомъ, стремящимся упорядочить современную жизнь, поднять ее до уровня возвышенныхъ требованій христіанской морали, довести ее до ширки тѣхъ нравственно-практическихъ идеаловъ, которые носились въ представленіи Посошкова. Такимъ образомъ, сообщая въ своихъ сочиненіяхъ положительныя свѣдѣнія о состояніи русскаго общества во время реформы, о состояніи раскола, о вліяніи иновѣрія, о силѣ иноземскаго элемента въ тогдашней Руси и пр. и пр., Посошковъ знакомитъ насъ и съ состояніемъ религіозно-нравственнаго сознанія въ русскомъ обществѣ, съ внутреннимъ міромъ его понятій и воззрѣній, идей и идеаловъ.

Не менѣе интересны сочиненія Посошкова въ отношеніи *литературномъ*. По времени своего появленія они стоятъ на рубежѣ двухъ литературныхъ эпохъ въ исторіи русской цивилизаціи, отсюда и въ содержаніи своемъ представляютъ любопытнѣйшее сочетаніе старыхъ, древнерусскихъ понятій съ стремленіями новаго времени. Служа прекраснымъ образчикомъ до-петровской письменности по своему строго-религіозному характеру и направленію, по своему стилю и языку, они въ то же время переполнены уже мыслями и взглядами, предвѣщавшими наступленіе новой эпохи въ жизни Россіи и навѣяанными уже начинавшимся тогда въ ней переворотомъ. Сочиненія Посошкова служатъ, такимъ образомъ, заключеніемъ древней литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ вступленіемъ, подготовительною работою къ литературѣ новой. Нося въ себѣ смѣшеніе старыхъ традицій съ новыми запросами, принадлежа древней Россіи, но уже су-

жественно соприкасаясь и съ новою жизнію, сочиненія Посошкова представляютъ собою живое отраженіе своего времени, служатъ знаменіемъ своей смѣшанной, переходной эпохи.

Въ своемъ изслѣдованіи мы постараемся опредѣлить направленіе, выяснитъ взгляды и идеалы Посошкова, чтобы выработать болѣе или менѣе цѣльное представленіе о немъ, какъ о живой личности своего времени. Обращаясь же къ специальному обзорѣнію сочиненій, какъ единственному источнику нашихъ свѣдѣній о Посошковѣ, мы предложимъ анализъ важнѣйшихъ изъ нихъ. При этомъ будемъ обращать преимущественное вниманіе съ одной стороны на историко-литературное значеніе этихъ сочиненій, т. е. на отношеніе ихъ къ жизни того времени и мѣсто ихъ въ исторіи русской литературы; съ другой на преимущественный, всепроникающій характеръ этихъ сочиненій — религіозно-практическій.

ВВЕДЕНІЕ.

Посошковъ какъ человѣкъ и какъ писатель.

Биографическія свѣдѣнія о Посошковѣ. Литературная дѣятельность Посошкова. Обзоріе извѣстныхъ его сочиненій.

Посошковъ, какъ историческая личность, представляетъ собою замѣчательный, въ высшей степени любопытный типъ своего времени и того общества, въ которомъ онъ жилъ и дѣйствовалъ. Необыкновенно трудолюбивый, энергичный, предприимчивый, Посошковъ представляется живымъ порожденіемъ своей эпохи, искусственно ускоренной въ естественномъ процессѣ роста и развитія, а потому безпримѣрно дѣловой, бурной. Самый фактъ писательства Посошкова, проявляя его необычайную пытливость въ области даже наиболее ему чуждой, обнаруживаетъ въ то же время замѣчательную, характерную черту и вообще преобразовательной эпохи, когда кипучая дѣятельность и всякій трудъ получили особенное приращеніе, когда выработался особый типъ такихъ людей, любознательныхъ, дѣятельныхъ, искавшихъ въ трудѣ выходъ изъ тревогъ и затрудненій жизни общественной, для которыхъ и умственная, долготѣ непривычная работа сдѣлалась нравственнымъ убѣжищемъ отъ гнетущихъ голову недоумѣній, сомнѣній, желаній, порожденныхъ реформаторскимъ движеніемъ, рѣшительно вселопившимъ умственный сонъ и въковую дрему русскаго человѣка. Поэтому, личность Посошкова, уже сама по себѣ, является весьма любопытнымъ и интереснымъ предметомъ изученія. И прежде чѣмъ что либо говорить о сочиненіяхъ Посошкова и по поводу ихъ, мы неизбежно должны бросить хотя бѣглый, вслѣдствіе ограниченности матеріала, взглядъ на его трудовую, подвижную жизнь и разно-

характерную дѣятельность, познакомиться хотя въ общихъ чертахъ съ его личностью, тѣмъ болѣе, что ею всецѣло проникнуты и типически запечатлѣны всѣ сочиненія Посошкова, съ первой и до послѣдней ихъ строчки.

Напрасно бы мы стали искать въ нашей литературѣ готовой полной біографіи Посошкова или какихъ либо монографій, касающихся жизни этого забытаго человѣка. За исключеніемъ немногихъ, случайно попавшихся въ старинныхъ архивахъ судебныхъ дѣлъ, тажебъ, въ которыхъ переплетается и имя Посошкова, мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній о его жизни и положеніи. Единственнымъ памятникомъ о Посошковѣ и источникомъ всякихъ нашихъ свѣдѣній о немъ являются только его сочиненія: чрезъ нихъ мы знакомимся съ крѣпкимъ самороднымъ умомъ Посошкова, изъ нихъ мы получаемъ представленіе нравственной личности этого великаго простолюдина, отсюда же исключительно почти приходится намъ извлекать и біографическія свѣдѣнія о жизни и занятіяхъ, матеріальномъ положеніи и житейскихъ отношеніяхъ Посошкова. Впрочемъ, матеріалъ, даваемый сочиненіями Посошкова въ этомъ послѣднемъ отношеніи крайне ограниченъ, а потому и наши біографическія свѣдѣнія о немъ остаются далеко неполными. Общая манера древнерусскихъ авторовъ намѣренно скрываться за своими твореніями, сказалась и въ Посошковѣ: онъ не только нигдѣ не излагаетъ обстоятельно своего жизнеописанія, а, напротивъ, менѣе всего старается заинтересовать читателя своею личностію, и всякія указанія на себя приводитъ развѣ только въ качествѣ примѣровъ, въ самомъ сжатомъ видѣ и притомъ съ замѣтнымъ стремленіемъ вездѣ только унижить себя. — Извѣстный изслѣдователь древностей литературныхъ — Погодинъ сдѣлалъ первую и единственную попытку, на основаніи бывшихъ тогда въ извѣстности сочиненій Посошкова, сгруппировать его отрывочныя свидѣтельства о себѣ и, при помощи нѣкоторыхъ открытыхъ въ архивахъ документовъ, воспроизвести по крайней мѣрѣ главнѣйшія черты и случаи изъ жизни Посошкова.

Иванъ Тихоновичъ Посошковъ родился, по всѣмъ соображеніямъ, около 1670 года. Въ подписи къ своимъ сочиненіямъ Посошковъ обыкновенно называетъ себя московскимъ уроженцемъ. Точнѣе мѣстомъ своей родины Посошковъ называетъ въ одномъ мѣстѣ подмосковное село Покровское (составляющее теперь часть Москвы): «писавшій села Покровскаго крестьянинъ Иванъ Посошковъ» (Донон. къ Ст. Яворскому). Къ концу своей жизни Посош-

ковъ жилъ около Новгородъ. По аваню своему Посошковъ былъ крестьянинъ, какъ это можно видѣть изъ многократныхъ его указаній: «земледѣлецъ осмь, убогій мирянинъ», «писавшій сіе убогій земледѣлецъ», «что осмь азъ? — въ разумѣ младенецъ, въ чинѣ земледѣлецъ»¹⁾ и пр. Постоянно также Посошкова называють себя простолюдиномъ. О молодости и первоначальной семейной обстановкѣ Посошкова мы ничего не знаемъ. Въ первый разъ онъ является намъ уже «крестьяниномъ», т. е. человекомъ, во всякомъ случаѣ, взрослымъ, и является прямо какъ личность, выдающаяся изъ ряда по своей сообразительности, смѣлности, интересующаясь всѣмъ происходящимъ на его глазахъ, критически относящаяся къ порядкамъ жизни. Замѣчательно, что въ первый разъ, такъ же какъ и въ послѣдній, мы встрѣчаемъ Посошкова въ тюрьмѣ. Поводомъ къ первому аресту послужило слѣдующее обстоятельство, приведенное въ известность Соловьевымъ. По вступленіи въ управленіе Петра I-го, введеніе молодого царя вызвало всеобщее неудовольствіе: жаловались на волю Петра, на требованіе громадныхъ усилій неходы, на сближеніе его съ иностранцами и пр. Въ ряду недовольныхъ, разсуждавшихъ о недостаткахъ и порокахъ государя, роптавшихъ на Петра и его образъ дѣятелъ, несогласный ни съ привычками прежнихъ царей, ни съ воззрѣніями народа, мы встрѣчаемъ и Посошкова. Разсужденія о политическихъ событіяхъ Иванъ Посошковъ велъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Романомъ и еще нѣкоторыми лицами у строителя московскаго Андреевскаго монастыря Авраамія. Плодомъ этихъ разсужденій была довольно рѣзкая записка политическаго содержанія, которую Авраамій осмѣлился подать Петру. Поднято было по этому случаю дѣло, въ которомъ только братьямъ Посошковымъ удалось оправдаться и освободиться отъ ареста, такъ какъ Авраамій «сговорилъ» съ нихъ. Такова была первоначальная школа Посошкова. Примѣръ Авраамія научилъ Посошкова осторожности, но не отнял духа обличать общественныя язвы: въ широкыхъ разсѣрахъ продолжалъ онъ дѣло, начатое въ кельяхъ Андреевскаго монастыря.

Что касается умственнаго образованія, то, очевидно, Посошкову не удалось пройти никакой школы». Мы люди немудрые, вѣтреной (т. е.

¹⁾ Донош. въ Ст. Явор. Соч. Пос. т. I стр. 316; Проектъ о школахъ — ркп. Ак. Наукъ № 102; Посл. Головину — Соч. Пос. I т. 291 стр., т. II стр. 272 и др.

по Посошкову заморской, свѣтской, швольной) мудрости не учился»¹⁾, говорить онъ вообще, не выдѣляясь изъ своего сословія. Гораздо чаще говоритъ онъ о своемъ лично необразованіи: «книжныя премудрости не наученъ есмь», «человѣкъ я есмь неученый» и иному «отъ своего простоумія»; «всегда азъ низеренъ и учению школьному неискусенъ, и како по надлежащему достоинъ писать, ни слѣда нѣсть во мнѣ, ибо самый простецъ есмь»; «азъ неученый есмь человѣкъ, того ради не по науцѣ и писахъ. Азъ что есмь и кто есмь? — въ разумѣ немотуай иладовецъ, въ художествѣ работникъ» и пр. «Аще кто помнить», предусмотрительно замѣчаетъ Посошковъ, «яко я тисцславяся унижаю себя: ни! возри на сложеніе книги сей (Зерцало очевидное), можно бо всякому и по сложенію разумѣти мя, яко простецъ есмь»²⁾. Но соглашался съ Посошковымъ, что въ швольномъ учении онъ неискусенъ, нельзя однако согласиться съ его признаніями о простоуміи, о низерности и простотѣ разума. Подобныя признанія можно объяснить только смиреніемъ и рѣшительнымъ отсутствіемъ всякой заносчивости въ этомъ высоко-нравственномъ человѣкѣ. Напротивъ, именно сложеніе-то книгъ его и обнаруживаетъ въ немъ человѣка въ высшей степени умнаго, высоко развитаго для своего времени и начитаннаго не въ привѣрь громаднѣйшему большинству своихъ современниковъ. Такъ прежде всего, сознаніе Посошкова, что онъ и «въ художествѣ» только простой работникъ, является въ его устахъ намѣреннымъ самоуничиженіемъ. Хорошо извѣстно, что это былъ человѣкъ замѣчательно способный и свѣдущій въ различныхъ ремеслахъ, извѣстный въ свое время техникъ, механикъ-самоучка. Вышеприведенное дѣло Авраамія, открывая намъ убѣжденія и мнѣнія среды, въ которой вращался Посошковъ, свидѣтельствуетъ и о технической опытности его. Въ протоколѣ допроса Посошкова сказано, что «Авраамій знакомецъ ему учинился третій годъ: призвалъ онъ его Ивашку къ себѣ для дѣла денежнаго стану, который дѣлалъ на образецъ въ поднось къ великому Государю»³⁾. Нужно полагать, что Посошковъ, призванный Аврааміемъ для составленія денежнаго станка, былъ тогда уже опытнымъ и извѣстнымъ механикомъ. Очевидно, его рекомендовали Авраамію, какъ по-

¹⁾ Зерцало очевидное, ркп. Казан. Акад. л. 201.

²⁾ Соч. Пос. т. II стр. 272, 194; Проектъ о школахъ л. I; Кн. о ск. и бог. — Соч. Пос. I т. стр. 46; Зерц. очев. л. 243 об. и др.

³⁾ Ист. Россіи Соловьева XIV т. 243 стр.

лезнаго мастера въ такія работы. Вскорѣ послѣ этого Иванъ Тихоновичъ хлопоталъ на денежномъ дворѣ, установилъ денежныя станы и состроилъ инструменты для чекана. «И, на денежномъ дворѣ будучи, ставилъ станы денежныя, — и деньги стоять не вредны». И послѣ, «егда состоялся указъ дѣлать кружныя деньги иѣдныя, то никто не смыслилъ инструменты къ такому дѣлу состроить. Иноземецъ Фробусть началъ добить мастеровъ изъ-за моря; а я, видя протажность великую, вступилъ въ то дикое время и все то денежное дѣло устанавливалъ; иноземцамъ въ томъ я аще и учинилъ пакость, обаче мнѣ никогда никакой не было» (Соч. Пес. т. I стр. 212 и 213). Потомъ имъ застаемъ Посошкова въ сужденіяхъ даже съ самимъ государемъ, именно опять-таки вслѣдствіе его механической ошнтивности: «прежняго году (1700), рассказываетъ Посошковъ въ донесеніи Головину, Великій Государь изъ своихъ царскихъ усть изрекъ, чтобы сдѣлать рогатки огнестрѣльными, въ три ряда, а въ нихъ устроить по затинной пещали, обрамляющей на все стороны. И потому его государевн словеса ниѣ для приѣзру рогатку я сдѣлалъ» (I т. 270 стр.). Въ главѣ «О художествѣ» (Книга о скудости и богатствѣ), говоря о важности вообще всякихъ изобрѣтеній, между прочимъ Посошковъ замѣчаетъ и о собѣ: «кто есмь я, а и у меня вымысловъ пять-шесть было» (I, 142). Итакъ, Посошковъ, очевидно, обладалъ замѣчательною ошнтивностію въ разныхъ механическихъ работахъ. Кромѣ того, онъ былъ хорошо знакомъ со всѣми условіями усѣбнаго приготовления военныхъ снарядовъ, съ свойствомъ матеріала, который надлежитъ брать для приготовления боевыхъ орудій; подробно и дѣльно говоритъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ о киркахъ, которыя употреблялись для земляныхъ работъ, о сабляхъ, конныхъ и ир. (Напр. I т. 283 — 286 стр.). Посошкову доступны были отыритія даже въ минералогіи: «я и небольшое мѣсто поѣздилъ, и хотя я и не знаючи ѣздилъ, обаче не туне моя ѣзда: смыскалъ я самородную оѣру, самую чистую, что подобна камени янтарию,... розарственную матерію смыскалъ я, нарицаемую гумъ сфальтумъ,... нефти смыскалъ я много чвало, вокры и червленн,... нументъ есть у меня въ привесѣ» (I, 152 и 153 стр.). Сибѣтливости умственной соответствовала въ Посошковѣ и физическая ловкость въ нѣкоторыхъ упражненіяхъ; такъ, въ молодыхъ лѣтахъ онъ въ совершенствѣ научился искусству владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ и удивлялъ своею ловкостью въ этомъ дѣлѣ: «былъ я, — рассказываетъ онъ, — еще въ

молодых лѣтахъ на Пензѣ и тамошніе жители усмотрѣли во мнѣ, что я гораздо цѣльво стрѣляю, то истинно не лгу, что говорили мнѣ: останься-де ты здѣсь въ лѣто, то-де мы татаръ не будемъ биться, ... видишь-де мнѣ, что ты скорѣ стрѣлять и пулей даромъ не теряешь, а татари-де напорчиво наирають, что ни не утѣмъ никого изъ нихъ убить, а тебя видишь, что ты и во лѣту убиваешь» (I, 39). При своихъ природныхъ дарованіяхъ Посошковъ владѣлъ значительно и положительными свѣдѣніями въ разныхъ областяхъ знанія; напр., онъ великодушно зналъ печку различныхъ мѣстностей Россіи и способность ея къ плодородію нѣкотораго рода продуктовъ; практически и конечно въ общихъ чертахъ зналъ былъ съ разными языками: греческимъ, латинскимъ, польскимъ; онъ былъ специалистъ въ винномъ производствѣ, такъ что былъ рекомендованъ Меншикову для этого дѣла и состоялъ у водочнаго строенія въ Москвѣ; зналъ теорію рисованія¹⁾ и пр. и пр. Но особенно Посошковъ выдается какъ человекъ глубоко религіозный и замѣчательно начитанный въ богословной литературѣ. Имѣя въ виду ниже подробнѣе заняться изслѣдованіемъ религіознаго характера сочиненій Посошкова, здѣсь сдѣлаемъ только нѣсколько общихъ замѣчаній о богословной начитанности его. Прежде всего, Посошковъ владѣлъ обширнымъ знаніемъ Священнаго Писанія, доказательствомъ чему служатъ встрѣчающіеся на каждой страницѣ (особенно Зерцала и Заѣщанія отеческаго) тексты изъ книгъ ветхаго и новаго завѣта. Цитированіе извѣстныхъ мѣстъ Писанія и многократныя стремленія Посошкова разъяснять приводимые тексты, показываютъ, что онъ не механически читалъ и заучивалъ священныя книги, но относился къ нимъ сознательно, усмываясь постигнуть внутренній смыслъ болѣе или менѣе недоумѣннаго. «Я есмь человекъ неученый, но токмо въ парфѣи Божиимъ дарованіемъ отчасти знаю», признается Посошковъ предъ расколниками; «обаче васъ многократно вѣщи въ Писаніи Божиимъ откровеніемъ разумѣю» (т. II, стр. 194). Посошковъ изучилъ также нѣкоторыя свята-отеческія творенія, чему свидѣтельствомъ служатъ многократныя же ссылки на Отцовъ Церкви и выписки изъ ихъ сочиненій. Такъ особенно часто Посошковъ цитуетъ Златоуста, Василя В., Ефрема Сирина, Кирилла Іерусалимскаго, Тео-

¹⁾ Соч. Пос. т. I, стр. 137; II, 266, 205; Исторія Петра В. Устрялова, т. I, стр. LX; Полное Собр. Зак. т. IV № 2094; Ист. Россіи Соловьева, т. XV, стр. 95; Заѣщаніе отеческое стр. 188.

филакта, Григорія Двоеслова, Иоанна Лѣствичника, Дмитрія Ростовскаго, Иоанна Дамаскина. При написаніи своихъ сочиненій Посошковъ, очевидно, кѣль подъ руками книги, на которыя онъ ссылается, потому что ссылки его отличаются въ внешней степени точности: на такомъ-то листѣ, въ такомъ-то правилѣ, главѣ, словѣ и пр., обыкновенно говорятъ онъ. Посошковъ въ подробностяхъ зналъ соборныя дѣянія, весьма часто ссылается на соборы, припомняя даже количество страницъ, бывшихъ на соборѣ (напр. Зерц. очев. л. 121 об.), съ точностію указываетъ на подходящія его цѣли правила; такъ онъ цитуетъ правила: 6-го вселенскаго собора, 7-го всел. собора, Явдѣйскаго собора, Антиохійскаго собора, правила Кормчей и пр. Посошковъ отлично зналъ также священную исторію и часто въ качествѣ примѣровъ ссылается или цѣлкомъ рассказываетъ историческіе факты: поучая цѣломудрію, онъ неоднократно передаетъ исторію Іосифа Прекраснаго; поучая благотворительности къ церкви, ссылается на примѣръ Соломона; говоря о крестѣ, рассказываетъ о ветхозавѣтныхъ прообразахъ его изъ жизни патріарха Іакова, Моисея; указываетъ на неповорство Осим, Дафана, Авирона; въ доказательство обязательности причащенія ссылается на примѣръ Маріи Египетской и мученика Савватія; упоминаетъ о Товии, Ананіи и Саифирѣ; рассказываетъ исторію Лазаря; рассказываетъ чудеса и видѣнія, какъ особыя дѣявія промысла Божія. Освѣдительно также зналъ Посошковъ исторію ересей въ Христіанской Церкви и сущность ихъ лжеученій; передаетъ кратко исторію гоненій на первенствующую церковь¹⁾. Какъ человѣкъ религіозный и богословски начитанный, Посошковъ живо интересовался всѣмъ касающимся вѣры и церкви. Внутреннія и вѣншія волненія, колебавшія въ его время православіе, не могли не обратить на себя вниманіе Посошкова. Расколъ и лютеранство — вотъ самые сильные и самые опасные враги тогдашней русской церкви, и Посошковъ, какъ мы видимъ изъ его сочиненій, преимущественно, если не исключительно, занятъ былъ полемикою съ тѣмъ и другимъ. Онъ въ совершенствѣ изучилъ расколъ, что обнаружилось въ его Зерцалѣ; изъ многочисленныхъ въ духѣ полемики указаній на иновѣрцевъ и изъ специально направленного на лютеранъ разсужденія «О иконоборцахъ» (23-я глава

¹⁾ Зав. Отеч. стр. 14, 180, 148, 159, 196; Соч. Пос. II, 54, 102, 127; Зерц. очев. ркн. л. 39, 45, 94, 101, 164 об.

Зеркала очевиднаго) видно также, что Посошковъ хорошо зналъ важнѣйшіе пункты вѣроученія и этихъ послѣднихъ. Что касается религіозной настроенности самого Ивана Тихоновича, объ этомъ скажемъ послѣ, при разсужденіи о религіозномъ характерѣ его сочиненій; теперь же познакомимся съ внѣшнюю судьбою Посошкова.

Не смотря на то, что Посошковъ былъ простой крестьянинъ, онъ имѣлъ значительное состояніе, приобретенное его трудами и коммерческими оборотами. Такъ онъ имѣлъ у себя даже крестьянъ, потому что говорить напр.: «у меня человекъ пять-шесть обѣдало въ прошломъ году» или: «мой человекъ поинанъ за лошадей мою»; онъ имѣлъ свою землю: «кто есмь я, (а) и за мной съ полтора-ста четвертой есть». Посошковъ имѣлъ свои заводы: «въ прошломъ 719 году вѣдучи къ себѣ на заводъ»...; въ томъ же 719 году онъ подавалъ просьбу князю Д. М. Голицыну о позволеніи ему построить заводъ винокуренный (Соч. Пос. I т., стр. 96, 44; 203, 163, 48). Извѣстно также, что живя въ Новгородѣ, Посошковъ занимался разнообразной торговлею, доставлялъ запасы въ Петербургъ. Дѣла и обороты его были столь хороши, что онъ купилъ два дома въ Петербургѣ, приобрѣлъ въ Новгородскомъ уѣздѣ деревни: Закарасенье, Марьино, Матвѣеву¹⁾. Въ смыслѣ, очевидно, этой-то матеріальной обеспеченности и довольства, Посошковъ говорить о себѣ: «я еще не весьма послѣдній человекъ, есть мизернѣе меня (I, 35, 49 и пр.)—и, по видимому, противорѣчить крайне смиреннѣе отзываютъ о себѣ, какъ совершеннѣйшемъ простецѣ, самомъ мизерномъ человекѣ. Самъ Посошковъ проговаривается иногда и о томъ, что онъ былъ человекъ довольно замѣтный въ свое время. Жалуясь на лѣность духовенства въ отиравленіи богослуженія, онъ разсказываетъ случай изъ своей жизни: «въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Устрицкомъ погостѣ случилось мнѣ быть; у той церкви три попа, а на пасху только два дня литургія была, а тутошніе жители сказывали, что больше одной обѣдни на святой недѣлѣ прежде сего не бывало, то-де *тебя поопасимся*, что двѣ обѣдни были» (т. I стр. 27). Внушая сыну своему смиреніе, Посошковъ говорить: «о томъ ничего не размыслиай, что ты былъ съ млада въ богатствѣ, или что отца знатнаго сынъ еси» (Зав. от. стр. 179). Извѣстно также изъ сочиненій, что Посошковъ находился

¹⁾ Ист. Россіи Соловьева т. XV стр. 95.

въ различныхъ сношеніяхъ съ знаменитыми лицами своего времени: съ княземъ В. А. Голлицынымъ, княземъ Д. М. Голлицынымъ, Л. К. Нарышкинымъ, бояриномъ Ѳ. Головиннымъ и др. Кроме того, онъ, какъ мы видѣли, удостоился личнаго порученія отъ Петра В.; онъ помогалъ правительству въ отысканіи мастеровъ для чекана денегъ, для дѣланія пороха (I, 218, 158) и пр. Незавѣстно, былъ ли знакомъ Посошковъ съ митрополитомъ Ростовскимъ, но достоверно извѣстно, что святитель Дмитрій, заинтересовавшись Зерцаломъ Посошкова, искалъ знакомства съ нимъ¹⁾. Митрополитъ Новгородскій Іовъ былъ знакомъ съ Посошковымъ и «разглаголюетовалъ» съ нимъ о разныхъ предметахъ, какъ передаетъ самъ Посошковъ. Іовъ, очевидно, зналъ Посошкова съ самой хорошей стороны, такъ что даже рекомендовалъ его особымъ письмомъ князю Я. Ѳ. Долгорукову²⁾. Князь Юрій Хилковъ оказывалъ Посошкову личное покровительство и защиту (Соч. Пос. I, 34). Сочиненія же Посошкова остановили на себѣ вниманіе, нѣсколько позднѣе выступившаго на литературное поприще, нашего знаменитаго Ломоносова: въ архивѣ Академіи Наукъ хранится отношеніе послѣдняго отъ 1725 года, при коемъ онъ представлялъ 2 записки Посошкова: объ учрежденіи народныхъ школъ и о размежеваніи земли. Также на нѣтъмощеня въ бібліотекѣ Академіи Наукъ списокъ Книги о скудости и богатствѣ находится приписка: «списана 1752 года, а для списанія получена отъ господина Совѣтника, Михаила Васильевича Ломоносова». Очевидно, послѣдній зналъ сочиненія Посошкова и такъ или иначе былъ заинтересованъ ими. Не безызвѣстны, кажется, были литературные труды Посошкова и Ѳеофану Прокоповичу: Кузряновъ отыскалъ два проекта Посошкова, тщательно переписанные и, вѣроятно, представленныя имъ Ѳ. Прокоповичу, потому что на нихъ имѣется собственноручная приписка послѣдняго: «ex libris Theophanis Archiepiskopi Novogrodensis»³⁾. Итакъ, Посошковъ несомнѣнно былъ довольно замѣтный и въ свое время человекъ, имѣвшій связи и сношенія съ крупнѣйшими историческими дѣятелями своей эпохи, а своими сочиненіями уже въ ту отдаленную пору обратившій на себя вниманіе великихъ корифеевъ рус-

¹⁾ Хр. Чт. 1875 г. № 1, стр. 62.

²⁾ Зерц. очевидное, ркп. л. 58 об.; Москвитянинъ 1855 г. № V стр. 7—9.

³⁾ Впрочемъ относительно принадлежности этой записки Посошкову Погоднымъ послѣ высказано было сомнѣніе.

ской литературы. При рѣзкомъ разграниченіи еще и тогда между знатными классами общества и людьми «подлыми», Песошниковъ естественно не могъ выбиться изъ послѣднихъ и стать въ ряды первыхъ; но сочиненія его, при такихъ покровителяхъ, нужно полагать, не затерялись бы, всегда нашли бы себѣ надлежащій ходъ, еслибъ нѣкоторые изъ нихъ не были для своего времени слишкомъ либеральны и еслибъ не была слишкомъ сильна и живуча партія лицъ, обожавшихъ этими сочиненіями. Впрочемъ, самъ Песошниковъ, повидимому, тщательно избѣгаетъ всякихъ упоминаній о своей популярности и съ замѣтно большею охотою рассказываетъ случаи, свидѣтельствующіе о его невѣстности, ничтожности; онъ подробно говоритъ о частыхъ оскорбленіяхъ, которымъ онъ подвергался и отъ которыхъ никто не былъ застрахованъ въ то, по его собственному выраженію, «длинное» время. Съ другой стороны, нельзя удивляться и не довѣрять тому, что на долю Песошникова перешадало болѣе, чѣмъ кому либо, обидъ и оскорбленій: при тогдашнемъ несправедливомъ, противъ котораго съ такимъ негодованіемъ и силой орудовалъ Песошниковъ, трудно было бороться замѣчательному мыслителю-земледѣльцу съ чиноугодниками и знатью; очень естественно, что выскочка изъ крестьянъ возбуждалъ ненависть въ людяхъ «ненавистливыхъ, завистливыхъ, лобзникахъ и любителей неправды», какъ Песошниковъ величалъ бояръ и вельможъ. Они старались вредить ему при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ 1708 году 21-го марта былъ запросъ такого рода: «для строевія водокъ въ Петербургѣ желаетъ служить Иванъ Песошниковъ; оная брать ли?». Меньшиковъ, который самъ былъ не чистъ на руку и могъ не любить Песошникова, какъ человека безпокойнаго и проектера-мужика, въ резолюціи отклонилъ Песошникова, обеззавъ его для этого воромъ¹⁾. Не смотря впрочемъ на эту клевету, Песошниковъ всетаки опредѣленъ былъ въ Новгородъ водочныхъ дѣлъ мастеромъ и заслужилъ здѣсь наибольшее довѣріе, такъ что не былъ считанъ казною за 16 лѣтъ. Песошниковъ приводитъ самъ разительные примѣры несправедливости къ себѣ вліятельныхъ особъ. Напр. въ 1719 г. онъ подалъ просьбу князю Д. Голицыну, котораго считалъ «добрымъ и разумнымъ», о дозволеніи построить винокуренный заводъ; но Голицынъ, «не вѣдаю чего ради, велѣлъ меня за караулъ посадить и я сидѣлъ пѣлую недѣлю, и стало мнѣ скучно быть, что сижу долго а за что сижу, не знаю», — Песошниковъ напомнилъ о себѣ и его выпу-

¹⁾ Пол. Соб. Зак. IV т. № 2194.

стали. «Я кажется и не послѣдній человѣкъ», размышлялъ онъ по этому поводу, «и князь меня знаетъ, а просидѣлъ нѣкую недѣлю ни за что, коими же паче всего мизернаго посадить да и забудуть» (I, 48—49). Въ 1721 году въ Новгородѣ, хозяинъ квартиры Посошкова «привылчился въ свидѣтельство». Капитанъ Невольскій, «котораго называютъ добрымъ и разумнымъ человѣкомъ», велѣлъ опечатать имущество хозяина; но солдаты и Посошкова съ женой «выбили изъ горницы и животи (кажитки) опечатали». На требованіе защиты «Невольскій прислалъ съ такими грезами: самъ приду и совсѣмъ-де вымечу на улицу, а жену-де твою за косы выволоку вонъ». И вотъ Посошкови «больша дву недѣль скитался по чужимъ дворамъ»; только всеюда велѣлъ караулъ спать, а Невольскому все было «хотѣлось сорвать нѣчто», какъ догадывался Посошковь» (стр. 34). Далѣе Посошковь рассказываетъ о личномъ оскорбленіи его полковникомъ Порѣцкимъ, который «бралъ меня», говоритъ Посошковь, «скверною бранью и называлъ воромъ», хотя «внѣ себя ни малша не знаю» (стр. 35); рассказываетъ, какъ его не допустили до Кабинетъ-министра Макарова, которому онъ хотѣлъ представить сочиненное имъ «донесеніе Его Императорскому Величеству о новоначинающихся деньгахъ» и т. д.

Приведенныя сейчасъ свидѣтельства Меншикова и Порѣцкаго о нравственной неблагонадежности Посошкова, обвиненіе его въ воровствѣ, набрасываютъ повидимому нѣкоторую тѣнь на нравственную личность Посошкова. Но даже и въ свое время, свидѣтельство напр. Меншикова, какъ мы видѣли, осталось непризнаннымъ, было явно опровергнуто фактомъ избранія Посошкова на должность и даже необычнымъ особеннымъ довѣріемъ къ нему. Кроме же этихъ голословныхъ уликъ, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ къ какому либо определенному заключенію относительно нравственной несостоятельности Посошкова. Что касается сочиненій, въ которыхъ совершенно непринужденно и слишкомъ рельефно отразился духовный образъ Посошкова, то въ нихъ послѣдній является человѣкомъ высоконравственнымъ, слишкомъ ревнивымъ къ требованіямъ долга и справедливости, развившимъ въ себѣ замѣчательно тонкую восприимчивость къ отбѣнкѣ нравственнаго смысла и значенія человѣческихъ поступковъ. Впрочемъ, зная характеръ того времени, когда разладъ между словами и дѣлами, убѣжденіями и поступками былъ слишкомъ обыченъ, зная напр., что Татищевъ энергично вооружавшійся противъ

взяточничества, не его же признанію, не былъ самъ чистъ отъ этого грѣха, — и ни въ данномъ случаѣ вовсе не желаемъ представить Посошкова идоломъ чести и добродѣтели. Нужно предпологать, это былъ обыкновенный человѣкъ, быть можетъ и несвободный отъ обычныхъ, особенно въ ту пору, житейскихъ недостатковъ, но особѣю которого несомнѣнно чиста была отъ пятенъ либо выдвигавшихся нравственныхъ переживаній; сочиненія же Посошкова во всякомъ случаѣ рисуютъ предъ нами въ высшей степени свѣтлый, сияющій образъ этого увлеченнаго, восторженнаго проповѣдника правды и безусловнаго врага всякой несправедливости.

По своимъ занятіямъ Посошковъ былъ человѣкъ коммерческій, предпріимчивый; его занимали промышленные обороты, — поэтому онъ и обнаружилъ въ своихъ сочиненіяхъ удивительную силу и свѣтлость здраваго практическаго смысла. Писательство не было прямымъ призваніемъ и исключительнымъ дѣломъ Посошкова. «Едва отъ многосуетій своихъ въ три лѣта совершилъ небольшую сію книжку», говоритъ напр. онъ о своей Книгѣ о скудости и богатствѣ (I, 259). Посошковъ писалъ между прочимъ, только потребностями времени отрывавшій отъ своихъ специальныхъ обязанностей къ умственной работѣ. Безпримѣрно-сильное движеніе преобразовательной эпохи, новыя предметы и учрежденія, расширеніе сферы, противоположность толковъ — все это поглотило все интересы, пробудило все силы и великія дарованія русскаго человѣка, вызвало дѣятельность небывалую, разнообразную; — все это должно было поднять людей живыхъ и способныхъ въ разныхъ слояхъ общества, возбудить въ нихъ надежду на болѣе широкую дѣятельность. И Посошковъ является именно порожденіемъ современной жизни. Среди своихъ прямыхъ занятій, онъ не безучастно относился ко всему вокругъ него происходящему, а здѣсь было весьма много такого, что вызвало на размышленіе, невольно останавливало на себѣ вниманіе искреннаго патріота, какимъ былъ Посошковъ. И онъ увлекся политикою, съ жаромъ предался преобразовательному стремленію, посвятилъ не мало труда на служеніе той мысли, которую тогда олицетворялъ въ себѣ Петръ Великій. Устраивая свои торговые дѣла, Посошковъ находилъ время слѣдить за всесторонними проявленіями общественной жизни, колебавшейся подъ противоположными направленіями; онъ подмѣчалъ крайности и злоупотребленія, вносимыя въ жизнь разнообразными вліяніями, и умѣлъ извлечь

средства, способствовавшія къ всестороннему исправленію и возвышенію отечества; онъ тратилъ много силъ и времени, чтобы записать свои проекты, идеалы и имѣлъ настолько смѣлости, чтобы адресовать эти проекты, волею безвѣщадныхъ обличеній, лицамъ, стоящимъ во главѣ обличасной администраціи. Это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ совершенно понятнымъ для насъ тотъ совершившійся фактъ, что бояре, преслѣдовавшіе Посошкова при жизни, заставили его и умереть смертію арестанта. 1725 года 29 августа былъ взятъ подъ караулъ Иванъ Посошковъ, а черезъ три дня въ канцеляріи тайныхъ россійскихъ дѣлъ допрашивали нѣкоторыхъ лицъ, не имѣютъ ли «книгу изданія Посошкова, всююю скудость съ богатствомъ» (предисл. ко II т. соч. Пос. стр. XXXIV). Неизвѣстно, къ чему пришли эти и подобныя изысканія, только Иванъ Тихоновичъ не былъ освобожденъ изъ-подъ ареста, а 1-го февраля 1726 года онъ христіански скончался.

Но Посошковъ сохранился для насъ въ своихъ замѣчательныхъ сочиненіяхъ. Въ нихъ онъ выказался весь, со всѣми своими чувствами, понятіями и убѣжденіями, своими симпатіями и антипатіями, идеями и идеалами. Нужно удивляться этому замѣчательному человѣку, не получившему образованія, но обладавшему огромнымъ природнымъ умомъ, необыкновенною наблюдательностію, богатѣйшею опытностію и разнообразнѣйшими знаніями и способностями, — человѣку, положившему за свои убѣжденія и жизнь свою, человѣку, сверхъ всего, глубоко благочестивому, искренно богобоязненному, истинному христіанину. Нужно удивляться многостороннимъ свѣдѣніямъ и занятіямъ Посошкова и его безкорыстному желанію принести пользу родинѣ, посвятить свой умъ, запасъ своихъ знаній и опытности на служеніе отечеству, чтобы сколько только возможно помочь, а въ крайнемъ случаѣ, хоть только указать путь и средства къ улучшенію всѣхъ частей государственнаго управленія и дѣятельности.

Занятый съ молодости, какъ мы видѣли, денежными станками, Посошковъ около 1701 г. составилъ финансовый проектъ: «денежное письмо», которое для насъ потеряно, но о которомъ свидѣтельствуетъ самъ Посошковъ въ донесеніи Головину: «если бы Великій Государь указалъ денежному дѣлу быть противъ *прежняю моего письма...* и буде Великій Государь уважетъ денежное дѣло управить, якоже *явихъ въ денежномъ письмѣ*» и пр. О содержаніи этого утраченнаго письма ничего

менѣе известно. Очевидно, этотъ проектъ Посошковъ старался довести до свѣдѣнія самого царя. Около того же времени Посошковъ, разсматривая худое состояніе воинскаго дѣла, подалъ предложеніе «О ратномъ поведеніи» боярину Головину. Въ этомъ письмѣ Посошковъ говоритъ о различныхъ родахъ войска, объ оружіи, о необходимости ученія стрѣльбы въ цѣль и о содержаніи солдатъ; упоминаетъ о походахъ Голицына въ Крымъ, объ Азовскихъ походахъ, о Нарвской битвѣ; далѣе Посошковъ предлагаетъ довольно подробную роспись расходовъ при содержаніи войска. Наконецъ онъ выражаетъ надежду, что Петру сдѣлаются извѣстными его предложенія о преобразованіи войска. — Отъ воинства Посошковъ переходитъ къ духовенству и въ 1703 году подаетъ блистателю патриаршаго престола, Стефану Яворскому, «Доношеніе о духовныхъ дѣлахъ», т. е. объ улучшеніи быта духовенства и нравственности народа. Сюда вошли: жалобы на невѣжество духовенства, которое не въ состояніи было разумѣть коренныхъ началъ христіанскаго ученія и чрезъ то поддерживало грубое невѣжество въ народѣ, лишая его религіознаго наученія, и проекты о распространеніи просвѣщенія въ духовенствѣ. Онъ требуетъ, чтобы начальство имѣло строжайшій надзоръ за духовными лицами, предписывало имъ надлежащее исполненіе обязанностей, составляло точныя правила о томъ, какъ исповѣдывать, учить народъ и пр. Тутъ же Посошковъ заводитъ рѣчь вообще о первоначальномъ воспитаніи дѣтей, обличая неразумныя злоупотребленія въ этой родительской обязанности. Въ заключеніи молитъ «великаго Архіерея не отринуть сего доношенія»¹⁾. Извѣстны еще двѣ записки Посошкова, адресованныя Стефану Яворскому же. Одна озаглавлена впоследствии: «Проектъ о школахъ» и трактуетъ о рациональной, съ точки зрѣнія Посошкова, постановкѣ школьнаго дѣла на Руси, объ увеличеніи училищъ, о необходимости для Россіи даже высшихъ учебныхъ заведеній, академій. Въ другой запискѣ Посошковъ говоритъ о вѣрѣ, объ отношеніи къ расколу, о необходимости образованія въ духовенствѣ. Вообще по содержанію эти записки напоминаютъ первое доношеніе. Списки этихъ двухъ записокъ составляютъ особый сборникъ, хранящійся въ библиотекѣ Академіи Наукъ (№ 102). Въ 1718 году, послѣ выпуска новыхъ монетъ, Посошковъ написалъ доношеніе государю «о новоначинающихся

¹⁾ Автографъ этого Доношенія хранится въ Москвѣ, въ Синодальной типографской библиотекѣ.

деньгахъ, изъявивъ, что деньги вельми къ воровству способны». Доношеніе это не сохранилось, но на него ссылается самъ Посошковъ (Соч. Пос. I, 250).¹⁾

Къ послѣднимъ годамъ жизни Посошкова относятся три самыхъ обширныхъ и замѣчательныхъ сочиненія Посошкова. Около 1709 года онъ написалъ «Зерцало очевидное», представляющее, въ полной редакціи, сборникъ двухъ громаднхъ полемическихъ сочиненій — противъ раскольниковъ и противъ лютеранъ. Къ 1719 году Посошковъ написалъ «Завѣщаніе отеческое къ сыну». Наконецъ, за годъ до смерти, въ 1724 г., онъ окончилъ послѣдній безсмертный свой трудъ: «Книгу о скудости и богатствѣ, сіе есть изъявленіе отъ чего приключается скудость и отъ чего гобозвѣтее богатство умножается». «Утаенно отъ зрѣнія людскаго тридѣтнимъ трудомъ» писалъ Посошковъ это произведеніе и, предлагая оное «на рассмотрѣніе единаго високонарнаго бѣлаго орла, явнаго правдолюбца, императора Петра», просилъ: «никого ничего не требую, токмо да не явится мое имя ненавистливымъ, завистливымъ людямъ, паче же обидникамъ, ябедникамъ и любителямъ неправды, понеже не похѣбуя имъ писалъ, а аще увѣдать о моей мизерности, то не понустятъ меня на свѣтѣ ни малаго времени жити, но прекратятъ живеть мнѣ»; «за поносное на нихъ слово учинять мнѣ какую пакость» (т. I стр. 258, 213; предисл. къ II т. стр. XXX). Неизвѣстно, дошелъ ли до Петра замѣчательный трудъ Посошкова, только извѣстно, что не укрылось имя Посошкова отъ сильныхъ лицъ, не любящихъ правды: «нашли они въ безсмертномъ сочиненіи уголовныя преступленія, заключили они гениальнаго мыслителя, почтеннаго гражданина за его общепользныя предложенія въ крѣпость, надѣли ему на руки и на ноги кандалы», и умеръ несчастный вдали отъ семьи и отъ людей, съ цѣпями на рукахъ и на ногахъ, на днѣ подземной или подводной темницы!» Такъ въ теплыхъ выраженіяхъ оплакиваетъ горькую судьбу Посошкова, павшаго жертвою своей ревности къ общему благу, Погодинъ, впервые и извлекающій это славное русское имя изъ забвенія.

¹⁾ Изъ мелкихъ сочиненій, связываемыхъ съ именемъ Посошкова, извѣстны еще: Записка 1725 года, или два проекта о религіозно-нравственномъ образованіи народа и объ умноженіи народнаго богатства; и «Отеческое завѣщательное поученіе посланному для обученія въ дальнія страны сыну». Впрочемъ, принадлежность этихъ двухъ сочиненій Посошкову опровергнута Погодинымъ и Брикнеромъ.

Народность и живучесть сочиненій Посошкова. — Взглядъ на состояніе русскаго общества во время реформы. Борьба двухъ направленій: привязанность къ старинѣ и влеченіе къ новизнѣ. — Направленіе Посошкова.

Посошковъ происходилъ изъ среды народа и въ своихъ сочиненіяхъ является какъ полный его представитель. Счастливая въ этомъ отношеніи судьба Посошкова доставила ему полную возможность гораздо болѣе другихъ всесторонне познакомиться съ состояніемъ Россіи, ближе всмотрѣться въ современное положеніе дѣлъ. По своему происхожденію, отчасти по образованію и вообще по своему положенію, Посошковъ находился въ тѣсной и непосредственной связи съ низшими и средними слоями русскаго общества; съ другой стороны, его промышленныя предпріятія, его знакомство съ высокопоставленными лицами, матеріальная обезпеченность, спеціальныя порученія отъ правительства — давали ему возможность имѣть сношенія съ органами управленія, съ высшими кругами общества. Будучи лишентъ всякаго правильнаго образованія и вращаясь преимущественно въ средѣ своего брата — людей не книжныхъ, Посошковъ въ то же время имѣлъ сношенія съ современными представителями русской науки, каковы: Стефанъ Яворскій, Дмитрій Ростовскій и др. Испытавшій даже на себѣ, какъ увидимъ послѣ, давленіе русскаго неподвижнаго старообрядства, онъ въ то же время близко знакомъ былъ и съ противоположнымъ направленіемъ проникавшаго на Русь лютеранскаго либерализма, имѣлъ связи съ проводниками вольнодумства на Руси и т. д. Словомъ, Посошковъ все видѣлъ, ему было все извѣстно, все совершалось у него на глазахъ. Онъ могъ, поэтому, всмотрѣться подробно въ разныя задачи и порядки администраціи, законодательства, во весь строй соціальной, религіозной, нравственной и умственной жизни современнаго общества. И все, что дѣлалось въ различныхъ сферахъ русской жизни, что такъ или иначе затрогивало интересы народа, обсуживалъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ. Онъ писалъ о томъ, что происходило предъ глазами всего народа, касалось непосредственно его, въ чемъ

живо былъ заинтересованъ каждый членъ общества; онъ старался установить взглядъ на тѣ предметы, которые волновали общество; изображалъ тѣ злоупотребленія, которыя тяготѣли надъ русскимъ народомъ; выводилъ наружу тѣ бѣдствія, отъ которыхъ стоналъ русскій народъ, на которыя готовъ былъ пожаловаться всякій русскій человѣкъ. Посошковъ предлагалъ мѣры, проекты къ избѣжанію зла и удовлетворенію народныхъ потребностей, указывалъ выходъ изъ тѣхъ затрудненій, въ которыхъ очутились русскіе люди. Это опять-таки не было плодомъ какихъ либо теоретическихъ умствованій на почвѣ чужеземной науки, а было просто произведеніемъ здраваго народнаго смысла, смѣлыми соображеніями смѣтливаго крестьянина о томъ, какъ и что ему казалось лучше, какъ и чему научилъ его жизненный опытъ. Посошковъ въ подробныхъ чертахъ нарисовалъ идеаль челоѣка-христианина, занимающаго то или другое положеніе въ обществѣ, и идеаль этотъ вышелъ всецѣло жизненнымъ; онъ нарисованъ чисто народными красками; въ немъ живо отразились идеальныя представленія здравомыслящихъ русскихъ людей, современныхъ Посошкову. Словомъ, Посошковъ писалъ изъ среды народа и какъ бы отъ лица народа; сочиненія его вызваны были самою жизнью и являются порожденіемъ своего времени.

Являясь въ своихъ сочиненіяхъ представителемъ цѣлой народности, сыномъ своего времени, Посошковъ обладалъ вполнѣ и личными качествами, потребными для почетной роли народнаго представителя. Кроме умственныхъ средствъ Посошкова, о чемъ мы уже говорили, стоитъ обратить вниманіе на его глубокій патриотизмъ, любовь къ отчизнѣ, преданность своему государю, полнѣйшее и безкорыстнѣйшее желаніе имъ всякаго блага и доходящее до самоотверженія стремленіе принести имъ свою сильную помощь. Какія, въ самомъ дѣлѣ, были побужденія къ его писательству? Если и теперь появленіе подобныхъ выходцевъ обличителей изъ среды простаго народа вещь вовсе не обыкновенная, тѣмъ болѣе это было необыкновенно во время Посошкова, когда русское общество, въ лицѣ даже высшихъ своихъ представителей, еще вовсе не привыкло и боялось всякой публицистики, когда всякій, особенно «мизерный» Посошковъ, могъ имѣть справедливыя опасенія поплатиться за свое дерзновеніе. Только крайняя злоба дня съ одной стороны и искреннѣйшій патриотизмъ Ивана Тихоновича съ другой — могли побудить его взяться за перо! «Страшень ми», признается онъ, «сей глаголъ, что дерзнулъ

о дѣлѣ великомъ писати, но презѣльная моя горячесть понудила ми на сіе дѣло: Богъ ми свидѣтель, что не ради какого поисканія, или прибытка желая себѣ, но токмо самми ради любви, юже имѣю къ Его Императорскаго Величества самодержавію. Ибо я отъ юности своей бѣхъ таковъ, что лучше ми каковую либо пакость понести, нежели видя что неполезно, умолчати» (I, 215). «Свидѣтель ми есть Богъ, еже азъ не себя ради сіе писахъ, но токмо ревность моя понудила меня на сіе дѣло. И тако пламень любви къ Его Царскому Величеству воспалился во мнѣ, еже никакая нужда пресѣщи не могла» (стр. 259). При такой преданности своему государю и неукротимомъ стремленіи содѣйствовать ему, Посошковъ, естественно, не могъ равнодушно смотрѣть на самоотверженную дѣятельность Петра, при полномъ равнодушіи, какииъ его дарило устроенное имъ общество. «Видимъ мы вси, какъ Великій нашъ Монархъ трудить себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору еще и самъ-десять тянетъ, а подъ гору миллионы таятъ; то како его дѣло скоро будетъ? И еще кого онъ и жестоко накажетъ, ажно на то мѣсто сто готове». «Откуда не посмотришь, нѣтъ у Великаго Государя прямыхъ радѣтелей, но всѣ криво вѣдутъ». «Вся бо люди и управители нарицаются Царскому Величеству радѣтели и слугами вѣрными наричуютъ себя, а если здравнымъ окомъ посмотришь на нихъ, то всѣ ихъ радѣнія вопреки явятся прямому радѣтельству» (I, 95, 92, 106). Между тѣмъ Посошковъ сознавалъ всю трудность царственнаго дѣла, видѣлъ необходимость для государя помощниковъ, совѣтниковъ изъ среды подданныхъ, которые бы по крайней мѣрѣ останавливали вниманіе его на томъ, что требовало исправленія: «аще бо Государь и великое прилежаніе о дѣлахъ имѣетъ, обаче трудно въ тонкость все познать, понеже человекъ есть; и сего ради потребно ему Государю помощь подавать, елико кто можетъ, и всякіе примѣры на разсудокъ предъ очи его предлагать и о всякомъ дѣлѣ самую истину доносить, а безъ вѣрныхъ помощниковъ трудно (ему) управить» (I, 282). Тѣмъ болѣе, по мысли Посошкова, эта помощь и единодушное сочувствіе нужны были въ преобразованіяхъ, которыми дѣятельно заявлялъ себя царь и которыя ему, оставленному безъ поддержки, «не измѣня древнихъ порядковъ, волико не бившисъ, покинуть прійдется» (I, 95). И вотъ, Посошковъ, побуждаемый такими соображеніями и сознавая въ то же время свою прямую обязанность по-

могать своему государю, ревностно берется за роль царскаго пособника. «Не ради своихъ какихъ прихотей, или поисканія каковаго, а отъ самыя ревности я подвигнулся. Мое намѣреніе то, чтобы мнѣ твоеядцу у Государя не быть и за то-бъ мнѣ отвѣту Богу не дать» (стр. 283). Но въ то же время Посошковъ съ совершеннымъ смиреніемъ сознаетъ свою неподготовленность и недостойнство къ принятому имъ на себя дѣлу и потому всю надежду свою возлагаетъ на Бога: «не постави, Господи Боже мой, сего моего словесе въ осужденіе, еже дерзнулъ.... писати; самъ весь, ни предъ Богомъ, ни предъ царемъ, ни предъ простымъ народомъ чѣмъ неправиленъ; но токмо отъ мнѣнія моего принале желаніе, да негли изъ сего моего изъавленія Богъ израститъ нѣкое исправленіе» (стр. 10). «Ей, Государь, пишетъ онъ Стефану Яворскому, не взыскаія какова желяя подвизаюся, но да вини избѣгну...» (Пр. о школахъ л. 1). «Прошу о прощеніи», пишетъ онъ Головину, «въ моихъ прегрѣшеніяхъ, яже отъ дерзновенія написахъ о дѣлахъ вѣдомыхъ и невѣдомыхъ; елико ми Богъ въ мысль вложилъ не восхотѣхъ умолчати. Писаніе возбѣщаетъ, что Богъ изводитъ честное отъ недостойнаго. Сему примѣняющесе, дерзнулъ и азъ нѣчто изнести, понеже есть жажда Государю.... негли и чрезъ мое непристойство и сухомысліе учинить (Богъ) ему нѣчто полезное и прохладительное». «Того ради я тебѣ Государю и докучаю, Господа ради не возгнушайся моего неразумія и многословія, и разсмотри вся моя изреченія съ прилежаніемъ и кая дѣла полезна узриши и Государю доложи» (т. I стр. 265 и 283).

Взявшись помогать Государю, Посошковъ слѣдитъ за современною жизнію, за потребностями правительства, за всѣмъ, «въ чемъ жажда есть великому Государю»; по частнымъ вопросамъ онъ предлагаетъ на обсужденіе государя свои взгляды и мнѣнія, пишетъ особыя доношенія о животрепещущихъ вопросахъ, пишетъ наконецъ цѣлую книгу, полную проектовъ. О чемъ же онъ пишетъ, во имя чего ратуетъ, какаѣя объединяющая идея всѣхъ его мнѣній и проектовъ? — «Не хитрости ради, не киченія ради, или самохвальства начахъ строити и естроихъ (свои сочиненія), но отъ самыя любви побожныя потрудихся для общія пользы... Азъ бо, аще и грѣшенъ есмь паче всѣхъ человекъ, обаче *любитель есмь правды и видя правду отвержену, возжелалъ тую обьявити*, елико ми Богъ даровалъ» (т. II стр. 271 и 216), — такъ отвѣчаетъ на поставленные вопросы самъ Посошковъ. Итакъ, онъ преслѣдуетъ об-

щую пользу всѣхъ, онъ ратуеть за пошираемую часто правду. Цѣль его стремленій — «ради сама я правды такъ учинить, чтобы какъ богатымъ и сильнымъ, такъ и убогимъ и маломочнымъ безобидно было; чтобы истребити изъ народа неправду и несправности, и насадить прямую правду, водрузить любовь и беззачное житіе народное» (I, 99; II, предисл. стр. XXIX). Съ этою-то цѣлію онъ и предложилъ свои знаменитыя «девять главъ (Книга о скудости и богатствѣ), а вся сія девятирица главъ составляютъ къ насажденію правды, неправды же и всякаго воровства во истребленію; да негли — льстятъ себя Посошковъ надеждою — изъ сего моего изъясненія Богъ израститъ нѣкое исправленіе» (I, 8 и 10). Но Посошковъ сознавалъ всю непосильность своего предпріятія: искорененія неправды во время ея полного господства, когда, по его словамъ, съ одной стороны «древностная неправда одождвала всѣ новыя статьи, колико ихъ не издано», а съ другой — самыя «древніе уставы обветшали и отъ неправыхъ судей всѣ исказились» (I, 96 и 87). Поэтому, всю надежду на успѣхъ онъ поставляетъ въ прямую зависимость отъ воли Вожеіей: только «аще Богъ на ны призритъ и помощь Свою ниспошлетъ, мочно правосудію устроиться у насъ въ Россіи». И Посошковъ молитъ, чтобы «Господь Богъ помощь Свою ниспослалъ, еже бы древнюю страсть неправды искоренити». Въ надеждѣ только на Вожеіе содѣйствіе Посошковъ и излагаетъ свои мнѣнія: «елико ми Богъ помощи Своей ниспослалъ, сія мнѣнія о истребленіи всякія великія и малыя неправды и насажденію правды написахъ» (I, 87, 95, 258 и др.).

Вѣрный своей задачѣ — дѣйствовать во имя правды, въ интересахъ общественной пользы, въ помощь государю, Посошковъ прежде всего хочетъ обратить вниманіе Петра на тѣ прямыя нарушенія справедливости, которыя выносилъ русскій народъ безъ воли и свѣдѣнія о томъ государя. «Едвали сіе право учинено», пишетъ напр. онъ, «еже солдату мундиръ дадутъ, а послѣди за тотъ мундиръ изъ жалованья вычтутъ... Мню я, что Его Императорскому Величеству сіе не весьма извѣстно. Инымъ солдатамъ и по десяти алтынъ жалованья не приходитъ въ мѣсяцъ, о таковой ихъ скудости, чаю, никто Государю не донесетъ, но доносятъ, будто всѣ сыты и всѣмъ довольны» (I, 5 и 32). Перечисляя различныя злоупотребленія въ военномъ вѣдомствѣ, Посошковъ говоритъ: «мню, что Государю о семъ не весьма извѣстно, но дѣлають все правители», которые «аще и съ доклада (царю) дѣлають,

да докладывают не прямо, но только слово у Государя изъ усть вытянуть, да и дѣлають что хотятъ, и запишуть въ указѣ, яко бы по имянному Его Величества указу...» (I, 92). Выставляя на видъ крайнюю нужду русскаго народа въ такихъ насущныхъ потребностяхъ, какъ напр. соль, Посошковъ прибавляетъ: «крестьяне, кои маломочны, всѣ пропадають и отъ безсолины помирають, да никто о томъ Государю не доноситъ, а судьи, хотя и вѣдаютъ, да о томъ они не пекутся, чтобъ люди всѣ цѣлы и здоровы были» (I, 224). Говоря о злоупотребленіяхъ и странномъ корыстолюбіи высшихъ сословій, Посошковъ прямо приводитъ факты, въ которыхъ «дворяне Государя своего обогали» (I, 243) и пр. и пр.

Много усмотрѣлъ Посошковъ въ общественной жизни и такого, что дѣлалось иногда съ вѣдома государя и по требованію существующихъ правилъ, но что уже устарѣло, не мирилось съ современными потребностями, что было тяжело или неполезно для народа, чего не могъ признать Посошковъ здравымъ. Онъ счелъ своею обязанностію обратить вниманіе государя на эти порядки, обстоятельно объясняя ихъ неумѣстность. «Мелочной сборъ по деньгѣ на рубль моему мнѣнію противенъ, понеже...» — слѣдуетъ подробное изложеніе доказательствъ. Вооружаясь противъ предпочтенія, оказываемаго иноземцамъ предъ Русскими, онъ говоритъ: «въ російскихъ нашихъ правителяхъ есть разсужденіе на сіе дѣло самое нездравое, ибо...». «Дворяне земли раздѣляютъ частей на десять и больше, такое обыкновеніе весьма нездраво...». «И сіе не только не право, но и весьма гнило, еже земляжъ достовѣрнаго измѣренія и межь не сдѣлано...». «Сей судъ, еже престолюдину обиды своей на солдата у солдата-жъ милости просить, мнѣ мнится не весьма правъ». Доводывая неудобство нѣкоторыхъ правилъ Уложенія, способствовавшихъ волокитству въ судебныхъ дѣлахъ, заключаетъ: «мнѣ ся мнить: тыи статьи стараго Уложенія надлежитъ оставить и сдѣлать такъ...». «Въ старомъ Уложеніи напечатано, еже сажать за вину въ тюрьму года на четыре и больше, и та статья мнѣ возмнилась весьма непристойна...». «И нынѣшній указъ о нищихъ учиненъ не весьма здраво...». «И сіе не право дѣется: дозорщичи описываютъ деревни, и въ глаза (ихъ) не вдавъ...» (I, 220, 145, 7, 43, 103, 110, 192) и пр.

Вмѣсто многихъ порядковъ, отвергаемыхъ Посошковымъ, какъ нездравыхъ, отжившихъ свои дни, онъ, въ помощь законодателю и ради

блага народного, предлагает свои мѣры, новые морядки, болѣе справедливыя, по его мнѣнію, и болѣе цѣлесообразныя въ жизни государственной.

Высказанныя сейчасъ общія соображенія о жизненности и значеніи сочиненій Посошкова ближе всего относятся къ политико-экономическому труду Посошкова, къ его Книгѣ о скудости и богатствѣ. Но то же должно сказать въ частности и о другихъ сочиненіяхъ его, болѣе специальныхъ по своему содержанію и не имѣющихъ столь всесторонняго отношенія къ дѣйствительной современной жизни. Зерцало очевидное представляетъ собою исключительно богословское сочиненіе, въ которомъ, какъ и въ Доношеніи къ Стефану Яворскому, Посошковъ ратуетъ противъ страшнаго зла русской церковной жизни, чрезмѣрно усилившагося при Петрѣ, — противъ раскола и протестантскаго вліянія. Такимъ образомъ, какъ видно уже изъ главнаго предмета, сочиненіе это было по меньшей мѣрѣ современно, служило отвѣтомъ на прямой вопросъ времени. Опытю дознавъ Посошковъ всю опасность «антихристіанской прелести раскола». Это сознаніе еще болѣе усилилось въ немъ при видѣ засвидѣтельствованнаго имъ полнаго безсилія и умственной скудости лицъ, призванныхъ, по своему положенію, хранить чистоту вѣры. И вотъ онъ, не смотря на присущее ему сознаніе своего недостойнства, «яко неукъ есмь и неразуміе мое явно есмь, яко прстець есмь» и «по самому бытію моему не мое сіе дѣло», но припоминая прошеніе Златоуста, «еже бы мы, и простолудинове суще, тщаніе имѣли неоскудное о наставленіи заблудшихъ», рѣшается, «призвавъ Бога на помощь», подвигнуться «о подъятіи и исправленіи погибающихъ членовъ, падшихъ въ расколъ» (Зерц. очев. ркп. л. 8). Плодомъ этой рѣшимости было Зерцало. Посошковымъ движетъ въ данномъ случаѣ та же его искренняя приверженность къ своей отчизнѣ, съ ея святою, чистою вѣрою, неподдѣльная любовь и сожалѣніе о своихъ братьяхъ, «отпадшихъ отъ матери своея Святыя Церкви и подпадшихъ царству діавола»; имъ движетъ, наконецъ, и тутъ та же высокая ревность и благородное возбужденіе: «токмо една мя ревность на таковое великое дѣло подвиже. Богъ меня на сіе дѣло возбудилъ, буди Его Божія воля. Единъ бо есмь талантъ прія, потолику и трудихся» (л. 9). — Завѣщаніе отеческое носитъ также характеръ богословскій и относится къ назидательной литературѣ. Не говоря уже о томъ, что въ этомъ сочиненіи встрѣчается подробное раскрытіе мыслей Посошкова объ администраціи, судопроизводствѣ, о солдатахъ, крестьянахъ и пр., какъ и въ Книгѣ о

скудости и богатствъ, оно имѣеть едва ли не болѣе всѣхъ громадное историческое значеніе, потому что въ немъ мы находимъ полный катихизисъ, подробную догматику и вѣнку набожнаго русскаго человѣка ко времени Петра Великаго; здѣсь находимъ изображеніе идеаловъ этого человѣка, въ высшей степени предусмотрительную программу жизнедѣятельности, составленную религіознымъ древне-русскимъ человѣкомъ, подъ вліяніемъ уже и новаго порядка вещей.

Историческое значеніе литературныхъ произведеній точнѣе и ближе опредѣляется обыкновенно болѣе или менѣе непосредственнымъ отношеніемъ ихъ къ современной исторіи. Чѣмъ болѣе публицистъ въ своихъ сочиненіяхъ обращаетъ вниманія на жгучіе запросы своего времени, чѣмъ болѣе онъ касается общаго теченія современной исторіи; тѣмъ болѣе историческаго смысла и цѣны получаютъ его произведенія. Всѣ наивѣстнѣея намъ сочиненія Посошкова, при всей разнохарактерности ихъ содержанія, имѣють важное историческое значеніе, потому что, какъ мы сказали, они были вызваны самою жизнію, изъ нея брали свое содержаніе и цѣлю свою имѣли удовлетвореніе насущныхъ, жгучихъ потребностей. Но чтобы ближе видѣть отношеніе сочиненій Посошкова къ современной жизни и такимъ образомъ уяснить историческое ихъ значеніе, мы неизбежно должны разсматривать ихъ въ связи съ состояніемъ тогдашняго русскаго общества и опредѣлять напередъ точку зрѣнія Посошкова, принятое имъ общее направленіе.

Посошковъ жилъ и писалъ въ замѣчательнѣйшую эпоху русской исторіи: на его глазахъ совершалось великое дѣло всесторонняго преобразованія Россіи; онъ, слѣдовательно, непосредственно испытывалъ, вмѣстѣ съ своими современниками, всю тяжесть и силу историческаго переворота; въ его сочиненіяхъ нужно искать отображеніе первоначальныхъ впечатлѣній здравомыслящаго русскаго человѣка въ виду многочисленныхъ нововѣдъ.

XVIII-й вѣкъ открывається на Русь всеобъемлющею реформой государственнаго устройства. Начало его, названное эпохою преобразованій, имѣеть смыслъ если не всецѣлаго, кореннаго разрыва между старымъ и новымъ, то ускореннаго перехода Россіи отъ ея обособленнаго существованія къ непосредственному общенію съ Европой. Ко времени Петра Великаго по разнымъ отраслямъ государственнаго устройства стало уже обнаруживаться

недовольство настоящим и стремление къ нововведеніямъ. Лучшіе русскіе люди путемъ вѣковаго опыта дошли до убѣжденія, что для лучшаго благоустройства и процвѣтанія Россіи въ средѣ другихъ европейскихъ государствъ необходимо ближайшее знакомство съ ними, необходимо заимствование плодовъ западной цивилизаціи. Какъ ни преданъ былъ Алексѣй Михайловичъ праотческимъ обычаямъ, всетаки уже и онъ допустилъ въ своемъ дворѣ нѣсколько новыхъ западныхъ обычаевъ, каковы: новыя увеселенія, переводъ иностранныхъ журналовъ и т. п. Петръ Великій, посланный провидѣніемъ довершить необходимое для блага Россіи ея всецѣлое преобразование, дать народу русскому болѣе живое и обширное образованіе умственное и общественное, началъ рѣшительно и радикально устроить Россію по образцамъ и началамъ западно-европейской гражданственности. Но не могъ, разумѣется, этотъ переходъ Россіи отъ ея древней исторіи къ новой совершиться безъ болѣзненныхъ явленій, безъ сопротивленія, безъ борьбы. Уже съ начала обнаруженія первыхъ реформаторскихъ попытокъ въ эпоху, предшествовавшую еще Петру, явился громадный процентъ людей, для которыхъ старое было идеаломъ и совершеннаго, и прекраснаго; съ самаго начала въ обществѣ обнаружилось уже раздвоеніе новыхъ стремленій съ старыми убѣжденіями, раздвоеніе, какъ признакъ и задатокъ разигравшейся потомъ въ громадныхъ размѣрахъ борьбы между старымъ и новымъ началами. Само правительство, только при Петрѣ впервые сознательно вступившее на путь реформы, доселѣ дѣйствовало въ этомъ отношеніи безотчетно и во всякомъ случаѣ высказывалось въ пользу народнаго большинства; оно даже поддерживало поборниковъ старины, побуждаемое къ тому если не слѣпою приверженностію къ старинѣ, то опасеніемъ, чтобы съ латинскаго запада не пришло къ намъ чего нибудь вреднаго, противнаго пользамъ государственнымъ, опаснаго для чистоты древне-русскаго православія. Такъ уже во 2-й половинѣ XVII вѣка отчужденіе Россіи отъ Европы старательно охранялось государственными мѣрами: въ 1675 году вышелъ указъ, запрещающій, подъ опасеніемъ опалы, «перенимать иноземскихъ, нѣмецкихъ и иныхъ извѣчаевъ» (Пол. соб. зак. т. I № 607). Діаметрально измѣнилась политика русскаго правительства при Петрѣ. Смѣло, часто путемъ принужденія, шло оно отъ преобразования къ преобразованію; но за то съ точностію опредѣлилось и во всей силѣ обнаружилось теперь противоположное направленіе приверженцевъ старины: борьба стараго

порядка съ новыми достигла высшей степени напряженія. Русское общество рѣзко раздѣлилось на два враждебныхъ между собою лагеря. Масса простаго народа стала въ оппозицію всякимъ нововведеніямъ и составила собою партію защитниковъ стараго порядка. Другую противоположность составили люди, сочувствующіе новому строю жизни, приверженцы нововведеній, принятыхъ со стороны, заимствованныхъ отъ иностранцевъ.

Въ этотъ-то рѣшительный моментъ общественнаго раздѣленія и борьбы стараго направленія съ новыми стремленіями жилъ Посошковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что его болѣе чѣмъ всякаго другаго интересовала круговоротъ современной жизни, разрозненность народныхъ стремленій, декодищая до партійной борьбы. Но напрасно бы мы стали искать въ его сочиненіяхъ духа этой партійности. Посошковъ сохранилъ, насколько это было возможно, безпристрастіе среди общаго возбужденія и увлеченія; свѣтлымъ, непредубѣжденнымъ взоромъ смотрѣлъ онъ на новыя перемѣны и потому остался свободенъ отъ увлеченія крайностями. Его не увлекало безотчетно ни усилившееся стремленіе къ новизнѣ, ни усиливающаяся въ своей закоренѣлости привязанность къ старинѣ. Онъ создавалъ хорошее того и другаго направленія, но въ то же время видѣлъ и худшія ихъ стороны. Поэтому Посошковъ и въ сочиненіяхъ своихъ не высказался рѣшительно въ пользу того или другаго направленія, какъ, съ другой стороны, воздержался и отъ огульнаго осужденія каковаго либо изъ нихъ. Симпатіи Посошкова высказываются только усвоеніемъ хорошаго въ томъ и другомъ направленіи. Въ большинствѣ случаевъ являясь представителемъ набожнаго старо-русскаго человѣка, Посошковъ въ то же время является человѣкомъ новаго времени, сотрудникомъ великаго реформатора. Разматриваемый съ точки зрѣнія стараго времени, Посошковъ является выходцемъ, членомъ новаго общества, но въ рядахъ этого послѣдняго Посошковъ далеко не раздѣляетъ крайняго увлеченія рьяныхъ заданниковъ и остается человѣкомъ отсталымъ, старинъ ригористомъ. Съ одной стороны, онъ жаждетъ усвоить все хорошее изъ указаннаго Петромъ, напр. научное образованіе, новый строй государственной жизни и пр.; съ другой — стремится сохранить и все доброе, выработанное многолѣвовой жизнію русскаго народа, какъ напр. его благочестіе, религіозность, уваженіе къ духовенству и пр. Въ политическихъ, гражданскихъ убѣжденіяхъ Посошковъ является всецѣло новаторомъ; въ убѣжденіяхъ же религіозно-нравственныхъ, оказавшихъ въ большинствѣ

русскихъ людей удивительную силу, неподвижную стойкость, живучесть, и Посошковъ остается тѣмъ же древне-русскимъ раскольникомъ, только безъ крайностей и заблужденій послѣдняго, остается проновѣдникомъ той же обрядности, того же строгаго православія, старой вѣры. Само собою разумѣется, эти, въ своемъ родѣ, тоже крайности въ направленіи Посошкова — тяготѣніе къ новымъ условіямъ жизни и привязанность къ старинѣ — у него взаимно примирялись и утѣрялись. Какъ сынъ старой Россіи, онъ напр. упорно отстаиваетъ всё и мелочи старой обрядности; а какъ человѣкъ новаго склада, какъ новаторъ, онъ старается сгладить традиціонныя возрѣшія напр. на науку, на иностранцевъ и т. п.; сообщаетъ и старинѣ русскимъ возрѣшій совершенно новый духъ, новый характеръ, старается придать всему внѣшнему, обрядовому новый для русскихъ людей, дотолѣ несознаваемый и смутно представленный смыслъ, высшее духовное значеніе. Такимъ образомъ, Посошковъ является примиряющимъ два крайнія направленія, является представителемъ того бытъ можетъ немногочисленнаго разряда здравомыслящихъ русскихъ людей начала XVIII вѣка, которые служили посредниками и соединяли собою увлекшихся въ крайностяхъ соотечественниковъ въ одну народность. Здѣсь припоминаются слова Посошкова, обращенныя къ сыну: «не склоняйся ни на шую, ниже на мнимое десно»; нельзя не узнать здѣсь въ высшей степени удачной характеристикѣ направленія самого Посошкова!

Во всякомъ случаѣ, это среднее между крайними направленіе Посошкова является громаднымъ достоинствомъ, благодаря которому въ его сочиненіяхъ мы имѣемъ правдивыя историческія мемуары внутренняго состоянія Россіи, начертанныя безпристрастнымъ современникомъ. Это не партизанъ, смотрящій на современность изъ подъ извѣстнаго угла, а честный, правдивый историкъ, который рисуетъ предъ нами общественную жизнь въ ея главнѣйшихъ проявленіяхъ, со всѣми язвами, застарѣвшими уже при прежнихъ порядкахъ дѣлъ и вновь открывавшимися подъ вліяніемъ новыхъ болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ измѣненія. «Въ російскомъ народѣ», пишетъ Посошковъ въ просьбѣ, приложенной къ Книгѣ о скудости и богатствѣ, «присмотрѣхъ, яко многое множество содѣвается неправды и всякихъ несправностей. Того ради возжелахъ о достовѣрныхъ и слышанныхъ и мнимыхъ дѣлахъ предложить изъясленіе» (т. II стр. XXVIII). Такимъ образомъ, сочиненія Посошкова есть живая картина Россіи при Петрѣ Великомъ, съ ея нуж-

дами и запросами. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ выразившіеся въ сочиненіяхъ Посошкова отношеніе Русскихъ къ иностранцамъ и здравый взглядъ Посошкова на сущность раскола. Иностранцы и расколъ — эти два пункта съ особенною рельефностію выступаютъ въ сочиненіяхъ Посошкова. И въ этомъ нельзя не видѣть главнѣйшее доказательство современности и жизненности сочиненій Посошкова, такъ какъ эти два пункта служили въ то время противоположными полюсами, между которыми колебалось русское общество, то совершенно отдаваясь подъ опеку иностранцевъ, то раскольнически закупоривался въ своей національности. Сохраняя себя свободнымъ отъ безотчетнаго пристрастія къ тому или къ другому направленію, Посошковъ наводилъ свои сочиненія дѣльными и рѣзкими укоризнами и обличеніями какъ иностранцевъ съ ихъ русскими подражателями, такъ и переступившихъ границы отчужденія отъ всего новаго своихъ соотечественниковъ современниковъ.

Итакъ, вопросъ объ общемъ направленіи Посошкова и объ отношеніи его къ двумъ крайнимъ партіямъ того времени можно рѣшить, на основаніи его сочиненій, съ достаточною опредѣленностію. Несомнѣнно, Посошковъ остался свободенъ отъ полнаго слѣдованія какому либо изъ двухъ крайнихъ направленій того времени, онъ не принадлежитъ всецѣло ни къ старовѣрамъ, ни къ безусловнымъ новаторамъ, онъ держитъ середину между тѣми и другими, идетъ своею дорогою. — Какъ же Посошковымъ пройденъ этотъ путь, насколько удовлетворительно выдержано имъ избранное направленіе?

Нельзя сказать, чтобы среднее направленіе между старинною и новизною проведено было Посошковымъ безукоризненно, безъ всякихъ неровностей, что всегда и вездѣ одинаково успѣшно ему удавалось избѣгать недостатковъ завѣдомо шуй стороны и мнимой правоты пути деснаго. Въ частностяхъ и отдѣльныхъ случаяхъ мы находимъ у Посошкова очень много невыдержаннаго, непоследовательнаго, слишкомъ замѣтную смѣсь въ понятіяхъ и взглядахъ. Часто Посошковъ удивляетъ высокими и слишкомъ смѣлыми въ его положеніи мыслями, новыми идеями; за то еще чаще встрѣчаются у него и такія старинныя требованія и рутинныя воззрѣнія, которыя являются какъ будто даже недостойными Посошкова, непріятно поражаютъ въ его сочиненіяхъ. Съ одной стороны, взгляды, изобличающіе въ Посошковѣ чловѣка въ высшей степени здравомыслящаго, новаго: съ другой — взгляды, выдающіе въ Посошковѣ

древняго простеца и старовѣра. Многія частныя стороны религіозныхъ везарій Посошкова и его соціальныхъ идеаловъ показываютъ, какъ мы могли увидѣть, что Посошковъ далеко не всегда умѣло и равномѣрно сочеталъ новыя понятія съ старыми требованіями, новое содержаніе съ древнею формою, что онъ часто смѣшивалъ великое съ ничтожнымъ, серьезное съ смѣшнымъ, существенно важное съ безразличнымъ, что онъ съ неменьшимъ уперствомъ гонялся за обрядомъ, какъ и за одушевляющимъ его смысломъ, въ регламентаціи выраженій вѣщнаго богопочтенія и нравственныхъ поступковъ постоянно переходилъ въ древне-русскую крайность точиѣйшихъ и подроубѣйшихъ предписаній. Нельзя конечно ставить Посошкова въ упрекъ его обрядоваго направленія настолько, насколько обрядъ необходимъ для выраженія известной идеи, того или другаго духовнаго настроенія, насколько форма необходима, какъ оболочка даннаго содержанія; но дѣло въ томъ, что Посошковъ часто переходитъ законную, разумную мѣру формализма, — весь, такъ сказать, уходитъ въ обрядность и, съ често стариннымъ русскимъ обычаемъ и съ видимою охотою, распоряжается въ этой области, какъ въ чемъ-то самостоятельномъ; онъ выставляетъ мелочныя требованія древне-русской обрядности, какъ нѣчто само по себѣ существенное, безусловно обязательное; онъ часто не обрядъ подставляетъ къ выраженію известной идеи, а наоборотъ къ готовому уже обряду силится привязать известное движеніе души, не форму полагаетъ необходимою для содержанія, а скорѣе существованіе уже готовой, неизмѣнной формы, какова бы она ни была, обуславливаетъ для него необходимость подыскать къ ней какое нибудь содержаніе. Все это служитъ знакомъ того, что Посошковъ всетаки не избѣжалъ безусловно тѣхъ крайностей, которыхъ въ принципѣ онъ видимо берегся, что онъ всетаки далеко заходилъ въ область старовѣрческаго направленія, подчасъ повторяя излишнія требованія послѣдняго и уже болѣе или менѣе насильственно связывая ихъ съ новыми идеями, внушенными вліяніемъ другаго направленія, усвоенными изъ новыхъ началъ.

Причину такой невыдержанности взгляда и смѣшенія понятій въ сочиненіяхъ Посошкова нужно искать не столько въ личности самого Посошкова, сколько съ одной стороны въ характерѣ вообще того неустойчиваго, переходнаго времени, а съ другой — въ личныхъ обстоятельствахъ жизни Посошкова и условіяхъ его писательства. Прежде всего, Посош-

когда представлять собою въ этомъ случаѣ интереснѣйшій типъ современника великой реформы русскаго царства, на которомъ мы наглядно можемъ наблюдать столкновенію двухъ направленій, порожденныхъ реформою, когда новина, привнесенныя начала дѣятельно вторгались въ жизнь на сибѣну тогда еще слишкомъ живучихъ началъ старинъ; когда умственный и нравственный другезоръ русскаго человѣка представлялъ собою хаосъ часто противорѣчивыхъ взглядовъ и убѣжденій; когда болѣе или менѣе случайно сохраненное изъ стараго и схваченное изъ новаго, иногда при всей своей несовѣстности, могло мирно уживаться въ одной и той же головѣ. Словомъ, Посошкова представляеть собою любопытнѣйшій экземпляръ тѣхъ русскихъ людей, которые, будучи торопимы реформою, еще не свѣдѣлись съ новыми положеніемъ, не успѣли сполна осмотрѣться, во все вдуматься, дать отчетъ въ своихъ воззрѣніяхъ и идеалахъ, подвергнуть критику разсудка и упорядочить свое новоприобрѣтенное умственное и нравственное богатство. — Съ другой стороны, причину сбивчивости и неравновѣсія въ понятіяхъ Посошкова нужно видѣть въ обстановкѣ и обстоятельствахъ его жизни, въ крестьянствѣ, лишившемъ Посошкова правильной школьной подготовки, научнаго теоретическаго образованія, которое единственно и могло сообщить полную отчетливость его понятіямъ, дало бы возможность ему ориентироваться въ массѣ противорѣчивой и крайностей своего бурнаго времени. Но за то тамъ же, въ той же обстановкѣ и житейскихъ условіяхъ можно отчасти усматривать ту, хотя и отрицательную, силу, которая воздержала Посошкова отъ всецѣлаго увлеченія крайностями и упрочила за Посошковымъ именно безопасный путь середины. Посошковъ не видалъ школы, не имѣлъ возможности ближе ознакомиться съ европейскою цивилизаціею, а потому и не могъ усвоить какъ того поверхностнаго образованія, которое кружило головы русскимъ новичкамъ, приготавлиая изъ нихъ большой процентъ модныхъ западниковъ, такъ и научныхъ подробностей солиднаго образованія, борьбы богословскихъ направленій, въ расходящіяся разности которыхъ почти невольна уклонялась мысль напр. такихъ великихъ ученыхъ людей времени, каковы Стефанъ Яворскій, Теофанъ Прокоповичъ, Татищевъ и др. Правда, всякія крайности, гдѣ бы и въ чемъ бы онѣ ни проявлялись, для неученныхъ, темныхъ людей бывають въ жизни, на практикѣ, наиболѣе опасными и заразительными. Но въ этой-то именно области, т. е. на почвѣ практической жизни, и былъ непоколебимо силенъ Посошковъ.

И между тѣмъ какъ его сильный и энергичный умъ во всеоружіи науки и образованія, очень можетъ быть, склонился бы къ отшельной, снѣлой работѣ и, пожалуй, легко бы поддавался крайнимъ увлеченіямъ; его только нравственная, крѣпкая русская снѣтливость, его только природный мощный смыслъ, сдерживаемый неотступнымъ сознаніемъ своей темноты, незначности, спасли Посожкова отъ крайностей, обусловили для него срединный путь и только болѣе и болѣе закалили въ немъ стойкіе «яко на камнѣ» въ томъ, что лучшаго дастся другими, что предлагается «богочреданіями и разумѣтельными нуждами».

Болѣе близкое знакомство съ сочиненіями Посожкова нагляднѣе выяснитъ намъ направленіе Посожкова, золотую средину, избранную имъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ту встрѣчающуюся смѣсь неустановившихся взглядовъ и понятій, которая унаслѣдована была Посожковымъ отъ своего времени и обличаетъ въ немъ человѣка переходной эпохи.

Характеръ сочиненій Посошкова. — Религіозный элементъ въ сочиненіяхъ Посошкова, какъ существенный пунктъ, связующій ихъ съ древнѣмъ періодомъ русской жизни и письменности. — Черты религіозности въ сочиненіяхъ Посошкова. — Характеръ богословскихъ убѣжденій Посошкова. — Практичность, какъ другая воспроизводящая черта въ характерѣ сочиненій Посошкова.

Сочиненія Посошкова, какъ и вообще вся литература времени Петра Великаго, представляютъ собою переходную эпоху древне-русской письменности къ новой литературѣ, подготовительныя работы къ послѣдней, начавшейся съ Ломоносова. Съ одной стороны, сочиненія Посошкова, представляютъ собою послѣднюю стадію въ развитіи древне-русской письменности, завершеніе древней литературы; съ другой стороны, на нихъ лежитъ печать уже новаго времени, въ нихъ проводятся взгляды, которыхъ Посошковъ не могъ унаслѣдовать отъ своихъ отцовъ и предшественниковъ. Особенный интересъ представляетъ это смѣшеніе двухъ элементовъ въ сочиненіяхъ Посошкова, благодаря чему они являются живымъ памятникомъ той исторической эпохи, когда къ старымъ понятіямъ стали пририваться новыя, когда традиціонныя воззрѣнія и убѣжденія начали колебаться подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни и перерабатываться подъ вліяніемъ вновь усвоенныхъ взглядовъ. Это сочетаніе стараго съ новымъ проходитъ чрезъ всё сочиненія Посошкова, проникаетъ всё воззрѣнія и идеалы его, и служитъ источникомъ какъ всѣхъ достоинствъ, возвышающихъ Посошкова, такъ и всѣхъ несовершенствъ, болѣе или менѣе его унижающихъ. Но прежде всего сочиненія Посошкова, независимо отъ ихъ содержанія, драгоценны въ литературномъ отношеніи по ихъ *общему направленію и характеру*. Разматриваемыя съ этой стороны, они представляютъ собою послѣдній памятникъ нашей древне-отечественной письменности; въ нихъ со всею строгостію выдержаны религіозное направленіе и церковный тонъ, выработанные историческою жизнію русскаго народа и характеризующіе всю нашу до-петровскую литературу.

Отсюда, общій характеръ сочиненій Посошкова, составляя самое крупное и замѣтное заимствованіе, сдѣланное Посошковымъ отъ стараго періода русской жизни и литературы, служитъ однимъ изъ интереснѣйшихъ пунктовъ изученія въ нихъ.

Строго-религіозное направленіе Посошкова, набожный взглядъ его на все, глубокое уваженіе къ духовенству, отвращеніе къ иновѣрцамъ, стремленіе къ просвѣщенію народа подъ опекою православія и т. д. — вотъ существенныя характерныя черты въ сочиненіяхъ Посошкова. Все это было также послѣднимъ словомъ до-петровской Руси и въ ней находитъ собою полное объясненіе.

По историческимъ обстоятельствамъ, опредѣляющимъ бытъ Россіи, религіозная стихія преобладала въ жизни русскаго народа; религія была главнымъ двигателемъ, одушевлявшимъ всѣ отрасли жизни; религіозные интересы брали верхъ надъ другими, руководили обществомъ. Отсюда, частію, и все образованіе до-петровское, вся древняя письменность были если не исключительно религіозными, то во всякомъ случаѣ съ преобладающимъ религіознымъ элементомъ. Не говоря о сочиненіяхъ религіозныхъ по самому содержанію, каковы: поученія, пастырскія посланія, полемическія сочиненія и т. п., даже и свѣтскія произведенія древней Руси всецѣло проникнуты были тѣмъ же религіознымъ началомъ. Дѣтописецъ ли записывалъ прошедшій фактъ, извѣстный ли сказатель выступалъ съ нравственною повѣстью, — тотъ и другой имѣли одну общую религіозно-нравственную цѣль, произведенія того и другаго получали неизгладимую печать религіозности. При этомъ припоминается бѣглое, но въ высшей степени характеристичное, замѣчаніе Посошкова, что у русскіхъ людей даже «егда перо и чернила отвѣдывали», невольно подвергивались набожныя выраженія и они писали «по древнему обыкновенію: помилуй мя Боже, или — за молитвъ Святыхъ отецъ нашихъ...» и пр. (Зав. от. 214 с.).

Религіозный характеръ, выработанный, такимъ образомъ, всею исторіею русскаго народа, запечатлѣвшій собою весь умственный строй древне-русскаго человѣка и всю его жизнь, усвоенный всею древне-русскою литературою, съ особенною рельефностію отразился въ заключительныхъ произведеніяхъ древняго періода — въ сочиненіяхъ Посошкова. Религіозный характеръ его сочиненій выразился въ набожности самого Посошкова, насколько она обнаружилась въ сочиненіяхъ, въ нарисованныхъ

нмъ живенныхъ идеалахъ, въ его взглядѣ на иновѣрцевъ, наконецъ, — даже въ тонѣ сочиненій и внѣшней формѣ выраженія.

Было бы повтореніемъ давно извѣстныхъ истинъ пускаться въ подробное изображеніе общаго склада до-петровской жизни, которая породила Посошкова, и той среды, въ которой онъ воспитался, жилъ и дѣйствовалъ. Если крестьянское сословіе, къ которому принадлежалъ по своему происхожденію Посошковъ, и доселѣ отличается особенною силою вѣры и преданностію церкви; то тѣмъ болѣе это должно сказать о крестьянахъ времени Петра Великаго, — времени сильнѣйшаго религіознаго возбужденія, подъ вліяніемъ раскола и иновѣрческихъ вліяній. Посошковъ сохранилъ намъ свидѣтельство (съ которымъ ниже познакомились), что въ его родовой семьѣ крайняя привязанность къ истинной вѣрѣ даже переходила границы благоразумія и являлась суевѣрною, слѣпою привязанностію къ обрядамъ церковнымъ. Какъ бы то ни было, Иванъ Тихоновичъ воспиталъ въ себѣ простосердечную силу вѣры, истинно-смысленную привязанность къ православной церкви, ревностнаго борца за ея славу и чистоту, строжайшаго, неуклоннаго исполнителя ея предписаній и обрядовъ. Такое именно настроеніе Посошкова, бывшее причиною явленія нѣкоторыхъ его сочиненій, каковы: Зерцало очевидное, Доношеніе Стефану Яворскому и даже Завѣщаніе отеческое, всѣмъ вообще его сочиненіямъ сообщило извѣстное направленіе, опредѣлило ихъ строго-религіозный характеръ. Обширное знаніе Священнаго Писанія, обильное и совершенно свободное пользованіе его текстами, самый тонъ — полуцерковный, переполненный словами и оборотами изъ книгъ священныхъ, отеческихъ, богослужебныхъ, уже ставятъ автора этихъ сочиненій на ряду съ представителями нашей отечественной церкви. Религіозныя колебанія, которыя переживалъ Посошковъ въ своей молодости подъ вліяніемъ раскола, имѣли для него, безъ сомнѣнія, то важное значеніе, что, такъ сказать, закалили его въ твердость, непоколебимомъ столпѣ на почвѣ православнаго ученія. По его собственному признанію, онъ остался «твердъ въ истинѣ, твердъ въ вѣрѣ» (Зерцало л. 20 об. и 201), и свою непреклонность «на шую, ниже на мнимое десю» доказалъ энергическими, рѣзкими обличеніями заблужденій раскола и иновѣрія. Искренность же религіозныхъ убѣжденій самого Посошкова, сила его личной вѣры являются въ сочиненіяхъ до осязательности очевидными и несомнѣнными. Поэтому-то чтеніе Посошкова возбуждаетъ невольна самое отрадное, согрѣвающее впечатлѣніе, какое,

обыкновенно, получается отъ знакомства съ человѣкомъ, для котораго чужды сомнѣнія, который вѣруетъ всею силою своего неспорченного сердца, сила убѣжденій котораго неотразимо дѣйствуетъ на слушателя. Завѣщанія Посошкова, своею искренностію, неподдѣльностію чувства, теплотою и силою дѣйствія, становятся въ уровень съ пастырскими посланіями и увѣщаніями древне-русскихъ святителей. Однимъ словомъ, самъ Посошковъ является предъ нами типомъ, приобрѣтшаго всемірную извѣстность своею религіозностію и благочестіемъ, русскаго человѣка; его сочиненія являются типическими для всей древне-русской, почти исключительно религіозной, письменности.

Религіозною настроенностію лично самого Посошкова объясняются и приемы его наставленій, совѣтовъ. Всѣ его сочиненія, какъ мы сказали, испещрены множествомъ текстовъ Священнаго Писанія, и стоитъ обратить вниманіе на то значеніе, которое имѣютъ эти божественныя свидѣтельства въ глазахъ Посошкова. Поразительною представляется эта патриархальная, благоговѣйная преданность его слову Божію, несомнѣнная увѣренность въ божественности, истинности его словъ, готовность исполнять его предписанія, какъ очевидныя велѣнія Самого Бога. Тексты, приводимые Посошковымъ, получаютъ въ его сочиненіяхъ именно силу божественныхъ свидѣтельствъ, являются непреложными истинами, аксіомами, не требующими и превышающими всякія усилія человѣческихъ доказательствъ, являются обыкновенно вѣнцомъ аргументаціи Посошкова. Исключенія могутъ составить только полемическія сочиненія Посошкова, гдѣ по необходимости приходилось, сверхъ доказательствъ отъ Писанія, предлагать и свои «разглаголашныя вѣки доводи». Посошковъ самъ раскрываетъ значеніе приводимыхъ имъ словъ Писанія и свою безусловную вѣру въ ихъ непреложность. «Божій глаголѣ никогда измѣнонъ не бываетъ и умаленія нѣсть ему». «Не изнеможеть глаголѣ ангеловъ», говоритъ на примѣръ Посошковъ, приведя слова ангела Тома: «како-бо онъ изрекъ, тако то и будетъ, понеже онъ отъ Самого Бога посланъ.... Ангели бо Господни никогда не лгутъ; ангелово слово — слово Божіе есть, вѣрно оно есть» (Зерц. л. 12; Завѣщ. 27 и 28 с.). Этому глубоко вѣрующему человѣку представлялось даже невозможнымъ какое либо перетолкованіе записаннаго въ Евангеліи; съ своей строго религіозной точки зрѣнія, онъ даже склоненъ былъ въ принципѣ отвергать всякое самостоятельное отношеніе къ христіанскому ученію и свободное поведеніе

въ дѣлѣ вѣры. Ученіе христіанское, названное въ Евангеліяхъ, какъ слово Самого Бога, не должно допускать никакой возможности сомнѣній и даже только обсужденій: «егда Савѣ Богъ сказалъ, то нечего больше того умннчать...; всако бо людское самоумственное мудрованіе безумство есть предъ Богомъ» (Зорц. л. 202 и 210). Почти такую же безусловную и обязательную силу для Посошкова имѣетъ и ученіе Отцовъ Церкви, свидѣтельства которыхъ приводятся обыкновенно Посошковымъ на ряду съ словами Писанія и непосредственно за послѣдними. Уваженіе его къ Отцамъ Церкви простирается до того, что Посошковъ, повидному, расположенъ къ точному и буквальному выискованію ихъ нѣрѣдко строго-подлинническихъ правилъ, уже ослабленнымъ церковною практикою. Такъ напр., правила отеческія объ зпнтіиіяхъ принимаются Посошковымъ за обязательныя (Завѣщ. 39 с.). Не останавливаясь на церковныхъ правилахъ о постахъ, Посошковъ, на основаніи прнпѣра І. Христа, который «мяса и ялка не ѣлъ, но только рыбу», рекомендуетъ вовсе не ѣсть мяса и рѣзко обличаетъ тѣхъ, которые «по вся дни, яко свнцы, ничто не разсуждан, мясо жрутъ». Такого же точнаго выполненія требуетъ Посошковъ и относительно предписаній церковно-богослужебныхъ книгъ, опредѣляющихъ жизнь вѣрующнхъ. По этому поводу Посошковъ даже упрекаетъ пресвитеровъ въ незнаніи требованій церковныхъ и обнаруживаетъ свою обширную начитанность и въ этой области. Такъ, напр., говоря о нареченіи имени новорожденному, Посошковъ совѣтуетъ сыну: «потнися нарещи имя того святаго, въ оны же день родится младенецъ: то бо пресвитери отъ недознанія своего тако творятъ, еще тпятся нарещи имя того святаго, когото случится по рещеніи въ осмый день, а въ трбннцахъ того не возложено» (Завѣщ. 50 с.). Не ограничиваясь буквальнымъ и неумловнымъ выполненіемъ всѣхъ правилъ и предписаній церковныхъ, Посошковъ желалъ построить жизнь на самыхъ возвышенннхъ, идеальннхъ основахъ; въ ряду его правилъ имъ находимъ повторенія евангельскихъ требованій идеальнаго христіанства, евангельскихъ совѣтовъ. Такъ напр., внѣсть съ правилами о соблюденіи постовъ, предостереженіями отъ воровства и т. п., стоять: «а кто твое похититъ, не возвращай; кто тя ударитъ по ланитѣ, обрати ему и другую» и пр. Въ подтвержденіе своихъ мыслей, Посошковъ часто въ сочиненіяхъ приводитъ рассказы изъ прологовъ, сказанія о чудесахъ и пр., обнаруживая при этомъ безусловную свою вѣру, не допуская и тѣни сомнѣнія

относительно подлинности рассказываемаго. — Посошковъ является строжайшимъ читателемъ всего такъ или иначе касающагося вѣры и церкви. Онъ обнаруживаетъ глубокое благоговѣніе къ церковному богослуженію, особенно къ литургіи, «повеже литургія есть дѣло великое»; съ уваженіемъ относится къ священнымъ предметамъ, составляющимъ принадлежность христіанскаго богослуженія, и на этомъ преимущественно основаніи онъ вооружается противъ лютеранъ, которые «въ плотовой нечистотѣ, яко безсловесный скотъ, въ церковь идутъ и святини касаются» (Завѣщ. 47 с.). Благоговѣнное почитаніе святыхъ угодниковъ Божіихъ, составляющее одно изъ національныхъ прекрасныхъ качествъ русскаго народа, встрѣтило себѣ полное сочувствіе и выраженіе въ Посошковѣ. Онъ старается даже восполнить пробѣлы, усмотрѣнные имъ въ чествованіи этихъ «во плоти херувимовъ», какъ называетъ онъ святыхъ. Такъ, онъ указываетъ на несправедливость вѣрующихъ въ отношеніи къ тѣмъ святымъ, которые «за тяжесть именъ въ презрѣніи бывають: сей бо обычай въ народѣ весьма не правъ, еже имяна давати младенцамъ зваченныя, а дѣиныхъ именъ обѣгаютъ и тѣмъ святымъ презрѣніе чинять напрасно, и не безъ обиды сіе имъ, повеже они такіе же угодники Божіи». Поэтому Посошковъ советуетъ и выражаетъ желаніе, чтобы «никогого имени не обходили, но и тѣмъ бѣ (т. е. съ дѣиными именами) святини славились: овъ бы тезоименника своего образъ нависалъ, имъ бы и церковь во имя тезоименнаго патрона воздвигъ» (Зав. 49 с.).

Какъ человекъ глубоко вѣрующій, Посошковъ, при всемъ сознаніи своей грѣховности «наче всѣхъ человекъ», видимо одушевленъ тою свѣтлою, ободряющею надеждою, которая составляетъ удѣлъ истинно-вѣрующихъ, надеждою «вѣчныхъ благъ, идѣ же православно живымъ христіане пребывать имуть» (Зав. 2 с.). Эта христіанская цѣль жизни руководитъ всѣми дѣйствіями и убѣжденіями Посошкова. «Намъ надлежитъ украшать себя добрымъ правомъ, школьнымъ ученіемъ и христіанскою правдою, между собою любовію и неколебимымъ мостодержаніемъ въ благочестивой христіанской вѣрѣ», чтобы быть «не токмо на земли, но и на небѣ славными» (Соч. Пос. т. I с. 127). Завѣтнымъ желаніемъ его настоящей жизни было «животъ вѣчный наследити», чтобы послѣ христіанской жизни и «христіанскія кончины не лишиться: намъ, въ мірѣ живущимъ, то и надежда наша, еже бы при конциѣ сподобилъ Богъ чисто покаяться и достойнѣ Пресвятаго Тѣла Христова причаститися»;

«Что бо человеку больше сего надлежитъ обрѣсти, токмо еже бы вѣчнаго мученія убѣжати и царствія небснаго наследникомъ быти, а Богъ уже вѣдаетъ, чѣмъ кого надѣлети и какъ кого утѣшити (Зав. 149 и 208 с.).

При своей религіозности и обширной начитанности, Песониковъ является человекомъ, вообще значительно развитымъ богословски. Нельзя при этомъ особенно не показать, что Песониковъ лишенъ былъ всякаго правильнаго, систематическаго воспитанія и теоретической подготовки. Только предварительное школьное обученіе могло бы сообщить ему навыки къ умственному труду и послужить исходною точкою для его самостоятельнаго развитія; и будь поставленъ Песониковъ именно въ такія условія, ни съ увѣренностію предполагаемъ, что песониковская ревность, энергія и любовь къ книжному труду нашли бы исходъ себѣ въ другихъ, болѣе самостоятельныхъ и цѣльныхъ богословскихъ трудахъ. Между тѣмъ, простая только начитанность, естественно, не могла послужить для Песоникова основой къ самостоятельному возвышенному богословствованію, и сообщить ему смѣлость къ свободному умозрѣнію, не могла совсѣмъ оторвать Песоникова отъ книгъ и наинного возвысить его надъ компиляцію. По преимуществу такой именно — компилятивный характеръ и имѣютъ теоретическіе доводы Песоникова, которые, какъ мы уже и говорили, въ большинствѣ случаевъ суть выдержки изъ книгъ священныхъ, отеческихъ и богослужебныхъ. Тѣмъ не менѣе, и въ этой теоретической области крѣпкій природный, по преимуществу практическій умъ Песоникова не всегда и вездѣ довольствуется рабскимъ подражаніемъ: можно замѣтить по мѣстамъ стремленіе Песоникова къ самостоятельности мысли и въ этой несродной для него области. Само собой разумѣется, эти стремленія не могли обнаружиться въ рѣшеніи какихъ либо ствлеченныхъ вопросовъ христіанской догматики: въ этихъ случаяхъ умъ Песоникова, провиннутый полиѣйшимъ сознаніемъ своей невлижности и мизерности, всецѣло преклонялся предъ вѣровъ; эти попытки къ самостоятельному богословствованію можно усматривать въ желаніи Песоникова при всякомъ удобномъ случаѣ разъяснять христіанскіе догматы, разъяснять по своему разумѣнію, хотя и подъ строгою опекою авторитетныхъ руководителей — писаній отеческихъ. Кромѣ малыхъ и весьма часто встрѣчающихся случаевъ поясненія Песониковымъ указываемыхъ имъ основаній для христіанской вѣры и жизни, особенно останавливается на себѣ вниманіе въ этомъ

отношеніи 4-я глава его Записки отеческаго: «о ширевои молении и молитви». Здѣсь, заведя рѣчь о молитвахъ, которыя снѣ его должны «отправлять во вса дни», Посошковъ останавливается на молитвѣ Господней, Богородичной и Символѣ вѣры, и съ замѣтнымъ увлеченіемъ подробно объясняетъ эти молитвы. Говоря далѣе о молитвѣ въ храмѣ, онъ довольно подробно объясняетъ важнѣйшіе моменты литургіи. Правда, эти объясненія напоминаютъ толкованія отеческія, подѣ влияніемъ которыхъ Посошковъ находился, и склоняются въ практическую сторону, представляя собою въ большинствѣ случаевъ непосредственное приложеніе къ жизни; тѣмъ не менѣе востаети, Посошковъ высказалъ здѣсь вои свои религіозныя богословскія убѣжденія, изложилъ всю свою догматику. По поводу раскольническихъ волненій, Посошковъ самостоятельно занялся изученіемъ текста Священныхъ Писаній, рѣшился критически отнестись къ переводамъ библии, дерзнулъ даже усмотрѣть въ переводахъ ошибки: «аще и неукъ есмь, обаче въ библии много позналъ неправостей, по разуму рѣчей позналъ, яко не право переведены и начотаны. И ради свидѣтельства съ иноязычными библиями сличалъ и тамо явилъся правѣе и приличнѣ тѣ глаголы» (Соч. Пос. II, 205). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ сочиненій Посошковъ самыми оборотами рѣчи даетъ знать, что онъ слишкомъ сознательно относился ко всему въ области религіознаго знанія, что онъ старался многое самостоятельно понять, усвоить и осмыслить, могъ одно принимать, а съ другимъ не соглашаться. Напр. «азъ признаваю, яко не вси святія будутъ Бога видѣти, во кійждо по достоинству своему, по заслугѣ своей» и пр. (Зерц. л. 183 об.); съ другой стороны, напримѣръ въ практикѣ церковной, въ разсужденіи разныхъ благочестивыхъ обычаевъ, Посошковъ часто заявляетъ свой протестъ: сіе не потакую, сіе не одобряю, сего не могу похвалити и т. п. Обращая вниманіе на частности, можно отмѣтить нѣкоторые небезъинтересныя взгляды Посошкова, отразившіяся въ его сочиненіяхъ. Такъ напр., начитанный въ святоотеческихъ твореніяхъ, въ которыхъ между прочимъ отразилось платоновское дѣленіе человека на духъ, душу и тѣло, и Посошковъ твердо усвоилъ себѣ это ученіе и неоднократно воспроизводитъ его въ своихъ сочиненіяхъ. (Зерц. л. 179, 209; Зав. 99 с. и др.). Небезъинтересно между прочимъ, что у Посошкова отразился въ сочиненіяхъ древне-русскій взглядъ на святыхъ, какъ на раздавателей извѣстныхъ специальныхъ даровъ, какъ на представителей и защитниковъ извѣстныхъ

добродѣтелей. Въ извѣстной мѣрѣ взглядъ этотъ находитъ себѣ оправданіе въ четьихъ-минеяхъ и церковныхъ книгахъ. Какъ остатки такого взгляда на святыхъ, и доселѣ блудятся въ русскомъ народѣ повѣрья, по которымъ напр. св. Пантелеимонъ признается цѣлителемъ болѣзней, Власій — покровителемъ стадъ, Флоръ — лошадей и пр. Но во время Посошкова этотъ кодексъ святыхъ, какъ нареченныхъ покровителей въ той или другой добродѣтели и пособниковъ въ тѣхъ или другихъ потребностяхъ, повидному, былъ еще полнѣе современнаго. Илагая для себя молитвенное «правило», Посошковъ между прочимъ обязываетъ его обращаться съ молитвою къ слѣдующимъ святымъ и опредѣляетъ о чемъ именно каждому нужно молить: Иоанна Предтечу — о цѣломудренномъ житіи, Иоанна Богослова — «о благообразіи», св. Савити муч. Власія — «о благополученіи», Спиридона — «о утвержденіи во благочестіи и о утвержденіи въ православіи нашемъ», св. Онуфрія Великаго — «о оставленіи грѣховъ», св. Великомуч. Варвару — «да не постигнетъ внезапная смерть, ни болѣзнь» (стр. 92 и 98).

Религіозность Посошкова, со всею очевидностію отразившаяся въ его сочиненіяхъ и внушающая полнѣйшее уваженіе къ этому русскому челевѣку, великому своимъ православіемъ, сильному своею вѣрою, весьма часто однако принимала своеобразный характеръ и одностороннее направленіе. Мы должны отмѣтить многія изъ частныхъ религіозныхъ воззрѣній и убѣжденій Посошкова, носящихъ на себѣ печать темной старины и довольно замѣтныхъ диссонансовъ звучащихъ въ раду его понятій свѣтлыхъ, новыхъ. Находя себѣ совершенно достаточное объясненіе въ самомъ времени тогдашнемъ и условіяхъ литературной работы Посошкова, такое смѣшеніе понятій, невыдержанность взглядовъ является для насъ весьма интересными въ выясненіи личности Посошкова, въ выработкѣ общаго представленія о немъ. — Посошковъ весьма часто останавливается на частныхъ вопросахъ христіанскаго вѣрученія; такъ напр. онъ и вводитъ болѣе или менѣе обстоятельныя разсужденія объ отношеніи новаго завѣта къ ветхому, объ истинномъ смыслѣ иконопочитація, о необходимости иконъ, о значеніи, силѣ и условіяхъ дѣятельности христіанской молитвы и пр. и пр. Съ нѣкоторыми изъ этихъ взглядовъ Посошкова мы и познакомимся поближе, поговоримъ объ ихъ характерѣ и богословской состоятельности.

Въ общемъ, всѣ религіозно-богословскіе взгляды и разсужденія Посожкова являются замѣчательными по ихъ правдивости, глубинѣ и строго логической основательности. Часто можно забытья при чтеніи, что эти мысли высказываются неученымъ крестьянникомъ еще первыхъ годовъ XVIII столѣтія, что онѣ самостоятелно усвоены, переработаны и переплетены въ попреложныя убѣжденія простаго древне-русскаго начотчика. Невольно убѣждаешься, что въ сочиненіяхъ Посожкова приходится нѣтъ дѣло съ личностію, уже нечуждою и новымъ, возвышеннымъ идеѣ, не съ книжникомъ только буквы, а въ то же время уже и съ истиннымъ богословомъ одухотвореннаго христіанскаго ученія. Такимъ бы Посожковъ всецѣло и оставался въ нашихъ глазахъ, если бы мы, зная его общее міровоззрѣніе, не знали практическаго раскрытія онаго, зная общій взглядъ, не знали крайностей, переполютившихъ собою частныя предписанія и дробныя наставленія, данныя Посожковымъ. вмѣстѣ съ разумною постановкою общихъ вопросовъ, въ сочиненіяхъ Посожкова удержана громадная масса мелочей, частностей, только запутывающихъ дѣло, ослабляющихъ значеніе общаго взгляда и ступенывающихъ разумный смыслъ основнаго положенія; вмѣстѣ съ требованіями въ высшей степени дѣльными, во имя христіанской нравственности, проводятся требованія часто ничтожныя и проводятся даже съ большою настойчивостію, какъ равно значительныя, однаково обязательныя, столь же важныя въ экономіи спасенія.

Неоднократно въ своихъ сочиненіяхъ Посожковъ касается вопроса объ отношеніи новаго завѣта къ ветхому. Въ общемъ, совершенно справедливо Посожковъ разсуждаетъ, что съ наступленіемъ новой благодати старій законъ уже утратилъ свое значеніе, свое спасительную силу; какъ тѣнь свѣта, при явленіи самого свѣта, онъ долженъ миновать, потерять свою обязательность. «Жидовскія всѣ догмы», развиваетъ Посожковъ свою мысль, «въ новой благодати оставлены. Начальная ихъ догма, т. е. обрѣзаніе, оставлено, суббота оставлена, пасха жидовская оставлена же, за еже древняя мимодома и наста новая благодать» (Зерц. л. 205). Усматривая въ лютеранскихъ опрѣснокъ остатки жидовства, Посожковъ вооружается противъ этого продолженія практики церкви іудейской и изъ-за принципа «опрѣснокъ жидовскій весьма отрѣвастъ отъ себя, — дабы новая благодать прославлялась въ насъ, а ветхозаконоіе нестреблялось» (Зерц. л. 206 об.). Въ другихъ же мѣстахъ, при другихъ случаяхъ, Посожковъ становится въ діаметральное противорѣчіе

къ своимъ взглядамъ. Напримѣръ въ Заѣщаніи отеческомъ, устроивъ уже на новомъ положеніи, что Господь не мовъ «законъ Свой нарушитъ», Пососниковъ настоятельно доказываетъ, что ветхій законъ не отставленъ, что всё его предписанія обязательны и для христіанъ, что, стало быть, съ этой точки зрѣнія, законъ Христовъ сравнительно болѣе «тяжелосометь, а той законъ (Моисеевъ) слабѣе и прѣдвѣннаго былъ» (Заѣщ. 41, 42, 84 с.). И въ обращеніи къ своему сыну Пососниковъ уже высказываетъ задуманное свое желаніе, чтобъ онъ былъ «истинный Господень ученикъ», не только новаго, но и «ветхаго заѣта творитель». «Господь въ новой благодати не послабилъ и перваго своего законоположеніи не нарушилъ, но наче перваго подерѣвилъ» (стр. 72 и 42). Приводя слова Спасителя, что Онъ пришелъ не разорить законъ, но исполнить, Пососниковъ, сказанное о внутреннемъ знаменованіи и сущности ученія ветхозаѣтнаго, приурочиваетъ ко всѣмъ частностямъ послѣдняго, къ обрядности ветхозаѣтней, и становится, такимъ образомъ, не только вообще на ложный путь, а даже и въ разладъ самъ съ собою. Онъ хочетъ буквального соблюденія іудейскихъ предписаній, онъ силится внушить всѣмъ неуклонное исполненіе ихъ, считаетъ не только обязательными для христіанъ такіа напр. предписанія ветхозаѣтнаго обрядоваго закона, какъ о изданіи крови животныхъ, объ омовеніяхъ, но даже требуетъ усиленія старихъ предписаній, такъ сказать, количественнаго увеличенія, возвышенія благочестія, чтобы эти-то отмѣтить сравнительную высоту христіанства надъ іудействомъ. Напримѣръ, если въ ветхомъ заѣтѣ Соломонъ поставилъ семь свѣтильниковъ въ храмѣ, то теперь, «въ новой благодати», Пососниковъ почитаетъ нужнымъ достойное увеличеніе этой пропорціи: «нынѣ подобаетъ седмьдесятъ или и вѣщши свѣчъ восналати». Если тамъ въ пользу церкви полагалась десятина, то тутъ въ десятины «приложи рублевъ пять или и больше, приложи по своему намѣренію, дабы тебѣ превышшити фарисеево подаваніе». Если тогда два раза въ недѣлю постились, то теперь и въ постѣ нужно «превыштити древнихъ». Однимъ словомъ, Пососниковъ желаетъ и заповѣдуетъ «тщатнея и всѣми своими добродѣтелями превышшити книжниковъ и фарисеевъ» (Заѣщ. 136—139 с.), полагая въ данномъ случаѣ суть добродѣтели въ исполненіи обряда, т. е. давая тѣмъ новый образчикъ смѣшенія существеннаго съ второстепеннымъ и становясь въ еще болѣшій разладъ съ самимъ собою.

Несравненно чаще и подробнѣе Посошковъ останавливается на христіанскомъ догматѣ почитанія св. иконъ и еще съ большою очевидностію выдаетъ здѣсь непоследовательность своихъ убѣжденій, еще полную свою зависимость отъ старыхъ, отжившихъ понятій, свою готовность, даже и при правильномъ пониманіи христіанскаго ученія, при сознательномъ разграниченіи существеннаго въ дѣлѣ вѣры отъ несущественнаго, смѣшать то и другое, послѣднему усвоить значеніе и силу обязательности перваго. Самый догматъ православный объ иконопочитаніи раскрытъ Посошковымъ съ безусловною правильностію; Посошковъ обнаружилъ въ этомъ случаѣ такую свѣтлость и высоту взгляда, какую только можно желать въ истинномъ христіанинѣ и какую навѣрное наполовину нельзя встрѣтить даже и въ современныхъ намъ неученныхъ простолудникахъ. За то въ примѣненіи этого догмата къ жизни, въ практическомъ его раскрытіи, у Посошкова высказалась дѣлая масса мелочныхъ, частныхъ предписаній, которыя тою настойчивостію, съ которою они проводятся, и своею скрупулезною точностію, строго количественными вычисленіями, рѣшительно не гармонируютъ съ возвышеннымъ взглядомъ Посошкова на смыслъ и значеніе иконопочитанія. И Посошковъ — здравомыслящій, самобитно развившійся, недюжинный для своего времени богословъ, становится вѣсть съ тѣмъ и зауряднымъ русскимъ начетчикомъ, типомъ стариннаго буквалиста, знающаго, повидимому, только количественное измѣреніе добрыхъ дѣлъ и какъ будто не подозревающаго мѣры имъ качественной.

Съ одной стороны, Посошковъ, особенно въ полемикѣ съ иконоборствомъ, раскрываетъ истинный смыслъ и значеніе иконъ. «Мы святыхъ иконъ не боготворимъ, но токмо за воображеніе Божія образа и за написаніе святаго Его имени святымъ ихъ, а Богомъ святыхъ иконъ никогда не нарицаемъ». «Образовъ мы себѣ въ помощь не призываемъ и въ молитвѣ своей не тако глаголемъ, еже — образе Божій, помилуй насъ, но глаголемъ чрезъ той образъ, предъ нимъ же стоимъ, на небо къ Самому Богу, глаголя: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ; а тако не глаголемъ: иже еси на образѣ. По сему всякъ разумѣй, яко мы не образы молимъ, но Самого Бога, на небесѣхъ сущаго» (Зерцало л. 183 и 213). И въ завѣщаніи отеческомъ, вооружаясь противъ обычнаго различія въ почитаніи иконъ старыхъ и новыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ и пр., Посошковъ завѣщаетъ сыну веѣмъ безъ различія иконамъ воздавать почитаніе одинаковое «и поклонъ творити равный: ты ни за старость, ни

за новостъ, ниже за мастерство иконописца, но за первообразное и за
 ния Божіе образъ святый почитай. Богъ ни краски, ни дерево, ниже
 художество прославляетъ образы... О семъ завѣщаю тебѣ, сине мой,
 да не токмо изображенія евого либо святаго, но и Самого Господа на-
 чертаннаго образа Богомъ да не нарицаеша, ниже въ равенство съ Бо-
 гомъ образъ Его списаюши» (Зав. 112, 117 с.). На истинномъ значеніи
 иконъ Посошковъ обосновываетъ и разницу въ ихъ чествованіи: какъ
 «Самого Бога не ровняй съ Угодниками, такъ и образу Божію вящую
 честь твори, образу же раба Божія съ утѣшею», чтобы «никогого свя-
 тата въ равенство съ Самимъ Богомъ не равнять» (110 с.). — Разви-
 вая православное ученіе объ иконахъ, Посошковъ столь же безукоризненно
 раскрываетъ православное ученіе объ истинномъ значеніи нашего *покло-*
ненія предъ ними. Какъ человекъ, уже способный возвыситься надъ
 буквыю, отыскивающей въ формѣ ея содержаніе, въ обрядѣ его смыслъ,
 Посошковъ, въ данномъ случаѣ, съ замѣчательною отчетливостію своихъ
 богословскихъ воззрѣній, различаетъ поклонъ тѣлесный отъ духовнаго,
 «поклонъ видный, творимый безъ духовнаго намѣренія» отъ «поклона,
 творимаго съ сердечною теплотою и богомысліемъ», старается первый
 осмыслить вторымъ, связать ихъ нераздѣльно. «Егда бо образъ Божій
 на чesомъ либо начертанный узриши тѣлесными очима, тогда ты и умными
 очима, по примѣру того образа, узриши невидимаго Бога, на небесѣхъ
 сущаго, и егда тому видному образу сотвориши поклонъ тѣлесный, ду-
 шевный и духовный поклонъ истинному Богу вкупѣ съ тѣлеснымъ от-
 дается: и той твой поклонъ будетъ истинный, понеже поклонился еси
 ты съ богомысліемъ». «Поклонъ же безъ богомыслія пропадаетъ» (Зерц.
 л. 180 об., 209; Зав. 96 с.). Почитая и тотъ, и другой поклонъ —
 духовный и тѣлесный — равно обязательными для христіанина и оди-
 наково необходимыми для цѣли, Посошковъ и повторяетъ постоянно сыну,
 предлагая ему подробную программу моленія предъ иконами: «тѣлесными
 очима воззри на Спасителейъ образъ, умными же очима взирай на небо
 къ Самому Богу; тѣлесными очима зри на образъ пресвятыя Богородицы,
 а умными очима также на небо зри; воззри на образъ св. Іоанна
 Предтечи, а умными очима на душу его святую, стоящую на небеси» и т. п.

Съ другой стороны, эти въ высшей степени здравыя мысли, строго
 православныя убѣжденія рѣшительно тонуть у Посошкова въ массу пред-
 писаній о количествахъ и величинѣ поклоновъ предъ разными иконами, о

количествѣ и сравнительной величинѣ свѣтъ, поставленныхъ предъ тѣми или другими иконами, о разныхъ прийомахъ и ограниченіяхъ при цѣлеваніи иконъ и пр. и пр. Механическая обрядность, форма задѣваетъ и здѣсь Посошкова, поглощаетъ въ себѣ его возвышенныя воззрѣнія, правильный богословскій взглядъ; иконы новыя, оживленные переделываются традиціонными, демонстративными. Тотъ же Посошковъ пишетъ: «встань (отъ сна) сотвори три поклоны»: первый предъ образомъ Божіимъ «сотвори по своему разсужденію», второй образу Богородицы «поклонъ сотвори якоже и первый», третій — Ангелу уже «ниже первыхъ двухъ». Послѣ этихъ «воставальныхъ» трехъ поклоновъ, уже отправляя дневную молитву, твори поклоны «по празднеству дня», т. е. по случившемуся дню — праздничному или не праздничному — земные поклоны или «только до пояса». Затѣмъ слѣдуютъ точныя вычисленія — за кого, предъ какии образы, по скольку и какии иконы поклоновъ класть, такъ что на всемъ протяженіи главы Завѣщанія отеческаго «о ирсовомъ моленіи и молитвѣ» только и видится: три поклоны, одинъ поклонъ, первый поклонъ, второй поклонъ, поклонъ до пояса, поклонъ подобенъ первому, поклонъ третій вышній первыхъ двухъ и пр. и пр. А тутъ же и общія наставленія на всякій случай: «а въ поклонахъ имѣй разность: каковъ поклонъ сотвориши образу Спасителю или Богородицу, то такого поклона никакого святаго образу отнюдь не твори, того же паче стерегися дабы тебѣ при Спасителемъ образѣ коему либо святому иже не сотвориши поклона; никогда убо въ равенство съ Богомъ святыхъ его Угодниковъ не равняй.... и сего ради образу раба Божія поклонъ твори со уятіемъ». «Есть бо въ простомъ народѣ много того, иже образу Божію поклонъ творять въ поясъ, Николая же Чудотворца образу и иныхъ святыхъ поклоны творять до земли». Этии «несмыслиемъ», по мнѣнію Посошкова, «привлекается грѣхъ на себя великъ», такъ какъ онъ усматриваетъ въ этомъ уже «презираніе и сниженіе святаго образа Божія» (стр. 110, 116, 117). При описаніи моленія въ храмѣ Посошковымъ допускаются еще болѣе дробныя разновидности и подраздѣленія въ поклонахъ; тутъ различаются: преклоненіе головы, преклоненіе головы съ принагнутіемъ спины, поклонъ до пояса, поклонъ до пояса съ рукоопертіемъ (на земли), поклонъ въ землю. И всѣ эти измѣренія и исчисленія поклоновъ закрѣпляются у Посошкова правиломъ: «надлежащія поклоны незабвенно всѣ отправляй». Однимъ словомъ, если не при-

внимать въ расчетъ внушаемаго Пососнковымъ богомыслия и уиной молитвы, о которой онъ постоянно твердить, то его молящійся христіанинъ представляется машиною, механически дѣйствующею по неизмѣннымъ законамъ, даже гораздо строже опредѣленными, нежели въ Домостроѣ, — машиною, которая въ извѣстныхъ, указанные моменты дня или богослуженія должна исполнять извѣстныя, тоже строго опредѣленныя и измѣренныя движенія въ указанномъ, опредѣленномъ количествѣ.

Столь же подробныя правила и оригинальныя разграниченія излагаетъ Пососнковъ, говоря объ украшеніи и чествованіи иконъ. Заботясь вообще о приличнои украшеніи иконъ и заповѣдая для этой цѣли носить въ церковь пѣниязи, Пососнковъ особенно настаиваетъ на «неоскудномъ подаваніи свѣщей» и видитъ въ этомъ столь важное обстоятельство, что, по его мнѣнію, даже самыя иконы являются какъ бы излишними безъ свѣчей: «аще за недостаточествомъ своимъ свѣщи подавать тебѣ не можно, то и иконъ во олтарѣ не поставляй» (стр. 136). «Не моги того учинити, чадо мое, еже бы тебѣ у литургіи быти, а свѣщи предъ Тѣло Христово не подати; аще не въ моготу тебѣ копѣчныя свѣщи, то подай денежную или и полушечную; аще же въ могоутствѣ неоскудномъ будени, то не моги ниже алтынныхъ свѣщъ подавати... Аще во церкви свѣщи принесеша неравныя, то большія подай во олтарь» и пр. А и «образовъ святыхъ не почитай за едино равенство: Божіему образу отиѣнную честь отдавай и свѣщу большую поставляй, образу Богородицы — мало чимъ по мнѣ, а святымъ — меньше. И аще кой и празднуемый святой, обаче не моги больша или лучши Спасителевы свѣщи подати, но праздника ради постави развѣ равную» и пр. «Сипѣ творя, сугубую себѣ изду пріимеша» (108 и 109 с.). И Пососнковъ рѣзко обличаетъ то обыкновенное явленіе, что «бываетъ, еже предъ образомъ раба Божія свѣщъ полна лампада наставлена, а предъ Спасителевымъ образомъ я единныя нѣсть». Равнымъ образомъ и «егда имаши св. иконы цѣловати, то ты и тамо имѣй разньство: Спасителевъ образъ цѣлуй въ носѣ, прочіихъ же святыхъ цѣлуй въ руцѣ, а не носѣ» (116, 110 с.).

Не ограничиваясь поклонами, иконами и т. п. видимыми проявленіями религіозности христіанина, Пососнковъ обратилъ вниманіе и постарался установить правильный взглядъ и на актъ болѣе отвлеченный, въ сущности своей менѣе зависящий отъ формы, — на христіанскую молитву собственно. И здѣсь также мы прежде всего должны отиѣтитъ

общій взглядъ Посошкова, въ высшей степени замѣчательный для своего времени, неожиданный въ простомъ крестьянинѣ, иконоцѣ Домостроя. Въ принципѣ Посошковъ совершенно понимаетъ смыслъ, значеніе и условія успѣшности молитвы и богословствуетъ на эту тему замѣчательно правдиво. «Сіе, сыне мой, памятуй», говорятъ напр. Посошковъ сыну, «еже бы во время своего ирավла (молитвеннаго) ни о чесомъ тебѣ не размышляти и постороннихъ словесъ не глаголати, но токмо едину молитву отправляти и о томъ токмо и да помышляти, о чесомъ у тебя моленіе идетъ» (95 с.). «И егда кій глаголь имаши глаголати языкомъ, то вкупѣ глаголи и умомъ своимъ». Сообразно этому, Посошковъ, разбирая напримѣръ дневныя молитвы и подробно разбирая содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, постоянно повторяетъ сыну: «тожде и умомъ своимъ глаголи и сердцемъ къ Богу возглашай; умомъ своимъ тожде помышляй; во инныя никакія дѣла или вещи ума своего никамо не отпускай, но при глаголаніи твоёмъ и умъ свой держи». «Таковыя молитвы, гнѣнія и поклоновъ требуетъ Богъ, дабы и духъ совокупно съ умомъ и съ языкомъ молился. И аще съ богомысліемъ речени токмо: Господи помилуй, то той твой глаголь пріятнѣе Богу будетъ паче всецѣлаго канона, безъ богомыслія глаголаннаго». «Аще будеши молитися яко виѣ ума своего и ума своего въ ту молитву не простреси, то ты будеши яко бездушный бубень, — что гремиши того и самъ не вѣдаеши. Богъ бо ту токмо молитву пріемлетъ, которую человекъ отъ всего сердца и помышленія на небо заводятъ съ богомысліемъ». «Богъ ни отъ языка, ни отъ гортани требуетъ молитвы, но отъ сокрушеннаго сердца и отъ чистаго ума» (стр. 86, 101, 121 и 135). Самое главное въ молитвѣ: духъ смиренія, любовь и теплота сердечная, полнѣйшее откровеніе души предъ Богомъ, простота молитвы, потому что «многословіемъ и витійствомъ Бога не удивиши, ниже многимъ подаваніемъ его одолжиши» (117 с.).

Совершенно справедливо, такимъ образомъ, смотря на молитву христіанина, какъ на сопровождаемое тѣлесными поклонами духовное сближеніе съ Богомъ, мысленное возношеніе къ Нему, какъ «поклонъ невидимый отъ сердца своего и восхожденіе умное на небо», Посошковъ, въ примѣненіи къ практикѣ, не могъ однако представить себѣ истинную молитву какъ нѣчто совершенно духовное, свободное, независимое отъ обряда, и на самое понятіе молитвы онъ наложилъ нѣкоторую печать земляности, а въ отправленіи оной постарался также и ее связать

строгими, неуклонными опредѣленіями. Даже освобожденная отъ всего вещественнаго, отъ всякихъ поклоновъ, молитва представляется Посошкову и трактуется имъ какъ нѣчто вещественное, что можетъ носиться, расплываться въ воздухѣ, восходить болѣе или менѣе высоко, можетъ быть болѣе или менѣе остро и т. п.: «кую молитву глаголетъ кто въ забитіи ума своего, та молитва до Бога не доходитъ, не въ воздухѣ демони ю расторгають». «Острая молитва всѣ небеса пребываетъ и подножія Божія касается» (Завѣщ. 96, 106 с.). «Аще же кто будетъ токмо усти двизати и аще и гласъ изъ усть испускати, а въ умъ свой богомыслия не вложитъ, или по книгѣ будетъ что читати, а помышленія своего въ богомыслие не вперитъ, то та молитва не токмо до Бога, но и изъ хранины вонъ не изыдетъ, но вся тутъ по воздуху и расплывается». «Единая токмо молитва отъ сердечнаго намѣренія и отъ умнаго помышленія къ Богу восходитъ и колѣнъ Его божественныхъ касается; она девятери небеса пребываетъ и до престола Божія доходитъ, понеже ангель Господень ю доноситъ. Аще же кто будетъ сѣдя или лежа молитву дѣяти, то тая молитва не токмо на небо, но и до ангела хранителя не дойдетъ, исчезнетъ» (Зерц. л. 181, 180 об.). Такимъ образомъ, Посошковъ не только связывалъ молитву съ обрядомъ, ставилъ ее въ прямую зависимость напр. отъ положенія молящагося, но и на самую молитву смотрѣлъ слишкомъ земными глазами. Еще болѣшая погоня за обрядомъ, за формою высказалась у Посошкова въ практической постановкѣ молитвы, при разсужденіи о томъ, какъ именно и когда нужно молиться. Полагая образцомъ молитвъ молитву Господню и другія, освященныя христіанскою практикою, Посошковъ пускается и здѣсь въ подробныя опредѣленія — когда, какую молитву и сколько разъ нужно произносить. Такъ напр., въ программѣ «правила дневнаго» Посошковъ говоритъ сыну: «азъ принуждаю тя проглаголати отъ Самого Бога узаконенную молитву (т. е. Отче нашъ) трижды»; потомъ «проглаголи трижды же поздравленіе архангелово ко Пресвятѣй Богородицѣ: глаголи же» — не упускаетъ случая напомнить Посошковъ — «не борзая, но со вниманіемъ и богомысліемъ. Потомъ проглаголи православныя вѣры символъ единожды, а удобнѣе бы и его проглаголати трижды». Далѣе, за молитвою «отъ себя», причемъ подробно сказано и точно опредѣлено, о чемъ должно молиться отъ себя, слѣдуютъ, съ нѣкоторыми перерывами: «паки проглаголи Отче нашъ единожды... И паки проглаголи Отче нашъ

единожды... по семъ проглаголи Богородице Дѣво радуѣся единожды» и пр. Еще болѣе замѣтною крайностію являются очерченныя Песошковые условія, въ которыхъ должна быть вознесима молитва, его правила о положеніи молящагоса. Здѣсь, вмѣстѣ съ разумными требованіями, предлагается масса предписаній, одинаково упорно проводимыхъ, а между тѣмъ не имѣющихъ уже никакой нравственной цѣны и значенія, предписаній чисто обрядовыхъ и до смѣшного мелочныхъ, въ родѣ напр. того, что «не мого двинутися, почесатися, о стѣны не опирайся, жезломъ не подпирайся, гордостно не плюй» и т. п. Впрочемъ, съ этими правилами мы будемъ имѣть случай встрѣтиться послѣ, при знакомствѣ съ посошковскимъ общимъ идеаломъ христіанина.

Не обошелъ въ своихъ сочиненіяхъ Посошковъ и богословскаго вопроса о христіанскомъ милосердіи. И въ раскрытіи его замѣчается у него тоже двойство, смѣшеніе серьезнаго съ ничтожнымъ, общій одухотворенный взглядъ и не связанныя съ нимъ, не вытекающія изъ него формальныя подробности. Опредѣляя милостыню какъ проявленіе чистой сердечной любви къ людямъ, какъ свободную, непринужденную готовность помочь ближнему «единовѣрному своему и всякому человѣку — яко другу тако и не другу», высказывая, наконецъ, замѣчательно смѣлый для древнерусскаго человѣка взглядъ, что «многимъ подаваніемъ Бога не одолжиши», а что только искренностію, сердечностію добраго дѣла можно «Бога должна себѣ сотворити» (Завѣщ. 117 с.); Посошковъ и тутъ пускается въ регламентацию о количествѣ и непреложныхъ условіяхъ подаванія, т. е. актъ свободной воли связываетъ нѣкоторыми исключочающими всякую свободу предписаніями. Напр., «азъ тебѣ, сыне мой, завѣщаваю, егда изыдеши изъ дома, изъ чпага своего изми три пѣныязя и каковы тебѣ первые попадутъ нищіе, кто каковъ ни будетъ, аще старъ или младъ, увѣченъ или здравъ, не разбирая даждь первымъ, близъ тебя случившимся... не разбирая между ними даждь тѣ три пѣныязя первымъ.... неизмѣнно отдаждь случившимся первымъ». «Послѣди вечернаго пѣнія подаждь три пѣныязя, а по утреннемъ пѣніи шесть пѣныязей; аще же могутъ твоя толикія не будетъ, то по вечернѣ подаждь единъ пѣныязь, по утрени два, а по литургіи четыре» и т. д. (Завѣщ. 174 и 133 с.).

Какъ человѣкъ новаго времени, съ полнотою разумаго убѣжденія смотрящій на вещи, болѣе или менѣе все и недоумѣнное постигающій, такъ или иначе объясняющій, Посошковъ въ принципѣ вооружается про-

тивъ всякихъ суевѣрій, которыми рѣшительно затонлена была жизнь древне-русскаго челоуѣка. Этотъ недостатокъ религіозной русскаго жизни, возбуждавшій крайнюю ненависть въ людяхъ новаго времени, начиная съ самаго Петра В., всѣми мѣрами заклинавшаго русскія повѣрья и суевѣрья, былъ настолько, должно быть, распространенъ и непригляденъ, что и самъ выходецъ изъ среды русскаго престоуародья — Посошковъ рѣзко осуждалъ его и энергически силлся искоренить эту застарѣлую нравственную немочь древне-русскаго жизни. «Во всѣхъ своихъ поступкахъ», писалъ напр. онъ сыну, «живи христіански, ворожей къ себѣ ни каковыхъ не призывай и самъ ни касайся вороженья, ни бобами не разводи, ни въ примѣты никакихы не вѣрь. А еще ворожбѣ какой коснешися, то всѣ свои добрыя дѣла погубиши, вмѣсто благословенія приимиши клятву, вмѣсто же царства небеснаго наслѣдиши вѣчную муку». «Ни въ каковыя встрѣчи, Господа ради, не вѣрь» (стр. 205 и 174) и пр. Но самъ же Посошковъ, такъ категорически отрицавшійся суевѣрій, повидимому, не совсѣмъ былъ свободенъ отъ этого грѣха: по крайней мѣрѣ нѣкоторыя его рѣчи носятъ на себѣ явную печать еще старыхъ, суевѣрныхъ понятій. Такъ напр., въ наставленіяхъ о пищѣ и нитѣ онъ предполагаетъ законное «сумнительство» на счетъ такъ называемой порчи: «питія никакого просто не пей, но пріявъ сосудъ въ руцѣ свои, въ сосудъ той дуни крестообразно; еще тако будещи творити, то никакая пакость, отъ діавола наносимая, не прикоснется, еже вредити тебя». «Аще въ какову храмину пойдещи впервые, или и не впервые, да давно въ ней не бывалъ; то ты просто не входи въ ню, но во двери вступаая, возлагай на ся крестное воображеніе, а просто отнюдь не входи, дабы на тебя діаволь пакости каковыя не навелъ» (Завѣщ. 172 и 173 с.). Еще интереснѣе и очевиднѣе смѣшеніе понятій въ слѣдующихъ разсужденіяхъ, пропитанныхъ духомъ старо-русскихъ суевѣрій. «Аще, сыне мой, найдетъ на тя какая бѣда или болѣзнь тяжка, не могли ты призвати къ себѣ какова колдуна или шептуна, діавольскою силою помогающаго, и аще отъ таковыхъ ти станеть что давати ясти или нити: отнюдь не пріемли; или кто отъ какия либо болѣзани, а наипаче отъ трясавичныя, напишетъ какое отрицательное письмо и велитъ тебѣ съясти, аще и сожженое — отнюдь не яждь: бойся, дабы тебѣ въ такомъ письмѣ прикровеннаго не съясти діавола» (стр. 173 и 174). Въ полемикѣ съ иконоборцами, Посош-

бовъ, доказывая силу иконъ, между прочимъ пускаетъ въ ходъ слѣдующій доводъ: «еще же и по сему можно разумѣть, яко при образѣхъ святыхъ Божія сила есть, понеже дѣволъ егда мечты творить или привидѣнія и страхованія дѣлетъ, то никогда въ тѣхъ мѣстахъ ничего не дѣйствуетъ, идѣже образы святые стоятъ, но дѣйствуетъ изъ запечья или изъ задняго угла или изъ бани, идѣже образовъ святыхъ нѣтъ» (Зерц. 222 л.). Излагая подробныя правила о бракѣ, Посошковъ говоритъ сыну: «егда придетъ година твоего брака, не дерзни къ себѣ пригласити какого либо волхва или чародѣя» и пр., и далѣе продолжаетъ: «аще кто ни волхвовъ, ни шептуновъ не призываетъ, того челоуѣка никаковая *порча* во время брака коснуться не можетъ... А вѣнчающагося «тайныя обычаи или не въ указаное время *всякая порча касается*» (Завѣщ. 24 и 25 с.). Итакъ, Посошковъ, энергично протестующій противъ вѣры въ колдовство, является самъ представителемъ темнаго крестьянскаго люда въ его повѣрѣ въ злую порчу, которая можетъ постигнуть напр. брачующихся и отъ которой можетъ облюсти только особенная божественная охрана.

Можно отмѣтить въ сочиненіяхъ Посошкова много частныхъ мѣстъ, въ которыхъ высказалась нѣкоторая неустойчивость его религіозныхъ понятій и сбивчивость въ богословскихъ воззрѣніяхъ. Какъ челоуѣкъ, разившійся новыми взглядами, Посошковъ позволялъ себѣ относиться во всему критически и нерѣдко энергично вооружался противъ нѣкоторыхъ обычаевъ въ религіозной жизни, «застарѣлыхъ въ народѣ нашемъ и не весьма правыхъ», по мнѣнію Посошкова; но съ другой стороны, самъ Посошковъ, на смѣну этихъ неправыхъ, вводилъ свои обычаи, не превосходящіе своею правотою и основательностію. Напримѣръ, онъ порицаетъ священниковъ, которые отъ незнанія своего «тщатся наречать младенцу имя того святаго, кой случится по рожденіи во осмый день»; а на мѣсто этого обыкновенія, Посошковъ вводилъ свой, совершенно того же разбора и качества, обычай и настойчиво требуетъ соблюденія его: «да наречеши тое имя, кое впреди ближе имѣется, а назадъ не мого давати имяне» (Завѣщ. 51 с.) и пр. — Разсуждая о брачныхъ обрядахъ, Посошковъ требуетъ присутствія на брачномъ обѣдѣ именно трехъ пресвитеровъ и двѣнадцати причетниковъ. Хотя самъ онъ не объясняетъ, но самая точность требованія изобличаетъ въ данномъ случаѣ стояніе Посошкова за какой-то обычай или за его личное, оче-

видно, символическое и даже, быть может, суевѣрное воззрѣніе. Въ томъ же родѣ идутъ и слѣдующія наставленія, предлагаемыя во всей этой главѣ «о брачномъ житіи». — Преслѣдуя во всемъ обрядовомъ внутренній смѣхъ, Посошковъ въ то же время обрядамъ придаетъ слишкомъ существенное значеніе, такъ что они, повидимому, играютъ въ его глазахъ иногда первостепенную роль. Напр., Посошковъ, въ полемикѣ съ лютеранами, тѣлесное омовеніе представляетъ въ дѣлѣ спасенія одинаково нужнымъ, не менѣе важнымъ и обязательнымъ, какъ и душевное покаяніе, — такой по крайней мѣрѣ выводъ естественно предполагается изъ категорическихъ заявленій Посошкова, напр. въ такомъ родѣ: «единымъ покаяніемъ не можно очиститься, но омовеніемъ и приложеніемъ труда очиститися» (Завѣщ. 34 с.).

Разсматривая богословскія воззрѣнія Посошкова со стороны ихъ состоятельности, можно отмѣтить, наконецъ, еще нѣсколько единичныхъ мѣстъ въ его сочиненіяхъ, гдѣ высказаны Посошковымъ не вполне чистыя христіанскія понятія. Для образца можно указать на то напр., что Посошковъ, повидимому, имѣлъ взглядъ на будущую жизнь черезчуръ земнаго свойства, — онъ усвоивалъ той жизни характеръ семейности, гдѣ можно «въ нескончаемыя вѣки вѣковъ здравствовать съ сожителяницею своею, вкупѣ и съ чады, и веселиться, яко на бракѣ» (Завѣщ. 28 с.). — Какъ человѣкъ простой, неученый, Посошковъ, замѣтно, не чуждъ былъ нѣсколько крайнихъ, антропоморфическихъ представлений о Богѣ, приписывалъ Ему въ совершенной степени не только добродѣтели человѣческія, а даже и страсти, побужденія и дѣйствія человѣческія, которыя трактуются въ православномъ богословіи какъ несогласныя съ чистою христіанскою нравственностію и совершенно чуждыя существу Божию. Навривѣръ, въ полемикѣ съ лютеранами, хотя Посошковъ и порицалъ Кальвина за «безумные приводы», въ которыхъ тотъ «прилагалъ Христа къ простымъ мужикамъ, Бога низводилъ въ проста человѣка»; но и самъ не избѣжалъ такихъ же приводовъ: онъ напр. пугаетъ лютеранъ страшною местью Бога за непочтеніе лютеранами Божіей Матери: «какой той сынъ будетъ, иже за обруганіе матери своея не будетъ мстити... Вѣмъ, аще вы и зли суще, обаче за безчестіе матерей своихъ мстити будете; я чаю, что иной изъ васъ готовъ будетъ за безчестіе матери своея и голову свою положить, а того и въ части изсѣчетъ, иже мать его обругалъ. И по сему сами вы

себѣ судите, каково Господу Богу, аще кто Матерь Его ругаетъ и въ своимъ сквернымъ женамъ верстаетъ? ей, мета отмстить!» (Зерц. л. 197 и 198). Само собою разумѣется, что эти и подобныя мѣста въ сочиненіяхъ Посошкова являются не признакомъ какого либо еретичества или намѣренной тенденціозности, а просто слѣдствіемъ недовѣдѣнія Посошкова, знакомъ того, что онъ не могъ, со всею отчетливостію, постигнуть глубину христіанской догматики.

Не будемъ болѣе останавливаться на разборѣ богословскихъ убѣжденій и религіозныхъ взглядовъ Посошкова, тѣмъ болѣе, что съ этими взглядами намъ неизбѣжно еще придется встрѣтиться при разборѣ Завѣщанія отеческаго. Изъ представленнаго же анализа нѣкоторыхъ наиболѣе выпуклыхъ въ его сочиненіяхъ убѣжденій видно, что они носятъ характеръ довольно неопредѣленный, смѣшанный; Посошковъ обнаружилъ въ нихъ неустойчивость, невыдержанность, отсутствіе строгой отчетливости и послѣдовательности, допускалъ смѣшеніе духовнаго съ матеріальнымъ, содержанія съ обрядомъ, жертвуя въ пользу послѣдняго чистотою и неприкосновенностію перваго. Это обстоятельство въ сочиненіяхъ Посошкова со всею очевидностію характеризуетъ намъ какъ самого Посошкова, — этого простаго начетчика, не получившаго систематической школьной подготовки и точнаго христіанскаго образованія; такъ и вообще всю ту неопредѣленную, переходную эпоху. За человѣкомъ новымъ, здраво смотрящимъ на вещи, все осмысливающимъ, въ сочиненіяхъ Посошкова отчетливо выступаетъ и старшій древне-русскій начетчикъ, неуклонный проповѣдникъ обряда, съ раскольническимъ упорствомъ гонящійся за формою, стоящій на буквѣ закона. Иными словами говоря, предъ нами выступаетъ живой Посошковъ, съ его смѣсю взглядовъ старыхъ и новыхъ, консервативныхъ и либеральныхъ, выступаетъ какъ порожденіе своего смѣшаннаго времени, какъ естественный ростокъ, стоящій на рыхлой, непрочной почвѣ и потому неустойчивый, колеблющійся.

Въ заключеніе обзорѣнія религіознаго элемента въ характерѣ сочиненій Посошкова и какъ на одно изъ очевиднѣйшихъ проявленій этого элемента, стоитъ обратить вниманіе на религіозный тонъ ихъ и вполне церковный характеръ ихъ стиля. Въ этомъ отношеніи Посошковъ исключительно является человѣкомъ стараго русскаго времени, сочиненія его могутъ служить образчикомъ древней письменности. Не говоря уже о постоянныхъ выдержкахъ изъ церковныхъ книгъ и вообще о церковно-

библейскомъ слогѣ и оборотахъ рѣчи, сочиненія Посошкова переполнены постоянными призываніями имени Божія, набожными выраженіями, молитвенными обращеніями. При всякомъ удобномъ случаѣ Посошковъ старается провести свои религіозно-нравственныя сентенціи, высказать свое религіозное убѣжденіе и внушить его читателю. Подыскивать примѣры этого въ сочиненіяхъ Посошкова было бы совершенно напрасно, потому что можно поцитовать любую страницу каждаго его сочиненія. Возьмемъ напр. Книгу о скудости и богатствѣ, какъ сочиненіе сравнительно менѣе другихъ запечатлѣнное религіозностью. На 46-й страницѣ Посошковъ говоритъ о правосудіи: «Судія праведный подобенъ Богу, понеже Богъ — самая правда. Судьѣ подобаеть у Бога милости просити, дабы Богъ ему открылъ, како между людьми Божиими судъ правдивъ судити. Мой умъ не постигаеть, какъ правосудіе устроить, но елико-ни Богъ даруетъ, возложася на Его Божию милость, дерзнулъ инѣше свое изъяснити. Аще кто будетъ опредѣленъ къ управленію судному, подобаеть умолати пресвитера, дабы Господу Богу всепощное бдѣніе отравилъ и литоргію и молебное пѣніе Богу Отцу нашему небесному-бъ воспѣлъ, и просилъ бы у Господа Бога, еже бы Богъ подалъ ему познавати правость въ дѣлѣ; и во всемъ надлежитъ вручить себя Богу» и пр. и пр. въ томъ же родѣ. Впрочемъ, уже изъ всѣхъ приводимыхъ нами словъ Посошкова очевидно преобладаніе религіознаго элемента не только въ содержаніи, а и въ языкѣ сочиненій Посошкова.

Говоря о характерѣ сочиненій Посошкова, нельзя не отмѣтить другой, также преобладающей и всепроникающей черты въ нихъ, — ихъ пракческаго направленія. Не только въ своихъ политико-экономическихъ разсужденіяхъ о преобразованіи разныхъ частей государственной жизни и дѣятельности Россіи, но даже и во всѣхъ своихъ богословскихъ умозрѣніяхъ Посошковъ является неизмѣнно вездѣ строго расчетливымъ практикомъ. Практическій складъ его ума, отразившійся въ сочиненіяхъ, дополняетъ, такимъ образомъ, сущность характеристики и самого Посошкова, и его сочиненій. Какъ въ его собственной личности, насколько она вырисовывается въ сочиненіяхъ, такъ и въ этихъ собственно его произведеніяхъ, религіозность и практичность до послѣднаго слова все проникаютъ и обуславливаютъ. Въ то же время, разсматриваемыя въ от-

дѣльности, въ отвлеченіи, онѣ между собою взаимно усваются и объединяются. Практичность Посошкова получаетъ религіозный оттѣнокъ, нерасторжимо соединяется съ религіозностію, а послѣдняя, безспорно, получаетъ у Посошкова всюду практической характеръ, является въ сознаніи Посошкова прежде всего своею практической стороною. Все христіанское ученіе онѣ понимаетъ и разсматриваетъ съ практической стороны. Это былъ *практикъ-богословъ*, — и въ этомъ его особенность напр. отъ Сильвестра, автора Домостроя, въ которомъ видится преимуществу только практикъ-хозяинъ. Надъ всѣми практическими расчетами у Посошкова возвышаются цѣли и интересы религіозные, хотя и съ тѣмъ же характеромъ практичности. Доброе дѣло, справедливый поступокъ, обязательны для христіанина и имѣютъ цѣну потому, что ими удовлетворяется требованіе религіи; а исполненіе человекомъ религіозныхъ требованій неминуемо привлекаетъ на него *воздаяніе* отъ Бога: эта зависимость въ представленіи Посошкова является нерасторжимою и оба члена ея постоянно варьируются въ его сочиненіяхъ. Но съ особою настойчивостію Посошковъ преслѣдуетъ религіозно-практическіе интересы въ Загвѣщаніи отеческомъ, гдѣ онѣ специально занятъ изображеніемъ идеала жизни. Еще съ самаго ранняго дѣтства Посошковъ рекомендуетъ втолковывать ребенку кланяться Богу для того, чтобъ Онѣ, «видя поклоненіе, помиловалъ и далъ того и того много». Ту же неособенно возвышенную мораль Посошковъ постоянно проповѣдуетъ и взрослымъ людямъ: доброе дѣло и возмездіе за него стоятъ вездѣ въ тѣснѣйшей зависимости, одно другимъ обуславливаются, одно въ другомъ находятъ смыслъ и значеніе. «Аще по вышписанному сотвориши», постоянно Посошковъ внушаетъ сыну, «то никакая ти пакость не коснется, Господь Богъ не попуститъ на тя пріити никакому злу, соблюдетъ невредна»... «Аще тако сотвориши», говоритъ онѣ сыну, убѣждая его храниться въ чистотѣ тѣлесной, «то и на семь свѣтъ великъ и честенъ будеши, паче же по отшествіи отъ сего свѣта вѣчныхъ благъ наслѣдниковъ явишися». «Аще тако научите дѣтей», говоритъ Посошковъ, рекомендуя воспитаніе дѣтей въ духѣ религіи, «то они и вы милость Божию получите». «Буде тако сотвориши» говоритъ онѣ, научая сына смиренію, «то великъ ты у Бога будеши». «Аще тако сотвориши», располагаетъ онѣ къ немстительности, «то Господь Богъ твоихъ грѣховъ не вспомнеть, введетъ тя въ царство свое небесное». «Сице творя», рекомендуетъ онѣ

принименія въ храмъ, «сугубую себѣ изду приняши». «Аще во всякомъ дѣлѣ будешь совершенную правду дѣлати, то ты и на семь свѣтѣ блаженъ будешь и на ономъ свѣтѣ вѣчныхъ благъ наследникъ явнися». Располагая кунцовъ къ добросовѣстности въ торговлѣ, Посошковъ силится соблазнить ихъ надеждою воздаянія за то: «Богъ, видя твою правду и постоянство, наградитъ тебя и — откуда ты и не чаешь — приидеть тебѣ». Требуя накормить бѣдняка «неимущаго безъ грѣши», т. е. бесплатно, Посошковъ упоминаетъ поручительство Бога: «Богъ тебѣ за него заплатитъ». Въ добромъ дѣлѣ даже о понесенныхъ «ранахъ или тшетѣ какой не скорби», потому что «наградитъ тебѣ Господь, аще и смерть приймешь — не сумнѣвайся» и пр. и пр. (Завѣщ. стр. 30, 11, 53, 83, 144, 109, 219, 189, 205, 171). Словомъ, вездѣ Посошковъ рекомендуетъ упражненіе въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, требуетъ неуклоннаго соблюденія правилъ религіозно-нравственнаго закона, поставляя при этомъ вездѣ на видъ сопряженныя съ добродѣтелію выгоды, указывая практическую пользу религіозности и нерасчетливости грѣха.

Проникая, такимъ образомъ, собою религіозность Посошкова, практическое направленіе его съ очевидностію отразилось и во всѣхъ другихъ сферахъ его дѣятельности и мышленія. Его мы увидимъ въ Книгѣ о скудости и богатствѣ въ крайне мелочныхъ хозяйственныхъ вычисленіяхъ, въ выясненіи самомагнѣйшихъ поводовъ къ обогащенію или оскудѣнію царственному. То же направленіе уже видѣли мы и въ разобранныхъ выше богословскихъ воззрѣніяхъ Посошкова, гдѣ также вездѣ практическая расчетливость, строго точныя вычисленія свѣчъ, поклоновъ, пѣвнзей и пр., гдѣ всѣ и возвышенныя, чисто духовныя пункты христіанской догматики разобраны преимущественно съ практической стороны, со стороны ихъ приложенія и примѣняемости къ церковной практикѣ. Въ этомъ крайнемъ до односторонности направленіи, Посошковъ, естественно, не былъ застрахованъ и отъ неразумныхъ увлеченій, отъ мнѣній и выводовъ, слишкомъ уже практическихъ, низменныхъ, не вездѣ отвѣчающихъ самому предмету содержанія и обсужденія. Даже и въ хозяйственныхъ собственно его вычисленіяхъ, какъ послѣ увидимъ, является весьма многое уже не столько полезнымъ и нужнымъ, сколько курьезнымъ и смѣшнымъ. Въ его же богословскихъ разсужденіяхъ практическая сторона въ раскрытіи взятыхъ вопросовъ только часто запутываетъ, затѣняетъ со-

бою суть дѣла; его узко-утилитарный взглядъ на практическую сторону христіанской дѣятельности, на добрыя дѣла, представляется настолько крайнимъ, что, строго говоря, и добрыя дѣла въ представленіи Посошкова много теряютъ своей цѣны и нравственнаго значенія. Однимъ словомъ, на все Посошковъ стотрѣлъ глазами расчетливаго хозяина, все иногда даже и несоизмѣримое мѣрять на своей аршинъ. Практическое направленіе у него является всепроникающимъ и всеобуславливающимъ; оно невозбранно мирится, нерасторжимо соединяется съ другою всеобъемлющею чертою его и характера, и сочиненій — религіозностью.

Сочиненія Посошкова.

„Книга о скудости и богатствѣ“.

Политико-экономическая литература въ Россіи до Посошкова. — Экономическій характеръ книги о скудости и богатствѣ. — Основныя политико-экономическія воззрѣнія Посошкова. — Состояніе общественныхъ основаній на Руси по Посошкову и сущность его проектовъ. — Мысли Посошкова объ иностранцахъ въ русской торговлѣ и производствѣ. — Значеніе Книги о скудости и богатствѣ.

Какъ сочиненіе съ извѣстнымъ направленіемъ, Книга о скудости и богатствѣ Посошкова принадлежитъ къ разряду сочиненій политико-экономическихъ. Литература этого вида началась на Руси ранѣе Петра Великаго, хотя возникновеніемъ своимъ обязана уже реформаторскимъ стремленіямъ. Потребность преобразованій, которая почувствовалась еще въ XVII вѣкѣ и вызвала нѣкоторыя отдѣльныя перемѣны, была признана не столько правительствомъ, сколько самимъ народомъ, въ лицѣ его избранныхъ представителей. Частныя лица, благодаря природному здравомыслію, практической смѣтливости и собственному жизненному опыту, имѣли большую возможность чувствовать и сознавать недостатки общества, наблюдать хорошія и дурныя стороны всего вокругъ происходящаго. Нѣкоторые изъ этихъ личностей старались, при помощи литературнаго слова, такъ или иначе направить дѣятельность правительства, поставить на видъ предметы, требовавшіе реформы. Такъ возникла политико-экономическая литература на Руси, и сочиненіе Посошкова не есть явленіе одинокое: оно слѣдовало за трудами другихъ, ему предшествовали замѣчательныя политическія творенія, хотя и нельзя допустить, чтобы Посошковъ былъ съ ними знакомъ и испыталъ на себѣ силу ихъ вліянія. Мы разумѣемъ два сочиненія, относящіяся къ XVII вѣку: «О Россіи въ царствованіе

Алексѣя Михайловича Котошихина и «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка» Крижанича.

Котошихинъ — русскій подъячій шестидесятыхъ годовъ XVII ст. — вынужденъ былъ бѣжать въ Швецію, гдѣ принялъ лютеранство, а впоследствии былъ казненъ за убійство. Вдали отъ родины Котошихинъ написалъ свое сочиненіе, которое, по обилію своего содержанія, знанію дѣла, чистотѣ изложенія, составляетъ ~~важное~~ весьма замѣчательное для своего времени. Авторъ обнимаетъ всѣ отрасли и внѣшній составъ государственнаго управленія, исключая дѣла церковныя; описываетъ всѣ существенныя обычаи и порядки русской земли; бросаетъ смѣлый взглядъ на внутренній міръ древне-русскаго человѣка, на общій характеръ народной жизни. Преимущественно Котошихинъ распространяется о бытѣ вѣнскихъ сословій: бояръ и князей, и развертываетъ здѣсь мрачную картину общественнаго быта при Алексѣѣ Михайловичѣ, изображаетъ грубое невѣжество, родовитую спѣсь и непроходимый эгоизмъ тогдашняго барства. По внѣшнему виду, сочиненіе, раздѣленное на 13 главъ, представляетъ родъ отдѣльныхъ историческихъ монографій: объ обычаяхъ, сопровождавшихъ царскую свадьбу, о воспитаніи царевнечей, объ управленіи московскимъ царствомъ и пр., и все это безъ критической оцѣнки, хотя съ замѣтною тенденціей обратить вниманіе отсталаго русскаго народа на доброе у иноземцевъ, съ которыми Котошихинъ имѣлъ случай близко познакомиться. Сочиненіе Котошихина имѣетъ близкое отношеніе къ сочиненіямъ Посошкова, разсматривающимъ тѣ же жизненныя вопросы, о которыхъ трактовалъ и Котошихинъ.

Въ гораздо большей связи, не содержанію и направленію, съ сочиненіями Посошкова стоитъ «Русское государство въ половинѣ XVII в.» Крижанича, по происхожденію хорвата, но религіи католика. Это былъ замѣчательный человѣкъ, оставившій въ сочиненіяхъ доказательство обширнаго ума, трудолюбиваго изученія Россіи, истиннаго желанія принести ей пользу. Не только сочиненіями, а и внѣшнею судьбою этому великому человѣку суждено было сдѣлаться прототипомъ Посошкова: его убѣжденія и заботы о русскомъ народномъ благѣ были слишкомъ смѣлы для старой Россіи и они то заставили Крижанича многіе годы прожить въ ссылкѣ. Изъ многихъ его сочиненій, «Политика» или «Разговоры объ владательствѣ» по своему предмету и направленію имѣетъ большое сходство съ политическими трудами Посошкова. При написаніи этого

сочиненія Крижанничемъ руководили тѣ же побужденія, какія дѣйствовали и въ Посошковѣ: тотъ же глубокой патріотизмъ, то же безкорыстное желаніе принести посильную помощь русскому государю, соблюсти народныя интересы. «Съ великимъ страхомъ», говоритъ онъ въ предисловіи, «съ крайнимъ униженіемъ царскому твоему Величеству челобитіе чиню; въ даръ приношу нѣсколько политическихъ думъ, которыя съ великимъ настояніемъ собралъ и которыя считаю твоего Величества владанію полезны. Твердо вѣмъ, аще изволишь, государь, въ сія книжицы позрѣти, дознаешь: не возможно, дабы сіи бесѣды изшли отъ человѣка ласкателя, или который бы не былъ тебѣ искренно вѣренъ и всѣмъ сердцемъ завѣщанъ». «Могутъ сія книги служить вмѣсто памяти и обрѣтала въ помощь памяти тебѣ, сильный Царю» (Рус. гос. въ пол. XVII ст. т. II стр. 3 и 7). Вездѣ и во всемъ Крижанничъ, какъ и Посошковъ, преслѣдуетъ, чтобы «царству польза произошла, казнь государевой причинилась корысть» (т. I стр. 56). Его, какъ и Посошкова, возмущали на каждомъ шагу встрѣчавшіяся нарушенія челоуѣческой правды, и онъ настойчиво требовалъ правосудія. Онъ мечтаетъ объ изгнаніи всѣхъ должностныхъ лицъ, которыя могутъ сдѣлать народу какую либо тиранію или какую бы то ни было несправедливость (II, 21). Его задушевное желаніе: «да будетъ судія праведенъ, не алченъ, не лицепріятенъ и не взяточникъ», а «да будетъ людскій». Правосудіе въ его глазахъ является первою и величайшею изъ добродѣтелей: «*primum et maximum omnium privilegiorum est justitia*» (I, 89 и II, 20). Непокоримое убѣжденіе Крижаннича въ этой истинѣ вдохновило его смѣлостію прямо указывать царю, какъ на преступленіе, особенно оскорбляющее Бога и со всею строгостію отищаемое Богомъ, на «угнетеніе бѣдныхъ и подданныхъ» (II, 222). Вообще, личность Крижаннича въ свое время была выдающаяся, замѣчательная по своему уму и обширной начитанности. Ревностный богословъ соединяется въ немъ съ умнымъ челоуѣкомъ, имѣвшимъ теоретическія свѣдѣнія и много пракческаго знанія въ дѣлахъ государственныхъ. Его «Разговоры объ владательствѣ» состоятъ исключительно изъ разсужденій о внутренней и вѣшной политикѣ русской, а потому представляютъ собою подробную картину тогдашняго состоянія Россіи, вмѣстѣ съ множествомъ дѣльныхъ и серьезныхъ замѣчаній на существующіе порядки. Авторъ увлекается своимъ стремленіемъ указать средства для улучшенія администраціи и государственной

жизни, такъ что сочиненіе состоитъ изъ безпрестанной критики настоящаго и проектовъ будущаго, и носитъ характеръ не столько исторіи, сколько политическаго проекта: въ этомъ его существенное отличіе отъ Котошихина и главная связующая нить съ Посошковымъ. Крижаничъ старался сдѣлать свой обзоръ какъ только можно полнымъ: то въ формѣ категорическихъ разсужденій, то въ формѣ бесѣды царя, обращенной къ народу, то въ формѣ разговора выведенныхъ имъ лицъ, Крижаничъ налагаетъ свои мысли о торговлѣ, ремеслахъ, воинствѣ, образованіи, славянскомъ языкѣ, нравахъ, о «чужбѣси», которымъ начинала уже страдать Русь, о государственномъ управленіи, объ испорченности народной и пр. Всякія установившіяся правила и обыкновенія разсматриваетъ Крижаничъ исторически: какъ было прежде, какъ теперь у другихъ народовъ, какъ у насъ и, наконецъ, какъ лучше, какъ должно быть. Таковы приемы и такова патріотическая программа Крижанича. Чѣмъ болѣе могли имѣть значенія для своего времени сочиненія Крижанича, направленные на самыя жгучіе вопросы законодательства и администраціи, политическаго и общественнаго быта, тѣмъ болѣе остается сожалѣть о томъ, что они остались неизвѣстными. Крижаничъ былъ ссыльнымъ, незамѣченнымъ, забытымъ. Свое время, такимъ образомъ, не могло извлечь пользы изъ его столь богатыхъ содержаніемъ сочиненій; современники не могли учиться у него. Слѣдовательно, Крижаничъ какъ-бы не существовалъ и для Посошкова; сочиненія его не могли служить источникомъ и пособіемъ для сходныхъ по мысли сочиненій Посошкова. Крижаничъ предшествовалъ Посошкову только хронологически, а не по вліянію. Посошковъ развивался самостоятельно; онъ былъ самоучка. Разумѣется, это былъ недостатокъ, съ устраненіемъ котораго мы, быть можетъ, имѣли бы отъ Посошкова что нибудь еще болѣе дорогое, чѣмъ что теперь мы имѣемъ; но, съ другой стороны, это придаетъ гораздо болѣе чести и славы имени Посошкова, который совершенно самостоятельно и ни отъ кого независимо не только не отсталъ отъ своихъ замѣчательно великихъ предшественниковъ, но во многомъ опередилъ и возвысился надъ ними. Мы не намѣрены, впрочемъ, излагать сравнительное достоинство проектовъ и политико-экономическихъ мѣръ Посошкова; въ нашу задачу входитъ знакомство съ *историческимъ элементомъ* въ сочиненіи Посошкова, разсмотрѣніе его взглядовъ и убѣжденій, внутренній историческій смыслъ его сочиненій.

Книга о скудости и богатствѣ знакомитъ насъ съ современнымъ Посошкову состояніемъ Россіи. Въ ней Посошковъ перебралъ всѣ формы и проявленія общественной жизни, пересмотрѣлъ всѣ важнѣйшіе выработанные историческою жизнію порядки и обычаи, отнесся ко всему съ сильною критикою. По его собственнымъ словамъ, онъ изъяснилъ тутъ достовѣрное, слышанное и мнимое касательно состоянія русскаго общества, въ лицѣ всѣхъ сословій, его составляющихъ, и со всѣми отправлениями государственнаго организма. Неисправности и уклоненія отъ нормальныхъ обязанностей возбудили Посошкова; поэтому онъ и обращаетъ вниманіе вездѣ на «содѣвающіяся неправды и всякія неисправности», съ цѣлію «елико ему Богъ даровалъ, мнѣнія своя изложить ко исправленію тѣхъ неправостей и неисправностей». Это изображеніе общественныхъ недуговъ Россіи и соединенныя съ этимъ свои мнѣнія, взгляды, проекты Посошковъ совокупилъ въ «трекратномъ трекратіи. Первое трекратіе (гласитъ) о несправѣ и поправѣ духовенства, воинства, правосудія; второе трекратіе — о несправѣ и поправѣ купечества, художества и разбойниковъ съ бѣглецами; третіе трекратіе — о несправѣ и поправѣ яко во крестьянѣхъ, тако и во владаніи земли безобидномъ и о собраніи царскаго интереса гобзовитомъ»¹⁾.

Самое названіе сочиненія изобличаетъ уже экономической характеръ его содержанія. «Книжицу нарекохъ о скудости и богатствѣ, понеже имѣетъ въ себѣ изъясненіе, отъ чего содѣвается напрасная скудость и отъ чего умножиться можетъ изобильное богатство». Но данное Посошковымъ заглавіе книгѣ не вполне соотвѣтствуетъ ея содержанію, — оно представляется узкимъ для такого сочиненія, въ которомъ подвергнутъ разбору весь общественный бытъ и предложено множество важныхъ мѣръ, коренныхъ преобразованій, законодательныхъ реформъ, то, съ другой стороны, это заглавіе вполне оправдывается, если примемъ во вниманіе, что хозяйственные вопросы преобладаютъ въ сочиненіи, что разборъ вопросовъ чисто духовныхъ, юридическихъ, военныхъ занимаетъ, сравнительно, мало мѣста, что даже въ главахъ о духовенствѣ, о правосудіи, о воинскихъ дѣлахъ особенное вниманіе обращается на хозяйственное положеніе духовенства, на гибельныя слѣдствія произвола въ судѣ и расправѣ для экономического быта

¹⁾ Просьба Посошкова, съ которою онъ представлялъ свою книгу Петру В. Соч. Пос. т. II стр. XXVIII.

народнаго, на расходы при содержаніи войска и т. п. Во всякомъ случаѣ, Книга о скудости и богатствѣ имѣетъ всецѣло предметомъ практическую жизнь, въ ней Посошковъ является по преимуществу писателемъ-экономистомъ. Писательство, въ этомъ именно направленіи, было вызвано самою жизнію, служило отвѣтомъ на современныя потребности. Еще до времени Петра В. обнаружилия финансовыя затрудненія въ Россіи. Казна была истощена; государственное банкротство всею тяжестью ложилося на народъ; подати увеличивались годъ отъ году. Постепенно возрастающая государственная скудость, естественно, обращала на себя вниманіе лицъ, говорившихъ и писавшихъ о Россіи. Котошихинъ уже коснулся вопроса о состояніи государственныхъ финансовъ: «мѣдныя деньги годъ отъ году подешевѣли, сперва ходили рубль противъ рубля, а потомъ начали ходить по 2 по 3... и по 15 и по 17 рублей за серебряный рубль. Серебрянымъ деньгамъ учала быть скудость въ государствѣ, а на мѣдныя все дорого — и многіе помираютъ съ голоду» (о Россіи въ ц. А. М. стр. 83). Такую бѣдность государственную Котошихинъ объясняетъ бѣдностію пріисковъ въ Россіи металла для денегъ: «золота и серебра не родится; хотя въ кроникахъ и пишутъ, что русская земля на золото и серебро урожайная, однако сыскать не могутъ» (стр. 78). Разореніе народа отъ усиливающихся поборовъ глубоко возмущало великаго славянофила Крижанича. «Несчетны», говоритъ онъ, «въ нашемъ государствѣ люди, которые нещадно притискиваютъ и выжимаютъ своихъ подданныхъ... Многіе чинятъ всякія крутости, съ коихъ бы казнѣ какова прибыль могла допасть» и пр. (Рус. гос. I, 178 и 305). Согласно Котошихину и Крижаничъ причину «убожества и нуждъ земли русскія» видитъ, между прочимъ, въ «неплодности земли: земля бо не родитъ драгаго каменія, злата, серебра, мѣди...» (т. I стр. 154). И Крижаничъ поэтому счелъ нужнымъ въ началѣ своей Политики предложить цѣлыхъ 4 раздѣла (т. е. главы, стр. 1—64) «о средствахъ и способахъ, которыми собирается и обогащается государственная казна». При Петрѣ Великомъ финансовыя затрудненія возрасли съ особенною силой, такъ какъ внѣшнія войны и внутреннія предпріятія, новые предметы и учрежденія требовали новыхъ и крупныхъ затратъ отъ безъ того тощей казны. Все дѣло реформы должно было начаться именно съ преобразования экономическаго; вопросы экономіи стояли на первомъ планѣ. Такимъ образомъ, вопросъ о бѣдности и богатствѣ, о бѣдности Россіи

сравнительно съ другими государствами, о средствахъ едѣлать ее богатой, прежде другихъ обращалъ на себя вниманіе всякаго мыслящаго русскаго человѣка, возбужденнаго общественнымъ движеніемъ преобразовательной эпохи. Изслѣдованіе причинъ — «отчего содѣвается напрасная скудость», и изобрѣтеніе средствъ, отъ которыхъ «умножится можетъ изобильное богатство», было не только современно и полезно, но было необходимо, составляло насущную потребность. Посошковъ видѣлъ въ жизни всѣ гибельныя послѣдствія разстроенности государственнаго хозяйства; онъ видѣлъ, что народъ гибъ отъ недостатка въ предметахъ первой необходимости: «ниги въ деревняхъ», говоритъ онъ напр., «такую нужду подъемяютъ, что многіе безъ соли ѣдятъ и оцинжаютъ и умираютъ; отъ задержанія соли во лныхъ мѣстахъ выше рубля пудъ покупаютъ, да и то не всегда, и отъ такой бессолицы напрасно люди помираютъ, крестьяне, кои малочны, всѣ пропадають». Посошковъ видѣлъ, какъ разорился народъ отъ неносильныхъ поборовъ, какъ «за недоимку дворъ и пожитки отбирали, да оцѣнивъ въ полъ или въ треть, или въ десятую долю, продавали и такъ совсѣмъ разоряли... и отъ такого порядка многое множество народа въ нищіе пошли» (Кн. о ск. и бог. Соч. Пос. I, 223 и 72 с.). Поэтому-то Посошковъ и рѣшился «предложить свое мнѣніе о собраніи царскихъ сокровищъ», свои взгляды «о здоровомъ, гобзовитомъ и постоянномъ собраніи интересовъ Его Императорскаго Величества» (стр. 3).

Какъ представитель народа и прибыльщикъ государя, Посошковъ совершенно справедливо сливаетъ интересы народныя съ интересами государственными, поставляя въ богатствѣ народномъ богатство и государственное. Эта истина была, впрочемъ, извѣстна и ясно сознаана предшествующимъ русскимъ политикомъ — Крижаничемъ, который неоднократно проводилъ ее въ своемъ сочиненіи: «Убого королевство, убогъ и король, богато королевство, богатъ и король; королевское добро есть добро всего народа; что полезно головѣ, полезно и всему тѣлу» (т. I стр. 41; т. II, 40, 31, 41, 50). «Scitote, quod bonum regis, est bonum totius gentis» и пр. Поэтому, Крижаничъ внушалъ, что «король, аще самъ хочетъ быть богатъ, сначала долженъ заботиться, да подданныки будутъ богаты», и вооружался противъ разоренія народнаго въ пользу казны, причисляя «выдираніе нещадное и немилостивое отягченіе подданныковъ къ вреднымъ, «злымъ способамъ стяжанія» (т. I стр. 3). Убѣжденіе

въ непосредственной связи народнаго благосостоянія съ государственнымъ богатствомъ Посошковъ высказываетъ въ основаніи своего сочиненія: «не то царственное богатство», говоритъ онъ на первой же страницѣ, «еже въ царской казнѣ много, но то самое царственное богатство, еже бы весь народъ по мѣрнестямъ своимъ богатъ былъ домовными своими богатствы». И «по моему мнѣнію, сіе дѣло не великое и не трудное, еже царская сокровища наполнити богатствомъ, за еже царь, яко Богъ, еже восхощеть, можетъ сотворить; но то великое и многотрудное дѣло, еже бы народъ обогатити... понеже все что есть въ народѣ богатства — богатство царственное, подобно и оскудѣніе», и проч. (стр. 1, 3, 71, 72 и пр.). Поэтому, Посошковъ въ основаніе своей экономической теоріи полагаетъ обязательность попеченій о народномъ богатствѣ, поставляетъ необходимость «о всенародномъ обогащеніи пешися безъ уятія усердія, дабы никто въ убожество не входилъ, но всѣ бы по своей мѣрности изобильны были» (стр. 1 и 189). Разореніе народа поборами представляется Посошкову дѣйствіемъ, прямо парализующимъ свою цѣль; поэтому, онъ требуетъ «правыхъ и здравыхъ» началъ «въ собраніи царскихъ интересовъ, чтобъ никаковыя обиды ни на кого не навести. Худой тотъ сборъ, аще кто казну царю собираетъ, а людей разоряетъ. Только то собраніе споро и прочно будетъ, аще кто государю тцится служить, а паче собранія людей отъ разоренія соблюдаетъ». «Нужно стремиться къ тому, чтобъ и казна была цѣла съ приплодомъ и люди были въ цѣлы и невредимы» (стр. 209, 73 = Завѣщ. от. 232 стр.). Миръ, безопасность и благосостояніе подданныхъ Посошковъ ставитъ выше всякаго финансоваго обогащенія государственнаго. Гонимая за само малѣйшую мелочью въ государственныхъ прибыткахъ, Посошковъ отказывается, наиримѣръ, отъ весьма доходныхъ встарину судныхъ пошлинъ, во имя общаго мира, спокойнаго развитія гражданской жизни. Подобныя мысли являются одними изъ самыхъ свѣтлыхъ въ сочиненіяхъ Посошкова, обнаруживая въ немъ совершенно здравыя, вполне разумныя политико-экономическія воззрѣнія.

Какіе же способы указываетъ самъ Посошковъ, чтобъ избѣжать народнаго разоренія и достигнуть гобзовитаго богатства? — Какъ человекъ въ высшей степени честный, высокообразованный, любитель правды, Посошковъ причину всякихъ золъ и нуждъ полагалъ въ нарушеніи общечеловѣческой правды; съ другой стороны, въ правдѣ, въ возстановленіи ея Посошковъ видѣлъ главнѣйшее и необходимое условіе

всякаго добра, всякаго успѣха въ человѣческихъ дѣлахъ. Правда составляетъ предметъ его задушевныхъ желаній вездѣ и во всемъ, въ ней онъ видитъ средство и душевнаго спасенія, и внѣшняго благосостоянія. «Пяче всего надлежитъ намъ пеннися о истинной правдѣ: правдѣ отецъ-Богъ, и правда вельми богатство и славу умножаетъ, а неправдѣ отецъ дѣволъ, и неправда въ нищету приводитъ и смерть наводитъ». Посошковъ столь непреклонно вѣритъ въ истинность своего начала, что, при господствѣ правды, онъ почитаетъ невозможнымъ существованіе скудости, или чего нибудь въ этомъ родѣ: «егда правда въ насъ утвердится, то не можно царству російскому не богатитися и славою не возвыситися». Отъ правды зависитъ «и царственное украшеніе, и прославленіе, и честное богатство, понеже правда никого обидити не пускаетъ»... и пр. «Безъ насажденія же правды ниоими мѣрами народу всесовершенно обогатитися невозможно» (стр. 2 и 3). Высказанныя Посошковымъ мысли находили себѣ полнѣйшее подтвержденіе въ современномъ положеніи дѣлъ: Россія, при крайней бѣдности матеріальной, изобиловала неправдою. Дѣйствительно, трудно ей было достигнуть благосостоянія, когда она была полна «обидчиковъ, воровъ, разбойниковъ и всякихъ явныхъ и потаенныхъ грабителей», когда не было правды въ томъ, что «на словахъ ладогозили», когда поэтому требовалось, кромѣ очевидныхъ мѣръ, и «прозорительное око», чтобъ отыскивать правду. И вотъ Посошковъ, повторяемъ, рѣшился поставить на видъ Государю все извѣстное ему, что не право, что было нарушеніемъ справедливости, отъ чего народу была тягость, а государству скудость. Съ этою цѣлію Посошковъ разсматриваетъ всѣ ослловія, всѣ главнѣйшія проявленія общественной жизни и вездѣ ищетъ правды, все подводитъ подъ требованія справедливости, ставя мѣрною основныя правила общественной жизни. Такъ прежде всего, онъ признаетъ права личности каждаго члена общества и потому требуетъ, чтобъ неправо, незаконно, «даромъ ничто ничье нигдѣ не пропадало»; нужно «за богатыми и за убогими прилежно смотрѣть, чтобъ нигдѣ ничто и ихъ даромъ не пропадало». Съ другой стороны, каждый долженъ трудиться, чтобы не быть излишнимъ, бесполезнымъ нахлѣбникомъ общества: нужно смотрѣть, чтобъ «дней своихъ даромъ никто не терялъ, хлѣба бы напрасно безъ работы не ѣли, но всѣ бы были у дѣлъ своихъ,... чтобъ лишнихъ людей не было, безъ работы никакой человѣкъ не былъ, никто нигдѣ даромъ не шатался». Сообразно своимъ тру-

дамъ и званію, каждый имѣеть право издерживать пріобрѣтенное, но надлежитъ «прилежно смотрѣть, чтобъ излишняго ничего нигдѣ не тратили, чтобъ всякъ свою мѣрность зналъ, чтобъ у всякаго чина денежныхъ истраты лишнія не было, выше своей мѣры себя бы не убитчили». Такъ какъ каждый принадлежитъ цѣлому обществу, то кромѣ законнаго обезпеченія себя, каждый долженъ приносить пользу обществу, чтобы каждый не только не даромъ хлѣбъ ѣлъ, а чтобы и «плодъ приносилъ», чтобъ отъ всякаго и частнаго дѣла государю «прибытокъ былъ» (стр. 71, 106, 108, 130, 73). Таковы основныя положенія политико-экономической системы Посошкова, развитіемъ которыхъ служить вся Книга о скудости и богатствѣ. Нѣкоторые изъ существенныхъ пунктовъ этой системы служатъ полнымъ отголоскомъ взглядовъ Крижанича, который также стремился, чтобъ «никто не жилъ въ королевствѣ бездѣленъ и общему добру некорыстенъ», — что «неприлично и всякой правдѣ противно» (Рус. гос. т. I стр. 333 и 253).

Самъ Посошковъ является въ книгѣ вообще, какъ мудрый практикъ, расчетливый до мелочности хозяйнѣ. Частныя правила касательно хозяйственной экономіи показываютъ всю тонкость практическаго ума Посошкова, не оставившаго безъ вниманія самое, повидимому, микроскопическіе предметы финансоваго изъяна. Самыя мелочныя вещи домашняго обихода онъ разсматриваетъ съ общегосударственной точки зрѣнія; вездѣ онъ старается предотвратить напрасную трату, во всемъ преслѣдуетъ государственное сбереженіе. Предусмотрительность Посошкова въ этомъ отношеніи доходитъ иногда до смѣшнаго. Таковы, напримѣръ, его наставленія объ употребленіи обшивныхъ пуговицъ, «россійскому царству отончительныхъ», причемъ Посошковъ рекомендуетъ употреблять такія, которыя бы «портищевъ пять-шесть вносили»; — о лакомыхъ ядахъ и заморскихъ винахъ, «и для здоровья вредительныхъ, и для государства истощительныхъ»; о лентахъ и платкахъ, «на утираніе носа», объ орѣхахъ и мелкой рыбѣ, о бумагѣ, «несозидательно истрачиваемой при разметистомъ письмѣ»; съ точнымъ вычисленіемъ надлежащаго количества строкъ на страницѣ «письма уписистаго»; — о тюремщикахъ, «подобно червямъ хлѣбъ въ тлю претворяющихъ» и пр. (I т. 125, 126, 180, 84 и пр. Зав. от. 58, 213 и пр.) «Пчела-муха весьма невелика и собираетъ медъ не корчагами, обаче множество ихъ собирають тысячи пудъ! Тако и собираніе богатства царственнаго, аще вси будутъ

жить бережно и ничего напрасно тратить не будутъ, то царство можетъ весьма обогатиться» (I, 85 стр.). Таковы соображенія, которыми руководился Посошковъ въ подобнаго рода предписаніяхъ. Кромѣ того, Посошковъ отлично сознавалъ, что вещественнымъ богатствомъ обуславливается и нравственное, умственное развитіе, какъ съ другой стороны, усовершенствованіе въ доброй нравственности, истинное просвѣщеніе содѣйствуютъ умноженію матеріальнаго благосостоянія. На основаніи этой нерасторжимой связи, въ книгѣ Посошкова мы встрѣчаемъ, вмѣстѣ съ указаніями злоупотребленій собственно въ практической жизни, указаніе и нравственныхъ недостатковъ своего времени.

Свое политическое обозрѣніе Посошковъ начинаетъ съ духовенства (I, стр. 3 и 4, 9—31). По его мнѣнію, это—высшее сословіе, источникъ религіозно-нравственнаго и умственнаго просвѣщенія, представители образованія. «Священство—столпъ и утвержденіе всему благочестію, ... они наши пастыри, они и отцы, они и вожди». На духовенство Посошковъ обращаетъ вниманіе прежде всего, потому что поставляетъ въ прямой зависимости отъ него чистоту вѣры, нравственное совершенство и, даже умственное образованіе всѣхъ другихъ сословій: «мое мнѣніе тако мысли моеи касается, яко вся наша погибель и спасеніе залежитъ въ пресвитерахъ: аще они будутъ несмысленны, то и люди паствы будутъ несмысленны, а аще пресвитеры будутъ разумны и святы, то и люди паствы будутъ разумительны и святости близко»¹⁾. Но уже въ самомъ духовенствѣ Посошковъ замѣчаетъ множество недостатковъ, прямыхъ уклоненій отъ идеала, нарушенія законныхъ требованій. Оказалось, что духовенство не удовлетворяло вполне своему назначенію и не имѣло должнаго вліянія на народъ. А эти недостатки духовенства, естественно, влекли за собою гибельныя послѣдствія: «въ духовномъ чину, аще будутъ люди неученые, въ писаніи неискусные, аще будутъ пьяницы и инаго безчинства наполнены, то благочестивая вѣра наша исказится и вмѣсто древняго благочестія вси разыдутся въ разногласные расколы». Эта мысль, высказанная здѣсь въ формѣ предположенія, находила себѣ подтвержденіе въ жизни, потому что въ невѣжествѣ и небрежности духовенства Посошковъ видѣлъ причину усиленія раскола и распространенія на Руси иновѣрческаго вліянія.

¹⁾ О взглядѣ Посошкова на духовенство скажемъ подробнѣе при разборѣ Завѣщанія отеческаго.

Тѣ, которые должны быть «всему благочестію опора и отъ ересей забрано, и отъ адскихъ волковъ оборона, которые должны людей отвлечать отъ погибельныхъ вратъ», оказались не въ состояніи даже «себя чѣмъ оправдати не только отъ лютерскія или отъ римскія ереси, но отъ самаго дурацкаго раскола». Видѣлъ я, рассказываетъ Посошковъ, въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома, который «и татаркѣ противъ ея заданія отвѣта здраваго дать не умѣлъ». Сельское же духовенство стояло еще ниже: «сельскіе бо пресвитеры самые люди простыя: возростеть онѣ въ деревнѣ, деревенскія дѣла и смышляетъ, а что Богъ взыщетъ погибшія души на нихъ, ничего того не знаютъ». Тѣ, которые обязаны были учить пасомыхъ истинному правовѣрію, сами находились въ такомъ религіозномъ невѣжествѣ, что «и вѣра христіанская на чѣмъ основана, не вѣдали», не могли «не то чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, по и того не знали, что то есть реченіе вѣра и не до сего-ста, но есть и такіе, что церковныя службы како отправить не знаютъ: отправляютъ наугадъ, какъ кому примыслится; того ради въ градѣхъ въ церквахъ многое несогласіе бываетъ, а о сельскихъ и дивити нечего» (тоже въ проектѣ о школахъ л. 6). «Сельскихъ уже и почитать въ дѣло нечего, тѣ мало и церковныя службы отправляютъ, пекутся паче о пашнѣ да о сѣнныхъ покосахъ». Что касается пастырской обязанности нравственнаго руководства, то «пресвитеры, кѣмъ и во градѣ живутъ, не весьма знаютъ, въ чѣмъ грѣхъ или въ чѣмъ спасеніе, и того ради прихожанъ своихъ къ покаянію не принуждаютъ, не наставляютъ и отъ того многіе люди въ невѣдѣніи своемъ погибаютъ». Обязанные заботиться объ умственномъ развитіи народа и дѣтей духовныхъ увѣщавать, чтобы они «дѣтей своихъ учили грамотѣ», пастыри сами были «въ книжномъ разумѣніи не весьма довольни», такъ что и по книжкамъ богослуженія отправлять не всегда могли. «Въ Новгородѣ видалъ я новопоставленника діакона: не всегда могъ единныя страницы въ Евангеліи прочести, еже-бы разовъ пяти-шести не помѣшались. А всякая намъ гибель чинится отъ неученыхъ нашихъ пастырей» (о школахъ л. 8). Наряду съ религіознымъ и умственнымъ невѣжествомъ, коренились въ жизни духовенства и нравственные недостатки и пороки: «обязанные о паствѣ своей пецися, дабы вси праведно жили», духовные сами были неисправны отъ «неключимствъ». Какъ во все время нашей исторіи, такъ и во время Посошкова обращалъ на себя вниманіе главнымъ образомъ извѣстный,

особенно отвратительный въ духовествѣ порокъ. «У насъ попы первые пьяницы, по кабакамъ ходятъ, въ крови дерутся», съ обычною рѣзкостью заявлялъ Ломоносовъ¹⁾. «Пьянство великъ порокъ пресвитеру носить», разсуждалъ Посошковъ, и съ своей стороны тоже долженъ былъ признаться, что «пьянственная страсть вельми овладѣла попами», а что «пьяные попы гораздо хуже во нравахъ, нежели простолюдины бываютъ»; вынужденъ былъ засвидѣтельствовать существованіе такихъ пресвитеровъ, которые, «напившись до пьяна, по улицѣ ходя, или гдѣ сядя, кричали нелѣпно и бранно, и сквернословили, и дрались, и пѣсни пѣли...»; вынужденъ былъ вслѣдствіе этого совѣтовать, «дабы пресвитеры и діаконы чрезмѣрно до пьяна не напивались. А буде каковымъ случаемъ и напьется до пьяна, то шель-бы въ утишное мѣсто и выспался, отнюдь не открывая себя народу».

Таково было русское общество въ лицѣ представителей его высшихъ интересовъ! Посошковъ старается указать причины столь безотраднaго положенія духовенства. Эти причины видитъ онъ съ одной стороны въ небрежности высшей церковной власти, въ злоупотребленіяхъ, а съ другой стороны — въ общей для всей земли русской скудости матеріальной. «Азъ признаваю», говоритъ Посошковъ, «отъ оплошки архіерейскія тако чинится, понеже полагаются на службниковъ своихъ», которые «у новоставленниковъ пріемлютъ дары и пріавъ дары, дадутъ ему затвердить по Псалтири нѣкоторые псалмы и заложа, дадутъ при архіереи прочитать; архіерей жѣ, видя твердо и разумно читающа, возмнитъ, якобы и во всякомъ чтеніи таковъ, благословитъ его въ пресвитерство. Отъ такого порядка у иныхъ грамота и плоха». Весьма важнымъ препятствіемъ къ образованію вообще было отсутствіе почти всякихъ къ тому средствъ. Стоило большихъ трудовъ и требовалось во всякомъ случаѣ пройти не всегда удобную практическую школу гдѣ нибудь «въ городѣ, при соборѣ, или при разумномъ пресвитерѣ въ подначальствѣ», чтобы выучиться только правильно отправлять Богослуженіе; — требовалось это по той простой причинѣ, что непосредственно научиться было «не по чему: печатнаго двора справщики отъ многого пнтя и отъ роскошнаго жнтя утнли и не хощутъ яснаго изъявленія о всякомъ церковномъ служеніи напечатать, чтобъ всякій могъ разумѣти, какъ что отправляти».

¹⁾ Объ обязан. духовенства. Лѣтописи Тихонравова, ч. IV стр. 197.

Главная же причина совершенной неразвитости, невежества духовенства и крайне небрежного выполнения пастырских обязанностей была бѣдность и матеріальная необеспеченность: «попы обременены земледѣльствомъ и того ради не тако печутся о служеніи церковномъ, яко о пашнѣ своей, а паства душевная уже въ сторонѣ стала бытъ». «Жалованья государева имъ нѣтъ, отъ міра никакого подаванія имъ нѣтъ же и чѣмъ имъ питаться, Богъ вѣсть». Поэтому, «у насъ въ Россіи сельскіе попы питаются своею работою и ничѣмъ они отъ пахатныхъ мужиковъ не отгѣнны: мужикъ за косу и попъ за косу, а церковь святая и паства остаются въ сторонѣ. Въ праздничный день гдѣ было идти въ церковь, а попъ съ мужиками пойдетъ овины сунуть, и гдѣ было обѣдню служить, а попъ съ причетники хлѣбъ молотить. Аще пашню попу не пахать, то голодну бытъ». Отъ бѣдности происходила небрежность въ выполненіи пастырскихъ обязанностей по отношенію къ пасомымъ, въ нравственномъ надзорѣ и руководствѣ: «въ такихъ суетахъ живуще», справедливо замѣчаетъ Посошковъ, «не токмо стадо Христово пасты, но и себя не упасти. Отъ такого ихъ земледѣлія многіе христіане помираютъ не токмо сподобившися пріятія тѣла Христова, но и покаянія лишаются и умираютъ яко скоть».

Не ограничиваясь указаніемъ недостатковъ и злоупотребленій, Посошковъ гораздо болѣе даетъ мѣста въ своемъ трудѣ разсужденіямъ о мѣрахъ къ избѣжанію этихъ недостатковъ, предлагаетъ проекты. Сущность ихъ, въ отношеніи къ духовенству, состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить пастырей въ матеріальномъ ихъ содержаніи и затребовать отъ нихъ предварительнаго образованія. Нужно освободить ихъ отъ неподобна, унижительна работы, чтобы «пашни имъ не пахать и сѣна не косить, но пещися имъ о церковной службѣ, да о паствѣ, а вмѣсто пашни чтобы получать десятую долю отъ приплода, какъ изъ хлѣба, такъ изъ мяса и изъ вина и съ прочаго харча» (23 с.). При этомъ нужно измѣнить «гнусныя, многошвенныя, раздранныя расы и лапти растоптанныя», потому что предъ престоломъ Божиимъ нужно имѣть чистоту въ душѣ и въ одеждѣ. Главное же средство возвысить духовенство до его идеала — образованіе. Съ этою цѣлію «построить бы въ епархіяхъ школы просторныя и собрать всѣхъ духовныхъ дѣтей отъ десяти до двадцати пяти лѣтъ, брать бы и неволю, и учить грамматикѣ и всякаго книжнаго разума». А для этого нужно выправить азбуку и грамматику, чтобы вся-

кія скрѣтности откровенны были въ ней; надлежитъ библіи напечатать и въ школы разослать; тако жъ маргаритовъ, сборниковъ, евангеліевъ толковыхъ, четыхъ-миней и пр.; рекомендуетъ также, ради охраненія отъ люторскія, кальвинскія и прочихъ ересей, напечатать книги: Камень вѣры, Розыскъ, Зерцало очевидное, Праницу. Издать книги о ересяхъ, ихъ исторію, отступленія, чтобъ всё знали, что въ нихъ пороку. Сверхъ того, нужно давать школьникамъ читать книги и «гражданскія, бытійскія; не худо бы и лѣтописныхъ книгъ давать имъ почитать, чтобъ обо всемъ знали, что доселѣ бывало». Изучившихъ грамматику молодыхъ школяровъ нужно учить риторикѣ и философіи. «Вельми потребно ученикамъ въ досмытаціяхъ подтверждаться». Учителя же должны наблюдать, кто изъ учениковъ къ какому дѣлу склоненъ, къ духовному или къ свѣтскому». Въ концѣ концовъ, «положить недвижимый предѣлъ: буде кой человекъ школьнаго ученія не принесъ и грамматического разумѣнія не научился, таковыхъ бы отнюдь въ пресвитеры и діаконы не посвящати» (о школахъ л. 2 и 3).

«Аще по вышнѣписанному устроить Богъ о духовныхъ», твердо надѣется Посошковъ, «то пресвитеры будутъ всесовершенные слуги Божіи; и въ крестьянскомъ житіи свѣтъ бы возсіялъ и вся Россія умудрилась бы. А сіе преславное дѣло трудно токмо начати, да основати, а тамо будетъ оно уже и само правитися».

Свидѣтельство Посошкова о состояніи современнаго ему духовенства и его существенныхъ недостаткахъ вполне согласно и совершенно подтверждается всѣми историческими данными. Жалобы на печальное нравственное состояніе духовенства, которое не въ состояніи было воспитывать пограшій въ порокахъ народъ, жалобы на невѣжество духовенства, лишавшее его учительской способности въ то время, когда оно болѣе всего нуждалось въ этой способности, когда нравственными, научными средствами нужно было защищать православіе отъ своихъ и отъ чужихъ, отъ раскола и западныхъ иновѣрцевъ, жалобы на злоупотребленія матеріальными средствами въ духовенствѣ, — эти жалобы раздавались давно и громко, между мірянами, самимъ духовенствомъ и на соборахъ церковныхъ. Даже Крижаничъ, который менѣе всего упоминаетъ и касается духовенства, и онъ предлагаетъ относительно «духовнаго чина» нѣкоторыя требованія, вполне согласныя съ требованіями Посошкова и вызванныя, очевидно, тѣми же недостатками, которые усмот-

рѣлъ Посопковъ ¹⁾. Стефанъ Яворскій рѣзко обличалъ духовенство, которое, по его отзыву, «свои должности позабыша и гладъ слова Божія въ церкви сотвориша» ²⁾. «До того пришло», говоритъ Теофанъ Прокоповичъ, «что пріемшіи власть наставляти и учить людей сами христіанскаго перваго ученія не вѣдаютъ, слѣпіи слѣпыхъ водять» ³⁾. Юридическій памятникъ петровскихъ временъ, Регламентъ, жалуется также на «развращеніе церковнаго причта» (ч. 2-я стр. 2), обличаетъ злоупотребленія при занятіи, напримѣръ, священнослужительскихъ должностей, гдѣ имѣли силу только подкупъ архіерейскихъ слугъ, которые, «обычнѣ бывають лакомыя скотины» и родственныя связи (ч. 1-я стр. 39 и ч. 2-я стр. 23 об.). Строго укоряетъ Регламентъ духовныхъ за суетвѣрія, которыя они распространяли въ народѣ новозымышленными святинами и своими, напримѣръ, молитвами, рассылаемыми въ шапкахъ (ч. 1-я стр. 14, 15, 84; ч. 2-я стр. 21). Регламентъ требуетъ строгаго наблюденія за нравственнымъ поведеніемъ духовныхъ, чтобъ «не безчинствовали по улицамъ, не шумѣли пьяни въ церквахъ, не ссорились по мужитски, не храбрествовали въ бояхъ вулачныхъ, не ложились бы спать на улицѣ, не ходили по кабакамъ» (ч. 2-я стр. 24 об. и 25) и пр.; особенно же настойчиво и Регламентъ требуетъ образованія въ духовенствѣ (ч. 1-я стр. 23 и 24; ч. 2-я стр. 2 об.). Впрочемъ, настоятельная необходимость въ школьномъ ученіи для духовенства засвидѣтельствована непосредственно самимъ Петромъ Великимъ, который говорилъ патриарху Адриану: «священники ставятся малограмотныя, надобно ихъ прежде учить, а потомъ ужъ и въ этотъ чинъ ставить» ⁴⁾. Слова Петра не остались словами: какъ и вездѣ, онъ отвѣчалъ на нихъ дѣломъ, исправленіемъ зла. Поднять русское духовенство, давши ему могущество — науку,

¹⁾ Таковъ напр. проектъ объ освобожденіи духовенства отъ черной работы и т. п. Русск. Госуд. въ пол. XVII ст. т. I стр. 311; также т. II стр. 66, 43 и пр. Особенно сильныя жалобы на вопіющіе недостатки духовенства находимъ въ Стоглавѣ (напр. гл. 5 вопросъ 23 стр. 51) и въ свидѣтельствахъ просвѣщенныхъ предстоятелей русской церкви, напр. Дмитрія Ростовскаго (Моск. Унив. Изв. 1871 г. ч. 9 стр. 518 ст. «О дух. регламентъ»), Патр. Юсафа (тамъ-же стр. 505).

²⁾ Пропов. Стеф. Явор. т. I стр. 272.

³⁾ Слова. Часть 2, стр. 67.

⁴⁾ Соловьевъ Ист. Рос. т. XV стр. 115.

снабдивши его средствами возстановить свое учительское значеніе и свое нравственное вліяніе, согласно съ новыми потребностями и новыми условіями ; сообщить духовенству возможные матеріальныя средства, недостатокъ которыхъ мѣшалъ успѣшному и достойному исполненію его обязанностей, — такова, какъ извѣстно, была преобразовательная программа Петра относительно духовенства.

Отъ духовенства, во 2-й главѣ Книги о скудости и богатствѣ, Посошковъ переходитъ къ воинскимъ дѣламъ (стр. 4—5, 31—44). Онъ сознавалъ всю важность въ государствѣ служенія воинской силы. «Военный людъ», говоритъ онъ, — «стѣна и твердое забрало царству. Царство воинствомъ расширяется». Между тѣмъ, съ чувствомъ горькаго сожалѣнія Посошковъ находитъ въ военномъ вѣдомствѣ слишкомъ много неправого, злоупотребленій и описываетъ въ высшей степени бѣдственное положеніе въ ту пору солдатъ. Посошковъ видѣлъ, что русскіе солдаты не вполне удовлетворяютъ своему прямому назначенію: «военный артикулъ не гораздо твердъ, еже бы на войнѣ не смѣшались». Вообще, въ постановкѣ военнаго дѣла замѣчалось много недостатковъ, требовавшихъ немедленнаго исправленія; такъ Посошковъ говоритъ о «нецѣльныхъ къ стрѣлянню, нескорыхъ въ ратоборствѣ орудіяхъ», высказываетъ свое оригинальное мнѣніе о неудобствѣ «древняго повнчая солдатскаго, что только ладятъ одно, чтобы вдругъ выстрѣлить: при банкетѣ кровавомъ тотъ артикулъ не годится». Главную причину недостатковъ въ военномъ дѣлѣ Посошковъ видитъ въ крайней скудости и матеріальной небезопасности солдатъ. «Плоха служба, когда у солдатъ пища нѣтъ. Истинно слыхалъ я отъ солдатъ, что ради смерти своей». При этомъ Посошковъ рассказываетъ случаи крайней бѣдности солдатъ, доводящей ихъ иногда до самоубійства. «А когда солдатъ и голоденъ, и холоденъ, и ходитъ скорчась, то какой онъ воинъ, что служба воетъ? Въ такой скудости будучи, какъ солдату не своровать, какъ ему изъ службы не бѣжать? — нужда пригонитъ къ побѣгу, а иной и измѣнитъ будетъ радъ. Какая отъ нихъ спорина въ службѣ, когда онъ не желаетъ непріятеля убить, а самъ желаетъ убіенъ быти, дабы ему вмѣсто здѣшнія нужды какое либо упокоеніе пріяти». Много говоритъ Посошковъ о распущенности солдатъ, о дерзостяхъ, которые дозволяли даже офицеры къ мирнымъ жителямъ; особенно же обращаетъ вниманіе на военный судъ, который, по обычаю всѣхъ административныхъ учрежденій своего времени, былъ

полонъ страшныхъ несправедливостей. «Солдаты не могутъ смирно стоять; на притчу кто издается изъ нихъ смиренный человекъ. Офицеры чинять страшныя обиды, а расправы не сыщутъ на нихъ. Военный судъ еще и жестоко учиненъ, да и жестоко доступать его, понеже далеко онъ отъ простыхъ людей; и военный человекъ не на равнаго себя не скоро судъ сыщеть» (Зав. отеч. 199 с.). Да и вообще, по мнѣнію Посошкова, это «не весьма право, еже простолюдину у солдата на солдата милости просить: воронъ ворону глаза не выклюеть, свой своему поневоля другъ».

Говоря о средствахъ къ избѣжанію указанныхъ недостатковъ, Посошковъ прежде всего признаетъ необходимымъ матеріальное обезпеченіе солдатъ: «нужно служивыхъ беречь, надлежитъ весьма великое попеченіе о нихъ имѣть, дабы они пищею и одеждою были не скудны». Затѣмъ, исправивъ военныя орудія, «учить солдатъ цѣльному стрѣлянью», отличая особенно умѣлыхъ прибавкою жалованья. Наконецъ, «ради общезнательства любовнаго, нужно устроить судъ единый, каковъ землевладѣльцу, таковъ и купецкому человеку, убогому и богатому, солдату и генералу, — судъ близостный и для низкочинца, судъ безъ понаровки». Только съ устраненіемъ недостатковъ, т. е. когда солдаты «бросятъ свою приткось и озарничество, когда военный артикулъ гораздо будетъ твердъ» и пр., воинское дѣло удовлетворитъ своей цѣли и солдаты «будутъ на бою яко каменная стѣна».

Историческій очеркъ Посошкова о состояніи древне-русскаго воинства составляетъ новый документъ, подтверждающій всѣ историческія данныя. Еще Котошихинъ, въ качествѣ, впрочемъ, историческаго факта, свидѣтельствовалъ, какъ солдаты на своей службѣ, даже въ военное время, «мерли съ голоду» (стр. 106). Крижаничъ, говоря, что если немногіе «воики отъ голода помирають», то гораздо болѣе «отъ безодѣжья, отъ мраза погибають», — предлагаетъ «первѣе всего промыслить о воякахъ, т. е. о пищѣ, платьѣ, оружіи, также о обученіи ихъ, храбрости» и пр. (т. I, стр. 83).

Болѣе другихъ интересное разсужденіе Посошкова заключается въ 3-й главѣ Книги о скудости и богатствѣ — о правосудіи (стр. 5, 45—111). Тутъ вполнѣ высказался предъ нами любитель правды, котораго мучила всякая несправедливость. Посошковъ имѣлъ въ высшей степени высокій взглядъ на правосудіе и вообще убѣжденъ былъ въ громадной важности

суднаго дѣла. «По своему мнѣнію, судное дѣло и управленіе я вельми высоко поставляю, паче всѣхъ художествъ, на свѣтѣ сущихъ. Правосудное установленіе самое есть дѣло высокое. Судія, дѣлающій правду, подобенъ самому Богу, а дѣлающій неправду, уподобляется лживому діаволу. Паче всякаго дѣла надлежитъ старатися о правомъ судѣ. Всему добру основаніе нелицепріятный судъ. Отъ правосудія зависить и богатство государственное, съ кимъ и собраніе царскія казны будетъ сугубо». Съ другой стороны, «всѣ пакости чинятся отъ неправаго суда, отъ нездраваго разсужденія, отъ неразмотрительнаго правленія». Но ничто, кажется, въ древней Руси не страдало такъ злоупотребленіями, какъ правосудіе. Подробно Посошковъ описываетъ плачевное состояніе его въ свое время. «Всѣ древніе уставы обветшали и отъ неправыхъ судей исказились; того ради, всякія дѣла государевы и неспоры, и смски неправы, и указы недѣйствительны. Все бо правители дворянскаго чина, и какъ кому что угодно, такъ то и чинять». Лица, въ рукахъ которыхъ сосредоточена власть исполнительная, слушаются верховныхъ распоряженій: «государевы указы въ презрѣніи. Се бо нынѣ колико новыхъ статей издано, а не много въ нихъ дѣйства, ибо всѣхъ ихъ древностная неправда одолѣваетъ». Главнымъ образомъ эта неправда проявлялась въ насиліяхъ богатыхъ надъ бѣдными, знатныхъ надъ мизерными, маломочными: правители знатнымъ нарываютъ, а власть имуть и дерзновеніе токмо надъ маломочными людьми». «Неправда вельми твердо вкоренилась: кто съ кого сможетъ, тотъ того и давить, а вси люди ядовитые, то маломочныхъ вконецъ разоряють; а судьи сильниковъ и ябедниковъ, аще и видятъ, что напрасно нападаютъ, а воспретить не смѣють и суда на сильнаго сыскать не можно». На ряду съ указанными несправедливостями, въ судахъ развилось до ужасающихъ размѣровъ взяточничество: «всѣ отъ мала до велика стали быть поползновенны ко взяткамъ»; «иманіе» перешло мѣры излишества: «за гривенное дѣло берутъ по полтинѣ и больше». Съ особеннымъ негодованіемъ вооружается Посошковъ противъ этого укоренившагося порока въ русскомъ судопроизводствѣ, потому что онъ сознавалъ крайне вредныя слѣдствія его: «мзда заслѣпляетъ и мудрому очи». «Отъ взяточничества никакое дѣло никогда право и здраво не будетъ разсуждено, но всячески будетъ на одну сторону криво». Наконецъ, само судопроизводство полно было несправедливыхъ дѣйствій. Напримѣръ, такъ отзывается Посошковъ о по-

вальныхъ обискахъ: «а что въ промятыхъ новальныхъ обискахъ, то самъ сатана сидитъ, а Божія правды и слѣда нѣтъ; всѣхъ свидѣтелей пишуть за очно» и т. д. Много говорятъ Посошкоровъ также объ извѣстномъ въ древне-русскомъ судѣ волокитствѣ и о происходящихъ отъ того «въ мирѣ вельми многихъ пакостяхъ»; рассказываетъ случаи разоренія вслѣдствіе волокитства, — какъ многіе безвинно цѣлые годы просаживали въ тюрьмѣ, какъ нѣкоторые подсудимые, забытые въ безконечныхъ процессахъ, помирали съ голоду въ тюрьмахъ. Также жалуется Посошкоровъ на безцѣльное задерживаніе постоянно накапливаемыхъ преступниковъ: «нищѣ, истинно, стыдное дѣло, что въ нищихъ да въ колодникахъ пройти нельзя» (=Зав. от. 239 с.). Тяжело отзывалась неправда судебная вообще на жизни народной и благосостояніи государственнымъ: «отъ неправдаго суда много чинится и воровства, и разбоевъ; всякія многія обиды содѣваются въ людѣхъ ни отъ чего иного, а токмо отъ неправдаго суда. Брестьяне, оставя дома, бѣгутъ отъ неправды и російская земля во многихъ мѣстахъ запустѣла и все отъ неправды, и какія гибели чинятся, а все отъ неправды». Постоянное нарушеніе правосудія религіозному взору Посошкова представляется уже особымъ, непосредственнымъ дѣйствіемъ духа злобы: онъ считаетъ судей, какъ и вообще всѣхъ чиновъ, во всѣхъ дѣлахъ вмѣсто правды чинящихъ неправду, запечатлѣнными въ руку печатію антихриста (Зерцало л. 137 об.).

Само собою разумѣется, что Посошкоровъ напрягъ всѣ силы своего практическаго ума, чтобы изобрѣсти мѣры къ возможному искорененію судебной неправды, — и эта глава его сочиненія вышла особенно обильна проектами. Но Посошкоровъ сознавалъ, что важности дѣла соответствуетъ его трудность: «умъ мой не постигнетъ столь великаго дѣла», какъ устройство правосудія; и только «елико ми Богъ дарова и не безъ страха» Посошкоровъ беретъ излагать свои мнѣнія. Сообразно религіозному началу, и «первое мнѣніе о судействѣ» у Посошкова вышло «сипцвое: егда кто опредѣленъ будетъ къ управленію судному, то подобаетъ ему умолить пресвитера, дабы Господу Богу всенощную, литургію и молебное пѣніе воспѣлъ и въ томъ моленіи просилъ-бы, еже-бы подалъ ему Богъ правость и виновность во всякомъ дѣлѣ распознавать» (=Зав. от. 219—221 с.). Далѣе Посошкоровъ предлагаетъ цѣлый рядъ совѣтовъ судьямъ, какъ вести себя, чтобы избѣжать обычныхъ несправедливостей: помнить постоянно о колодникахъ, безъ замедленія рѣшать дѣла и пр. Относи-

тельно обыкновѣ Посошковъ предлагаетъ сложный порядокъ допросовъ, оныхъ ставокъ, увѣщаній, предлагая даже образцы, какъ и что говорить; главнымъ образомъ при этомъ Посошковъ желаетъ дѣйствовать на религіознонравственное чувство подсудимыхъ. Для исправленія вѣтокъ, Посошковъ советуетъ сдѣлать такую плату за различныя дѣла въ судахъ «и кто возьметъ лишку, хотя малое число, взять на немъ штрафу, за всякую малую ошибку по рублю». Для побужденія волокитства, Посошковъ советуетъ установить сроки для рѣшенія дѣлъ, подъ строгою отвѣтственностію подъячыхъ. Отыскивая по всѣмъ статьямъ судопроизводства неудобныя или несправедливыя основанія, Посошковъ высказываетъ замѣчательную мысль о пересмотрѣ старыхъ законовъ и объ изданіи новаго уложенія. «Ни милостію, ни жесточію, ни измѣнными судіями, ни иными какими вымыслами учинить правды невозможно, аще не сочинить всякимъ дѣламъ недвижимаго расположенія особливимъ сочиненіемъ. Аще и самыя жесточайшія казни судіямъ учинить, а дравнаго уложенія не измѣнить и новаго регула не учинить, то не можно правдѣ въ приказныхъ дѣлахъ установиться. При этомъ заслуживаетъ особеннаго вниманія самый способъ составленія новаго уложенія, предложенный Посошковымъ. Здѣсь вполнѣ высказалась чисто народная натура Посошкова и его стремленіе оцѣнить и оберечь нѣкоторыя своеобразныя — общинныя стороны русской жизни. Онъ ставитъ обязательнымъ свободное участіе въ этомъ общемъ дѣлѣ всего народа. «Для установленія правды надлежитъ первѣе соотростъ судебную книгу съ тонкостнымъ расположеніемъ на великія и малыя дѣла, какъ конъ рѣзать». Для этого избрать «разумныхъ, правдолюбивыхъ и смелыхъ» людей изъ всѣхъ безъ исключенія сословій, потому что даже «и въ Мордвѣ разумные люди есть». Потомъ «освидѣтельствовать ты новосочиненныя пункты всѣмъ народомъ, самимъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ». Я знаю, говоритъ онъ, что на это возмущаютъ, яко бы азъ народосавѣтіемъ самодержавную власть снижаю, но самая истинная правда того требуетъ, — «безъ многословія и безъ вольнаго голоса никакими дѣлами невозможно». Своимъ проектомъ о составленіи новаго уложенія Посошковъ возвышается и надъ своимъ великимъ предшественникомъ на политико-литературномъ поприщѣ — Крѣжаничемъ, который, какъ мы видѣли, также обратилъ вниманіе на эту не менѣе разрушительную въ его время язву общественную — неправосудіе и который также настоятельно требовалъ правды.

(I, 7, 89; II, 21, 222). Но не только тогда не осуществлялось это желаніе Крижанича, а даже и послѣ; Посошковъ не надѣялся, чтобы сильные люди согласились установить правду, «дабы не бити самниъ отъ праваго суда потишнущимъ»; онъ прямо высказывалъ опасеніе, что «сильники» постараются даже препятствовать насажденію правды, будутъ «прошнати въ сочиненіи праваго изложенія». И Посошковъ остался правъ въ этомъ случаѣ, потому что несправедливости стараго суда пережили петровское время и позднѣе вызвали новыя жалобы, вполнѣ подтверждающія слова Посошкова ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, своею мнелю объ измѣненіи стараго уложенія и изданіи новаго «свода», Посошковъ является не только современникомъ Петра, а его сподвижникомъ, единомышленникомъ: извѣстно, что Петръ Великій замышлялъ увѣнчать свое царствованіе изданіемъ свода законовъ; дѣло было начато, новое уложеніе составлялось, какъ смерть Петра положила конецъ этому дѣлу.

Первая глава второй третицы посошковскаго «трекратнаго трекратія» занята разсужденіемъ о купечествѣ и торговлѣ (стр. 5—6, 112—139). Какъ истый политико-экономъ, онъ убѣжденъ въ громадной важности для государства торговли, считая купечество «украшеніемъ царства». «Купечество воинству товарищъ: воинство воюеть, а купечество воюгаетъ и всякія потребности нивъ уготовляетъ». «Торгъ дѣло великое! Купечествомъ всякое царство богатится, а безъ купечества и малое государство быть не можетъ. Яко душа безъ тѣла не можетъ быть, такъ и воинство безъ купечества. Нѣтъ на свѣтѣ такого чина, коему бы купецкій человекъ не потребенъ былъ» и проч. Поэтому, нужно «о купцахъ попеченіе имѣть неоскудное; подъ великимъ охраненіемъ блистни ихъ надлежитъ и отъ обидъ оберегати, дабы во убожество не входили и Его Величеству приплодъ бы несли, интересъ его умножали. Между тѣмъ, положеніе купечества было далеко незавидное; въ общественной жизни оно не пользовалось никакимъ уваженіемъ и стояло въ ряду самыхъ низшихъ, презрѣнныхъ сословій: несмысленные люди по словамъ Посошкова, ни во что ставили купечество, гнушались имъ, бояре не ставили

¹⁾ Напр. Кн. М. М. Щербатовъ описываетъ состояніе русскаго судопроизводства въ чертахъ совершенно сходныхъ съ Посошковымъ; и онъ напр. свидѣтельствуетъ «о презрѣнннхъ узаконеніяхъ», о «лихоимственной продажѣ правосудія» и пр. О поврежденіи правовъ. Рус. стар. 1870 г. ч. 2, стр. 4 и 5.

купецество и въ личную скорлупу, на грѣшъ готовы были промѣнить его. Торговля операціи купцовъ сопровождалась страшными злоупотребленіями. Едва только возникшее, купецество не могло сообразоваться съ новыми формами и требованіями; оно не составляло даже особаго сословія: «люди всякаго чина: и отъ синелита, и отъ офицеровъ, и отъ дворянства, и отъ приказныхъ, и отъ церковныхъ причетниковъ, и крестьяне, торговали пролазомъ, утайкою, воровски, безъ пошлиннаго платежа». Самая торговля «чинилась вельми неправо: другъ друга обманываютъ и другъ друга обидятъ, товары худые закрашиваютъ, цѣну берутъ неправую, между собою общества не имѣютъ, другъ друга вѣдать — и тако вси погибнуть. Обманами всѣхъ вельми изъяснять и въ вѣсахъ обвѣшиваютъ, и въ мѣрахъ обмѣриваютъ, и въ цѣнѣ облыгаютъ», и пр. и пр. Посошкоть предлагаетъ прежде всего выдѣлать купеческое сословіе, возвысить его въ государствѣ, воспретить торговлю вѣшью, которые не хотятъ «промышлять приминъ лицомъ, съ платежомъ пошлинъ. Буде же у кого желаніе есть въ купеческій чинъ вписатися, надлежитъ ему быть подъ вѣдѣніемъ магистратскимъ и пошлину платить». Для надзора за честностію въ торговлѣ, «ради недвижна въ купечествѣ правды», Посошкоть совѣтуетъ избрать изъ купцовъ же десятскихъ, сотскихъ и пр., а на товары установить таксу (Зав. от. 189—192 с.).

Торговля, естественно, обращала на себя и прежде вниманіе русскихъ полетиковъ. Но если и во время Посошкова она далека была отъ правильной органической постановки, то неудивительно, что мы встрѣчаемъ отзывы о болѣе неудовлетворительномъ состояніи русской торговли въ болѣе ранніе періоды. Котошикинъ описываетъ самую первобытную форму торговли въ его время: «торгуютъ великихъ чиновъ люди, вездѣ, вслѣдствіи торговыми промыслами»; берутъ съ нихъ, въ качествѣ пошлины въ казну, «что доведется взять» (стр. 111 и 192) и пр. Крижанничъ свидѣтельствуетъ о крайней неразвитости русской торговли: «земля сія», говоритъ онъ о Россіи, «мало торговщицъ имеетъ и товаровъ», потому что «люди не умѣльными къ торгованію, — разумны весны и туны, требуютъ обостренія, то есть поученія; а къ тому лѣнь противится» (I, 8, 13, 42 стр.). Въ видахъ государственнаго обогащенія и Крижанничъ совѣтуетъ усилить торговлю; проецируетъ препятствіе «всякаго самотерзія» и нѣкоторыя правила, обеспечивающія цѣлесообразность торговыхъ управленій (I, 12, 13, 325, 20).

Какъ бы непосредственнымъ продолженіемъ разсужденія о торговлѣ, слѣдуетъ въ 5-й главѣ Книги о скудости и богатствѣ разсужденіе «о художествѣ», т. е. о ремесленной производительности на Руси (стр. 6, 140—153). Посошковъ посвящаетъ этому частному вопросу цѣлую главу, въ видахъ важности предмета съ точки зрѣнія государственной экономіи и какъ человѣкъ лично заинтересованный; — потому что и самъ Посошковъ былъ промышленникъ, изобрѣтатель, механикъ. Тѣмъ болѣе, слѣдовательно, возмущала его злоупотребленія въ этой сродной и излюбленной имъ сферѣ дѣятельности. «Въ художественныхъ мастерствахъ весьма несправно дѣлается у насъ, начинать Посошковъ. Первое злоупотребленіе въ этомъ отношеніи Посошковъ видитъ въ неразвитости добраго мастерства (= Зав. от. 185 с.). Это же зависитъ отъ недостаточнаго обученія и вообще отъ неправильной постановки дѣла въ ученіи ремесла: ученикъ, «отдавшись въ наученіе лѣтъ на 5—6 и годъ-другой поживъ, да мало-мало понаучась, прочь отойдетъ, да и станетъ дѣлать собою, и цѣну спуститъ, — и мастера охолодитъ, и себя не наворимтъ, да такъ вѣкъ свой изволочитъ — ни онъ мастеръ, ни онъ работникъ». При недостаткѣ же настоящихъ мастеровъ, «много у насъ гниетъ добра», безъ всякаго примѣненія и пользованія имъ. Что же касается самостоятельнаго развитія художествъ, изобрѣтеній, то всякій бьется руки приложить, потому что ничѣмъ не ограждена неприспособленность открытій: «не смѣютъ вымысловъ своихъ объявить, нежеже вымыслили и дѣлчи пробу, изубытчатся; а егда достигнетъ, другіе, увидя у него, начнутъ дѣлать тая-жъ дѣла и цѣну спустятъ и тако корыть отнимаютъ». Въ предотвращеніе этихъ и подобныхъ злоупотребленій, Посошковъ совѣтуетъ закономъ оградить строгое исполненіе «урочнаго брѣна» въ наученіи ремесламъ у мастеровъ; требуетъ рувательства мастеровъ въ своихъ издѣліяхъ; проецируетъ устройстве новыхъ фабрикъ, даже табачныхъ плантацій и т. п. Особенно вниманіе Посошковъ, какъ человѣкъ релігіозный, обращаетъ на «исковное мастерство», которому, по его мнѣнію, «начинача воѣхъ художествъ научитъся надобно» и надзирателямъ за которыми «надлежитъ быть самымъ умнымъ и искуснымъ людямъ». Посошковъ тѣмъ болѣе останавливается на этомъ, что «такъ небрежительно инжики испугутъ», по его словамъ, «что инжи страшно п' видѣти, — тѣлесные члены испугутъ какихъ невидано ни у какого человѣка и ни въ комъ человѣкѣ не обращени» (= Зав. от. 188). Посошковъ

даже предлагать краткую теорию иконописи и подробно излагает программу особой иконной азбуки, каковую «надлежит сдѣлать и написать русскими манерами». Нужно удивляться энциклопедическимъ познаніямъ Погодина и его удивительной предусмотрительности!

Вопросъ о ремеслахъ не пройдетъ молчаливо и у Крижанича. «Ремесла, по его мнѣнію, необходимы для королевства, нежели лучшія рудоплавны и златны горы». Благоразумно, по этому, имѣть особенную «скорбь о ремеслахъ». Для благоустройства ремесленного производства и Крижаничъ предлагалъ нѣкоторые мѣры, повторенныя послѣ Погодина, такъ напр. онъ требовалъ также, чтобы «всѣмъ ученикамъ ученіе свое оканчивалъ у одного учителя (I, 80 и т. д. стр.)».

Въ статьѣ о разбойникахъ, которая слѣдуетъ непосредственно за статьєю о художествѣ (стр. 6, 154—170), Погодинъ предлагаетъ въ высшей степени невыгодную картину общественнаго спокойствія и безопасности въ древней Россіи. Это величайшее зло, какъ извѣстно, особенно привилось въ Россіи и если остатки его несоревнялись уже на нашей памяти, то въ до-петровскую эпоху оно царило во всей силѣ. Нѣтъ, поэтому, ни одного болѣе или менѣе обстоятельнаго сочиненія о состояніи тогдашней Россіи, въ которомъ не упоминалось бы о разбойникахъ. Котенихинъ вообще относительно грабежей и разбоевъ въ русской землѣ дѣлаетъ замѣчаніе, что «натура московскихъ людей небогобоязлива», и указываетъ далѣе отсутствіе всякой безопасности даже въ городахъ: «не улацамъ грабятъ и убиваютъ»; въ случаѣ же какой нибудь ночной церемоніи, «считается тѣмъ для мертвыхъ людей убитыхъ и зарѣзанныхъ больше ста человекъ» (стр. 17). Онъ же пишетъ, что учрежденья были особыя «разбойной приказъ», въ который приводили «князей, бояръ и простыхъ людей, изманныхъ на разбоѣ, или татьбѣ, или въ смертномъ убійствѣ и въ подмогѣ, и въ иныхъ моровскихъ дѣлахъ» (стр. 90). Съ свидѣтельствомъ Котенихина согласно показаніе Крижанича. «Многіе чинятся разбой и татьбы», говоритъ послѣдній. «Едва преминетъ ночь, въ которую не имало бы много убійствъ (въ Москвѣ), особенно во время великихъ праздниковъ, когда многіе умираваются». Однажды напр. «на-что было 15 мертвецовъ на одномъ только Земсковъ дворѣ. Также и въ Москвѣ многіе разбой чинятся» (I, т. 162 стр.). При Петрѣ Великомъ, вслѣдствіе всеобща-народнаго возбужденія и усилившейся скудости, грабежи и разбой усилились. «Во всѣхъ государствахъ христіанскихъ

и даже басурманских», сознается Посошковъ, «нѣтъ такихъ разбоевъ, каковы у насъ на Русь». Разбойничество до того сдѣлалось общераспространеннымъ, что приобрѣло нѣкоторую систематическую организацію, «ибо не токмо по 10 или 20 человекъ, но бываетъ по сту и по двѣсти человекъ въ артели и большае». Русскій народъ до того свыкся съ этимъ возмутительнымъ зломъ, что иногда рѣшительно снисходительствовалъ ему; тамъ, обыкновенно помѣщики и князья, не ради крайности, а просто для охоты и развлечения дѣлались подорешинными разбойниками, «великими озорниками и губителями»¹⁾. Простой народъ до того пренебрегался и освоился съ грубыми насильными ворами и разбойниками, что считалъ это дѣло самымъ обыкновеннымъ, если даже не законнымъ; поэтому напр., «сосѣди, если и слышать и видеть, какъ сосѣда веры разоряютъ и до смерти замучиваютъ, на выручку неидутъ и ворами даютъ волю». Итакъ, «чинятся вездѣ разбои, деревни разбиваютъ и сожигаютъ, крестьянъ жгутъ, до смерти замучиваютъ». Прямую причину усиленія разбоевъ Посошковъ видитъ въ слабости законовъ и злоупотребленіяхъ подъячехъ. «Указы на веревъ у насъ учинены весьма милостиво ворами, такъ что и помки не боятся: поймавъ вера или разбойника у насъ не могутъ съ нимъ разстаться, — посадятъ въ тюрьму, да корчатъ его, будто добраго человека, и держатъ въ тюрьмѣ лѣтъ десять и двадцать, такъ что ихъ много уходитъ». Еще болѣе приносила вреда въ данномъ случаѣ потачка отъ судей, которые уличившихся въ разбои, не только знатныхъ лицъ, а даже и слугъ отъ «сильнаго лица, или ябедоваго, или свойственнаго собѣ, или хлѣбосольца, отпускаютъ на волю, такъ что крестьяне и дворяне, надѣясь на своихъ помѣщиковъ, смѣло веруютъ». Но еще болѣе спасала разбойниковъ отъ преслѣдованія «мелкая денежная».

Объ истребленіи всконечномъ веревъ и разбойниковъ новѣйшіе лежатъ свидѣтели, пишетъ Посошковъ: «учинить сотскихъ, десятскихъ..., чтобы ты накрѣпко смотрѣли, чтобы никто и не въ несконныхъ персонъ безвѣдома никуда не уѣзжалъ, а брали бы откровенныя писма. Буде кто вѣдасть о разбойникахъ, объявилъ бы безъ утайки (а буде утайтъ — смертная казнь). Дать страхъ судьямъ и подъячимъ, чтобы ворами не потакали

¹⁾ Множество примѣровъ, подтверждающихъ слова Посошкова, мы находимъ въ запискахъ современника Желябунскаго.

и на берегах ихъ. Древніе указы о ворахъ многоплодные отставить и учинить указъ новый, краткостный».

Седьмая и восьмая главы Книги о скудости и богатствѣ содержатъ разсужденія о положеніи крестьянъ, ихъ отношеніи къ помещикамъ и о землѣ, какъ главной и исключительной статьѣ крестьянскаго содержания и богатства (стр. 7, 171—208). Кроме этихъ двухъ главъ, специально занятыхъ крестьянствомъ, многія отдѣльныя замѣчанія о крестьянахъ разсѣяны и въ другихъ главахъ и во всѣхъ сочиненіяхъ Поссникова, такъ что вопросъ о положеніи крестьянъ является однимъ изъ преобладающихъ въ сочиненіяхъ Поссникова. А это, при множествѣ самихъ разностороннихъ предметовъ, затронутыхъ Поссниковымъ, несомнѣнно доказываетъ важность, которую онъ придавалъ устройству крестьянскаго сословія въ общей системѣ тогдашняго государственнаго строя. Поссниковъ весьма подробно разсматриваетъ положеніе русскаго крестьянина въ 1-й половинѣ XVIII вѣка, говоритъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ въ его жизни, указываетъ много дѣльных иѣръ, которыя могли бы улучшить его благосостояніе. Изъ сочиненій Поссникова мы узнаемъ, что печальный бытъ крестьянъ въ ту пору обуславливался общою неустановившеюся еще организаціею государства. Главнымъ бѣдствіемъ для крестьянъ была та же, замѣчаемая во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ сферахъ государственной жизни, бѣдность: «крестьянское житіе скудное» — такъ начинается Поссниковъ главу о крестьянствѣ и далѣе подробно малагаетъ свой взглядъ на причины этой скудости. Бѣдственное положеніе крестьянъ происходитъ «ни отъ чего иного, только отъ своей ниѣ дѣности, а потому, отъ нерасмотрѣнія правителей, отъ помещичья наемія и отъ небреженія ихъ» (= Зав. от. 176 с.). Обыкновенная тѣснота и слученность крестьянскихъ поселеній также весьма часто служила причиною «всѣконечнаго разоренія, потому, въ тѣснотѣ аще у кого загорится дѣверъ, то вся деревня выгоритъ, ни одного двора не останется, у иного ни хлѣба, ни смѣта не останется». Важнымъ препятствіемъ къ народному благосостоянію были столь многочисленныя въ ту пору разбои и грабежи. Совершенное отсутствіе грамотности тоже давало себя чувствовать въ практической жизни крестьянства. Неблагодарнымъ людямъ находили полную возможность безпрятственно злоупотреблять народнымъ богатствомъ: прійдетъ въ деревню, говоритъ Поссниковъ, кто иабудъ «съ указомъ или безъ указа, да скажетъ, что указъ у него

есть, то тому и верить, и отъ того приписать себѣ великія убытки; потому что всё крестьяне слѣпы, ничего не видятъ и не разумѣютъ. Многие безъ указа прѣхивъ, живости нивъ чинятъ великія и въ поборахъ много съ нихъ великихъ денегъ скупятъ». При исследованіи причинъ народнаго убожества, не могла не обратить вниманія на себя совершенная разобщенность, враждебныя отношенія между крестьянами. Посожковъ такъ много придаетъ этому значенія, что высказываетъ надежду: «аще бы крестьяне жили всё въ одну душу, болзною, другъ другу обидѣ не чинили, то бы всё были сыты и житіе ихъ было святое». Наконецъ, причину народнаго бѣдства Посожковъ видитъ въ неумѣннн крестьянъ обращаться съ источниками своего довольства, въ ихъ хозяйственной безтактности, «несицили». Какъ стрелій практикъ и спеціалеть-хозяинъ, Посожковъ осуждаетъ крестьянъ за то, что они губятъ молодые лѣса, рубятъ на дрова стросныя деревья, обрываютъ неоспѣлыя орѣхи и тѣмъ губятъ «царственную прибылку, понеже слѣсно орѣхи идутъ въ Персиду, въ Шведы и во иные мѣста», ловятъ недорослую рыбу, отъ чего не только царскій интересъ, но и у ловцовъ тѣхъ прокормка пропадаетъ» и пр. и пр. Въ противовѣсъ указаннымъ причинамъ скудости крестьянской, Посожковъ предлагаетъ положительныя мѣры къ улучшенію ихъ быта. Такъ онъ проситъ за добросовѣстностію въ трудахъ крестьянскихъ, чтобъ никто не сталъ лежбечить, не прогулялся, и лежа, не потрудился, не ѣлъ бы хлѣба». Для предохраненія отъ непредвидимаго разоренія, напр. въ пожарѣ, Посожковъ предлагаетъ новую распланировку селъ: «не сиюшъ дворъ подлѣ двора, но съ переступною, гѣздами». Противъ открытыхъ разбоговъ, желаетъ ввести дружный отпоръ всего населенія деревни, или дамо совокупныхъ силъ нѣсколькихъ деревень, «съ ружьемъ, съ кричьемъ, съ дубьемъ». Чтобъ ввести грамотность въ народѣ, Посожковъ совѣтуетъ даже «поневольтъ» крестьянъ учить дѣтей. Въ качествѣ учителя онъ рекомендуетъ единственно образованныхъ въ селахъ лицъ, которые и деселѣ суть едва ли не самыя популярныя цивилизаторы престонародья, дьячковъ. Наконецъ, Посожковъ желаетъ отградить строгими правилами чѣлостъ частныхъ статей общественнаго хозяйства, особенно лѣса.

Далѣе Посожковъ разсматриваетъ положеніе крестьянъ въ отношеніи ихъ къ помещикамъ. Въ то время, не смотря на всё заботы и усилія Петра Великаго объ улучшеніи быта крѣпостныхъ людей, указы его имѣли

нало силы, отъ тяжести цѣныхъ милліонѡвъ, по выраженію Посошкова, ткнувшись подъ гору, въ противоположную сторону. Помѣщики наши еще до Петра умѣли утвердить огромныя права надъ своими крестьянами: еще по словамъ Никиткина, «жидали, судили своихъ крестьянъ во всякихъ дѣлахъ, сами налагали подати, сколько съ него ваяти». Правда, въ жалованникѣ на помѣстьяхъ грамотахъ помѣщикамъ внушалось беречь крестьянъ, но сами эти безпрестанныя подтвержденія и постоянныя побѣги крестьянъ должны свидѣтельствовать о слабѡмъ соблюденіи подобныя винушенія. Между тѣмъ, при существованіи крѣпостнаго права и соединеннаго съ нимъ вѣчно-обязательнаго труда, устройство быта крестьянъ не могло никогда достигнуть прочнаго обезпеченія, такъ какъ, при короткихъ расчетахъ большинства помѣщиковъ и при переходахъ крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому — то по куплѣ, то по наслѣдству — положеніе ихъ было подвергаемо безпрестаннымъ измѣненіямъ. Посошковъ такъ характеризуетъ бытъ помѣщичьихъ крестьянъ: «помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобносыма; есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не дадутъ крестьянамъ одинаго дня, еже бы что на себя сработать и тѣмъ крестьянство въ нищету пригоняютъ. Который крестьянинъ ставеть посетѣ, на него и подати прибавяетъ. Многіе говорятъ: крестьянину-де не давай обрости, но стриги, яко овцу, догола. И тако тверя, царство пустовать, понеже такъ ихъ обираютъ, что у него и козы не оставляютъ». Въ разореніи крестьянъ и вообще въ тяжеломъ ихъ положеніи Посошковъ находилъ объясненіе другаго въ высшей степени вредно отъмывшагося общественнаго зла — крестьянскихъ побѣговъ. «Отъ нужды», продолжаетъ Посошковъ, «дengi свои оставляютъ и бѣгутъ въ зарубешныя мѣста; чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ». А сколько велико было количество бѣжавшихъ, видно изъ выраженной Посошковымъ увѣренности, что если всѣ крестьяне возвращени будутъ изъ бѣговъ, то «во всей Россіи всю пустоту населятъ; даже порошныя пустоши будутъ населятси». Еще Крыжановичъ ставилъ одною изъ причинъ «нужды русской земли» пустоту, невоздѣланность ея, что, въ свою очередь, объяснялъ крутымъ, жестокимъ законодательствомъ (т. I стр. 155, 297).

Осознавая всю невыгуду положенія помѣщичьихъ крестьянъ, Посошковъ не могъ, однако, дойти до мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго права; напротивъ, онъ убѣждалъ, что положеніе крестьянъ нотону и плохо,

что они еще мало урѣвлены за помѣщиками, какъ ихъ полная собственность: «крестьяномъ помѣщики не столько владыцы, того ради они ихъ не берутъ; прямой ихъ владѣлецъ Самодержецъ, а они владѣютъ временно». Чтобы оградить своихъ односельчанниковъ отъ грубаго произвола помѣщиковъ, Посошковъ совѣтуетъ «указнымъ распоряженіемъ» предотвратить насилія, «чтобы крестьяномъ сносно было государеву подать и помѣщику заплатить, и себя прекорнить». Много я размышлялъ, говоритъ Посошковъ, «како бы право сборовъ съ крестьянъ собирать», — и вотъ предлагаетъ новый способъ поборовъ, не по верстамъ и пашену дышу, какъ это прежде было, а по надѣлу земли. Главною основою крестьянскаго труда и богатства Посошковъ считалъ землю; со оныъ называетъ самымъ добрымъ даникомъ великаго государя и къ ней исключительно желаетъ привязать рабочія руки крестьянъ, даже воспрещая имъ другія занятія, какъ напр. торговлю. Надѣлъ помѣщичьихъ крестьянъ небольшими участками долженъ былъ привести къ двойной иѣли: къ опредѣленію податныхъ сборовъ въ казну и къ опредѣленію размѣра оброка и барщинныхъ работъ въ пользу помѣщика. Для удобства, Посошковъ предлагаетъ разверстать землю на цѣлыя дворы, на полдворы, четверти и осьмныя доли двора. И по той землѣ расположить подати надлежащія въ казну и прочіе сборы. При введеніи системы поземельнаго сбора, необходимо было прежде всего размежевать землю, и Посошковъ весьма подробно говоритъ о способахъ размежеванія, о составленіи межевыхъ плановъ, канцелярій и проч.

Въ высшемъ взглядѣ на крестьянскій трудъ Посошковъ сходится съ Бржжаничомъ, который также въ земледѣліи видѣлъ «всю богатству корень и основаніе: текакъ бо кормить и богатить и себя, и ремесленника, и торговца, и боярина, и краля». Но такъ какъ на взглядъ Бржжанича русскій народъ и въ текачествѣ былъ поносъ, то авторъ «Политики» и совѣтуетъ обратить особенное вниманіе «на умноженіе и на совершеніе текачества», какъ одного изъ «наилучшихъ и наимпотребнѣйшихъ промысловъ» (т. I стр. 41—43). Впрочемъ, въ разсужденіи о земледѣліи и соприснающихся къ этому частныхъ вопросахъ Бржжаничъ далеко не такъ обстоятеленъ и свѣдущъ, какъ крестьянинъ Посошковъ.

Въ IX-й и послѣдней главѣ Книги о скудости и богатствѣ Посошковъ сгруппировалъ все, частію уже высказанное имъ въ предшествующихъ главахъ, о государственномъ хозяйствѣ и о сборахъ въ царскую

казну (стр 8, 209—259). Онъ находитъ и въ этой области крупныя уиущенія и злоупотребленія. «Собранное надобно блюсти: охраненіе добрый товарищъ собранія» — таково общее начало, положенное Посошковымъ въ основаніе главы. Но не смотря на всё финансовыя затрудненія и государственную скудость, въ Россіи не ужѣли какъ должно пользоваться собраннымъ. «Въ Новгородѣ видѣлъ я», рассказываетъ Посошковъ въ прилѣбъ, «двѣ палаты накладки были конской сбруи и иныхъ полковыхъ припасовъ, и все то сгнило и пренало, и весь тотъ припасъ вырвали изъ палатъ лопатами, и на коліеко сотъ рублей того было, Воезь въеть. Въ такихъ небреженіяхъ много казны съ сего свѣта погибаетъ». Въ собраніи царскаго интереса также, по словамъ Посошкова, не весьма право дѣвалось: «ибо покушаются съ одного вола по двѣ и по три кожи содрать, а елико ни нудится, тожне лоскуты сдираютъ; хощутъ изълишнюю пошлину взять, да и истинную истерали». Кромѣ насилій надъ бѣдными крестьянами, Посошковъ находитъ неблагоприятныя неборы въ торговлѣ, именно неборы мелочныя: «чтобы сборы пополнить выискали сборы всемелыныя, подушныя, хомутойныя, банныя» и пр. и пр. Между тѣмъ за этими мелочными сборами «нельзя быть сборамъ пошланнымъ великимъ» и т. д. Но особенно при банкротствѣ казны и разореніи народа возмутительны были злоупотребленія, вторыми сопровождалась сборы пошланыя. «Люди приходятъ въ оскудѣніе отъ многихъ сборовъ, потому что коліеко разныхъ сборовъ есть, толико и бурмистровъ, а у всякаго бурмиистра цѣловальники и ходоки особые. Всѣ они кормятся тѣми же государственными деньгами, — собраныя деньги крадутъ. И того ради, пошланыя никакіе сборы, а люди всё топѣютъ». Не смотря на всё заклятія и присяги, служилые люди такъ скоро «въ грѣхъ впадаютъ, что и перваго дня бѣтъ кражи не пребудутъ». При сборахъ пошланыя, напримѣръ съ торговли солью, «бурмистровъ, цѣловальниковъ, управителей, работниковъ, надирателей тысячъ 5—6 есть, а всѣ они, будто черни, точатъ то-жъ соль, нищу приобрѣтаютъ отъ то-жъ соли», между тѣмъ какъ народъ «отъ бессолицы помираетъ». «И питейный сборъ весьма несправно дѣется, и отъ того царскаго интересу много тратится». Неправности въ этомъ случаѣ вроятя въ продажѣ ненастоящаго вина, въ корыстолюбіи бурмистровъ, завѣдывающихъ питейными сборами, и въ самоволіи помѣщиковъ, которые и ногою съ государственнымъ питьемъ на свою землю не пускаютъ, питья отымаютъ, посуду

разбиваютъ, а строятъ свои кабаки, называя ихъ кабаками. Наконецъ, Посошковъ обращаетъ вниманіе на плавленіе монетъ: «о денежномъ дѣлѣ нужно тщаніе великое приложить. О семъ не однимъ умомъ, но острыми и твердыми умы помчелить, какъ бы деньги устроить, дабы онѣ прочны, непорочны и похвальны были». Разсужденіе о деньгахъ вызвало было постепенно вкрадывавшимся злоупотребленіемъ: сравнивая старинныя и современныя монеты, Посошковъ замѣтилъ, какъ серебро въ нихъ постепенно ухудшалось; «а нынѣ иноземцы приглашаютъ предлагать въ деньги мѣди». Посошковъ счелъ своею обязанностію предупредить правительство «о тѣхъ новоназначившихся деньгахъ, яко велики къ воровству способны».

Параллельно раскрытію злоупотребленій въ государственномъ хозяйствѣ и сборахъ, Посошковъ предлагаетъ мѣры къ ихъ исправленію. Рекомендую вообще бережливость, онъ предлагаетъ свои практическія соображенія, напр. о матеріалѣ для нестройныхъ вероблей, о канатахъ, употребленныхъ на казенныхъ судахъ, и проч. Вмѣсто «протванныхъ и неприличныхъ» мелочныхъ сборовъ, Посошковъ предлагаетъ свою систему сборовъ «постоянныхъ, недвижимыхъ и никогда ненарушить». Въ предосторожность отъ противозаконныхъ расхищеній собираемой казны, предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ, начиная съ выбора въ бурминстри особенно надежныхъ, честныхъ лицъ и кончая обезпеченіемъ ихъ посредствомъ опредѣленнаго жалованья. Какъ специалистъ въ винномъ дѣлѣ, Посошковъ много разсуждаетъ о средствахъ извлеченія изъ него пользы государственной. Главнымъ образомъ въ этомъ отношеніи онъ желаетъ подчинить производство и продажу вина исключительному надзору государственному, установить опредѣленную доброкачественность и цѣну винамъ. Наконецъ, подробно говоритъ Посошковъ объ исправленіи денежнаго дѣла, при чемъ, кромѣ цѣнности самаго матеріала, обращаетъ особенное вниманіе на изображеніе царскаго монограммизма на монетахъ: «ни серебро не считается, ниже мѣдь цѣннѣе, не какъ чистое и сильно именованіе Его Величества; у насъ толь сильно Его Пресвѣтлаго Величества слово, аще бы повелѣлъ на мѣдной золотомонетной цѣтѣ положить рублево начертаніе, то бы она за рубль и ходить стала во вѣки вѣковъ неизмѣнно».

Въ предложенномъ анализѣ Книги о скудости и богатствѣ мы постарались извлечь историческія свѣдѣнія, познакомиться со взглядомъ Посошкова на современное состояніе Россіи, съ ея тогдашними недостатками, требованіями немедленнаго, радикальнаго исправленія. Но нельзя сказать, чтобъ этииъ только и ипечеривался интересъ его книги. Изъ множества частныхъ вопросовъ, затронутыхъ здѣсь, считаемъ по линіи въ заключеніе остановиться на особенно вышукломъ вопросѣ объ ипоземцахъ, въ ихъ отношеніи къ Россіи. Вопросъ этотъ, играющій одну изъ самыхъ видныхъ ролей во всѣхъ сочиненіяхъ Посошкова, въ данномъ сочиненіи разсмотрѣнъ съ точки зрѣнія политической экономіи. Всесторонняя критическая проверка соціального положенія Россіи всюду даетъ Посошкову поводъ обращать вниманіе на иностранные порядки, на степень ипоземнаго вѣнательства въ нашелъ отечествѣ. Особенно ошутительно было это вѣнательство ипоземцевъ въ русской торговлѣ и промышленной производтельности. Поэтому, 4-я и 5-я главы Книги о скудости и богатствѣ (о купечествѣ и художествѣ) наполовину посвящены Посошковымъ знакомству съ ипоземцами въ русской торговлѣ и промышленности. Что касается взгляда Посошкова на ипоземцевъ въ этомъ отношеніи, то основанія его кроются еще въ предшествовавшей исторіи, ипакъ и самое явленіе ипоземцевъ во главѣ русской торговли и промышленности предшествовало эпохѣ Петра. Еще со времени Іоанна III стали приглашать въ Россію изъ Венеціи и другихъ странъ «заморскихъ мастеровъ», и уже съ того времени ипоземцы являются въ Россіи въ качествѣ архитекторовъ, типографщиковъ и пр., являются въ службѣ: въ войскахъ, въ по-сольскомъ приказѣ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ производилась торговля, гдѣ можно было устроить какое либо выгодное промышленное предпріятіе. Опытность въ дѣлахъ, многостороннее, сравнительно, образованіе, покровительство вліятельныхъ лицъ, добываемое подкупомъ и взятками, сообщили припшельцамъ рѣшительный перевѣсъ надъ русскими. Само правительство первоначально предоставляло ипоземцамъ, какъ учителямъ нашимъ, нѣкоторыя весьма важныя льготы, въ видѣ, напрімѣръ, безопинной торговли (при Михаилѣ Феодоровичѣ), между тѣмъ какъ русскіе купцы должны были платитъ пошлины на каждомъ шагѣ при покупкѣ и продажѣ товаровъ. Мало по малу ипоземцы захватили въ свои руки всѣ важнѣйшіе торговые пункты въ Россіи. Это зло въ значительной степени осложнилось отъ злоупотребленій, которыя себѣ дозволяли ино-

страшныя-торговцы, наиримѣръ превышеніе цѣны товаровъ сверхъ договора, ввозъ къ намъ запрещенныхъ товаровъ и т. п. Ропотъ противъ насилья и недобросовѣстности соперниковъ русской торговли послышался еще ранѣе Петра и Посошкова. Алексѣю Михайловичу подана была жалоба отъ русскихъ торговыхъ людей, въ которой, высказавъ жалобы на неправду английскихъ торговцевъ, они просили государя «не дать ниъ, смротамъ, отъ иновѣрцевъ быть въ вѣчной нищетѣ и не пуцать ихъ къ Москвѣ»¹⁾. Отвсюду слышались жалобы, что «торженики у насъ стали гораздо худы, потому что ихъ отняли иноземцы»²⁾. Крижаничъ, ратующій вообще противъ всякаго иносемнаго вмѣшательства въ дѣла Россіи, одну изъ главныхъ причинъ государственнаго упадка видитъ въ томъ, «аще въ торгахъ отъ околныхъ народовъ нашъ народъ хитростію ся обмалаетъ и илщаетъ». «Инородское торгованіе — земля разореніе» и пр. Поэтому, Крижаничъ требовалъ совершеннаго изгнанія иностранцевъ изъ Россіи и предоставленія всѣхъ отраслей торговли и промышленности исключительно Русскимъ (т. I стр. 39, 325, 23, т. II стр. 73, 271, 57).

Какъ патриотъ и человекъ коммерческой, Посошковъ считалъ своею обязанностію явиться обличителемъ зла, происходившаго отъ иностранцевъ. Онъ горько жалуется на ихъ несправедливости, со всюю дерзостію совершавшіяся въ прежнее время, и радуется наступленію новаго времени, новыхъ порядковъ. «Плохо ли иноземцамъ было надъ нами доматыся тогда, когда наши монархи въ кунеческія дѣла не вступали, а управляли бояре. Пріѣхавъ, они, иноземцы, засунуть сильнымиъ персонамъ подарокъ рублевъ во сто — другое, а за сто сдѣлають они прибыли собѣ полмилліону. Цѣны наши деньги, они всякимъ своимъ товарамъ цѣну возвысятъ, наложатъ цѣну двойную да тройную». Въ мастеровскихъ работахъ они «только о томъ и пекутся, чтобъ деньги взять за работу. Имъ то надобно, чтобъ они одни славились и богатѣли-объ, а мы бы отъ нихъ изъ рукъ глядѣли». «А нишѣ, слава Богу, монархъ нашъ вся сія самъ разсмотрѣлъ, и поддѣвътъ имъ уже нельзя» (стр. 122, 212). Такимъ образомъ, Посошковъ надѣялся на Петра Великаго, но его мѣтнію, лучше прежнихъ царей утѣшшаго обезпечить интересамъ русской торговли. Но на этомъ Посошковъ не успокоивается: онъ желаетъ предостеречь Государя, установить болѣе опредѣленные отношенія къ иноземцамъ. Онъ

¹⁾ Ученія Зависк. Казан. Унив. 1857 г. № 4 стр. 60.

²⁾ Исторія Россіи, Соловьева. Т. IX стр. 304 и 316.

силится возбудить ожесточенную войну противъ иностранныхъ купцовъ, требуетъ самыхъ радикальныхъ враждебныхъ мѣръ противъ нихъ и уже надѣется на безусловную побѣду. «Хотя они и хитры, а еще увѣдаютъ нашего купечества твердое положеніе, упрямство свое и гордость нехотятъ отлежаться: нужда приговариваетъ и къ поганой дружбѣ». Крепкіе восстановленія русскаго купечества, Посошковъ стремится торговля сношенія съ иностранцами подчинить опредѣленнымъ основаніямъ; онъ предлагаетъ: допускать только обоюдную торговлю съ иностранцами (мѣну товаровъ), и то съ позволенія «командира купеческаго управленія»; установить строгій контроль за доброкачественностію привозимыхъ товаровъ и мастерскихъ издѣлій, производимыхъ ими въ Россіи; предлагать опредѣлять «настоящую цѣну» ихъ товарамъ. При томъ, подѣ опасеніемъ штрафа, «только тѣ надлежитъ заморскіе товары покупать, безъ коихъ намъ пробыть не мочно, а иныя ихъ нѣмецкія затѣйки и прихоти криостановить, дабы напрасно изъ Руси богатства не тащили», и пр. (стр. 119, 144, 124, 138). Въ этихъ видахъ — ограниченія иностранной торговли на Руси, Посошковъ, съ обычной практичностью, стремится изгнать всякіе признаки роскоши и неразсчетливости въ жизни русскаго народа. Онъ вооружается, напр., противъ привоза стеклянной посуды, непрочныхъ матерій, пуговицъ, платковъ, суконъ солдатскихъ, «потому что наши русскія сукна, аще и дороже заморскихъ стануть, обаче тыя деньги изъ царства вонъ не выйдуть»; «наипаче же запретить касаться заморскихъ шитій» и пр. «Нѣмцы только выхваляютъ то, отъ чего бы попытокъ кой имъ приналъ; они какую бездѣлицу ни привезутъ, то надсѣдаясь хвалить, чтобы мы больше у нихъ купили» (стр. 125, 127, 135, 124). Подобныя подозрѣнія къ иностранцамъ Посошковъ повторяетъ и въ доношеніи къ Головину. «Дивлюся и недоумѣваюся, почему онъ здѣсь, что сказываются нѣмцы люди мудры и правдивы, а учатъ все насъ неправдою, во всякихъ дѣлахъ себя и свою братію хранить и возносить, а насъ ни во что вышляютъ. Они рады, чтобы мы въ доношеніи были и всегда ихъ за господъ себя ишли» (Соч. Пос. т. I стр. 272 — Зерцало л. 208). Поэтому, «вѣрять имъ весьма опасно, — мнѣ, что во всякомъ дѣлѣ насъ обманываютъ и ставятъ насъ въ дураки». Такія же подозрѣнія относительно русскихъ цивилизаторовъ высказывалъ и другой знаменитѣйшій русскій патріотъ — Ломоносовъ. Стремясь къ очищенію отечества отъ иностранцевъ и самостоятельному развитію русской промыш-

лешности, онъ съ негодованіемъ вооружался противъ небрежности ильщевъ-учителей. Говоря, напр., о совершенной неразвитости аптекарскаго искусства въ средѣ русскихъ людей, онъ замѣчаетъ: «стыдно и досадно слышать, что ученики русскаго народа, будучи по десяти и больше лѣтъ въ аптекахъ, никакихъ лекарствъ составить не умѣютъ; а ради чего? — зачѣмъ, что аптекари держатъ еще учениковъ-ильщевъ, русскіе же у нихъ при рѣшетѣ и при уголѣ до старости доживаютъ, учениками и умираютъ»¹⁾.

Итакъ, Посошновъ всюду подозрѣвалъ несправедливости иностранцевъ и стремился къ освобожденію Россіи отъ всякихъ услугъ съ ихъ стороны. Въ то же время онъ былъ полонъ національной гордости, самоувѣренности въ силѣ и способностяхъ русскаго человѣка: «иноземцы такіе-же люди, какъ и мы; когда у насъ гражданскій уставъ будетъ твердъ, то наши художники могутъ превзойти ихъ». «Иноземцы же отъ небеси пришли, а такіе-же люди, что и мы, и у нашихъ людей такіе-же руки». «Нѣмцы умнѣе насъ науками, а наши остроуміемъ не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно». Что же касается торговли съ иностранцами, то «мы можемъ прожить и безъ ихъ товаровъ, а они безъ нашихъ (матеріальныхъ) прожить не могутъ. Того ради, подобаетъ намъ надъ ними господствовать, а имъ работовать вредъ намъ (стр. 147, 282, 273, 122). Насъ, Россіянъ, благословилъ Богъ хлѣбомъ и медомъ, и всякихъ нитей довольствомъ: водокъ у насъ такое довольство, что и числа имъ нѣтъ, пива у насъ предорогія, меду у насъ предлавыне; табаку намъ можно поробляни за море отпускать; колотонъ можно на всю Европу наготовити»; однимъ словомъ, «добра у насъ много» (стр. 136, 137, 150, 141 = Рус. гос. въ пол. XVII ст. I т. 47 стр.). Но высказывая столь заманчивыя и отрадные для патріотическаго сердца предположенія и надежды, Посошновъ, однако, сохранилъ себя отъ крайняго увлеченія, — онъ воздержался отъ огульнаго порицанія иностранщины и не требуетъ безусловнаго разрыва съ ней; напротивъ, какъ человѣкъ практически разсудительный, Посошновъ съ завистію смотрѣлъ на добрыя порядки, введенныя въ чужихъ земляхъ, на знанія, которыми располагаютъ иноземцы²⁾. Отсюда, поставляя въ необходимость русскому народу «свой умъ дер-

1) Соч. Ломоц. изд. Смирдина. Т. I, стр. 646.

2) Примѣры уваженія иностр. порядковъ: т. I стр. 71, 84, 87, 140, 165 и пр. Зерцало 1. 208.

жати» (стр. 138), въ то же время Посошковъ вовсе не прочь отъ пересадки въ Россію чужестранныхъ добрыхъ плодовъ науки и опытности, и, вооружаясь исключительно противъ причинъ государственнаго разоренія, противъ того, «чтобъ русскія деньги изъ царства вонъ не ушли», онъ настоятельно желаетъ, чтобъ русскіе люди переняли иноземныя мастерства (стр. 127, 151). А для этого, естественно, вытекала необходимость «добыти мастеровъ добрыхъ. Надлежитъ Его Величеству призвать къ себѣ иноземцевъ отъ военныхъ, отъ мастеровыхъ, отъ докторовъ, аптекарей...., аще и съ трудомъ, а вельми надобно ихъ добыти и учениковъ имъ дать, чтобъ тому мастерству нашихъ русскихъ людей научили» (151, 152 = у Крижанича I т. 31, 39, 76, 134 стр.). «Буде кто иноземець прїѣдетъ въ Русь художникъ добрый, мастерства именитаго, тому дать дожь и отдать ему въ наученіе челоувѣкъ десять и больше, чтобъ училъ ихъ прилежно и нескрѣтно; и буде выучить противъ себя, надлежитъ съ награжденіемъ его отпустить, съ честію, чтобъ, на то воздаяніе зря, и иные мастеровые люди выѣзжали и всякія бы мастерства въ Руси размножали» (стр. 145). Высказанныя желанія Посошкова были въ то же время желаніями и Петра, который сознавалъ недобросовѣстное поведеніе иностранцевъ въ русской торговлѣ и промышленности¹⁾, и который поощрялъ въ Русскихъ переимчивость иностранной техники²⁾. Такимъ образомъ, мысли Посошкова сходились съ мыслями Петра, хотя послѣдній и не могъ никогда сдѣлаться сторонникомъ національнаго антагонизма въ такой мѣрѣ, какъ Посошковъ. Петръ былъ посредникомъ между цивилизаціей Запада и русскимъ народомъ, между тѣмъ какъ Посошковъ, во многихъ отношеніяхъ, оставался старовѣромъ, исходя изъ традиціонно-религіозныхъ воззрѣній на все иноземное-ино-вѣрное, — но объ этомъ рѣчь ниже.

Разсмотрѣнное сочиненіе Посошкова вызываетъ читателя на многія мысли. Прежде всего приходится пожалѣть, что остался въ безвѣстности этотъ трудъ челоувѣка, принадлежащаго, по своимъ началамъ, къ кругу тѣхъ немногихъ свѣтлыхъ личностей, которыя жертвуя собою, готовы

¹⁾ Напр. Пол. Соб. Закон. Россійск. Имп. Т. I № 3017.

²⁾ Журналъ Минист. Народ. Просв. 1876 г. № 2 стр. 310.

были нести слово правды къ царямъ и народамъ. Посошковъ опоздалъ съ своимъ трудомъ, чтобъ обратить на него и на себя вниманіе преобразователя Россіи, между тѣмъ какъ онъ имѣлъ несомнѣнное право на это вниманіе, могъ сдѣлаться государственнымъ дѣвателемъ, сподвижникомъ въ трудахъ великаго Императора, которому крайне нужны и дороги были люди, подобные Посошкову. Извѣстно, что Петръ Великій, выдающагося чертою духовной природы котораго было правдолюбіе и ненависть ко всякой лжи, всегда самъ требовалъ правды отъ своихъ подданныхъ. «Весело слышать, — говорилъ онъ, — когда сыны отечества королю говорятъ явно правду»¹⁾). Но если сочиненіе Посошкова не получило прямого, дѣйствительнаго значенія въ свою пору, то за нимъ всегда неотъемлемо останется важное значеніе въ исторіи цивилизаціи русскаго народа вообще и его литературѣ въ частности. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно что по духу своему сочиненіе Посошкова представляетъ въ нашей литературѣ единственное въ своемъ родѣ произведеніе, въ которомъ убогій, мизерный крестьянинъ дерзаетъ указывать самодержавному владыкѣ недостатки и ошибки его правленія и смѣло даетъ ему совѣты въ томъ, какъ улучшить бытъ народа, защитить слабаго отъ сильнаго, воцарить правду на землѣ. Полной чести и вниманія Посошковъ заслуживаетъ и за то, что, высоко чтя царскую власть, онъ далекъ былъ отъ языка льстецовъ. Напротивъ, какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ его сочиненіяхъ, найдется весьма много выраженій, которыя раскрываютъ печальную правду предъ глазами государя, обнаруживаютъ ошибочность и безуспѣшность многихъ его начинаній, и весьма мало можно подыскать мѣстъ, которыя бы отзывались неискреннею восторженностью и напыщенною хвалою. Притомъ, Посошковъ имѣлъ въ виду представить свое сочиненіе Петру уже въ ту пору, когда Императоръ могъ думать, что, послѣ продолжительныхъ трудовъ и постоянныхъ заботъ, онъ уже устроилъ окончательно свою державу. Слѣдовательно, представляя Петру печальную картину тогдашней Россіи, Посошковъ рисковалъ оскорбить самолюбіе царственнаго труженика.

Мы не останавливались на проектахъ Посошкова, и не наше дѣло судить объ ихъ экономическомъ достоинствѣ, тѣмъ болѣе, что мы имѣ-

¹⁾ Достоп. повѣств. и рѣчи Петра Великаго. Москвитянинъ 1842 г. част. II, анекд. 6-й.

емъ таковыя отзывы судей, болѣе компетентныхъ въ данномъ отношеніи. Что же касается нравственнаго достоинства мыслей Посошкова, то, не укоряя его за то, что онъ подчинялся ипогда понятіямъ своего времени и являлся въ сочиненіяхъ твердымъ, хотя во всякомъ разѣ безсознательнымъ поборникомъ многихъ идей, самовластно господствовавшихъ въ то время (какъ напримѣръ: взглядъ на одного человѣка, какъ на законную собственность другаго, допущеніе купли и продажи людей, требованіе смертной казни и пр.), и извиняя всю ошибочность подобныхъ воззрѣній духомъ того времени. — должно сказать, что Посошковъ высказалъ весьма много мыслей, совершенно вѣрныхъ въ своихъ основаніяхъ, проводилъ порою такія воззрѣнія, которыя были совсѣмъ чужды тогдашнимъ общимъ понятіямъ и которыя между тѣмъ имѣли важное общественное значеніе. Его описаніе всесторонняго состоянія русскаго государства и народа, составляя во многихъ чертахъ теперь уже достояніе исторіи, изобличаетъ въ авторѣ глубокое пониманіе русскаго быта. Его совѣты отличаются здравымъ практическимъ взглядомъ, въ нихъ видно близкое знакомство съ тогдашнимъ бѣдственнымъ положеніемъ народа, что особенно было важно въ ту эпоху, когда Петръ пересаживалъ въ Россію иностранныя порядки, не всегда притомъ соображаясь съ народнымъ духомъ. Въ своихъ сочиненіяхъ, Посошковъ, какъ представитель народа, современникъ реформъ Петра, прекрасно оцѣнилъ эти реформы, не увлекаясь на сторону защитниковъ старины, но и не находя безъ исключенія хорошими нововводимыя порядки въ томъ видѣ, какъ они заводились. Смѣлые, всегда жизненные и въ большинствѣ разумныя проекты Посошкова останавливаютъ и теперь на себѣ вниманіе, заслуживаютъ и въ настоящее время глубокаго уваженія. Такъ напримѣръ, въ высшей степени замѣчательный предлагаемый Посошковымъ способъ составленія новаго уложенія, — способъ, въ которомъ должны были выразиться не одни только юридическія понятія государственной власти, но и всѣ живыя потребности и нужды цѣлаго народа. Замѣчательный проектъ общаго совѣта господъ и дворянъ о дѣлахъ своихъ и крестьянскихъ. Разсужденія о неправомъ судѣ и введеніи правосудія не лишены смысла и значенія и въ настоящее время, потому что Россія только съ недавняго времени получила настоящій судъ, построенный на воплѣ правыхъ основаній. Въ разрядъ свѣтлыхъ мыслей Посошкова принадлежатъ также мысли: о возстановленіи духовенства, о матеріальномъ его обезпеченіи, объ образованіи, объ устройствѣ обще-

ственныхъ благотворительныхъ заведеній, о межеваніи и проч.: всѣ эти проекты обличаютъ въ Посошкова мыслителя, во многихъ отношеніяхъ далеко опередившаго свой вѣкъ. Выписки, приведенныя нами изъ разныхъ мѣстъ книги Посошкова, показываютъ, какой ясный взглядъ имѣлъ этотъ простой русскій человѣкъ на различныя причины общественныхъ и домашнихъ неурядицъ. Эти взгляды человѣка еще первыхъ дней XVIII столѣтія сдѣлали бы честь многимъ людямъ даже нашего времени. Въ приводимыхъ нами словахъ Посошкова отражается личность его самого и дѣлается совершенно яснымъ его право на названіе замѣчательнаго русскаго дѣятеля, изшедшаго изъ среды народа и вытерпѣвшаго на своемъ вѣку много бѣдствій и горя, которыя основательно познакомили его съ русскою жизнью и сообщили его сочиненіямъ достоинство истины.

„Зерцало очевидное“.

Библиографическія замѣчанія о составѣ и редакціяхъ Зерцала очевиднаго.

Зорко слѣдилъ Посошковъ за теченіемъ современной жизни, чутко прислушивался онъ къ волненіямъ въ общественномъ сознаніи. Какъ человекъ прежде всего религиозный, онъ прежде всего оглядѣлъ общенародное колебаніе религиозной мысли, шатаніе русской православной вѣры. И однимъ изъ первыхъ, по времени написанія, явилось у Посошкова «Зерцало очевидное», — громадное богословско-полемическое сочиненіе, своимъ объемомъ превосходящее всѣ другія сочиненія Посошкова. Двойная опасность грозила тогда русскому православію; съ двухъ сторонъ, два равно опасныхъ врага тревожили его миръ и неприкосновенность. Внутри русской церкви въ ужасающихъ размѣрахъ поднялся расколъ, какъ неразумное стояніе въ старинѣ, какъ протестъ преобразованіямъ, оппозиція всякой новизнѣ въ жизни вообще и въ сферѣ церковной особенно; съ другой стороны, извнѣ дѣятельно вторгнулся еще болѣе пугавшій русскихъ людей врагъ — лютеранство, ближайшимъ образомъ, и вольнодумство вообще, какъ направленіе крайняго либерализма, какъ прямая противоположность старовѣрческой косности и консерватизма. Врагъ всякихъ крайностей, порожденныхъ петровскою эпохою, Посошковъ рѣшился въ своемъ сочиненіи подвергнуть усиленной критикѣ оба крайнія направленія, взялся поразить обоихъ враговъ въ ихъ основаніяхъ, разбить въ принципѣ тѣ источники, изъ которыхъ возникалъ и распространялся съ одной стороны духъ крайняго обскурантизма, съ другой — духъ опаснаго вольнодумства, т. е. русскій расколъ старообрядства и основоположенія лютеранства. Отсюда двѣ части «Зерцала очевиднаго», два обстоятельныхъ, законченныхъ полемиическихъ трактата, вошедшихъ въ составъ его: «Зерцало на раскольниковъ обличеніе» и глава «О икоборцахъ».

Въ настоящее время не остается уже никакого сомнѣнія въ томъ, что Зерцало Посошкова существовало въ двухъ редакціяхъ — полной и сокращенной. Судя по сравнительной количественности сохранившихся экземпляровъ, сокращенная редакція была распространена гораздо болѣе. По крайней мѣрѣ намъ извѣстны теперь четыре сохранившіеся экземпляра сокращенной редакціи Зерцала: два экземпляра, принадлежавшіе Погодину и легшіе въ основу его печатнаго изданія, третій экземпляръ, принадлежащій Костромскому Бѣлбажскому монастырю, и четвертый экземпляръ, оказавшійся во Флоринцевой пустыни (Нижегор. губ.)¹⁾ Въ полной же редакціи Зерцало Посошкова, насколько намъ теперь извѣстно, сохранилось только въ единственномъ экземплярѣ²⁾, который принадлежитъ Казанской Духовной Академіи и хранится въ ней подъ № 1663. При существованіи въ печати только сокращеннаго Зерцала, полная его редакція доселѣ не только оставалась неизвѣстною, но даже и самое существованіе ея только развѣ предполагалось. Между тѣмъ, по сравнительному богатству содержанія и по интересу цѣлой второй половины (о иконоборцахъ), полная редакція Зерцала, и независимо отъ изданной уже въ сокращенной редакціи своей первой части, представляется замѣчательнымъ богословско-полемическимъ произведеніемъ древне-русской письменности, любопытнѣйшимъ литературнымъ памятникомъ, такъ что и единственный имѣющійся списокъ ея въ рукописи академической бібліотеки является безусловною и дорогою рѣдкостью.

Зерцало очевидное (таково именно заглавіе полной редакціи) въ рукописи занимаетъ 245 листовъ, во 2-ю долю листа, убористой скорописи. По объему своему оно по крайней мѣрѣ въ три раза болѣе сокращеннаго изданія; по содержанію же представляетъ подробнѣйшее развитіе тѣхъ главныхъ пунктовъ и существенныхъ доводовъ полемики Посошкова, которые составили собою редакцію сокращенную, съ присоединеніемъ и

¹⁾ Свѣдѣнія о послѣднемъ экземплярѣ мы получили отъ извѣстнаго нашего палеографа, А. Е. Викторова, который разсматривалъ эту рукопись.

²⁾ Малочисленность сохранившихся намъ списковъ какъ этого, такъ равно и другихъ сочиненій Посошкова — его Завѣщанія отеческаго, Книги о скудости и богатствѣ, — свидѣтельствующая о малораспространенности этихъ сочиненій и въ свое время, объясняется, по нашему мнѣнію, содержаніемъ этихъ сочиненій. Достаточно указать на то, что они переполнены рѣзкими жалобами на иностранцевъ и самыми беззастѣнчивыми укорами ихъ; а иностранцы, какъ извѣстно, имѣли въ ту пору громадный вѣсъ и вліяніе на Русь.

совершенно новыхъ предметовъ обсужденія, даже не упомянутыхъ въ редакціи сокращенной. Но прежде всего, существенная разниа между двумя редакціями очевидна уже во вѣшнемъ планѣ книги и распорядкѣ частей. Въ сокращенной редакціи все сочиненіе дѣлится на 26 главъ, между тѣмъ какъ въ полной редакціи — только на 23. Напримѣръ, пятая и шестая главы погодинскаго изданія: «О распятіи Христовѣ» и «О разбойникахъ, съ Нимъ распятыхъ» въ рукописи соединены въ одну шестую главу; десятая и одиннадцатая — «О причащеніи тѣла Христова» и «О мерзости запустѣнія» — въ одну десятую; шестнадцатая и семнадцатая: «О символѣ вѣры» — въ пятнадцатую: «О символѣ вѣры и о книжномъ исправленіи». Двадцать вторая глава: «О направленіи заблудшихъ» въ рукописи представляетъ собою «третье предисловіе книги». Кромѣ болѣе или менѣе значительныхъ варіантовъ между печатнымъ погодинскимъ изданіемъ и полною редакціею академической рукописи, въ послѣдней есть цѣлыя громадныя бесѣды, каковыхъ въ первомъ нѣтъ; напр., въ главѣ 18-й «О сложеніи перстовъ» (соотвѣтствуетъ погодинской 22-й) приложены лишнія: «бесѣда первая объ отпадшихъ отъ благочестія», «бесѣда вторая о томъ же», «еще православнымъ совѣтъ», «бесѣда третья православнымъ», «бесѣда четвертая раскольникамъ». Глава 5-я: «О крестѣ» (соотвѣтствуетъ погодинской 4-й) содержитъ въ себѣ въ рукописи пять бесѣдъ (вмѣсто трехъ) и два приложенія къ раскольникамъ, и пр. Кромѣ того, почти каждая глава въ полной редакціи оканчивается «приреченіемъ», въ которомъ, обыкновенно, Посошковъ обращается къ заблудшимъ съ послѣднимъ словомъ относительно разсмотрѣннаго пункта, съ окончательнымъ выводомъ изъ всей главы. Наконецъ, въ полномъ спискѣ находимъ цѣлыя главы, совсѣмъ пропущенныя въ сокращенной редакціи, — это 2-я глава: «О лжи, яко изыде она отъ діавола» и 23-я: «О иконоборцахъ и люторскомъ безумномъ мудрованіи». Въ высшей степени замѣчательна и любопытна эта послѣдняя глава, представляющая и по содержанію, и по построенію совершенно особое, законченное полемическое сочиненіе противъ лютеранъ.

Подлинность полной редакціи Зерцала и принадлежность его Посошкову не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Обиліе доказательствъ этого прямыхъ, фактическихъ, совершенно освобождаетъ насъ отъ обязанности указывать на внутреннее родство Зерцала очевиднаго съ другими сочиненіями Посошкова, на его очевидное сходство съ Завѣщаніемъ

отеческимъ во многихъ пунктахъ содержанія, по складу, языку и по общему направленію и характеру. Самъ Посошковъ оставилъ непрерываемыя доказательства подлинности Зерцала. Такъ напр. въ Завѣщаніи отеческомъ онъ говоритъ между прочимъ: «о раскольничихъ лжеправостахъ *явихъ въ книгѣ Очевиднаго Зерцала*» (стр. 4). Очевидно, Посошковъ ссылается на свое собственное сочиненіе и притомъ на полную его редакцію, такъ какъ доселѣ извѣстная сокращенная редакція Зерцала носить и иное заглавіе. Далѣе, въ Завѣщаніи отеческомъ сказано, что «о символѣ» говорится въ 15 главѣ Зерцала (Зав. от. 88 стр.), что 18 глава Зерцала посвящена вопросу «о перетосложеніи» (стр. 76), — всѣ эти ссылки, несходныя съ погодинскимъ изданіемъ сокращеннаго Зерцала, буквально соотвѣтствуютъ полному списку рукописи. Весьма важное значеніе въ вопросѣ о подлинности полнаго Зерцала имѣетъ въ частности глава о икоборцахъ. На эту главу неоднократно ссылается также самъ Посошковъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ и отсутствіе ея въ доселѣ извѣстномъ сокращенномъ спискѣ Зерцала служило прямымъ поводомъ къ сомнѣнію въ подлинности послѣдняго. Такъ напр. въ предрѣчіи къ Завѣщанію отеческому Посошковъ говоритъ: «для извѣстія зловѣрія люторскаго *въ Очевидномъ Зерцалѣ* прочти 23 главу» (Зав. от. 6 стр.). Въ томъ же Завѣщаніи, въ 3 главѣ, Посошковъ дѣлаетъ такую ссылку: «а прочее, аще кто восхощетъ о люторскомъ житіи, той да зреть *въ Очевидномъ Зерцалѣ, въ 23 главѣ*,—тамо бо многія ихъ пакости можеть узрѣти и уразумѣти» (стр. 49). Доселѣ эти ссылки Посошкова не имѣли никакого смысла, потому что ничего соотвѣтствующаго имъ въ печатномъ текстѣ сокращеннаго Зерцала не находилось; теперь же, съ открытіемъ полной редакціи, онѣ вполне объясняются, находя въ ней точнѣйшее себѣ соотвѣтствіе. Наконецъ, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь приписки, находящіяся въ нашей рукописи и прямо свидѣтельствующія о принадлежности сочиненія рукописи Посошкову. Ссылкою на автора рукописи начинается и оканчивается; въ началѣ книги имя автора скрыто въ формѣ древняго, такъ называемаго, числоваго тайнописанія, а въ концѣ — оно прямо обозначено. Именно, послѣ заглавія и стихотворныхъ эпиграфовъ на книгу, положенныхъ св. Димитріемъ Ростовскимъ, въ концѣ 1-го листа значится:

«Писавша имя 63 числа ^имать въ себѣ званно,

«Прозваніемъ же 512 являетъ всѣмъ ся званно».

Число 63 есть сумма славянскихъ цифръ, входящихъ въ имя — Иванъ, а 512 — сумма цифръ фамиліи — Посошковъ. На послѣднемъ же листѣ рукописи, непосредственно за окончаніемъ сочиненія, стоитъ приписка: «трудивыйся Иванъ Посошковъ прощенія просить».

Что касается происхожденія разныхъ редакцій Зеркала, то можно полагать, что обѣ онѣ принадлежали самому Посошкову и что «Зерцало очевидное», т. е. редакция полная, предшествовало появленію «Зеркала на раскольниковъ обличенія», т. е. редакціи сокращенной. На заглавныхъ листахъ списковъ Зеркала приводятся, обыкновенно, стихотворные эпиграфы св. Дмитрія Ростовскаго на эту книгу. При этомъ, одно стихотвореніе озаглавливается: «на книжицу, Зерцаломъ названную», а другое: «на книжицу малую»; въ рукописи, сверхъ того, поставлено предъ вторымъ стихотвореніемъ заглавное замѣчаніе: «я паки повторяя (т. е. Д. Ростовскій), написа сице». Эти надписи наводятъ на мысль, что Дмитрій Ростовскій неоднократно перечиталъ Зерцало, что ему извѣстны были обѣ редакціи Зеркала: полная редакция — вообще «книжица, Зерцаломъ названная» и сокращенная редакция — «книжица *малая*». Очевидно, представлялъ ихъ Дмитрію Ростовскому самъ Посошковъ, каждую въ отдѣльности и притомъ сначала полную редакцію, а потомъ уже сдѣланное извлеченіе изъ полной, сокращенную редакцію, такъ какъ стихи «на малую книжицу» Дмитрій Ростовскій написалъ, «паки повторяя», т. е. уже во второй разъ читая трудъ Посошкова, послѣ перваго ознакомленія съ нимъ по редакціи полной.

Послѣ этихъ библиографическихъ замѣчаній, вызванныхъ еще совершенною неизвѣстностію въ литературѣ полной редакціи Зеркала вообще и казанской академической рукописи въ частности, начнемъ историко-литературное обзорѣніе ея содержанія. По сущности дѣла, по совершенно самостоятельному характеру внѣшняго построенія главы «о иконоборцахъ» и, наконецъ, для удобства въ разсмотрѣніи, дѣлимъ Зерцало очевидное на двѣ особыя части.

I.

„Зерцало на раскольниковъ обличеніе“

(I—XXII гл. Зерцала очевиднаго).

Пolemическая противораскольническая литература въ Россіи до Посошкова. — Историко-литературное значеніе его сочиненія. — Состояніе раскола въ началѣ XVIII в. по Посошкову. — Взглядъ Посошкова на расколъ. — Существенные приемы и характеръ полемики Посошкова.

«Зерцало на раскольниковъ обличеніе» Посошкова посвящено специальному разсужденію о расколѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ замѣтныхъ, самыхъ выдающихся явленій въ современной жизни. Заявившій себя въ это время во всей силѣ и упорствѣ, расколъ однако не былъ уже тогда новостью въ русской жизни. Точно также и сочиненіе Посошкова не было первымъ въ своемъ родѣ; оно слѣдовало за многими другими, въ которыхъ былъ уже указанъ путь и направленіе въ полемику съ расколомъ.

Русскій расколъ, сущность котораго характеризуется возведеніемъ обряда, простой формы на степень божественныхъ догматовъ, священныхъ правилъ, былъ явленіемъ жизненнымъ, подготовленнымъ всею многовѣковой жизнью русскаго народа, съ самаго начала его историческаго существованія. Догматизированіе обряда, слѣпое пристрастіе къ формѣ и вѣра въ нее, доходящая до поруганія здраваго смысла, естественно вышли изъ особыхъ условій односторонняго направленія всей древне-русской жизни церковно-религіозной. Своимъ возникновеніемъ расколъ предупредилъ реформу Петра. Грустнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ вѣками взлелѣяннаго, закрѣпленнаго умственнаго невѣжества, съ одной стороны, и крайне-обрядоваго направленія — съ другой, явилось церковное разно-

гласіе и раздѣленіе, со всею силою и полнотою обнаружившееся еще въ началѣ второй половины XVII вѣка. Церковныя исправленія, начатыя Никономъ, послужили сигналомъ къ обнаруженію разногласія, къ выдѣленію разномыслящихъ изъ нѣдръ православной церкви и образованію изъ нихъ особаго общества, пріобрѣтимаго въ нашей исторіи печальную извѣстность подъ именемъ русскаго раскола старообрядства. Ревнители старины увидѣли въ реформахъ Никона посягательство на разореніе и искорененіе отцепеданнаго православія и благочестія, рядъ новшествъ, введенныхъ въ среду святой древности, новую вѣру, которою врагъ Божій — Никонъ вздумалъ затмить свѣтлосіяющее русское православіе. Вѣрныя чада прародительскаго благочестія собрали все, что они находили нарушеннымъ въ національной русской вѣрѣ, и составили себѣ поистинѣ новую вѣру, прикрытую авторитетомъ древне-русскаго, до-никоновскаго, только ни въ какомъ случаѣ не подлиннаго, старообрядчества. Еще опредѣленнѣе и энергичнѣе поднялся расколъ при Петрѣ. Всестороннее преобразование древняго національнаго порядка и новое устройство Россіи вывело расколъ изъ сферы церковно-богослужебной и обнаружило въ немъ оппозицію противъ всякаго рода преобразованій, протестъ не только церковнымъ новшествамъ, а и преобразованіямъ чисто гражданскимъ, нововведеніямъ государственнымъ. Прогрессивная и цивилизаторская дѣятельность Петра возбудила въ раскольникахъ рѣшительное фанатическое упорство и противодѣйствіе, какъ окончательное, по ихъ ложно-апокалипсическому воззрѣнію, проявленіе новаго, антихристіанскаго духа.

Страшныя слуты, производимыя оппозиціонною партіею, разумѣется, очень скоро, съ самаго обнаруженія послѣдней, обратили на себя вниманіе правительства и церкви. Большой Московскій соборъ, разсуждавшій о новоявившихся «еретикахъ и раскольникахъ», нашелъ возможнымъ принять противъ нихъ мѣры только карательныя, какъ единственно находящіяся въ распоряженіи, при отсутствіи мѣръ болѣе гуманныхъ, образовательныхъ¹⁾. Результаты были, однако, слишкомъ не блестящи. Гоненія только укоренили въ раскольникахъ антипатію и ненависть, придали имъ ббольшую выгоду въ глазахъ толпы, выгоду гонимыхъ: у нихъ явились свои страдальцы, свои мученики... Прикрываясь авторитетомъ под-

1) П. С. З. т. I № 412; Приб. къ Акт. Истор. V, стр. 427, 486, 487.

вига, страданія, раскольники проповѣдывали, что православіе падаетъ, что патріархъ и его духовенство отступили отъ истины. Конечно, страшное впечатлѣніе производили ихъ выходки противъ именъ, съ которыми набожные русскіе люди привыкли соединять нравственное освященіе и неприкосновенность. «Патріархъ, архіерей—еретики, измѣнники православію!»¹⁾), — и это говорили люди, тоже облеченные нравственнымъ авторитетомъ, начитанностію, готовностію страдать за истину. «Намъ не дають высказать истины, обличать неправду; вмѣсто того, чтобъ обращаться съ нами кротко, убѣждать съ тихостію, они насъ пытаются и жгутъ!» Само собою разумѣется, что подобныя заявленія со стороны раскольниковъ имѣли непосредственный смыслъ вызова къ полемикѣ, къ борьбѣ словесной. Духовенство, по крайней мѣрѣ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, понимало этотъ вызовъ, чувствовало свою обязанность; но въ то же время оно съ горечью должно было сознаться въ своемъ безсиліи, неподготовленности для защиты своего ученія и паствы. «Какъ оплакать имамъ нерадѣніе наше пастырское о цѣлости церкви святыхъ?» взывалъ Стефанъ Яворскій, обращая свое слово къ духовенству и подобными напоминаніями желая «отъяти поношеніе еретиковъ, соблазняющихся о невѣжествѣ духовныхъ ли о лѣности»²⁾). Но безсиліе духовенства въ борьбѣ съ расколомъ было настолько очевидно, что не одни только образованные пастыри русской церкви усиленіе раскола поставляли въ зависимость отъ невѣжества и недостатковъ духовенства. Посошковъ, при всемъ глубочайшемъ своемъ уваженіи въ принципѣ къ духовенству, долженъ, однако, былъ сознаться, что «вина гибели раскольниковъ токмо отъ неученыхъ священниковъ; аще бы попы были разумѣтельны, то ни коими дѣлы раскольникамъ въ простомъ народѣ множитися было бы не возможно и возникнуть имъ было бы некако. А нынѣ вельми вкоренилась раскольническая ересь. А вся сія гибель чинится отъ пресвитеровъ, ибо и отъ дурацкаго раскола не знаютъ чѣмъ оправити себя, а ихъ обличить и запретить крѣпко не разумѣють, или на пѣнази склоняются». (О школахъ ркп. л. 1 об.; Соч. Пос. I, 4 и 10 стр.).

При такихъ критическихъ обстоятельствахъ, тѣ немногія личности, составлявшія счастливое исключеніе изъ тогдашняго духовенства, которыя

¹⁾ Соловьевъ. Чт. о Петрѣ В. стр. 27.

²⁾ Камень вѣры т. I стр. 204, 206, 208.

чувствовали въ себѣ силу къ умственному труду, тѣмъ болѣе сочли своею обязанностію выступить на защиту попираемаго православія и поражение раскола съ оружіемъ слова. Тѣмъ болѣе и для насъ должны быть цѣнны труды этихъ немногихъ избранниковъ, въ ряду которыхъ мы съ гордостію должны поставить и своего крестьянина Ивана Посошкова.

Кромѣ «Зерцала» Посошкова, въ полемической противораскольнической литературѣ второй половины XVII и первой XVIII в. отмѣтимъ, какъ самыя крупныя и обстоятельныя, слѣдующія сочиненія: «Жезль правленія» Симеона Полоцкаго, «Увѣтъ духовный» патріарха Іоакима, «Пращица» Питирима, еп. Нижегородскаго, и «Розыскъ о бринской вѣрѣ» Димитрія Ростовскаго. Чтобы составить понятіе объ общемъ направленіи и характерѣ тогдашней полемической литературы на Руси, познакомясь въ общихъ чертахъ съ этими поименованными сочиненіями.

Сочиненіе Симеона Полоцкаго: «Жезль правленія»¹⁾ имѣло своимъ назначеніемъ «нелѣпыя упразднити расколы и крамольныя истребити мятежи, во еже бы всемъ единого Бога едиными усты воспѣвати». Достиженію этой цѣли служатъ двѣ части сочиненія, изъ которыхъ въ 1-й по пунктамъ «возобличаются» основныя положенія (въ числѣ 30) главнаго расколоучителя Никиты; во 2-й, по тому же плану, опровергаются 70 положеній другаго «равнаго Никитѣ хулителя на церковь — Лазаря попа». Въ виду того, что «мнози нынѣ въ російской церкви возстають, молву и смятеніе творящии, клеветуше и нелѣпыми лжуще лаянии, годствуетъ намъ — говоритъ авторъ — отвѣтствовати на безуміе, на ложь и клеветы, да узрять буйство свое, да нещуютъ безъ возобличенія быти неправедная своя обличенія» (Жезль правл. стр. 4, 71). И вотъ, Полоцкій предлагаетъ «многимъ трудомъ сооруженный жезль правленія, утвержденія, наказанія и казненія... Се воздвигаемъ жезль мысленный, вѣрнымъ на спасеніе и правленіе, колеблющимся на утвержденіе, непокоривымъ въ наказаніе, волковъ хищныхъ на поражение» (ч. I, л. 7 об.). Въ предисловіи самъ авторъ охарактеризовалъ направленіе своего сочиненія: «да не безвѣрны явимся въ обличенія, неже во ученіи». Сообразно этому,

¹⁾ При написаніи «Жезла», Полоцкій обильно пользовался противораскольническимъ сочиненіемъ Паисія Лигарида: «Отвѣты обличительныя на церковныхъ противниковъ». Это сочиненіе, составленное по опредѣленію собора 1666 г., написано было на греческомъ языкѣ и переведено Полоцкимъ. Др. и нов. Россія 1875 г. ч. 3 стр. 17.

прямия обращенія къ раскольникамъ занимають въ книгѣ, сравнительно, мало мѣста. Обыкновенно, поставивъ извѣстное положеніе расколуучителей, въ своемъ изобличеніи Полоцкій исключительно занимается его разсмотрѣніемъ. Только иногда, какъ бы между прочимъ, и большею частію въ концѣ своего отвѣта Полоцкій обращается съ своими замѣчаніями къ раскольникамъ. Но и этого достаточно, чтобъ видѣть сущность его взгляда на расколъ и объяснить характеръ его полемики. Полоцкій смотритъ на расколъ, какъ на плодъ невѣжества и слѣдствіе ожесточенія въ борьбѣ, обуславливаемого гордостью раскольниковъ, приводящаго ихъ къ умопомраченію, побуждающаго даже на клевету. «Никита съ своими единомышленниками безуменъ есть, невѣжда и клеветникъ»; расколъ — «слѣпота, безуміе, вражда, злоба и клевета безстудная» (стр. 41, 103).

Въ разумѣ грамматическомъ, по свидѣтельству Полоцкаго, расколуучители были столь скудоумны, что не владѣли искусствомъ правильно читать; «ихъ чтеніе — слѣпыхъ невѣждъ чтаніе», они «не умѣють чести по препннаніямъ», — а это и было причиною многихъ заблужденій, потому что «не на своихъ мѣстахъ положивъ словесъ препннаніе», они «растерзають православное разумѣніе» (л. 99, 23). Тѣмъ болѣе раскольниковы были невѣжды въ языкѣ греческомъ, на который, однако, они ссылались: «Никита прилагаетъ, яко гречестіи книги суть растлѣнны, а самъ онъ не вѣсть алфа гречески прочести» (л. 42 об., 78, 81, 117 об. и др.). Но «поврежденные умомъ», они «не точію въ граматичѣ погрѣшають, но и еретичествомъ развращають», потому что не въ силахъ понять многое въ Словѣ Божіемъ: «на богословіе вооружися, море хотѣ изслѣдити, на брезѣ тонуть. Слепіи невѣжды, внигда вознести очеса своя мрачная въ солнце богословскія премудрости, паче помрачуются. Не вѣдая и не постизая силы словесъ предложенныхъ», они «нестерпимыми лжами клеветуютъ на церковь, здравая и полезная мертвице и скаредующе» (л. 122 об., 43 об., 20, 113 об.). Въ то же время, какъ «орудіе прегордаго, праклятаго діавола», какъ «чада эхидны», раскольники заражены духомъ гордости: «прегордый Никита уподобився умомъ падшей денницѣ, горделивецъ, той же гордости и люди учить» (л. 81 об., 83, 35).

Сообразно такому взгляду на расколъ и его причины, Полоцкій и направляетъ свои обличенія. Опровергая заблужденія раскольниковъ, онъ не довольствуется только указаніемъ на свидѣтельства Слова Божія, пи-

савій отеческихъ и древнѣйшихъ памятниковъ богослужебной письменности, но тщательно раскрываетъ смыслъ приводимыхъ свидѣтельствъ, смыслъ непонятый или ошибочно перетолкованный раскольниками. Мало того, онъ часто обращается къ грамматикѣ и посвящаетъ «слѣпыхъ невѣждъ въ грамматическомъ разумѣ» въ правильный, научный разборъ извѣстныхъ выраженій, приводитъ грамматическія правила, чтобъ показать, какъ «сама грамматика нашу правду явѣ творить» (л. 76, 23, 44, 98, 101 об., ссылается даже на руководство М. Смотрицкаго л. 118 об.). Иногда Полоцкій приводитъ даже греческія выраженія, чтобъ показать по нимъ вѣрность перевода или исправленія нашихъ книгъ (напр. л. 75 об., 95 об., 116). Съ цѣлю окончательнаго убѣжденія раскольниковъ, возставшихъ противъ всякихъ исправленій, Полоцкій указываетъ на тождественность всего содержаемаго нашею церковію съ православною греческою (л. 107, 111 и др.); доказываетъ законность исправленія «всякой дерзости и погрѣшенія (прежнихъ) писателей и прилагатель» ; защищаетъ доброе дѣло Никона ; наконецъ, отсылаетъ сомнѣвающихся въ «патріаршую книго-хранильницу убѣдиться тамъ, что новыя исправленія «нѣсть развратъ и поврежденіе, но древности подражаніе» (л. 116 об., 22 об., 106). Наряду съ этими обличеніями и увѣщаніями, Полоцкій умоляетъ раскольниковъ отложить гордость, смириться и присоединиться къ церкви. Нельзя, впрочемъ, сказать, что полемика Полоцкаго отличается миролюбивымъ тономъ: для нашего времени странно звучать часто встречающіяся въ книгѣ бранныя выраженія. Въ своихъ обращеніяхъ къ православнымъ, Полоцкій заповѣдуетъ «далече бѣжать отъ лестнаго ученія», отгоняя «псы, лающіе на церковь», предлагаемымъ жезломъ (л. 21 об., 12, 11 об., 35 и др.).

Взглядъ Симеона Полоцкаго на расколъ и характеръ его полемики могутъ служить образцовыми за все время тогдашнее, потому что и послѣдующіе расколообличители, какъ отчасти увидимъ, держались тѣхъ же взглядовъ на расколъ и пользовались въ сущности тѣми же приѣмами обличенія.

«Увѣтъ духовный» патріарха Іоакима также представляетъ двѣ части, изъ которыхъ въ 1-й — «возглашеніи россійскому народу» — предложено «изъявленіе на раскольниковъ, како возстапа на св. церковь, кіими словесы простой народъ прельщаху и на тѣ развращенная словеса свидѣтельства святыхъ книгъ положенныя»; во 2-й части послѣдова-

тельно опровергаются пункты Соловецкой челобитной, «да увѣсть всякъ скверное ихъ челобитье, составленное не Бога боявшеся, не народа срамящеся, являюще свое безумство»¹⁾. Свое увѣщаніе авторъ направляетъ исключительно къ православнымъ, «да не лестію безумныхъ раскольниковъ сведенъ будетъ кто и погибнетъ отъ пути праваго» (л. 53 об.). Что же касается самихъ раскольниковъ, то ихъ, «безумныхъ, никоими словеса не возможно увѣщати, точію наказати ихъ подобаетъ». Поэтому, имъ предложены только «краткая вѣщанія, искореняющія ихъ буйство, и изъ старыхъ книгъ свидѣтельства» (л. 64). Вообще, Увѣтъ во многомъ напоминаетъ сочиненіе С. Полоцкаго: кромѣ общности взглядовъ и приемовъ, находимъ обширныя буквальные заимствованія²⁾. Главнѣйшею причиною раскола и Іоакимъ поставляетъ также невѣжество, въ связи съ народными истинетами непокорства и самоволія. Раскольники «держаютъ въ богословскія глубины умъ свой пущати, а на брезѣ грамматическаго разума утопають»; но заблуждаются они не отъ невѣжества только своего, а «наипаче отъ непокорства и суемудрствія: надме ихъ древній зміи-діаволь», которому они являются послушными орудіями и сотрудниками (л. 2 об., 96, 43).

Въ своей полемикѣ Іоакимъ опровергаетъ главные пункты раскола, указанные въ челобитной, раскрытіемъ истиннаго смысла священнаго Писанія, свидѣтельствами св. Отець, богослужебными книгами, постановленіями соборовъ; наконецъ, онъ предлагаетъ «явное и руками осязаемое свидѣтельство» въ памятникахъ древности, которые можно видѣть «въ ризницѣ патріаршей». Законность всего, что возбуждало ропотъ въ расколѣ, доказываетъ практикою греческой церкви, «откуда все пріяхомъ» (л. 9). Что касается исправленія книжнаго, то указываетъ на испорченность книгъ переписчиками, что зависѣло и отъ трудности греческаго языка, съ котораго даже «и учащемуся философскихъ и богословскихъ наукъ переводити книги было трудно, яко языкъ мудрый» (л. 135 об., 192 об.). Вѣрность исправленій доказываетъ грамматически, приводя иногда и

¹⁾ Увѣтъ дух. л. 63 об. При этомъ буквально приводитъ цѣлыя пункты Солов. челобитной; такъ на л. 68—приведенъ 7-й пунктъ; на 72 л.—8 п., на 76 л.—9-й; на 77 л.—10; на 80 л.—11-й; на 83 л.—13-й и т. д.

²⁾ Напр. Увѣтъ л. 81 об.=Жезль л. 43—44; Увѣтъ л. 99—105=Жезль л. 44—47; 85—90 об.=50—53; 126—138=56 об.—60 об.; 122—125 об.=63 об.—65 об.; 112—117=65—68; 119—121 об.=68 об.—69 об.

греческій текст подлинника (напр. л. 122, 135). Въ своихъ обращеніяхъ къ раскольникамъ Іоакимъ умоляетъ ихъ оставить заблужденія, далеко не всегда, впрочемъ, выдерживая при этомъ спокойствіе тона.

Посошковъ, занятый вопросомъ о мѣрахъ, препятствующихъ распространенію раскола, между прочимъ, сооцѣдуетъ распространить въ народѣ книгу Пращу, о которой отзывается съ особенной похвалою (Соч. Пос. I, 16). «Пращица духовная къ раскольникамъ, иже безстуднѣ хулами насакають на святую церковь», представляетъ собою громадное противораскольническое сочиненіе, трудъ современника Петра Великаго — Птирима, епископа Нижегородскаго, оконченный имъ въ 1717 году (Пращица л. 410 об.). По свидѣтельству издателя Пращицы, Птиримъ былъ замѣчательнымъ дѣятелемъ въ борьбѣ съ расколомъ, «проходилъ многи дебри и пустыни, бесѣдуя съ раскольники, многократно любопряся съ ними словесно и письменно» (л. 417). Его Пращица состоитъ изъ 240 отвѣтовъ на вопросы, предложенные раскольниками. Птириму уже извѣстны были Жезль Правленія и Увѣтъ духовный, на которые онъ часто ссылается и которые имѣлъ въ виду восполнить, не повторяя изложеннаго въ нихъ (л. 174 об., 105, 107 об., 112 об., 145 и пр.)¹⁾. Птиримъ исполнилъ свое намѣреніе, обративъ вниманіе, въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, кромѣ заблужденій догматическихкихъ и обрядовыхыхъ, на жизнь раскольниковъ, на очевидные плоды ихъ лжеученія; онъ написалъ, по его словамъ, «о преступленіяхъ, презорствахъ, развращеніяхъ и прочихъ злобахъ и злыхъ дѣлахъ раскольниковъ» (л. 17). Разоблачая внутреннюю жизнь въ расколѣ, Птиримъ приходитъ къ самымъ печальнымъ результатамъ; онъ нашелъ, что раскольники «уклонилися на путь злый, развратный, народъ развращаютъ, честный бракъ отменяютъ, живутъ въ великомъ скаредствѣ, мнози живутъ безъ крещенія» и пр. (л. 357 об., 166, 409 об.). Птиримъ раскрываетъ истинныя причины силы и успѣха расколуучителей: хитрость, обманъ, которыми они если не могутъ привлечь «имущихъ умъ», то привлекаютъ «простѣйшихъ, неученыхъ, предъ которыми они, и волки суще, преобразуются въ овцы ложнымъ пощеніемъ, лицемѣрнымъ смиреніемъ, притворною кротостію» (л. 113 об., 126, 11 об., 241, 380).

¹⁾ Въ своей Пращицѣ Птиримъ обосновывается между прочимъ также на извѣстномъ въ ту пору, но подложномъ, неподлинномъ сочиненіи: «Соборное дѣяніе на еретика армянина, мниха Мартина».

Чтобъ ввести раскольниковъ въ сознание своей неправоты, Питиримъ показываетъ ихъ родство съ древними, осужденными ересями (л. 11, 414), перечисляетъ множество толковъ ихъ, враждующихъ между собою (л. 30, 32, 56 об.), указываетъ нелѣпность нѣкоторыхъ раскольническихъ положеній, «всякія укоризны и смѣха достойныхъ» (л. 109, 232), свидѣтельствуесть подложность нѣкоторыхъ книгъ, находящихся въ обращеніи между раскольниками (напр. л. 294 об.), уличаетъ въ прямой лжи и клеветѣ на нѣкоторыя строго-православныя книги (напр. л. 322 об., 70) и пр. и пр. Утверждая новостъ ихъ старовѣрства (напр. л. 30, 55), Питиримъ доказываетъ чистоту древняго правовѣрія, содержащаго церквію и неизмѣнность всего принятаго отъ Константинопольской церкви (л. 383 и пр., 37 и др.). Чтобъ установить правильный взглядъ раскольниковъ на книжныя исправленія, Питиримъ доказываетъ испорченность книгъ, для наглядности сопоставляя правильный и искаженный текстъ во множествѣ выписокъ изъ священныхъ и богослужбныхъ книгъ (напр. л. 39 об., 40—53). Въ то же время, правилами соборовъ, свидѣтельствами св. Отцевъ, писаніями древне-русскихъ писателей, иногда даже правилами грамматики и указаніемъ на греческій текстъ (напр. л. 22 об., 249), доказываетъ точность исправленій. Въ концѣ концовъ, Питиримъ, обыкновенно, обращается къ раскольникамъ съ увѣщаніемъ покаяться, ободряя при этомъ надеждою на милость Божію и прощеніе; православнымъ же заповѣдуетъ блюстися «отъ несовъ, отъ злыхъ дѣлателей, понеже безстуднѣ лають на Свягую Церковь, зане дѣла ихъ злы и плоды ихъ мерзки» (л. 18).

Болѣе цѣнный по своему содержанію трудъ, выродившійся изъ полемики съ расколомъ, представляетъ «Розыскъ о брынской вѣрѣ» святаго Дмитрія Ростовскаго. Вызываемый постоянно въ своей паптырской дѣятельности въ столкновенія съ расколомъ, этотъ святитель, кромѣ устныхъ увѣщаній, рѣшилъ письменно «вѣру, ученіе и дѣла раскольниковъ подлиннымъ розыскомъ разыскать, испытаніемъ разложить и здравымъ разсмотрѣніемъ увидѣть, что въ нихъ есть» (Розыскъ л. XV, 404). Во всѣхъ трехъ частяхъ, т. е. въ розыскѣ о вѣрѣ, ученіи и дѣлахъ раскольниковъ, авторъ пришелъ къ результатамъ, уже извѣстнымъ намъ изъ разсмотрѣнныхъ сочиненій: онъ разыскалъ вездѣ только невѣжество, ожесточеніе, хитрость и обманъ. «Вѣру обрѣтохомъ, извнѣ лжесловесными лыщенными красящуюся, внутри же есть яко содомское обла-

ко — праха и смрада исполнено» (л. 11 и 12); оказалось, что вѣра у раскольниковъ совершенно потеряла свой истинный смыслъ и значеніе, расколоучители утратили даже понятіе о ней: «вѣрѣ учаще, что есть вѣра — не знаютъ, самаго реченія: вѣра — истолковать не умѣютъ. Старая икона, книги, осмиконечный крестъ, — то ихъ вѣра». Даже «нравы и обычаи своя и самая худая дѣла вѣроу нарицаютъ» (л. 2, 3, 9, 82). Таково и ученіе, таковы и дѣла, разысканныя св. Димитріемъ въ расколѣ. Свое невѣжество обнаружили раскольники вездѣ, гдѣ только взялись богословствовать: не слыша о богословіи, дерзнули догматизовать и, хотя показатися богословцами, показались бусловцами, еретиками. Требезумніи, слѣпїи, черныя сажки умомъ потемнѣнїи, «отъ своего мужичьѣго умствованія» предлагаютъ «словеса, иже суть тьма, мгла, мракъ, бредня», и тѣмъ являютъ «крайнее русаковъ ослѣпленіе» (л. 55, 9, 57, 78, 452).

Преимущественно въ своей полемикѣ св. Димитрій усиливается доказывать, что вѣра, содержаемая раскольниками подъ именемъ старой, въ сущности «нѣсть вѣра старая, но новая, новыхъ ересей исполнена» (напр. л. 49, 57, 64 и пр.). Съ цѣлію доказать новостъ и ложностъ ихъ вѣры, кромѣ указаній на догматическія и обрядовыя отступленія раскольниковъ, св. Димитрій ссылается: на раздробленіе ихъ вѣры во множествѣ толковъ, каковыхъ въ Брынскихъ лѣсахъ онъ насчиталъ 20 (л. 65, 565), на ихъ недостойную истинной вѣры взаимную вражду, на характеръ ихъ пропаганды, на хитрость и обманы, которыми раскольники пользуются для своихъ цѣлей (напр. л. 559, 598, 125 и пр.); фактически уличаетъ ихъ въ наглої лжи (л. 323, 491); распутываетъ ихъ перетолкованія Свящ. Писанія (л. 129, 151, 211); указываетъ ложностъ ихъ предсказаній; противорѣчія въ ученіи (л. 259, 38, 485); ссылается на возмутительныя для нравственнаго чувства мученія, истязанія, оргїи, практиковавшіяся въ расколѣ (л. 569, 585) и пр. и пр. Впрочемъ, избличить «всѣ неправости и кривотолки раскольниковъ не достанетъ и силъ, и времени. Нѣкоторыя же лаянія ихъ недостойны и отвѣта» (л. 385, 609, 529). Чтобъ остаться вполне справедливымъ, Димитрій указываетъ на нѣкоторыя добрыя дѣла въ расколѣ: пощенія, молитвы и т. п., но доказываетъ при этомъ, что и эти «добрыя дѣла вся въ нихъ суть яко не добрая» (напр. л. 535, 626).

Но особенную цѣну придаютъ сочиненію Димитрія Ростовскаго историко-богословскія разсужденія, которыми оно переполнено. Эти разсужденія

возводятъ трудъ Димитрія Ростовскаго на степень возвышеннаго умозрительнаго богословія. Положенія раскола служатъ, обыкновенно, поводомъ св. Димитрію къ развитію христіанскихъ истинъ; такъ онъ раскрываетъ умозрительное ученіе объ иконахъ, о мощахъ, объ образѣ и подобіи Божіи въ человѣкѣ, о смыслахъ въ Св. Писаніи (л. 175, 218, 225, 291, 368 и пр.). При этомъ, обыкновенно, онъ предлагаетъ и исторію догмата въ церкви, исчерпывая ученіе о немъ со всевозможною подробностію. Нерѣдко св. Димитрій, въ общемъ потокѣ своего богословствованія, предлагаетъ вопросы чисто философскіе, такъ, напр., много разсуждаетъ на вопросъ, что есть время (л. 236).

Въ ряду разсмотрѣнныхъ нами сочиненій, по всей справедливости весьма замѣтное мѣсто должно занять современное имъ «Зерцало, на раскольниковъ обличеніе» — Посопкова, какъ сочиненіе, не только своею обширностію превосходящее ихъ (кромѣ расвѣ Прапцицы), но и по полнотѣ и основательности содержанія, силѣ убѣжденія, чистотѣ и искренности побужденій, ни мало не уступающее имъ. Правда, здѣсь мы не встрѣтимъ того глубокаго богословствованія и обширной ученой эрудиціи, не найдемъ того обилія ораторскихъ движеній, той строгой систематичности расположенія частей и строгой логичности изложенія, которыми отличается, на примѣръ, трудъ Димитрія Ростовскаго и др.; но мы найдемъ здѣсь всё-же вполне обстоятельное и основательное опроверженіе всѣхъ пунктовъ раскольническаго заблужденія, даже болѣе близкое знакомство съ расколомъ; найдемъ то же святое, задушевное желаніе спасти душу ближняго, являющееся особенно цѣннымъ въ произведеніи человѣка, своимъ положеніемъ призваннаго только «дрова сѣщи», но выраженію Димитрія Ростовскаго. Впрочемъ, это званіе автора и горькая его судьбина, вѣроятно, были причиною того, что рассматриваемое сочиненіе, несомнѣнно полезное всегда и драгоцѣнное въ ту пору, не получило надлежащаго хода, не удостоено было и отпечатанія, не смотря на желаніе автора (Соч. Пос. т. I, стр. 16). Тѣмъ не менѣе, высокопросвѣщенныя личности того времени, имѣвшія случай познакомиться съ Зерцаломъ, высказали тогда же свое правдивое сужденіе о немъ. Мы имѣемъ въ виду того же святителя Димитрія Ростовскаго, который, прочитавъ предложенный ему списокъ Зерцала, высказалъ свое неподдѣльное желаніе увидѣть автора замѣчательнаго сочиненія. «Книжица воистину благопотребна», писалъ онъ о Зерцалѣ, «великое раскольникамъ обличеніе и постыжденіе;

книжица эта достойна въ свѣтъ произвестися¹⁾. Самъ Посошковъ въ полной редакціи своего Зеркала свой «неученый, неисправный, простосложный» трудъ прикрываетъ авторитетнымъ именемъ Ростовскаго святителя: «блаженный преосвященный Димитрій Ростовскій и Ярославскій митрополитъ свидѣтельствовавъ (книгу — Зерцало), повелѣлъ ми, переписавъ ю, у себя въ домѣ не держати, но ради общія пользы повелѣлъ въ міръ ю пустити (Зерцало л. 243 об.). Кромѣ того, Димитрій Ростовскій написалъ, какъ увѣряетъ рукописный списокъ Зеркала, «мудролюбія его пастырскаго метросочиненные стихи» къ этому сочиненію. Между прочимъ, эти «стихи Преосвященнаго Митрополита Димитрія Ростовскаго, написанные 1709 лѣта, сице вѣщаютъ:

Мала книжица сія, но разумъ въ ней многій;
 Малъ ларчикъ, но скарбъ въ себѣ хранитъ не убогій...
 Та книжица раскольниковъ сильна побѣждати,
 Вся же правовѣрныя пользы исполнити» (л. 1 об.).

Необыкновенно быстрое усиленіе раскола, «всю Россію потрясшаго и не только простыхъ и безкнижныхъ, но и множество книжныхъ людей соблазвившаго» (Зерц. л. 137 об.), съ другой стороны, сознание безсилія невѣжественнаго духовенства въ борьбѣ съ нимъ, — вызвали написаніе Зеркала. Кромѣ настоятельной нужды въ обличеніи раскола, Посошковъ чувствовалъ къ такому труду достаточно въ себѣ силы и энергіи, потому что онъ непосредственно, опытно знакомъ былъ съ расколомъ и изъ этого знакомства вынесъ крайнее отвращеніе и негодованіе къ нему. «Буди всѣмъ сіе извѣстно», заявляетъ онъ, «еже и азъ изначала хромахъ недугомъ раскольничи болѣзни» (л. 143). Извѣстно также, что ближайшіе родственники Посошкова были заражены расколомъ: еще его родители колебались подъ вліяніемъ раскола: «то учили меня креститься тремя персты», пишетъ Посошковъ, «а то стали учить снова, ежебъ двома персты креститься» (л. 143 об.); родная сестра его, Анна, была нераскаянная раскольница: «ходя по домамъ, она и иныхъ съ истиннаго пути совращала и къ своему зловѣрью присоединяла» (л. 138); родной своякъ Посошкова былъ зараженъ расколомъ и оставлялъ дѣтей своихъ некрещенными (л. 103 об.). Если Посошкову не удалось повліять на близкихъ къ себѣ лицъ, то по крайней

¹⁾ Письмо къ Θεологу. Обзор. Русск. дух. литер. кн. 1 ст. 371.

мѣрѣ, «Богъ не оставилъ» его самого «въ невѣдѣннѣ быти» (л. 143 об.), и онъ могъ говорить о себѣ: «я твердъ въ истинномъ благочестіи и непоползновененъ на раскольничая словеса» (л. 20 об.). Впрочемъ, этимъ не ограничились столкновения Посошкова съ раскольниками. Послѣдніе долго не оставляли его въ спокойствіи, всячески желая привлечь на свою сторону. Онъ рассказываетъ въ своей книгѣ, какъ не разъ его обманомъ зазывали «въ раскольничьи сонмища и убѣждали: буде хочешь въ рай, пристань къ намъ; аще къ намъ пристанешь, то всѣ твои грѣхи очистятся и будешь съ нами въ раю» и проч. (л. 152). Съ своей стороны и Посошковъ, такъ или иначе заинтересованный расколомъ, пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ для изученія его во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, во всей силѣ его аргументовъ и возраженій противъ православной церкви. Побужденіемъ къ изученію раскола для Посошкова было, между прочимъ, и рано задуманное имъ и начатое написаніе Зеркала. Такимъ образомъ онъ передаетъ случай, внушившій ему это намѣреніе: «нѣкогда призвалъ меня къ себѣ славный ереси вождь, зовомый Козьма Ксенофоновъ, и началъ убѣждать пристать къ нимъ»... «И во иное время призвалъ онъ меня паки на Слово Писанія»... и пр. Результатомъ этихъ совѣщаній было то, что «и онъ на меня осердился, и азъ на него, — и тако разыдохомся: не сотворилъ онъ лова во мнѣ, умъ мой не омрачился, но бодръ бысть. И видя въ нихъ такую погибель, у Бога прося милости, начахъ сію книжицу сочиняти» (л. 15 об., 16). Для этой-то цѣли, Посошковъ специально занялся расколомъ, — «учился, по его выраженію, прелести раскольничей» (л. 242 об.). Онъ вступалъ въ постоянныя пренія съ предводителями и учителями раскола: «много разглагольствовахъ съ наставниками раскольничими: съ Кузьмою Ксенофоновымъ, со Алексѣемъ, словомымъ философомъ, съ Ерофеемъ Андреевымъ, съ Михайломъ и со иными учителями именитыми» (л. 36, 34, 63 об., 75 об., 143 и др.). Въ этихъ разглагольствахъ Посошковъ «обличалъ славныхъ учителей о несмысленныхъ ихъ глаголахъ и являлъ, по едику возмогалъ, истинное ученіе» (л. 140). Въ то же время, самъ онъ тщательно старался вывѣдать и изучить отъ своихъ собесѣдниковъ всю догматику раскола: «много азъ учителей именитыхъ вопрошивалъ» объ основаніи законоположенія раскола, «много вопрошивахъ: откуда что взяли», «вопрашивахъ о книжномъ разумѣннѣ», «спрашивалъ, чего ради тако глаголють» и проч.

(л. 84 об., 71 об., 127, 136 об., 238). Однако, Посошковъ скоро сталъ замѣтнымъ для раскольниковъ, и они совершенно отшатнулись отъ него, какъ человекъ не только непреклоннаго, но и вреднаго для нихъ: «всѣ лжеучители», говоритъ онъ, «пересташа ко мнѣ ходити и своей прелести мя учити, и ни въ каковая разглагольства уже со мною не входятъ: вси бо скрышася отъ меня. Азъ всячески увѣщавахъ ихъ, дабы со мной поне не о большихъ вещахъ поглаголати, но никто не пришелъ ко мнѣ» (л. 242). Наконецъ, Посошковъ «много ко всѣмъ учителямъ раскола письма руки своея вопросительныя посылалъ, дабы, сошедшея между собою, помыслили и дали бы мнѣ отвѣтъ чистый» (л. 72 об.). Но такъ какъ и въ этомъ случаѣ «ни единъ отвѣта явнаго не далъ», вси «быша нѣмы на отвѣтъ» и «чистаго отвѣта ни о чемомъ не учинили, ни по единому письменному вопрошенію письменнаго отвѣта не получилихъ» (л. 71 об., 63 об., 127, 72 об.); то Посошковъ пытался и самъ изслѣдовать основанія раскола, — съ этою цѣлію онъ «много поискалъ въ Божественномъ писаніи, съ прилежаніемъ прочиталъ» нѣкоторыя книги, чтобы видѣть, нѣтъ ли въ нихъ какого «разнствія» (л. 29 об., 75 об.). Но во всякомъ случаѣ, съ разрывомъ Посошкова съ раскольниками, истощились для него средства къ изученію раскола: «и того ради прекратися и сія книжица» (л. 242 об.).

Итакъ, Посошковъ употребилъ всѣ возможныя усилія съ своей стороны къ полнѣйшему изученію раскола, и если что написалъ въ своемъ Зерцалѣ, то написалъ основываясь на данныхъ непосредственно, изъ первыхъ устъ воспринятыхъ имъ отъ раскольниковъ; его Зерцало, такимъ образомъ, не есть продуктъ школьной учености, — оно написано подъ вліяніемъ живой, устной борьбы, частныхъ разговоровъ и диспутовъ. Въ этомъ нельзя не видѣть одно изъ цѣнныхъ достоинствъ труда Посошкова. Благодаря его ближайшей связи и сношеніямъ съ раскольниками, мы имѣемъ въ Зерцалѣ точную исторію, по которой можно составить самое вѣрное и непогрѣшимое представленіе о тогдашнемъ расколѣ. Онъ писалъ на основаніи только того, что самъ непосредственно подслушалъ и подсмотрѣлъ въ расколѣ, что, по его выраженію, онъ «своимъ подлымъ ухомъ слышалъ и своимъ подлымъ окомъ видѣлъ» (л. 94, 136, 104 об., 132 об.). И только «елико отъ устъ ихъ слышалъ, на та очерченія и написахъ изъявленія. А о чемомъ не слышалъ, о томъ и писати мнѣ было невозможно» (л. 242). Посошковъ самъ сознается, что въ его

изслѣдованіяхъ раскола встрѣчались пункты, которыхъ «довѣдаться подлинно не могъ» онъ (л. 42, 242 об.), — поэтому, и «не вся раскольничья сквернословія и очерненія вписана суть» (л. 242, 2 об., 239 об.). Но во всякомъ разѣ, отъ этого не произошло большаго ущерба для полноты и обстоятельности сочиненія, такъ какъ, по сознанию же автора, «вся *главная* раскольничья ересь изъяслена имъ»; и въ началѣ своего сочиненія онъ говоритъ: «взирай въ сіе духовное Зерцало почасту и со вниманіемъ: вся бо главнѣйшая очерненія и сквернословія раскольничья, и суемудрія ихъ, и утвержденія ихъ узриши и уразумѣши».

Богатству и цѣнности содержанія въ разсматриваемомъ сочиненіи соотвѣтствуетъ чистота намѣреній и побужденій, руководившихъ авторомъ. Внешнія обстоятельства: усиленіе раскола, знакомство съ нимъ Посошкова, послужили только поводомъ, толчкомъ, возбудившимъ Посошкова къ дѣятельности. Дѣйствительныя же побужденія къ осуществленію добровольно воспринятой имъ на себя миссіи крылись въ самомъ Посошковѣ, въ его душевномъ настроеніи, глубокой религіозности, въ истинно-христіанской ревности о церкви и православіи. Посошковъ не могъ равнодушно смотрѣть на страшныя колебанія и сильнѣйшую смуту въ церкви; онъ, какъ «любитель правды» вообще, тѣмъ болѣе не могъ молчать, «видя правду отвержену и попану» въ области вѣры. «Бога истиннаго въ свидѣтели являю, яко не могъ утерпѣти, видя въ вѣчную погибель отъ незнанія своего многихъ людей грядущихъ, еже бы имъ о погибели ихъ не возвѣстити и еже бы праваго пути имъ не показати... Въсть Господь, яко иногда и нужду свою домовную презрѣвъ, въ немъ (то есть въ Зерцалѣ) потрудихся, дабы съ закопавшимъ въ землю талантъ, отъ Бога данный мнѣ, въ сопричтеніи не быти» (л. 244). На благочестивый взглядъ Посошкова казалось даже преступнымъ оставаться безучастнымъ зрителемъ нравственной гибели ближнихъ: «страшно есть всемъ намъ, въ мірѣ живущимъ», говоритъ онъ, «еже не пецися всякому о спасеніи погибающихъ человекъ: наипаче жъ о подъятіи падшаго человека въ ересь каковую или расколъ» (л. 8). Поэтому, онъ желалъ всемъ внушить, чтобъ и «простолюдинове тѣчаніе имѣли неоскудное о наставленіи заблудшихъ». Впрочемъ, присущее Посошкову сознаніе своей мизерности, недостойности, съ особенною силою обнаружилось въ написаніи этого сочиненія: онъ сознавалъ, что онъ всетаки вторгается въ чуждую для его званія и образованія область; чувство своего недостойства, не-

призванности не давало ему совершенно покоя. Поэтому вышло, что въ сочиненіи, гдѣ Посошковъ дерзнулъ на обличеніе другихъ, онъ особенно счелъ нужнымъ и «вельми свойственнымъ свое смиреніе являти» (л. 213 об.), и здѣсь-то особенно часто встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «азъ о себѣ совершенно вѣмъ, яко паче всѣхъ чловѣкъ грѣшенъ есмь; всѣхъ чловѣкъ грѣшнѣйшій есмь»; «во грѣсѣхъ преизлише грѣшенъ есмь», поэтому «азъ недостойнъ есмь вамъ и о безуміи вашемъ возбраняти; азъ предъ Богомъ и многократно васъ грѣшнѣе; и по самому бытію не мое сіе дѣло» (л. 213 об., 244, 143, 55 об., 85 об., 9). Но «аще и грѣшенъ есмь неизчислимыми грѣхами и во всѣхъ своихъ дѣлахъ неправъ предъ Богомъ: обаче не могу вашего зловѣрія терпѣти, ежебы на васъ не ворчали, понеже сокровище Отца вашего небеснаго расхищаете». «Не самохвалія ради своего, а отъ любви Божія начахъ сіе изъявленіе зеркальное сочиняти». «Не хитрости ради какойя состроихъ сіе Зерцало, но отъ самия ревности и любви христіанскія потрудихся въ немъ ради общія пользы. Токмо едина ревность на таковое великое дѣло мя подвиже» (л. 51, 243, 244, 9).

Итакъ, Посошковъ рѣшился предложить «отъ малосмыслія своего слово», и вышло это слово чуждымъ всякихъ притязаній на ученость, не изблячающее въ авторѣ и тѣни самоопнѣнія, — задушевное, простое, безыскусственное, но въ то же время слово вѣское, полное силы. «Понеже убо простецъ сый, просто и писахъ. Ради удобопоемности положихомъ, елико Богъ дарова, словеса, разглаголанная съ нѣкими доводами бесѣдою простою, а не риторскою», такъ что «всякому просту чловѣку можно сущіе глаголы безъ толкующаго уразумѣти» (л. 242 об., 3). Но эти, дѣйствительно, удобопоемныя слова, повторяемъ, вышли весьма сильны и вѣски; вѣски уже потому, что «ту изнесомася вѣ приличные глаголы, изъявляющіе расколы: изъ Св. Евангелія, изъ Апостольскихъ Дѣяній и посланій, изъ словесъ Златоуста и прочихъ святыхъ Отецъ», — и все это «разглаголанное своими нѣкими доводами» (л. 2 об.).

Зерцало свое Посошковъ назначилъ для всѣхъ христіанъ — «како отпадшихъ, тако и не отпадшихъ, наипаче-же для тѣхъ, кіи отъ расколынична сквернословія въ сомнѣніе внидоша» (л. 243, 9). Онъ «моленіемъ умоляетъ всѣхъ, хотящихъ спастися, не возгнушатися, но съ любовію прочитати Зерцало» (л. 243). Преимущественно онъ всетаки предлагаетъ свое Зерцало православнымъ, «кіи въ расколь еще не впали»,

объщая имъ отъ «частаго, нелѣвнаго погляданія въ Зерцало сугубую пользу: узрѣть лжеученіе раскольниковъ и, зожь ихъ познавъ, очи имъ заплевати» (л. 238 об.). Что же касается раскольниковъ, то Пососшковъ предвидѣлъ заранѣе безуспѣшность Зерцала между ними: «имъ уже моя бесѣда не пользуется; кто уже пораженъ отъ діавола душевною слѣпотою и не желаетъ отъ окалянія духовнаго чисто быти, то вѣмъ, яко той не восхоцетъ сего Зерцала и въ руки взяти, понеже въ немъ вся ихъ севернословія яспо зрима суть и Божественнымъ Писаніемъ всѣхъ отпадшихъ во очи, яко острыми рожномъ, пореть» (л. 3). Тѣмъ не менѣе, Зерцало направлено было непосредственно на раскольниковъ, и съ ними почти исключительно Пососшковъ имѣетъ дѣло.

Изложенію самого Зерцала предшествуютъ три предисловія, въ которыхъ авторъ развиваетъ мысль объ обязанности «всякаго человѣка осматривати себя, на коемъ пути стоитъ и по какому пути шествуетъ», — необходимость, поэтому, зеркала духовнаго и потребность такового преимущественно въ его время, когда «умножишася духовные недуги у насъ въ Россіи». Затѣмъ Пососшковъ обращаетъ вниманіе прямо на раскольниковъ, которые, «возлюбиша шествовати путемъ широкимъ, возлюбиша жити по своей волѣ» и «познати не могутъ, что ратуютъ на самого Бога». Въ послѣднемъ предисловіи Пососшковъ говоритъ объ обязанности всѣхъ непоколебимыхъ въ православіи заботиться о подъятіи падшихъ и исправленіи погибающихъ. Содержаніе самаго сочиненія составляютъ: подробное разсмотрѣніе заблужденій раскольническихъ относительно извѣстныхъ пунктовъ Христіанскаго вѣроученія и обширныя увѣщанія. Построеніе главъ отчасти напоминаетъ извѣстныя и Пососшкову сочиненія: Камень вѣры и Розыскъ. Обыкновенно, Пососшковъ въ началѣ главы предлагаетъ православное ученіе относительно извѣстнаго догмата или обряда: отъ Священнаго Писанія, твореній Отеческихъ, иногда исторіи церковной; затѣмъ уже обращается къ раскольникамъ, опровергаетъ ихъ доводы, наконецъ призываетъ къ истинѣ. По содержанію же своему Зерцало болѣе всего приближается къ Пращицѣ Питирима. Та же жизненность, то же непосредственное сближеніе съ расколомъ, то же разсмотрѣніе раскола преимущественно съ практической стороны, отличающія Пращицу, еще съ болѣею рельефностію выступаютъ въ трудѣ Пососшкова, вслѣдствіе уже извѣстныхъ намъ условій его написанія. Впрочемъ, Пососшковъ не могъ находиться подъ вліяніемъ Пращицы, такъ какъ Зерцало

по крайней мѣрѣ на 8 лѣтъ опередило своимъ явленіемъ Пращицу ¹⁾. Весьма вѣроятно, что напротивъ, Пителимъ усвоилъ направленіе Посошкова.

Что касается теоретической стороны въ сочиненіи Посошкова, то, какъ мы уже замѣтили, у него нѣтъ той строгой научности и силы діалектики, которыми особенно отличается Розыскъ святителя Димитрія Ростовскаго. Тѣмъ не менѣе, и Посошковъ обнаружилъ въ Зерцалѣ обширную богословскую начитанность. По силѣ и богатству доказательствъ, приводимыхъ отъ Священнаго Писанія и твореній Отеческихъ, Зерцало рѣшительно возвышается надъ Увѣтомъ и уравнивается со всѣми вышеупомянутыми сочиненіями.

Уклоняясь отъ послѣдовательнаго изложенія содержанія Зеркала, мы сдѣлаемъ изъ него выборку историческихъ данныхъ о тогдашнемъ состояніи раскола; затѣмъ, изложимъ взглядъ Посошкова на расколъ и причины его явленія; наконецъ, укажемъ существенные приемы и характеръ полемики Посошкова.

Послѣ знакомства со взглядами на расколъ современныхъ Посошкову представителей просвѣщенія, было бы по меньшей мѣрѣ страннымъ ожидать отъ этого «неука», простаго крестьянина, новости взглядовъ и воззрѣній. Поэтому, если мы и не услышимъ отъ Посошкова ничего особенно выдающагося своею новизною и оригинальною въ этомъ отношеніи, всетаки позволяемъ себѣ поставить ему въ заслугу и то, что онъ не отсталъ отъ своихъ наиболѣе видныхъ современниковъ и въ воззрѣніяхъ на расколъ держался тѣхъ же здравыхъ понятій, которыя проводили, напр. Симеонъ Полоцкій и св. Димитрій Ростовскій, и которыя поддерживаются наукою доселѣ, пользовался тѣми же средствами и способами въ борьбѣ съ расколомъ, къ которымъ прибѣгаютъ и современные намъ миссіонеры.

Вовлеченный въ борьбу между реакціей и реформой въ области духовной жизни, Посошковъ въ своемъ сочиненіи отобразилъ современное броженіе умовъ, — то сильное движеніе, которое направлено было противъ исправленія книгъ, противъ новизны вообще и преимущественно въ области церкви. Изъ Зеркала мы узнаемъ, что расколъ коренился главнымъ образомъ на почвѣ невѣжественной массы простонародья, изъ котораго выродился и

¹⁾ Зерцало въ 1709 г. уже несомнѣнно существовало, такъ какъ къ этому времени относится надпись на него Димитрія Ростовскаго (Рукоп. л. 1-й); а Пращица окончена только въ 1717 году.

самъ Посошковъ. «Въ нынѣшняя времена», говоритъ онъ, «дѣволъ напалъ на нашу російскую страну и еще и не обрѣлъ себѣ помощника отъ великихъ лицъ,... обаче сыскалъ себѣ способниковъ отъ нижня чреды: мало-смысленныхъ пресвитеровъ и чернецовъ, и простыхъ некнижныхъ мужиковъ,... уловилъ простаго народа многое множество, еже и исчислити невозможно» (л. 166). Лишенные всякаго правильнаго воспитанія, не понимавшіе духа Христіанства, но неприкосновенно соблюдавшіе традиціонныя правила о двуперстіи, седмпросфоріи и пр., даже простолудины, возбужденные теперь видимою опасностію своего стариннаго православія, фанатически возстали на зациту церковной старины, ревностно занялись спорными вопросами богословія: начались пренія, доходящія до ожесточенія, о новшествахъ въ церквѣ, о книжномъ исправленіи, о двуперстіи и проч. Все это оставалось часто совершенно чуждымъ истинной религіозности; но уже чисто-формальная постановка дѣла, самые споры, независимо отъ содержанія ихъ, заключали въ себѣ долю привлекательнаго: на этомъ поприщѣ находили умственную пищу тѣ классы общества, которые не принимали ни малѣйшаго участія въ дѣлахъ, касавшихся общества и государства, и должны были довольствоваться скромною ролью молчаливыхъ и безучастныхъ зрителей при энергическихъ мѣрахъ правительства, стремившагося впередъ и не обращающаго вниманія на настроеніе умовъ въ народѣ. Между тѣмъ, въ движеніяхъ раскольничихъ всякій мужикъ - начетчикъ пріобрѣталъ право и возможность увлечь народъ своимъ красноречіемъ, разсчитывая на завидную и привлекательную роль общественнаго дѣятеля, народнаго вождя. Вопросы вѣры при этомъ изъ цѣли превращались часто въ средства, и результатами споровъ было не возстановленіе вѣры, а ея совершеннѣйшее извращеніе во множествѣ раскольническихъ шаекъ, возвышавшихся одна надъ другою своими нелѣпостями и религіознымъ невѣжествомъ.

Посошковъ признавалъ обаятельность для человѣка самостоятельнаго дѣйствованія и стремленіе къ самовластію поставялъ въ непосредственной связи съ появленіемъ раскола: «нѣсть на семъ свѣтѣ веселостиѣе человѣку самовластія, и еще не вознудавши благоразумнымъ удержаніемъ того самовластія, то породить оно самоиѣніе и высокоуміе,... и тѣмъ высокоиѣніемъ многіе впадаютъ въ вѣчную погибель. Умножися сего недуга и у насъ въ Россіи: мнози церкве святыя отрекошася и о томъ тицаніе имѣють, еже бы жити въ непокорствѣ и по своей волѣ,

яко кто хочет. Всѣмъ бо намъ людей осуждати весьма любу, а хулити и того любѣ, себя же самого мнѣти прочихъ человекъ разумнѣйша приносить человекъ превышнюю сладость» (л. 3 об. = Зав. от. 2 — 4 стр.) Отсюда происходитъ часто неразумное стояніе на своемъ, стремленіе спорить, отстаивать свои мнѣнія, хотя бы совершенно непонятныя, даже завѣдомо ложныя. Такъ большею частію и было въ расколѣ. По выраженію Посошкова, раскольники, принявшіе на себя роль защитниковъ православія, «охочи претися»; при этомъ въ большинствѣ случаевъ выходило, что «раскольницы всеу труждалися: за что прутся, и сами того не знаютъ». «Въ душевной слѣпотѣ ничего не разумѣютъ, а нудятся спорить о томъ, чего въ ихъ головахъ нѣтъ и не бывало. Стоять они за что восхоцуть, и отъ неразумнѣя и упорства своего души своя губять» (л. 45 об., 128, 46). Такое неразумное упорство раскольниковъ, при ихъ крайнемъ невѣжествѣ, могло, естественно, возбуждать только удивленіе въ людяхъ незараженныхъ. «Удивленію подлежить», говоритъ Посошковъ, «еже наши россійстін народове толь прѣсти, что и въ азбуцѣ не знаютъ какъ кое слово нарицають, а о божественныхъ великихъ дѣлахъ нудятся разумѣти и прутся съ разумными людьми» (л. 46). Не удивительно, что разумные люди ловили прущихся въ нескондныхъ противорѣчіяхъ, въ родѣ того напр., что отвергая и не признавая патріарха, раскольники задорно отстаивали просфору за его здоровье: «сами вы не вѣдите, чего суетитесь: именъ царскаго и патріаршаго и слышать не хотите, а о заздравныхъ ихъ просфорахъ умираете». (77 л.) Вслѣдствіе желанія всякаго болѣе или менѣе популярнаго начетчика быть авторитетомъ въ дѣлѣ вѣры, независимо отъ своихъ собратій, расколъ явился во множествѣ оттѣнковъ, со всевозможными видоизмѣненіями, на какія только была способна изобрѣтательность Аввакумовъ, Онуфріевъ, Акулинъ и проч. «Отъ того вы и заблудили», говоритъ Посошковъ раскольникамъ, «за еже въ васъ мнози начаша учительни быти и вдашася въ различные толки, разыдошася въ разные, развращенные пути: въ поповщину, безпоповщину, христовщину, мусеовщину, бородатовщину, елинарщину, волосатовщину, онуфріевщину, аввакумовщину, федосіевщину, космовщину и во иные многіе пути розыдошася, ихъ же и исчислити невозможно. Колико учителей ни возстанеть, толико и законовъ изобрѣтають, и многоразличные учителя тако кудесятъ, что и сами себя не узнають» (л. 83 об., 84 = Зав. от. стр. 3).

«Взискаша инаго пути и поидоша разными стежками, и вси заблудиша, по стремнинамъ высокомыслия своего ходяще (41 л.). Оставивъ Вожій корабль, свой сотвористе и правите — овъ предъ себя, овъ назадъ, инъ направо, инъ налѣво (л. 85 об.). Кійждо лжеучитель свой путь изобрѣтаетъ и всякъ своимъ путемъ ведетъ людей къ погибели (90 л.). И въ коемъждѣ уставѣ или вѣрѣ вси учителя разногласны, и каждый изъ нихъ глаголетъ: мы право вѣруемъ; кійждо свой уставъ хвалитъ, а прочихъ осуждаетъ. И того ради, между собою имѣють распри великія, междуособіе бываетъ и споръ, и драки бываютъ (л. 96, 94 об., 111).

Сильнѣйшимъ возбужденіемъ русскаго народа въ то время объясняются и успѣхи раскола. Посошковъ предлагаетъ намъ любопытныя свѣдѣнія о размѣрахъ народнаго протеста «новой церкви». Исчислити невозможно лжеучителей, говоритъ онъ: «распространишася во всѣхъ предѣлахъ російскихъ и зарубежныхъ странахъ множество ихъ; и тако улови ихъ діаволь, яко самое малое число Христовыхъ овецъ остася, еже ересь ихъ непрічастны» (л. 42 об., 157). «Азъ быхъ», рассказываетъ Посошковъ, «въ Новгородѣ на страстной недѣлѣ у церкви Дмитрія Солунскаго; приходъ тамо многонародный, а не быеть ни единого причастника: вси бо вкупѣ отрекошася, отъ лжеучителей развращени суть, яко едва сотая часть обрящется благочестія держащихся». (л. 159 об.). О перстосложеніи, напримѣръ, говоритъ Посошковъ: «аще и самое древнее преданіе знаменатися тремя персты, но за преумноженіе лжеучителей изсече триперстное сложеніе: вси бо прости народи сложилися на многословіе раскольниче» и пр. (л. 143 об., 144).

Очевидно, народъ находилъ поводы недовольства господствующею церковію, а съ другой стороны и расколъ имѣлъ для него нѣчто привлекательное. Церковь заподозрѣна была въ религіозныхъ новшествахъ, между тѣмъ какъ расколъ гордился своимъ старовѣріемъ: вотъ коренная опора раскола, по свидѣтельству всѣхъ противораскольническихъ сочиненій, опровергавшихъ эту опору. Но были, безсомнѣнія, и другія, менѣ замѣтныя, но не менѣ сильныя причины усиленія раскола. Мы уже знакомы съ тѣми мѣстами изъ сочиненій Посошкова, гдѣ онъ прямо обвиняетъ въ этомъ безопасность и невѣжество духовенства, оказавшагося слишкомъ несостоятельнымъ въ защитѣ интересовъ православія. По его свидѣтельству, были пресвитеры малосмысленные, которые не только поучать па-

сомыхъ и предохранять ихъ отъ религіозныхъ колебаній, а и сами были «истинства правовѣрія не вѣдущи и того не разумѣющи, въ чемъ грѣхъ и въ чемъ спасеніе», которые нерѣдко «за пѣнази» не только скрывали раскольниковъ, а сами отрицались отъ церкви и становились «проклятыми распоами» (л. 59., 57, 108). Гораздо въ болѣе выгодныхъ условіяхъ стоялъ расколъ: на сторонѣ его была живая проповѣдь «книжниковъ», людей разумныхъ, начетчиковъ. При всемъ своемъ невѣжествѣ и умственной односторонности, по признанію Посошкова, «вся раскольницы, а наипаче двухъ ересей: поповщинныя и безпоповщинныя, лежма лежать на книгахъ и всегда учатся, хотя истины познати и не могутъ» (л. 96 об.). Это лежаніе на книгахъ дѣлало расколоучителей необходимыми въ столкновеніяхъ съ православнымъ духовенствомъ и слишкомъ возвышало ихъ въ глазахъ массы непросвѣщеннаго люда. А какъ раскольники пользовались книжными знаніями для достиженія своихъ цѣлей, это раскрываетъ намъ Посошковъ своимъ собственнымъ опытомъ. Въ такомъ видѣ передаетъ онъ приемы одного расколоучителя, который на основаніи книгъ хотѣлъ убѣдить Посошкова «пристать къ нимъ»: «призвалъ меня славный ереси вождь, Козьма Ксенофонтъ, на слово Божественнаго Писанія; началъ ми читати книги и яко пѣсъ кусье вырывать: разгнувъ книгу, строку или двѣ прочтетъ, да перекинувъ 5—6, паки прочтетъ строку-другую, да тако по книгѣ перелистывая листы, рѣчь къ рѣчи подбираетъ, кое реченіе къ ихъ зловѣрію согласно» (л. 152). Посошковъ справедливо замѣтилъ своему собесѣднику, что «такъ читая и рѣчь подъ рѣчь подбирая, и святыхъ грѣшными поставишь». Тѣмъ болѣе, разумѣется, легко было такими маневрами направлять убѣжденія непосвященной въ книжную мудрость массы, согласно своимъ видамъ. «Разиня ротъ», по выраженію Посошкова, «слушаютъ простые люди раскольщиковъ и, видя ихъ многословіе, вѣрятъ имъ» (л. 85 об.). Последніе же пользуются умственною темнотою народа для успѣха своей пропаганды: они «разсѣяшася во вся страны Россіи и ходя по градамъ, селамъ и деревнямъ, всякими разными образы людей Божіихъ, наипаче-жъ простой народъ съ истиннаго пути соврацаютъ». «Живя въ похоронкахъ, скрываясь, яко мыши, въ норы, или клопы — въ щели, тайно излазя изъ щелей, людей кусаютъ». «Нынѣ непрестанно по домамъ поныряюще, всякаго чина людей къ злочестію своему приводятъ». Чтобы произвести болѣе глубокое впечатлѣніе на своихъ слушателей, расколо-

учителя, по свидѣтельству Посошкова, не пренебрегали и сторонними средствами, напримѣръ лицемѣріемъ: «они ходятъ по домамъ и глаголютъ тихимъ гласомъ, со въздыханіемъ, яко-бы болѣзнуя о погибающихъ» (л. 25 об., 42, 6, 54 об.); прибѣгаютъ къ обманамъ: «раскольничи учителя другъ передъ другомъ вымышляютъ, како бы что солгати правовѣрнымъ на развращеніе, чудеса сказуютъ, видѣнія повѣствуютъ». Чтобъ дѣйствовать на вѣшнія чувства народа, раскольники распространяютъ различныя «хульныя картины, а простые люди, видѣвши изображенія, ужасаются и послѣдуютъ ихъ ложному ученію, понеже простымъ людямъ вельми страшно и имовѣрно является еже очима своими узрять».

Таковы, въ общихъ чертахъ, свѣдѣнія, переданныя Посошковымъ о тогдашнемъ состояніи раскола, объ его силѣ и пропагандѣ. Постоянно также Посошковъ обращается къ внутренней жизни раскола и знакомитъ насъ (какъ и Птирирь) съ страшными преступленіями и безнравственностію, практиковавшимися въ семейной жизни раскольниковъ; знакомитъ также съ гнусными обрядами, въ которыхъ выражалась до-нельзя извращенная релігіозность отщепенцевъ русской церкви. «Издаша новыя уставы», говоритъ, напримѣръ, Посошковъ, «литургію отправляютъ въ подпольяхъ, причащаются ягодами, младенцевъ сожигаютъ и вырѣзываютъ ихъ сердце для причастія. Блудъ въ святость почитаютъ; вмѣсто поповъ, служатъ простые мужики и дѣвки: се бо и азъ видѣхъ, еже оскверненнымъ сосудамъ баба очистительную молитву давала» (л. 85, 87), и пр. и пр. Къ чести Посошкова и въ доказательство справедливости его извѣстій, нужно указать на очевидную воздержность его отъ всякихъ преувеличеній. Разоблачая дурныя стороны раскола, онъ въ то же время съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ указываетъ и хорошія. Кромѣ признанія обширной начитанности раскольниковъ, Посошковъ указываетъ также на свѣтлыя проявленія нравственности въ нѣкоторыхъ сектахъ, на «воздержаніе въ яденіи, питіи» и пр., хотя и видитъ въ этомъ «токмо блазнь едину», такъ какъ діаволь хитръ есть и вся сильныя добродѣтели отъя отъ нихъ, а въ чемъ силы нѣтъ, то остави» (л. 105 об.).

Что же видитъ въ расколѣ самъ Посошковъ, каковы были взгляды на расколъ здравомыслящихъ простецовъ, не предзанятыхъ современниковъ?

Ближайшее знакомство съ расколомъ, во всей силѣ его аргументовъ и основоположеній, здравое разсмотрѣніе и оцѣнка ихъ, въ то же время знаніе Священнаго Писанія и твореній отеческихъ, привели Посошкова

къ убѣжденію, что расколъ есть порожденіе религіознаго невѣжества, сильное въ своемъ грубомъ, неразумномъ упорствѣ. «Возмнивъ себя разумнѣе прочихъ челоувѣковъ и положившись на свой разумъ», раскольники поколебались въ «неподвижномъ стояніи на Священномъ Писаніи» и не могли удержаться въ истинномъ его пониманіи, потому что «разсудокъ ихъ кривъ» оказался и «огрубѣвъ отъ великаго упорства». Неразумнѣе же Писаній и было причиною того, что раскольники разсѣялись по всевозможнымъ дебрямъ заблужденія, прикрываясь и оправдываясь извращеннымъ смысломъ, «кривымъ толкованіемъ Писаній». На это-то невѣжество въ разумнѣи Писаній и напираетъ особенно Посошковъ, опровергая главнымъ образомъ въ этой области всѣ пункты старовѣрческой догматики. «Кто есте вы?» обращается Посошковъ къ раскольникамъ, — «простые не ученые мужики, и въ Божественномъ Писаніи не искусни есте, не знаете ни худа, ни добра, ни грѣха, ни спасенья, по просту рещи — ни уха, ни рыла: но яко скоть безсловесный и упрямство и непокорство имѣете діавола». «Вси вы скудоумни и не разумѣете ничего; гдѣ Писаніе повелѣваетъ идти направо, а вы идете налѣво, всякое слово Писанія разсуждаете opakъ и отъ криваго разсужденія искривились вы» (л. 54, 46, 36 об.). Совершенная тупость раскольниковъ въ пониманіи «даже явныхъ глаголовъ въ Божественномъ Писаніи», поставлявшихъ бѣлое чернымъ, сладкое горькимъ, правое неправымъ (л. 68 об.), выводили Посошкова изъ терпѣнія, такъ что онъ безцеремонно величаетъ раскольниковъ «скотомъ безсловеснымъ, дураками», замѣчая, что «ни въ самыхъ дуракахъ, ни въ младенцахъ несмысленныхъ такого безумія никто не обрящеть». Неоднократно Посошковъ сравниваетъ раскольниковъ съ слѣпыми червями, которые расползаются всѣ врозь: такъ точно и раскольники расходятся всѣ съ прямого пути, и «очи имуть, а не видятъ, уши имуть — и не слышатъ, яко истуканные идолы» (л. 101 об.).

Какъ на очевиднѣйшій признакъ невѣжества раскольниковъ, Посошковъ указываетъ на страшные безпорядки, поддерживаемые старовѣрами при богослуженіи (л. 131); указываетъ на такъ называемыя тратиматы, то есть совершенно безсмысленныя вставки и прибавленія къ тексту богослужбныхъ пѣсенъ, напримѣръ «ай не не не най не ай нани сотвори» и т. п., которыя получили санкцію въ глазахъ раскольниковъ, непонимавшихъ конечно, «что то за нененайки» (л. 131). Впрочемъ, такими же не-

вѣждами являлись раскольники и въ самыхъ элементарныхъ религіозныхъ свѣдѣніяхъ: пустившись въ пренія о вѣрѣ, «раскольничи законоположители и глагола сего не разумѣють, что именуется вѣроу, но, яко спящии во снѣ, глаголютъ и еже глаголють ничего не вѣдають. Не безуміе ли сіе есть, еже двуперстное сложеніе нарицають вѣроу, иконы старыя нарицають вѣроу, книги Іосифовскія нарицають вѣроу?» (л. 238, 150 об. = Розыскъ л. 2, 9).

Всѣ эти размышленія приводятъ Посошкова къ сожалѣнію о раскольникахъ, взявшихся не за свое дѣло, отвергнувшихъ авторитетъ людей призванныхъ, свѣдующихъ. «Время вамъ», обращается онъ къ раскольникамъ, «въ то не вступати, чего не смыслите. Вамъ, безумія вашего ради, не подобаеть книгъ читати и о недовѣдомыхъ вами словесахъ разсуждати: не на пользу бо вамъ книги за безуміе ваше. По вашему разуму достаточно вамъ овоци продавати, бобръ чесати, землю копати... По моему суду, лучши ти есть иди на разбой, нежели людей Божиихъ совращати» (л. 130, 126). Впрочемъ, не неразуміемъ только объяснялъ Посошковъ заблужденія раскольниковъ, — онъ, очевидно, заподозривалъ ихъ въ намѣренномъ упорствѣ и искаженіи истины. Въ этомъ смыслѣ онъ и говоритъ, что «раскольники обыкоша между строкъ читати и чего нѣсть въ Писаніи, то утверждати», что и въ своихъ излюбленныхъ книгахъ они выбираютъ только «плевелы на смущеніе православнымъ, а здравая словеса минуютъ» (л. 29 об., 101). Расколоучителей же Посошковъ подозрѣваетъ въ низкихъ, корыстныхъ побужденіяхъ: по его мнѣнію, они только ищутъ богатства, «отъ кого насытитися и руки своя наполнити» (л. 112 об.).

Какъ человѣкъ въ высшей степени религіозный, Посошковъ не ограничиваетъ причины раскола только невѣжествомъ и грубымъ упорствомъ народа: его набожному взору казалось очевиднымъ въ расколѣ участіе и духа злобы, непосредственная связь съ явленіемъ на землѣ антихриста. Мысль эта, высказанная, какъ мы видѣли, въ другихъ противораскольническихъ сочиненіяхъ, съ особенною силою проводится Посошковымъ и является у него даже въ своеобразныхъ, оригинальныхъ формахъ.

Прежде всего Посошковъ видитъ въ расколѣ непосредственное продолженіе ересей, почти непрерывно волновавшихъ церковь, — дѣйствіе того же духа «самомнѣнія», чрезъ посредство котораго діаволъ всегда нарушалъ миръ церкви. Такимъ, дѣйствительно, и долженъ былъ пока-

заться расколъ, въ эпоху своего сильнѣйшаго развитія превзошедшій своими нелѣпостями и искаженіемъ православія всѣ ереси. Во всякомъ случаѣ, это нѣвніе Посошкова не одноличное: оно высказано было почти всѣми извѣстными апологетами православія. Симеонъ Полоцкій, напримѣръ, говоритъ: «демонъ, ратовавшій на церковь въ первомъ Адамѣ, дерзнулъ брань двитнути и на втораго и на преста кознотворити, древле—Аріемъ, Несторіемъ..., нынѣ-же—новоявлѣвшимися Никитою, Аввакумомъ, Лазаремъ» и пр. (Збелъ правл. л. 12 об.). Питиримъ тоже, какъ мы видѣли, расколъ поставлялъ въ родство съ древними ересями; притомъ, находилъ его лютѣйшимъ «самаго льва рыкающаго—Арія», «еретика Аввакума» называлъ «новымъ Несторіемъ» (Пращица л. 11, 414 об.). Дмитрій Ростовскій проводитъ родословную раскольниковъ отъ самаго сатаны чрезъ посредство жидовъ, Льва Исаврянина, Лютера и др. (Розыскъ 198 л.). Сообразно такому установившемуся тогда воззрѣнію, и Посошковъ видитъ въ расколѣ не только отпрыскъ бывшихъ ересей, но «изъ безумныхъ безумнѣйшую и изъ проклятыхъ проклятую» ересь, самыхъ «всесовершенныхъ адскихъ воиновъ» (л. 69 об., 81=Зав. от. 89 стр.). «Всѣхъ прежде бывшихъ еретиковъ», обращается Посошковъ къ раскольникамъ, «вы несравненно превысили: Арій, Несторій... при васъ злобою младенцы быша». «Они хулиша по части: овни Божество отъ Христа отымаху, овни челоувѣчество безъ души сказываху..., вы же вся та своимъ хуленіемъ исполниша и усугубиша, приложиша» (л. 69 об., 67, 73 и др.). Мало того, не ограничиваясь церквію христіанскою, Посошковъ, въ порывѣ сильнѣйшаго возбужденія, приравниваетъ раскольниковъ къ врагамъ Божиимъ въ цѣломъ челоувѣчествѣ, находитъ ихъ «злѣе жестоковѣрныхъ жидовъ и поганыхъ идолопоклонниковъ: жидове бо, не познавъ, Бога распяли, російстїи же раскольницы волею сыновства Божія отрекошася. Иновѣрцы же и истиннаго Бога не знающїи не дерзуютъ глаголати тако дерзко» и пр. (л. 89, 67, 70, 17, 132 об. и др.).

Много и съ непоколебимою силой убѣжденія Посошковъ говоритъ также о непосредственной связи раскола съ усилїями духа злобы. Діаволь, «крѣпко вооружившїйся на народъ христіанскїй, пустилъ въ мїръ 4 удицы», символизируетъ Посошковъ, «и отъ всѣхъ 4 странъ уловляетъ ими. На востокъ обрѣтъ Арія..., потомъ нападе на сторону западную и тамо обрѣте папу Формоза и зацѣпи цѣлую страну римскую; потомъ нападе на южную страну и тамо обрѣте два вѣрныя раба: Лютера и Кальвина.

Нынѣ же діаволь нападе на нашу страну и въ ней обрѣте не два друга, а многочисленное множество, ихъ же числа не бѣ, всю Россію поколеба» (л. 25). Сообразно этому, Посошковъ въ учителяхъ раскола видитъ посланниковъ діавола, которые «въ міръ посланы — да прельцають народы, да соврацають съ истиннаго пути, еже бы уготовати путь антихристу». Въ ихъ ученіи усматриваетъ «законъ злобный, отъ начальника злобы — діавола данный». Посошковъ указываетъ даже признаки, по которымъ онъ видитъ въ расколѣ бѣсовское ученіе; онъ проводитъ параллель и находитъ полное соотвѣтствіе между тѣмъ, что «любо діаволу и что принято въ расколѣ» (л. 95). Раскольниковъ называетъ сынами діавола, орудіемъ его: «либо отъ діавола въ міръ вы придосте, либо діаволь вселился въ васъ, дѣйствуетъ вами, яко бы каковымъ орудіемъ. Духъ діавола что хощеть, то ими и творить» и пр. (л. 77 об. Соч. Пос. т. II, 133). Посошковъ простираетъ родство раскольниковъ діаволу и на слѣдующія степени: онъ находитъ и внучать діаволу — въ любящихъ и слушающихъ расколоучителей, «понеже лжетворцы сынове суть діавола, а лжелюбители внучата его. Сынове діаволи своихъ чадъ, а діавольскихъ внучатокъ, лжею питають, лжею утѣшаютъ, а тѣи, яко младенцы, ротъ розиня, у нихъ слушають и лжи навывають». Самое безумное упорство и неразумная ревность раскольниковъ, ихъ «численное затмѣніе», отъ котораго они неспособны понимать самыхъ простыхъ вещей, по мнѣнію Посошкова, суть результаты козней діавола (т. II, 239, 133).

Точнѣе опредѣляетъ Посошковъ связь раскола съ діаволомъ чрезъ посредство антихриста. Своимъ ученіемъ о наступленіи царства антихриста, раскольники дали поводъ Посошкову, опровергавшему это ученіе, высказать мнѣніе, что «есть и теперь антихристъ, но не прямо и не естественно (естественный антихристъ имать быти одинъ и той при кончинѣ вѣка сего), а дѣлами». И это-то проявленіе антихриста дѣлами Посошковъ видитъ въ раскольникахъ: «при Христѣ быша антихристы и нынѣ въ васъ есть, яко-же Иванъ Сусловъ» и др. (л. 134 об.). Сопоставленіе раскола съ апокалипсическимъ змѣемъ встрѣчается еще у патріарха Іоакима, Симеона Полоцкаго и Димитрія Ростовскаго¹⁾; но Посошковъ высказывается гораздо опредѣленнѣе. По его мнѣнію, рас-

¹⁾ Напримѣръ Увѣтъ духов. л. 33; Жезлъ правленія л. 123 об.; Розыскъ стр. 69.

кольники призваны отъ діавола служить предтечами антихристу: «еже ему надлежало самому творити, то все вы сотворили есте и путь ему управили. Истиннии вы предтечи антихристовы и путь ему готовите»... (л. 135, 11 об. = Розыскъ 105 стр.). Поэтому, и объ ученіи раскола Посошковъ точнѣе выражается, какъ о законѣ исшедшемъ «отъ самаго седмоглаваго звѣря, сирѣчь отъ антихриста». Съ этой точки зрѣнія, Посошковъ видитъ въ современномъ расколѣ исполненіе пророчествъ о наступленіи времени антихриста: «миѣ сіе не дивно, еже вы путь антихристу приготавлиете: подобаетъ тако быти», и онъ доказываетъ, что «вся апостольская прореченія на нашихъ російскихъ раскольникахъ сбылася»: «о горе наше! во очесѣхъ нашихъ пророчество Апостола сбытєся» и пр. (л. 135, 22 об., 87, 90 об., 141, 95 об. и др. = Жезлъ правл. л. 34). Посошковъ пытается даже символически показать соотвѣтствіе дѣлъ раскольниковъ свойствамъ антихриста: «Ясно показано Іоанну Богослову, яко у антихриста семь главъ и тѣи вси главы исполнены именъ хульныхъ: они прообразовали возложенную днесь отъ посланниковъ антихристовыхъ на семь таинъ церковныхъ хулу. Паки изъявлено, яко будетъ антихристъ хулити Бога и селеніе Его: и сіе не дѣйствуется ли днесь?»... (л. 12).

Развивая апокалипсическій взглядъ на раскольниковъ, высказанный въ общихъ чертахъ и другими расколо-обличителями, Посошковъ заходитъ, какъ мы замѣтили, гораздо далѣе другихъ и высказываетъ мысли члсто своеобразныя, по крайней мѣрѣ не встрѣчающіяся въ знакомыхъ намъ противораскольническихъ сочиненіяхъ. На основаніи пророчества Іоанна Богослова въ Апокалипсисѣ о печати антихриста, которою онъ запечатлѣетъ хулящихъ имя Божіе, Посошковъ убѣдился, что эта печать антихриста находится уже въ дѣйстви, что имѣющій придти антихристъ заклеилъ многихъ изъ русскаго народа. «Азъ отъ всѣхъ свидѣтельствъ твердо увѣрихся, яко нынѣ совершенно дѣйствуетъ антихристово запечатлѣніе. Оно печатается на челѣ и руцѣ произволеніи человѣческаго, а не на видимомъ челѣ и руцѣ плоти. Того ради, никто не можетъ его познати собою», а только, «по дарованію Божію, присмотрѣвъ со стороны по дѣламъ и всему намѣренію человѣка узнать его можно» (л. 138 об.). По всѣмъ признакамъ, Посошковъ усмотрѣлъ, что закоренѣлые раскольники «вси запечатлѣни суть антихристовою печатію въ чело» (л. 15, 35 об. и др.). Поэтому, Посошковъ постоянно проводитъ строгое

разграниченіе между запечатлѣнными раскольниками и не подвергшимися еще запечатлѣнію, считая первыхъ безвозвратно погибшими, потерявшими всякую надежду исправленія и спасенія. Кто «запечатлѣнъ антихрестовою печатію, уже покаяться не можетъ: уже бо самъ собою не владѣеть, но владѣеть имъ живой въ немъ духъ лести, иже въ него вниде и вселися въ немъ», — таковымъ уже неизбѣжно «быть въ адской пропасти» (л. 9, 65, 39). Это запечатлѣніе, дѣлая невозможнымъ христіанину обращеніе къ свѣту истины, поражаетъ «сугубою слѣпотою», — чему явнымъ доказательствомъ служатъ наши раскольники, которые «нического право зрѣти и право разумѣти не могутъ» и которые сдѣлались «сынами тмы непросвѣтими» (л. 240 об.). Напрасны и всякія усилія обратить запечатлѣнныхъ на путь покаянія; всякій православный въ силахъ только сожалѣть и молиться о нихъ (л. 15). Посошковъ рекомендуетъ при этомъ довольно наивный способъ, по которому можно узнать подвергшагося печати антихриста. Этотъ способъ состоитъ въ испытаніи по Зерцалу: «егда обрящещи отпадшаго отъ церкви, то прочти сѣбе бесѣду («о покаяніи» или «главизну о хульникахъ изъявленную и бесѣдами въ тонкость расположенную), и аще умилится, возжелаетъ покаянія, той не запечатлѣнъ, а который рожу свою отворить отъ тебя, то вѣдая вѣдай, яко запечатлѣнъ есть: обличеніе бо безумному мозоліе ему есть; и по сему можно во единомъ часѣ познать, кто есть волкъ и кто овца Христова стада» (л. 65, 17 об.).

Увѣщательный элементъ въ сочиненіи Посошкова опредѣляется уже самымъ взглядомъ его на расколъ и близко напоминаетъ знакомыя намъ увѣщанія современныхъ ему борцовъ православія. Только при чтеніи полнаго Зерцала чувствуется его сравнительно особенная простота, настойчивость, задушевность. Неподдѣльная ровность автора, не могущаго только, какъ онъ выражается, свой умъ вложить въ заблудшихъ (л. 235), становится до осязательности очевидною. Происходя самъ изъ простецовъ, зная по опыту опасность и соблазны для нихъ раскола, Посошковъ и хочетъ дѣйствовать преимущественно на простецовъ, убѣжденіями самыми доступными для всякаго, и дѣйствуетъ, нужно сознаться, сильно, — не мощными аргументами, не блескомъ краспорѣчія, а главнымъ образомъ силою своею внутренняго убѣжденія, силою своего сердечнаго слова, которое и бываетъ особенно дѣйствительно въ своемъ вліяніи на такія же простыя сердца. Могутъ иногда показаться даже наивными его замѣ-

чательно простосердечные доводы; такъ, истощивъ весь запасъ своей аргументаціи, онъ, обыкновенно, заканчиваетъ такимъ полновѣснымъ доказательствомъ: «ей-ей не право вѣруете; ей-ей истину вамъ сказую, яко грѣшите напрасно; азъ твердо вѣмъ, что вы заблуждаетесь; Господа ради, умолюте, размыслите сами» и т. п.

Въ ряду всѣхъ полемическихъ доводовъ Посошкова особеннаго вниманія заслуживаетъ мысль его о распространеніи просвѣщенія въ средѣ раскольниковъ. Исходя изъ воззрѣній на расколъ, какъ на продуктъ народнаго невѣжества, Посошковъ, представитель новаго времени, разумный сторонникъ великаго преобразователя, сознательно убѣжденный въ пользѣ науки, старается внушить это убѣжденіе и закоренѣлой въ невѣжествѣ народной массѣ, рекомендуетъ просвѣщеніе, какъ самое дѣйствительное средство познать истину, избѣгнуть вѣчной гибели. Правда, Посошковъ сознавалъ уже невозможность образования для застарѣлыхъ въ невѣжествѣ своихъ современниковъ, но, какъ передовой отецъ и въ своей собственной семьѣ, онъ старается внушить заботливость о дѣтяхъ, ратуетъ о молодомъ поколѣніи, стремится его извлечь изъ той умственной тьмы, которая подавляла и губила отцовъ. Въ высшей степени замѣчательны его слова, гдѣ примѣрами и клятвами Посошковъ старается внушить довѣріе къ школьному обученію, увѣрить въ полезности науки: «Господа ради, отложите вы свое сомнѣніе и отдайте безъ замедленія дѣтокъ своихъ къ грамматическому ученію; егда ваши дѣтки научатся единой токмо грамматикѣ, то въ васъ книжнаго разумнія свѣтъ возсіяетъ, а безъ того, колико вамъ, бѣднымъ, ни суетиться, а кромѣ вѣчныя погибели не обрѣсти... Велими подобаетъ вамъ дѣтокъ своихъ научить грамматическаго разума. Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, почесому были велики и славны? — явѣ есть, яко книжныя премудрости въ достатокъ научилися... И вы, Господа ради, отложите всѣ свои нужды: отберите чадъ и отдайте ихъ въ наученіе грамматическое» и пр. и пр. (л. 132). Посошковъ даже старается поддѣйствовать на темные народныя инстинкты, лишь бы только расположить въ пользу науки: «егда дѣти ваши научатся», говоритъ онъ раскольникамъ, «то и вы сильнѣе будете и никто противу васъ стояти не будетъ». Во всякомъ же случаѣ, Посошковъ не сомнѣвался въ дѣйствительной пользѣ грамотныхъ дѣтей и для ихъ отцовъ: «аще у васъ есть желаніе о книжномъ разумнѣи, то чадъ своихъ отдайте въ нау-

ченіе. Егда они достигнуть синтаксиса, то во глаголѣхъ всякихъ и въ сочиненіи силу будутъ познавать и вамъ будутъ возвѣщать, гдѣ право и неправо; тогда и вы будете достовѣрны, за что вамъ достоинъ упорно стоять. А безъ науки отнюдь не подобаеъ въ книжное исправленіе вступати». Поэтому, «дондеже дѣти ваши изъ училищъ изыдутъ, Господа ради, умоляете. Не научась книжнаго разума, безъ ума нечего много претися, надобно первѣе въ конецъ книжный разумъ познати, да тогда уже въ него вступати» (л. 132 об.). Но Посошковъ хорошо зналъ современное общество, онъ зналъ, что сгромаженіе къ грамотности вызоветъ многихъ противниковъ въ массѣ народа, и потому энергично предостерегаетъ отъ внушеній послѣднихъ: «если кто въ васъ не повелитъ вамъ дѣтей своихъ въ науку отдавати, то вы прожените того человѣка отъ себя яко пса, понеже той изъ тьмы пришелъ и отъ самаго сатаны, и внутрь себя адскую тьму имѣеть, и васъ въ ту же тьму совлещи хочеть» (л. 132 об.).

Мысли Посошкова о просвѣщеніи, какъ самоѣ радикальномъ орудіи противъ раскола, являются въ высшей степени знаменательными. Эти мысли не устарѣли и для нашего времени: онѣ постоянно повторяются и теперь. Распространеніе образованія въ темныхъ слояхъ русскаго народа, такъ желанное Посошковымъ, и теперь считается потребностію дня, хотя и теперь оно во многомъ остается не болѣе, какъ только желаніемъ.

Что касается вообще полемиическихъ приѣмовъ Посошкова, то болѣею частію онъ слѣдуетъ программѣ другихъ противораскольническихъ сочиненій; поэтому, мы ограничимся возможно краткимъ ихъ указаніемъ. Подробно разсматриваетъ Посошковъ всѣ пункты раскольничьяго заблужденія и предлагаетъ опроверженія, основываясь на словахъ Священнаго Писанія и Святыхъ Отець. При этомъ съ особеннымъ благоразуміемъ онъ пользуется тѣми твореніями древне-христіанской и древне-русской письменности, которыя сохранили свой авторитетъ и у раскольниковъ, часто ссылающихся на частныя выраженія этихъ книгъ въ борьбѣ съ православіемъ. Въ этомъ нельзя не видѣть въ высшей степени полезной и рекомендующей автора особенности Зеркала, такъ какъ, кажется, ни въ одномъ изъ тогдашнихъ полемиическихъ сочиненій не обращено такого вниманія на излюбленныя раскольниками книги, неточность выраженія или неправильность пониманія которыхъ нерѣдко составляли существенныя опоры раскола. Такъ, Посошковъ постоянно ссылается на книгу «О

вѣрѣ» и на сочиненія Кирилла Іерусалимскаго, поставляя на видѣ при этомъ раскольникамъ, что эти «книги они любжуть, а что въ нихъ написано топчуть; что въ нихъ на спасеніе писано, того не видять и не разумѣють, а токмо видять, кѣи отъ неискусныхъ справщиковъ плевелы вкинуты». Разсмотрѣвъ все основы раскола, Посошковъ пришелъ къ тому заключенію, что «ни на что они не опираются», что «ихъ опоры худши павлинаго пера, основаніе своихъ законовъ они утвердиша на сыпучемъ песцѣ» (Соч. Пос. II, 71, 116, 259 стр.) и пр. и пр. Въ большинствѣ случаевъ вполне удачно Посошковъ низвергаетъ эти основанія, разоблачая «гаданія и кривыя толкованія» раскольниковъ, доказывая «безумство» ихъ пониманія извѣстныхъ мѣстъ, «обличая, обнажая и предлагая» все ихъ аргументы (напр. л. 72, 16 об., 105 и др.). Въ самомъ расколѣ Посошковъ находитъ его осужденіе, потому что жизнь и поступки его послѣдователей противорѣчатъ постоянно ученію и убѣжденіямъ ихъ. «Вы бѣдныя суетумы», говоритъ напр. Посошковъ, «и любимой своей книгѣ дѣете сопротивленіе, понеже прочитаете тая, а скажете иная и отъ отецъ своихъ сами ся отлучили» (л. 94). Раскольники ссылались, какъ на основы своего ученія, на вселенскіе соборы, но «та ссылка вамъ къ винѣ, а не къ оправданію», говоритъ Посошковъ и далѣе подробно указываетъ на извращеніе соборнаго ученія въ расколѣ (л. 72, 108). Вслѣдствіе сбивчивости взглядовъ на дѣла вѣры и неустановленности религіозныхъ убѣжденій, раскольники впадали въ грубыя противорѣчія между собою, взаимно уничтожающія другъ друга и служившія, по Посошкову, очевиднымъ свидѣтельствомъ ихъ неправоты (л. 33 об.). Часто также Посошковъ развиваетъ, всѣдъ за Димитріемъ Ростовскимъ, мысль о несправедливыхъ претензіяхъ раскольниковъ на старовѣрство и доказываетъ новостъ ихъ вѣры. «Напрасно на душу свою лжете, еже нарицаете новую свою вѣру старую вѣроу: нѣсть бо въ вашей вѣрѣ ни слѣда старыи вѣры, понеже все уставы старыи вѣры отвергосте и новыи, отъ себя сочиненныи, держите» (л. 72 об.; также л. 26, 81, 84 об., 95, 240). Какъ на самое явное доказательство ложности ученія раскольниковъ, Посошковъ указываетъ на лживость всехъ ихъ пророчествъ; такъ напримѣръ, кончину міра «уже вѣщи чотыредесяти лѣтъ на кѣждо годъ прорицають и день сказуютъ, и послѣдователи ихъ той день не пѣють ни ядятъ, въ саванъ обогнувшиися въ гробъ ложатся. Егда той день минеть, пакы инаго дня ждуть: аще и

видать свое лжепророчество, обаче не престаая пророчествуютъ, а послѣдователи не отменютъ ихъ, но что не соврютъ, тому и послѣдуютъ». «Подобно объ антихристѣ прорицали и лицо сказывали, и вся та лжепророчества минуша, обаче и нынѣ не престаая прорицаютъ». «Лжепророчествовали и на Никона и доводами доводили, и лѣтами учили, и имя ему звѣрно исчисляли, яко той антихристъ. Егда же Никонъ скончался, стали на инныя лица прорицать». «По симъ ложнымъ пророчествамъ мочно и самымъ простымъ людямъ познать, яко лживы суть пророцы», заключаетъ Посошковъ (л. 89 об., 135 об., 161, 134). Чтобъ разсѣять сомнѣнія раскольниковъ относительно книжнаго исправленія, какъ главнаго камня претыканій для раскольниковъ, Посошковъ много разсужденій посвящаетъ этому предмету. Онъ указываетъ раскольникамъ на испорченность до-никоновскихъ книгъ отъ старыхъ переписчиковъ и справщиковъ: «отъ неразумія прежнихъ справщиковъ всѣ бѣды потрясошася. Ни они грамматики, ни они риторики, ни иныхъ каковыхъ наукъ коснулись, и тако правя, набудили что кошки» (л. 126 об.). Посошковъ указываетъ также на «многотрудность къ переводу греческаго языка», съ котораго переводились наши книги, и, вслѣдствіе этого, «невозможность въ переводѣ быти безъ погрѣшенія»; указываетъ на постепенное искаженіе книгъ: «пренисующе, ово отъ забвенія, ово отъ незнапія правописанія изрониша, ово же умествующе измѣниша, а тако и въ печать внесоша». Поэтому, «невозможно было никоними дѣлы, еже не поправить книги послѣди (л. 130 об.). Доказавъ, такимъ образомъ, законность исправленія книжнаго, Посошковъ энергически оправдываетъ Никона отъ взводимыхъ на него нарѣваній, разоблачаетъ гнусныя лжесвидѣтельства, которыми раскольники возбудили народъ, гласящія напр. «яко бы онъ повелѣлъ книги печатать какъ ни есть, лишь бы не такъ, какъ было до него; яко-бы онъ нарочно, ради погибели челоувѣческія, въ книгахъ многія рѣчи премѣнилъ» (л. 19, 38, 118)¹⁾. Чтобъ смыть всякую тѣнь съ Никона, Посошковъ говоритъ о тщательномъ вниманіи, приготовленіи и средствахъ, съ которыми онъ приступалъ къ книжному исправленію: «усмотрѣвъ неправости въ книгахъ, онъ не дерзнулъ ихъ править собою, аще и високаго ума былъ, но послалъ къ патріархамъ и въ древнія обители, собралъ самыя старыя книги» и пр. — рассказываетъ исторію

¹⁾ Такую пагубную клевету на Никона Посошковъ объясняетъ внушеніями діавола, «повеже Никонъ великія школы діаволу подѣлалъ» л. 158.

исправленія (л. 131 об., также л. 144, 160 об. и др.). Правильность же произведенных Никономъ исправленій Посошковъ, какъ человекъ простой, доказываетъ самыми простыми и наглядными способами; онъ совѣтуетъ сличать новыя книги съ старыми — неиспорченными еще: «аще кто не имать ми вѣры», говоритъ онъ, «той возьми соборникъ старыя печати и прочти, и узриши очима» (л. 76, 144) и проч. А чтобъ познакомиться съ древнѣйшими памятниками церковно-русской письменности, Посошковъ приглашаетъ въ библіотеки: «аще кто не имать ми вѣры, аще кто отъ раскольниковъ въ сомнѣніе о новоправленныхъ книгахъ приведенъ, той да идетъ въ патріаршую книгохранильницу или на печатный дворъ и тамо да видить своими очима древнія рукописныя книги, и да разсмотритъ самъ, право ли въ новопечатныхъ книгахъ напечатано или неправо, и тамо зря, будетъ безсумнителенъ» (л. 120, 144 об.).

Съ задушевнымъ прискорбіемъ сѣтуя о бывшихъ сынахъ святой церкви, которые, «изъ добрыя воли своея Бога отреклись и учинилися сынами діаволими», Посошковъ умоляетъ ихъ осмотрѣться и отвергнуть лжеученіе. Уже помимо всякихъ догматическихъ доказательствъ и авторитетныхъ свидѣтельствъ, а явленіемъ чудесъ, которыхъ онъ былъ въ своей жизни свидѣтелемъ (напр. л. 95 об., 214 об., 216, 137), также отъ собственныхъ соображеній здраваго смысла, Посошковъ доказываетъ превосходство православія. Вызывая постоянно и самихъ раскольниковъ на добросовѣстное, непредубѣжденное размышленіе и располагая такимъ образомъ ихъ къ свободному, сознательному управленію собой, въ то же время, Посошковъ поставляетъ предъ ихъ глазами и тѣ побудительныя мотивы, которые особенно могли дѣйствовать на дѣтское воображеніе простаго народа: указываетъ на будущія мученія, которымъ неминуемо подвергаются еретики, указываетъ на историческіе примѣры Ананія и Сапфиры, Арія и др., указываетъ на діавола, какъ ихъ патрона и издвоздаателя, на свойство его воздаваній и пр. (л. 92, 21 об., 80, 63 об., 82 об.). Сверхъ сего, Посошковъ молить раскольниковъ «не быть аспидами, затыкающими уши отъ увѣщаній. Азъ же не умолкая глаголю вамъ: покайтесь.... Аще и великъ свой гнѣвъ на мя воздвигните, не умолкая буду вопити. Аще же меня не послушаете, то буди вамъ по намѣренію вашему, азъ же чистъ есмь отъ погибели вашей: елико ми Богъ даровалъ, толико изрекъ. Аминь (л. 51 об., 68, 107, 39 и др.).

Въ большинствѣ случаевъ Посошковъ обращается съ увѣщаніями вообще ко всѣмъ раскольникамъ безразлично, всѣхъ убѣждаетъ, всѣхъ ободряетъ и вдохновляетъ надеждою на милость Божию и прощеніе въ случаѣ покаянія; но главнымъ образомъ, какъ мы замѣтили выше, онъ имѣетъ въ виду и хочетъ подѣйствовать на сомнѣвающихся и колеблющихся отъ раскола. Что же касается до нераскаленныхъ, «запечатлѣнныхъ отъ антихриста» раскольниковъ, то ихъ Посошковъ умоляетъ по крайней мѣрѣ не совращать другихъ, рекомендуя имъ лучше заняться разбоемъ, чѣмъ убивать души вѣрующихъ (л. 39, 130). Кромѣ молитвенныхъ обращеній, разсѣянныхъ по всей книгѣ, въ которыхъ Посошковъ проситъ Бога соблюсти православныхъ христіанъ отъ козней раскольниковъ, въ своихъ обращеніяхъ къ православнымъ Посошковъ настоятельно требуетъ рѣшительнаго удаленія отъ раскола, порванія всѣхъ связей съ зараженными «недугомъ раскольниковымъ»: «удалайся отъ нихъ какъ отъ ядовитаго змія, бѣгай какъ отъ пса», постоянно повторяетъ Посошковъ (напр. л. 21 об., 17, 93, 139 об., 159 об. = Прац. л. 18; Жезль правл. л. 17; Просвѣтитель стр. 322). «Всѣмъ православнымъ христіанамъ подобаетъ неоплошно смотрѣти, дабы раскольничи вѣры ничѣмъ не прикоснулись и содружія бы съ ними никакого не имѣти, и отъ спребыванія съ ними бѣжати бѣгомъ стрѣлолетнымъ». «Ни въ какомъ дѣлѣ — ни въ домовномъ, ни въ торговомъ, ни въ молитвномъ, ни въ пищомъ не подобаетъ съ ними сообщатися» (л. 241, 13).

Тонъ увѣщаній и обличеній Посошкова вообще миролюбивый, ласковый, хотя и не безъ исключеній. Для нашего времени сочиненіе повазалось бы слишкомъ рѣзкимъ, даже часто ругательнымъ; между тѣмъ, у Посошкова это была дань своему времени. удовлетвореніе требованіямъ современнаго вкуса, даже было дѣломъ необходимымъ при тогдашней жесткости нравовъ, потому что «изъ проклятыхъ проклятій раскольницы, если писать имъ смиреніемъ — не внимали, писать поучительно — не слушали» (л. 69 об.). Съ этой точки зрѣнія, Посошковъ является даже слишкомъ умѣреннымъ, его бранныя выраженія значительно сглажены въ сравненіи съ современными полемическими трудами. Уже патріархъ Іоакимъ часто называлъ раскольниковъ окаянными дураками, съ которыми «не токмо глаголати, но и зрѣти на которыхъ, яко на псовъ бѣснующихъ, не годствуетъ» (Увѣтъ л. 40, 65 об. и др. = Просвѣтитель стр. 63). Птиримъ тоже постоянно къ имени раскольника присоединяетъ неслестные

эпитеты, въ родѣ слѣдующихъ: мерзкіе, скверные, проклятые, звѣрие, пси безстудные, «злохуленіемъ дающіе на Церковь» и т. п. Питиримъ высказываетъ даже мысль, что раскольники, за ихъ «мерзкое, блудное житіе и за непокорство, достойни истребленія», и вполне одобряетъ насильственные мѣры, употребленныя Петромъ Великимъ въ отношеніи къ раскольникамъ (Прац. л. 358 об.). Даже святитель Димитрій Ростовскій не могъ освободиться отъ недостатка своего времени: онъ также называлъ раскольниковъ псами, дающими на Церковь, окаянными хулиателями, сравнивалъ ихъ съ ядовитыми науками, хищными волками и пр. (напр. Розыскъ л. 37, 162, 524, 561). Но особенно выдается неспокойнымъ изложеніемъ Жезлъ правленія. У Полоцкаго часто встрѣчаются такія неблагозвучныя для современнаго уха выраженія: «клеветши, окаянне, свинія еси, вепрь гнусный, лисъ, губяй виноградъ церковный. Еже смрадный козлищъ въ садѣ благая дрѣвеса губить и свинія сквернымъ носомъ въ вертоградѣ рыеть, тако и скотоумный Никита въ вертоградѣ Писаній» и т. п. (Жезлъ правл. л. 15, 17, 23 и др.). Изъ выраженій: гонзайте ихъ, подобаетъ обезглавити сего Голиафа (т. е. расколъ) (л. 17, 13 об.) и т. п. видно, что Полоцкій не прочь былъ и отъ насильственныхъ мѣръ въ отношеніи къ раскольникамъ.

Посошковъ, какъ по преимуществу выходецъ изъ народа, въ средѣ котораго выработались такія правила приличія и вѣжливости, какъ челоуѣкъ къ тому же менѣ другихъ знакомый съ литературными требованіями и, во всякомъ разѣ, не менѣ другихъ проникнутый негодованіемъ на раскольниковъ, разумѣется, менѣ всякаго былъ гарантированъ отъ употребленія выраженій дерзкихъ, оскорбительныхъ. Безцеремонно и, очевидно, не подозрѣвая себя выходящимъ изъ границъ приличія (такъ это было естественно и законно въ то время), Посошковъ обзываетъ раскольниковъ дураками, безумными, уродами и пр. Крайнія нелѣпости, невѣжество и упрямство раскольниковъ часто возмущали добродушіе Посошкова и его миролюбивое настроеніе, нарушали спокойное изложеніе мыслей, вызывая на рѣзкія выраженія: «о, безумнаго безумія, о, трепроклятаго мудрованія отчаяннаго главы! невозможно васъ проклятыми нареци, но трепроклятыми, девятипроклятыми»... и т. п. Встрѣчаются, наконецъ, и у Посошкова выраженія, свидѣтельствующія о желаніи его насильственныхъ мѣръ въ отношеніи къ раскольникамъ; такъ, онъ ублажаетъ Никона за то, что онъ «дрѣвеса, не плодящая добра, посѣвалъ

и въ огнь вметаль»; также Посошковъ считалъ бы дѣломъ божественнаго внушенія императору, еслибъ онъ рѣшился сихъ зловредныхъ человѣковъ отъ земли истребити» (л. 161). Вообще же говоря, своимъ тономъ «Зерцало на раскольниковъ обличеніе» оставляетъ, сравнительно, очень благопріятное впечатлѣніе. Посошковъ не желалъ никого оскорблять; именемъ Бога, ласково, даже униженно умоляетъ онъ «не отринуть глаголы его», исполнить его совѣты, испрашивая прощенія за рѣзкія выраженія, допущенныя имъ. «Господа ради, не зlobьтеса на суровые мои глаголы, не гнѣвайтесь на мя, не оскорбляйтеса на мя, еже сынами діаволими назвахъ васъ. Не слагая писахъ вамъ, но не гнѣвайтесь на меня, азъ бо возбуждая васъ тако воскричахъ, да познаете свое паденіе» (л. 77 об., 61 об., 108 об., 109, 103 об. и др.). И Посошковъ льститъ себя надеждою, что его воззваніе услышатъ, что его извинятъ, что «токмо отдавшіеся въ сыновство діаволу сего моего необычнаго воскричанія не устрашатся, но токмо возругаются». Нѣтъ, «воскричаніе» на расколъ было тогда слишкомъ «обычно», необычнымъ же представляется намъ это сознаніе въ своей рѣзкости, извиненія Посошкова; необычны были въ то время это истинно-христіанское смиреніе, уваженіе личности и въ послѣднемъ невѣждѣ-раскольникѣ. Нисколько не унижая предшественниковъ и современниковъ — сотрудниковъ Посошкова въ великомъ дѣлѣ ратоборства за православіе, мы не можемъ, однако, не сказать, что Посошковъ и тутъ возвышался надъ своими современниками, что для своего времени это былъ совершенно не заурядный человѣкъ.

II.

„О иконоборцахъ.“

(XXIII глава Зеркала очевиднаго).

Отношеніе Русскихъ къ иновѣрцамъ до Петра Великаго. — Двоекое направленіе политики съ иновѣрцѣмъ при Петрѣ В., особенно дѣленію новаго русскаго общества на партіи консервативно-охранительную и прогрессивно-либеральную. — Отношеніе Посошкова къ этимъ партіямъ въ вопросѣ объ иновѣрцѣхъ. — Полемиическая противо-литературная литература въ Россіи до Посошкова. — Взглядъ Посошкова на литератъ. — Сущность и характеръ полемики Посошкова.

Вопросъ объ отношеніи Посошкова къ иностранцамъ имѣеть полнѣйшій интересъ уже въ силу его особенной вышуклости въ сочиненіяхъ Посошкова. Какъ мы имѣли случай выше замѣтить, иновѣрцы составляютъ одинъ изъ двухъ полюсовъ, противоположный расколу, между которыми лавируетъ Посошковъ, стараясь сохраниться отъ уклоненій на «шуре или мнимое десно» съ пути золотой середины. Такое значеніе этого вопроса опредѣляется тогдашнею историческою жизнію, когда, по выраженію Крижанича, «затопила насъ множина инородниковъ», когда «нѣмцы тако обѣли Русь, что все благо земли сея пожирали»¹⁾. Но между тѣмъ какъ русскій политико-экономъ негодуеть на иностранцевъ изъ-за пожиранія благъ русскихъ, масса народа озлобленно вооружалась противъ иностранцевъ изъ-за другихъ побужденій, вслѣдствіе своихъ національных особенностей, сложившихся подъ вліяніемъ своеобразной религіозности русскаго человѣка. Посошковъ является выразителемъ того и другаго взгляда на иностранцевъ. Объ его недовольствѣ иностранцами съ политико-экономической точки зрѣнія мы уже говорили; но гораздо интереснѣе его религіозный взглядъ на нихъ, обнаружившійся въ особомъ специальномъ

¹⁾ Русское государство въ пол. XVII в. т. I стр. 182 и т. II стр. 154.

разсужденіи Посошкова объ иконоборцахъ, подъ которыми онъ разумѣеть нѣмцевъ, лютеранъ, Въ этомъ случаѣ Посошковъ является выразителемъ общественнаго мнѣнія всей до-петровской Россіи, мнѣнія, сложившагося исторически, подъ вліяніемъ тѣхъ, уже въ XVII вѣкѣ ясно опредѣлившихся взаимныхъ отношеній, въ которыхъ стоялъ русскій народъ къ ино-вѣрцамъ.

Русскіе люди, равно заключившіеся въ тѣсной сферѣ національной исключительности, односторонности, искони чуждались всѣхъ другихъ націй. Исключительно религіозное національное сознаніе, при отсутствіи живаго просвѣщенія, въ большей части русскаго народа изстари доходило до религіозно-фанатической нетерпимости и иногда отзывалось уже почти гордостью, тщеславіемъ своею вѣрою, своимъ православіемъ. Всякое сближеніе съ иностранцами считалось нечистотою и казалось оскверненіемъ. Поэтому, напр., Русскіе не удостоивали иноземцевъ даже рукопожатія; извѣстно также, что наши Великіе Князья и Цари послѣ торжественныхъ пріемовъ иностранныхъ пословъ, обыкновенно обмывали руки, къ которымъ во время этихъ пріемовъ прикладывались послы и которыя считались оскверненными такимъ прикосновеніемъ. Такія убѣжденія проникли въ литературу и въ ней получили полную санкцію. Въ кормчихъ предлагались напр. такого рода правила: «аще въ суднѣ будетъ латина ѣла, измывши, молитву сотворити и у латинской церкви не стояти»¹⁾. Такая религіозная нетерпимость въ отношеніи къ чуждымъ національностямъ особенно рѣзко стала обнаруживаться въ русскихъ людяхъ XVI и первой половины XVII в., когда особенно усилилась борьба русской церкви съ католицизмомъ и все болѣе и болѣе возрастали столкновенія и сношенія съ Западомъ. Во всей же своей силѣ эта вражда, по крайней мѣрѣ извѣстной части русскаго общества, къ иностранцамъ высказалась при Петрѣ Великомъ, когда сближеніе съ Западомъ достигло самыхъ широкихъ размѣровъ. Русскіе люди никакъ не могли примириться съ стремленіемъ Петра внести въ сферу древне-русской жизни свѣтъ общечеловѣческаго просвѣщенія, заимствовавъ его у другихъ народностей, западно-европейскихъ націй. Смотри на все иностранное, какъ на свое русское, съ православнорелигіозной точки зрѣнія, все западное опѣнивая по началамъ православной вѣры и церкви, русскіе люди боялись

¹⁾ Сборн. кормчей Солов. библ. № 858 л. 367.

заминтовать у европейцев даже самые житейскіе, чисто внѣшніе обычаи, общечеловѣческія науки и искусства, считая ихъ противными православію и опасаясь за непоколебимость своего народнаго религіознаго характера. По свидѣтельству Котошихина, русскіе люди страшились даже посѣщенія чужихъ странъ, чтобы «свою вѣру не отжѣнить» (О Россіи въ царств. А. М. стр. 41). Крайнія возрѣнія на иностранцевъ народа, какъ извѣстно, раздѣлялись и высокопоставленными, авторитетными людьми времени; таковъ напр. патриархъ Іоакимъ, писавшій особое завѣщаніе противъ иностранцевъ¹⁾.

Впрочемъ, независимо отъ предубѣждений, были и другія обстоятельства, способствовавшія зарожденію и усиленію враждебнаго въ Русскихъ чувства къ иностранцамъ. Ненависть къ нимъ вызванá была цѣлымъ рядомъ жестокостей, грабежей и насилій, жертвою которыхъ сдѣлалась Россія еще въ слутныя времена, столь богатая примѣрами свирѣпства Поляковъ. «Ни одинъ народъ подъ солнцемъ» — свидѣлствуетъ Крижаничъ — «искони вѣковъ нѣсть былъ тако избитъ и осрамленъ отъ инородниковъ, яко же мы, славяне, отъ нѣицевъ» (Рус. гос. въ пол. XVII в. т. I стр. 182). Сильно возмущалось національное русское чувство оскорбительными отзывами, злословіемъ и презрѣніемъ, съ которыми, обыкновенно, иноземцы относились къ русскимъ людямъ. «Лають они собаки-злословы, хулятъ и пишутъ, что Русскіе больше всѣхъ народъ воровскій, разбойничій, пьяный, развратный, нечистый, свинскій» и пр. (т. II стр. 158, 261 и др.). Русскій народъ, оказывается, не былъ застрахованъ и отъ грубыхъ физическихъ насилій со стороны пришельцевъ: «нѣмцы и дурни ляхи на Руси привыкли нещадно бить бѣдныхъ селянъ, приговаривая: эти люди варвары, варваровъ же треба тожко бити» (т. I стр. 171). Весьма естественно послѣ этого, что въ душѣ русскаго человѣка глубоко накипѣло искреннее отвращеніе къ иноземцамъ. Даже благоразумный славянинъ — Крижаничъ, послѣ вышеприведенныхъ его словъ, въ порывѣ оскорбленнаго патриотизма, не могъ удержаться, чтобы не прибавить: «на сицеву срамоту нѣсть нужды словами отвѣчать (иноземцамъ), но палками бы дать имъ памятило, пусть вспоминають, на комъ мѣстѣ видѣли они варваровъ». Но кромѣ этихъ насилій и оскорбленій, иноземцы посягнули на самое дорогое достояніе

¹⁾ Ист. царств. П. В. Устрялова т. II гл. 4-я.

русскаго челоуѣка, на его святую вѣру и тѣмъ затроули самыя коренныя его инстинкты, усилили вдвойнѣ антипатію къ себѣ. Инокныя, опасенія русскаго челоуѣка за свою вѣру въ столѣновеніяхъ съ иновѣрцами имѣли дѣйствительныя основанія. Въ самой Москвѣ, при первыхъ уже опытахъ сближенія съ иновѣрцами, стали появляться русскіе люди, увлеченные лютеранствомъ. Подъ его вліяніемъ возникла на Руси ересь Башкина и Косого. Вообще, рационалистическое ученіе, по словамъ старо-русскихъ крылошанъ, было «мнози похваляемо и приѣмлемо и любимо отъ многихъ, и познаваемо, яко истинно есть»¹⁾. Ясное доказательство иновѣрнаго вліянія при Грозномъ даетъ также соборъ московскій 1554 года на иконоборца, дьяка Висковатаго²⁾. Своеволіе иновѣрцевъ во время междуцарствія простерлось до того, что они открыто дозволяли себѣ поруганіе православной церкви. Лжедимитрій самъ говоритъ о себѣ: «по законамъ Русскихъ, нельзя иновѣрнымъ входить въ церковь, но я нарочно во время вѣнчанія моего велѣлъ быть въ церкви лютеранамъ и кальвинамъ; слышалъ, что они ругались надъ образами, сидѣли и спали въ церкви» и пр.³⁾. Опасность совращенія для русскихъ не миновала и при Петрѣ, потому что Посошковъ и теперь откровенно признавался: «толь мы просты, что не токмо кто ученый иновѣрецъ, но хотя бы самый послѣдній земледѣлецъ иновѣрный о чесомъ спросилъ насъ, то не знаемъ, какъ имъ отповѣдь дать» (Донош. къ Ст. Яв.). А иностранцы, какъ это видно изъ прижѣровъ Тверитинова и Лубкина,⁴⁾ и теперь во зло употребляли свое вліяніе на русскій народъ и продолжали колебать въ немъ древнее, коренное устройство церкви. «Мнози изъ русскаго народа, — свидѣтельствуеетъ также Посошковъ, — научившеса отъ иноземцевъ, отъ правыя своя вѣры въ зловѣріе начинаютъ отклонятися и развращенныя законы начинаютъ принимать, свои же отиѣщуютъ» (Зав. от. стр. 4, 5). Гибельное вліяніе гостей и ихъ притязанія, естественно, возбуждали прежде всего лицъ, по самому своему положенію обязанныхъ блюсти чистоту православія. «Виждь, православный народъ, — говорилъ напр. Стефанъ Яворскій противъ неблагонамѣренныхъ иноземцевъ, — кѣи между вами распространяются, величаются и почествуемы бывають... Приидите при-

1) Истинны показаніе, инока Зиновія, стр. 15.

2) Словарь историч. о рус. писателяхъ М. Евгенія т. II. стр. 19.

3) Ист. госуд. російскаго Карамзина т. XII примѣч. 9.

4) Ист. Рус. церкви Филарета ч. 2-я стр. 81.

надемъ предъ Господомъ и предъ всѣми его угодниками, да сей вредъ, ои злохульныя плевели исторгнутся отъ насъ»¹⁾). Еще ранѣе сознанная и болѣе или менѣе уже удовлетворявшаяся потребность въ умственной борьбѣ съ врагами православія, такимъ образомъ, еще съ большою силою почувствовалась и при Петрѣ. Но полемика съ иновѣріемъ получила теперь нѣсколько иной характеръ, — она пошла въ двухъ отчетливо опредѣлившихся и рѣзко расходящихся направленіяхъ. Въ основу этого раздѣленія, кромя двойственности врага, легли нѣкоторыя чисто соціальныя условія тогдашней русской жизни, которыя мы здѣсь и считаемъ нужнымъ прежде всего отиѣтить.

Борьба христіанскихъ исповѣданій на Западѣ въ это время еще не улеглась окончательно; вся Европа въ это время раздѣлялась на два враждебныхъ лагеря: на одной сторонѣ стоялъ католицизмъ, съ своимъ подчиненіемъ авторитету и со всѣмъ богатствомъ внѣшняго, обрядоваго элемента, на другой — протестантизмъ, съ свободою изслѣдованія, съ наиболѣе развитымъ внутреннимъ, духовнымъ элементомъ. Въмѣстѣ съ вѣроисповѣдными разностями, у католиковъ и протестантовъ были свои политическіе, нравственные взгляды, различныя научныя приемы, различныя типически отчеканенныя на правленія въ мышленіи и дѣйствованіи; словомъ, были двѣ особыя цивилизаціи, выросшія одна на почвѣ католицизма, другая на почвѣ протестантизма. Это двойство не могло не отразиться, хотя въ малой мѣрѣ, и на русскихъ людяхъ, на которыхъ въ окно, прорубленное Петромъ въ Европу, такъ рѣзко пахнуло, по выраженію Посошкова, «вѣтромъ иновѣческихъ ученій.» Необъимовенный наплывъ въ Россію иностранцевъ, давшій широкій просторъ обмѣну религіозныхъ мыслей, и вся внутренняя реформа Россіи, предпринятая и веденная подъ сильнымъ вліяніемъ протестантской цивилизаціи, неизбѣжно перенесли и въ Россію борьбу двухъ началъ, двухъ направленій. Россія представляла собою почву достаточно удобную и подготовленную для этой борьбы; здѣсь уже и безъ того обнаружались двѣ враждебныя партіи, два крайнія направленія — старовѣрческое и реформаторское. И двойное направленіе западно-европейской мысли, колеблющейся между крайностями католическаго консерватизма и лютеранскаго либерализма, легко могло привиться на Руси. Оно совпадало съ общимъ раздѣленіемъ стремленій всего русскаго народа, съ одной

¹⁾ Собр. пропов. Ст. Явор. т. I слово въ нед. 7-ю по пасхѣ.

стороны, въ одной своей части, старовѣрчески стоявшаго за старину, а съ другой стороны, въ другой части, пропагандировавшаго реформу. Части же, это двойное направленіе встрѣтило себѣ наиболѣе удобную почву въ новой, реформаторской половинѣ общества; оно сонпало съ подраздѣленіемъ этой половины на партіи сравнительныхъ консерваторовъ и либераловъ, и еще рѣзче отгвнило разновидности этихъ партій.

Дѣло въ томъ, что русскіе люди, составлявшіе собою, такъ называемый, лагерь новаторовъ, ставшіе на сторонѣ реформы, далеко не представляли изъ себя тѣсно сплоченнаго общества лицъ, проникнутыхъ совершенно одинаковыми убѣжденіями и одними взглядами. Не всѣ увѣровавшіе въ Петра Великаго съ равнымъ увлеченіемъ подхватили его мысли и начинанія, съ одинаково беззавѣтною преданностію къ нему и довѣріемъ къ его дѣлу взялись за новую работу. Ближайшее, благодаря раскрытію историческихъ данныхъ, знакомство съ эпохою Петра В. дало основаніе различать въ ряду лицъ, на которыхъ привыкли часто и доселѣ смотрѣть безразлично, вообще какъ на сторонниковъ новаго времени, какъ на родныхъ, присныхъ «птенцовъ гнѣзда Петрова», — различать цѣлыя партіи, отъ пылкихъ, съ жаромъ юношескаго увлеченія, приверженцевъ его и ярыхъ проводниковъ его начинаній, до старчески осмотрительныхъ, опасливыхъ его только доброжелателей, не столько содѣйствующихъ открыто царю, сколько стушевывающихся за другими, дѣйствующихъ съ оглядкою, не столько вдохновенныхъ новымъ вѣяніемъ времени, сколько напуганныхъ быстрымъ полетомъ царственной мысли, гигантскимъ движеніемъ державной руки. Съ одной стороны, безусловная вѣра въ благо новыхъ порядковъ и радость за счастливую будущность обновленнаго отечества; съ другой — опасенія, боязнь за исходъ всѣхъ начинаній, боязнь за царя-реформатора, тревога за миръ и благоденствіе православной Руси. Съ одной стороны, искреннѣйшее желаніе всѣ силы свои предложить на помощь царю-строителю, весь животъ свой положить за его святое, великое дѣло; съ другой — затаенное недовольство слишкомъ быстрымъ и рѣзкимъ образомъ дѣйствій, гнѣздящееся въ глубинѣ души желаніе выждать, осмотрѣться, не упускать сразу изъ подъ ногъ твердую почву стараго московскаго быта и порядковъ, на которыхъ возросла и воспиталась вся крѣпь русскаго національнаго духа. Ближайшимъ образомъ это различное отношеніе къ реформѣ могло высказаться въ различіи взглядовъ новыхъ людей на характеръ древне-русской жизни, характеръ

чисто церковный, на религиозность и обрядность, которымъ былъ такъ преданъ и которыми такъ гордился древнерусскій человекъ, — во взглядахъ на значеніе, важность и цѣну этого народнаго характера, на большую или меньшую необходимость соблюсти его, застраховать отъ всякихъ посягательствъ со стороны царя-реформатора. Такъ какъ при низкомъ уровнѣ до-петровскаго просвѣщенія, при чрезвычайно слабомъ развитіи свѣтской литературы, церковь съ своимъ духовенствомъ все еще стояла во главѣ русской жизни, давала тонъ русскому обществу; то и различіе взглядовъ на характеръ русской жизни, а отсюда и различное отношеніе къ реформѣ, со всею ясностію обнаружилось въ представителяхъ русскаго духовенства. Самое различіе опредѣлившихся направленій — консервативно-охранительнаго и либерально-прогрессивнаго, какъ слабый отголосокъ и какъ бы нѣкоторое отображеніе на Руси борьбы двухъ иноземныхъ цивилизацій, прежде всего получило церковный характеръ, обнаружилось въ столкновеніи различныхъ богословскихъ направленій, въ двойственности полемики съ иновѣріемъ и даже приурочивалось — хотя это было далеко неточно — къ католичеству съ одной стороны и къ протестантству съ другой. Духъ и направленіе католичества, болѣе консервативнаго и неподвижнаго, сравнительно съ лютеранствомъ, гораздо болѣе соответствовали стремленіямъ той половины русскаго общества, которая желала въ большей или меньшей степени остаться вѣрно старому московскому быту, что либо удержатъ изъ него. Поэтому, многіе русскіе пастыри, подозрительно смотрѣвшіе на реформы Петра Великаго въ сферѣ церковной жизни, желавшіе такъ или иначе попрепятствовать этому дѣлу, отклонить эти реформы, неволью усвоили себѣ то направленіе консервативное, каковымъ характеризовалась и проникнута была цивилизація католическая; испытывая на себѣ большую или меньшую долю вліянія религиозной борьбы Запада, эти пастыри естественно стали противодействовать крайностямъ новаго либерализма на Руси, вступали въ полемику съ заражавшимъ русскій воздухъ лютеранскими воззрѣніями. Другая же половина русскаго общества, безусловно довѣрившаяся реформѣ, склонная безъ всякихъ исключеній все старое повергнуть и дать мѣсто новымъ порядкамъ, уже по самому характеру своихъ стремленій, склонная на сторону направленія наиболѣе либеральнаго и, такимъ образомъ, неизвѣнно совпадала въ направленіи съ цивилизаціею лютеранскаго Запада. Представители этой партіи, также подъ нѣкоторымъ воздѣй-

ствіемъ борьбы богословскихъ направленій Запада, начали полемику съ принципами и направленіемъ католичества.

Мы имѣемъ въ виду двухъ великихъ предстоятелей русской церкви времени Петра Великаго, ученѣйшихъ святителей — Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича. При всей неоспоримой солидарности ихъ въ общихъ взглядахъ на дѣла Петра Великаго и сочувствіи преобразовательнымъ реформамъ и просвѣтительному движенію, — въ подробностяхъ, во взглядѣ на средства и границы реформы, они были люди рѣзко различающихся воззрѣній. Стефанъ Яворскій стоялъ во главѣ одного направленія. Былъ представителемъ партіи новыхъ консерваторовъ, а Теофанъ Прокоповичъ стоялъ во главѣ противоположнаго направленія, былъ блестящимъ представителемъ другой партіи — увлеченныхъ либераловъ, прогрессистовъ. Первый поставилъ себѣ цѣлю борьбу съ развившимся по Россіи, подъ вліяніемъ лютеранъ, духомъ либерализма, свободомыслія во всемъ, не исключая и области церковныхъ дѣлъ и жизни; другой, напротивъ, какъ человекъ всецѣло преданный реформѣ, началъ борьбу съ католичествомъ, подъ вліяніемъ котораго — какъ тогда казалось — росла консервативно-охранительная партія русскихъ людей, поднимался духъ оппозиціи новымъ реформамъ. Вслѣдствіе такого-то различія въ направленіи полемики этихъ двухъ святителей, не только въ свое время, во взаимныхъ столкновѣніяхъ ихъ между собою, а и долго послѣ, прочно держался крайній взглядъ на нихъ. До послѣдняго времени въ Стефанѣ Яворскомъ хотѣли видѣть представителя русскаго, такъ сказать, православнаго католичества, какъ съ другой стороны, въ Теофанѣ Прокоповичѣ — представителя русскаго православнаго протестантства. Между тѣмъ, спокойное и свободное отъ предзанятости изученіе сочиненій Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича рѣшительно разубѣждаетъ въ непреложности такого на нихъ взгляда и обнаруживаетъ чистоту православія того и другаго несомнѣнною и нимало не запятанною. Борьба между ними и въ свое время была, несомнѣнно, слѣдствіемъ недоразумѣнія или, въ крайнемъ случаѣ, дѣломъ личностей. Ни тотъ ни другой изъ нихъ не былъ сторонникомъ инославнаго исповѣданія, но тотъ и другой были усвоителями только разныхъ *направленій*, характеризовавшихъ протестантство съ одной стороны и католичество — съ другой. Совпаденіе вышло почти совершенно случайное, и если каждый изъ нихъ испытывалъ на себѣ вліяніе западныхъ богослововъ, то вліяніе это во всякомъ

случаѣ было чисто внѣшнее, формальное, оно не коснулось сущности религиозныхъ, строго-православныхъ убѣжденій ни Стефана Яворскаго, ни Теофана Прокоповича. Во имя единого чистаго православія одинъ цѣлю себя поставилъ борьбу съ протестантствомъ, а другой — съ католичествомъ. Каждый, естественно, читалъ полемическія сочиненія, подходящія только къ своей цѣли, проникался однимъ направленіемъ, и, такимъ образомъ, становясь противникомъ одной инославной доктрины, пенамѣренно становился — такъ по крайней мѣрѣ это могло казаться — какъ бы сторонникомъ другой. И если намъ теперь, въ усиліяхъ выяснитъ направленіе того и другаго, удобно ловить ихъ въ крайностяхъ, подчеркивать въ ихъ сочиненіяхъ двусмысленныя, неточныя выраженія; то въ ихъ время, для нихъ самихъ, слѣдить за собою и, отражая одно инославное ученіе, упредить себя и отъ другаго, въ православіи, соблюсти себя отъ всякихъ крайностей и самомагѣйныхъ неточностей было далеко не столь легко и удобно. Мысля себя сыномъ церкви православной и обороняя её отъ того или другаго инославнаго ученія, каждый изъ нихъ, конечно, могъ и не подозревать, что онъ, такъ сказать, переписалъ, сказалъ слишкомъ много, что сочиненія его могутъ бросить тѣнь на него уже съ другой стороны, такъ какъ противоположность-то каждому данному инославному ученію и составляло именно другое инославное исповѣданіе. И тѣмъ болѣе знаменательнымъ представляется то, что отлично различая борьбу двухъ разныхъ направленій, даже уклонившись по этому поводу въ личную полемику, и Стефанъ Яворскій, и Теофанъ Прокоповичъ не сдѣлали направленія съ самою доктриною и, во имя перваго, болѣе или менѣе свободно распоряжаясь въ формальной постановкѣ православія, какъ почвы нейтральной, они не коснулись сущности, догматовъ. Если Теофанъ Прокоповичъ позволялъ себѣ порицать, до известной степени, бездушную обрядность, практиковавшуюся въ жизни русской церкви; то православіе его въ этомъ случаѣ нимало не страдало, осталось непоколебимо. Только съ точки зрѣнія русскаго церковника, да со стороны діаметрально расходящагося направленія строго-консервативнаго за такое необычное тогда, свободное отношеніе Теофана къ порядкамъ и обычаямъ церковной жизни можно было заподозрить его въ протестантствѣ, сущность котораго и характеризуется именно крайнимъ свободомысліемъ и религиознымъ вольнодумствомъ. А съ своей стороны, уличаемый изъ-за обрядности въ протестантствѣ, только Теофанъ Прокоповичъ съ своими

сторонниками и могъ уличать Стефана Яворскаго въ католичество въ его непонятную на взглядъ перваго стойкость за обрядность. Во всякомъ случаѣ, исторія уже давно простила этимъ великимъ мастырямъ русской церкви какъ ихъ взаимное раздраженіе, такъ и ихъ нѣкоторыя дѣйствительно допущенныя увлеченія и крайности, какъ напр. неблаговидную и неприличную рѣзкость Теофана Прокоповича въ отношеніи къ освященнымъ давностію порядкамъ церковной жизни. Исторія считаетъ и имя Теофана Прокоповича въ ряду своихъ незабвенныхъ, полезнѣйшихъ дѣятелей, на ряду, ближайшимъ образомъ, съ именемъ Стефана Яворскаго, такъ какъ они взаимно дополняли другъ друга и своею каждой одностороннею дѣятельностію, въ общемъ совершили, въ великую эпоху русской исторіи, тѣмъ болѣе важное и великое дѣло: они нанесли рѣшительный ударъ католицизму и поставили «камень преткнанія» протестантству на Руси, т. е. своею двойною борьбою доставили полное торжество въ Россіи единому чистому православію. Въ исторіи же русской цивилизаціи эти два лица должны быть поставлены во главѣ новаго періода, какъ представители двухъ партій, порожденныхъ петровскою реформою и начавшихъ собою въ двухъ замѣтно разнѣвшихся направленіяхъ новую русскую жизнь.

Это-то раздѣленіе новаго русскаго общества на консерваторовъ-охранителей и либераловъ-прогрессистовъ, имѣвшее въ основаніи своемъ различіе общихъ взглядовъ на значеніе и цѣну древняго церковнаго характера русской жизни, на большую или меньшую необходимость преобразованій въ этой области, а — въ связи и зависимости отъ этого — и различное отношеніе къ двумъ разнхарактернымъ инославнымъ исповѣданіямъ, прямо или косвенно влиявшимъ на настроеніе умовъ въ Россіи, обнаружилось главнымъ образомъ, конечно, въ интеллигентныхъ слояхъ общества. На сторонѣ Стефана стояли тогдашніе русскіе епископы и вообще духовенство, какъ непосредственно заинтересованное въ дѣлѣ измѣненія общихъ основъ и всего строя русской жизни, какъ терпящее, подъ вліяніемъ новыхъ либеральныхъ началъ, свое старое значеніе и авторитетъ. На сторонѣ же Теофана Прокоповича стояло большинство свѣтскихъ ученыхъ людей того времени, въ ряду которыхъ прежде всего нужно помануть извѣстныхъ тогдашнихъ либераловъ-прогрессистовъ Татищева и А. Каптемира. Что касается простаго народа, то онъ въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ особахъ, не отвернувшихся безусловно новизны, то же сталонился въ то

или иное отношеніе къ новому времени, относился положительно или отрицательно къ реформамъ. Прорывавшіяся наружу волненія народныя въ переходную эпоху служатъ очевиднымъ доказательствомъ великаго колебанія народныхъ мнѣній и симпатій подъ впечатлѣніемъ реформъ. Не безучастнымъ оставался народъ и къ новымъ движеніямъ въ сферѣ собственно религіозной, къ раздѣленію богословскихъ направленій, богословской мысли, ратовавшей или противъ католичества или противъ лютеранства. Люди изъ массы выдающіеся, энергичные, мнѣвшіе болѣе свѣтлый и правильный взглядъ на положеніе вещей, сознательно стоявшіе подъ знаменемъ православія, строго отличали все прививавшееся къ нему извнѣ и чутко усматривали источники опасеній для чистоты народной жизни, сложившейся въ духѣ и подъ опекою православія. Они съ тою же благочестивою ревностію, которая одушевляла и великихъ предстоятелей церкви, готовы были дать рѣшительный отпоръ грозившимъ опасностямъ, принимали на себя смѣлость высказать энергичный протестъ противъ новаго, занесеннаго извнѣ и прививавшагося на Русь духа инославнаго ученія и порядковъ. Въ ряду такихъ лицъ прежде всего должно поставить Посошкова.

Крайне интересующійся вообще всѣмъ, касающимся вѣры и благочестія, онъ уже однимъ расколомъ вовлеченъ былъ въ сферу церковныхъ вопросовъ и принималъ живѣйшее и дѣятельное участіе въ ихъ правильной постановкѣ. Что же касается иностранцевъ, то они уже вслѣдствіе политико-экономическихъ только соображеній вошли въ программу литературной дѣятельности Посошкова; начавшееся же, подъ вліяніемъ ихъ, въ русскомъ обществѣ колебаніе религіозной мысли и взглядовъ еще болѣе приковало къ нимъ вниманіе Посошкова, такъ что сочиненія его, при изслѣдованіи силы иновѣрческаго вліянія на тогдашнюю Русь, являются документомъ первостепенной важности.

Само собою разумѣется, у Посошкова нельзя выслѣдять сознательное, *намышленное* слѣдованіе той или другой изъ вышеуказанныхъ партій новаго русскаго общества, ставшихъ въ различныя отношенія къ разнымъ исповѣданіямъ. Если въ общемъ раздвоеніи русскаго общества на два великихъ лагеря — старообрядцевъ и западниковъ Посошковъ сохранилъ возможную объективность, выдержалъ среднее направленіе, то тѣмъ, конечно, проще онъ могъ избѣгать крайностей тогда, когда подраздѣляющія разности, въ самомъ возникновеніи своемъ, обязаны были существовающею долею борьбъ ученыхъ направленій и витали, главнымъ образомъ, въ

области мысли, въ области возвышеннаго богословствованія. Все это сферы, превышающія степень «удобопоежности» Посошкова, для него недоступныя, поэтому и высказаться рѣшительно и опредѣленно въ пользу того или иного направленія Посошкову было невозможно. Онъ, естественно, стоялъ ниже уровня той умственной, научно-богословской борьбы, которая ожесточенно велась между этими направленіями тамъ, на ихъ родинѣ, и которая отразилась у насъ на Руси въ различіи направленій, усвоенныхъ образованными представителями русскаго общества. Если могло отозваться на Посошкова это раздвоеніе современной ему русской мысли, то единственно своею практическою стороною, т. е. въ своемъ приѣвленіи къ жизни, къ реформѣ, непосредственномъ отношеніи къ иностранцамъ-инювѣрцамъ. Разсматриваемый съ этой практической стороны, Посошковъ представляется намъ рѣшительнымъ сторонникомъ Стефана Яворскаго, совершенно солидарнымъ съ нимъ во взглядахъ религіозныхъ и вообще социальныхъ. Что же касается Теофана Прокоповича, то мы не можемъ точно охарактеризовать отношеній къ нему Посошкова, а тѣмъ болѣе представлять послѣдняго антагонистомъ партіи перваго. Отсутствие всякихъ данныхъ къ тому въ сочиненіяхъ Посошкова, а также фактъ — насколько онъ истиненъ — обращенія Посошкова и къ Теофану Прокоповичу съ своими проектами (стр. 13) убѣждаютъ насъ въ томъ, что Посошковъ не питалъ какой либо личной неприязни къ Теофану Прокоповичу, что онъ не былъ вовлеченъ въ борьбу новыхъ направленій, даже, быть можетъ, не сознавалъ и не различалъ ту умственную борьбу, которая велась въ интеллигентныхъ слояхъ общества. Совершенно естественно и непринужденно вышло, что онъ исключительно направилъ свою полемику противъ лютеранъ и игнорировалъ католичество, что онъ вообще усвоилъ консервативно-охранительное направленіе, стараясь сблечь старый религіозный складъ русской жизни, со всеми ея обрядами, правилами и пр., что онъ, не высказываясь относительно либеральнаго направленія Теофана Прокоповича, не только опредѣленно сталъ на сторонѣ умѣреннаго направленія Стефана Яворскаго, но даже сошелся съ послѣднимъ въ частныхъ мысляхъ, въ подробностяхъ своей литературной работы. Вышло такъ у Посошкова, повторяемъ, совершенно естественно, безъ всякихъ намѣренныхъ расчетовъ, вышло потому, что такъ писалось, а писалось такъ, какъ всегда у него, подъ вліяніемъ живыхъ событій и впечатлѣній, которыя давала ему современность.

Несомнѣнно прежде всего то, что направленіе Стефана Яворскаго несравненно болѣе соотвѣтствовало стремленіямъ большинства русскихъ людей. Находя себѣ поддержку въ возбужденіи народа реформою, оно если не выражало собою убѣжденій и дѣятельно выработанныхъ понятій всего русскаго народа, то ближе подходило къ воззрѣніямъ какъ той его части, которая возмущалась всякимъ нарушеніемъ стараго покоя, безусловно возстала противъ реформы, такъ и той, которая, мирясь съ реформою, не желала порывать окончательно связей съ стариннымъ бытомъ Россіи. Далѣе, не мало можно насчитать историческихъ причинъ того, что лютеранство представлялось тогда болѣе замѣтнымъ, сравнительно съ католичествомъ, и гораздо сильнѣе притягивало къ себѣ вниманіе русскаго человѣка. Ближайшимъ образомъ нужно отмѣтить быстрое размноженіе въ Россіи нѣмцевъ-лютеранъ при Петрѣ Великомъ, такъ что русскіе люди невольно были заинтересованы и непріятно поражены наплывомъ этихъ нежеланныхъ гостей. Съ другой стороны, и само лютеранство, какъ извѣстная доктрина, поражало русскихъ людей своею сравнительною новизною, между тѣмъ какъ къ католичеству послѣдніе давно уже приглядѣлись, — оно одною пресловутою униєю приобрѣло уже хотя и печальную, но обширную извѣстность на Руси. Наконецъ, едва ли не болѣе всего могло имѣть значеніе то, что лютеранство, съ своимъ рационалистическимъ элементомъ и либеральнымъ направленіемъ, несравненно болѣе, нежели католичество, расходилось съ церковнымъ складомъ и обрядовымъ направленіемъ русской жизни, а потому и представлялось, съ русской точки зрѣнія, болѣе разрушительнымъ и опаснымъ.

И вотъ, Посошковъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ изъ всѣхъ иновѣрцевъ почти исключительно имѣетъ дѣло съ лютеранами. О нихъ онъ при всякомъ подходящемъ и даже неподходящемъ случаѣ говоритъ, къ нимъ постоянно обращается, противъ нихъ направляетъ свою полемику, наконецъ, противъ нихъ одинъ пишетъ цѣлую большую полемическую статью «О иконоборцахъ». Католиковъ для Посошкова какъ бы совсѣмъ не существуетъ, — такъ сравнительно рѣдко упоминается ихъ имя на всемъ протяженіи сочиненій Посошкова и такъ это рѣзко бросается въ глаза при изобиліи имени лютеранъ, которое встрѣчается чуть не на каждой страницѣ. Изъ всѣхъ причинъ, которыя могли обусловить рѣзко различающееся отношеніе Посошкова къ католикамъ съ одной стороны и къ лютеранамъ съ другой, самою главною былъ для него чистый релігіозный

взглядъ на тѣхъ и другихъ, взглядъ свободный отъ пріиѣса какихъ либо низменныхъ побужденій, отъ какихъ либо житейскихъ расчетовъ, даже очищенный отъ политическихъ соображеній. Тутъ Посошковъ исключительно смотритъ на иновѣрцевъ съ релігіозной точки зрѣнія и сравнительная мѣра истинны и благочестія тѣхъ или другихъ изъ нихъ служитъ для него мѣриломъ ихъ оцѣнки. Полагая исходнымъ пунктомъ древнюю апостольскую церковь и потомъ слѣдя исторически за постепенными уклоненіями отъ нея, Посошковъ, естественно, въ лютеранствѣ усматривалъ самую крайнюю грань заблужденія, далеко опередившую и католичество, видѣлъ высшую степень еретичества. Лютеръ и въ началѣ, еще въ рожденіи своемъ «по отпаденіи Формозовѣ отъ восточныя церкви», уже «учинился измѣнникъ Христовъ, а потомъ собственнымъ своимъ отпаденіемъ и отъ Формозова отпаденія повторилъ свою измѣну» (Зерц. оч. л. 218). «Той бо въ началѣ съ римляны отъ восточныя церкви отпалъ, а потомъ и та западнаго костела вѣра явилась ему тяжелоносна, отвергъ и ту отъ себя, и отъ высокоумія своего устроилъ себѣ самую легкостную вѣру» (Зав. от. стр. 162). Съ этой точки зрѣнія, конечно совершенно послѣдовательно и, резонно, Посошковъ и называетъ Лютера еретикомъ еретиковичемъ. Онъ «не тою восточной, но и западной церкви учинился противникомъ, — и учинился онъ сугубый еретикъ, перелитро-ванный въ еретичествѣ своемъ, первѣе былъ въ римскомъ отпаденіи, а потомъ высочайшую себѣ ересь обрѣлъ, бысть еретикъ еретиковичъ» (Зав. от. 45 и 46 стр.). Итакъ, очевидно, въ представленіи Посошкова католичество является отпаденіемъ менѣе важнымъ и менѣе грѣшнымъ, сравнительно съ лютеранствомъ; оно и исторически ближе связывается съ древнимъ апостольскимъ православіемъ, да и по существу своему остается болѣе «тяжелоносно», сравнительно съ «легкостною» вѣрою лютеранскою. Сообразно важности предмета, наибольшей опасности лютеранства, Посошковъ и напрягъ всѣ силы своего ума, всю силу своей начетческой діалектики на борьбу именно съ лютеранствомъ, вѣроятно, совершенно незамѣтно для себя самого, игнорируя католичество, какъ ересь менѣе опасную. При видѣ сильнѣйшаго врага, онъ упускалъ изъ вида опасности менѣе грозящія, тѣмъ болѣе, что односторонне направленному взгляду Посошкова и все даже чуждое лютеранства представлялось иногда окрашеннымъ въ лютеранскій свѣтъ. Всѣ безразлично «другіе народы» мыслятся имъ какъ «избавшіе себѣ въ учителя Мартина»; нѣкоторые

отступленія отъ православія, лежація на главѣ католичества и только удержанныя въ лютеранствѣ, выдаются, въ жару увлеченія полемикою, какъ бы за спеціальныя измышленія лютеранскія (напр. объ опрѣснкахъ — Зерц. оч. л. 196).

Итакъ, въ обнаружившемся раздѣленіи взглядовъ въ новомъ русскомъ обществѣ на иновѣріе, а въ связи съ этимъ — на церковный строй русской жизни, на границы реформы, Посошковъ всецѣло стоитъ на сторонѣ Стефана Яворскаго. Онъ совершенно совпадаетъ съ послѣднимъ въ направленіи своей литературной дѣятельности, усвоивъ себѣ тотъ же консервативно-охранительный взглядъ и занявшись полемикою исключительно съ либеральнымъ духомъ и ученіемъ лютеранства. Въ своемъ Завѣщаніи отеческомъ Посошковъ, между прочими полезными книгами, рекомендуетъ своему сыну и знаменитый «Камень вѣры» Стефана Яворскаго; стало быть, Посошковъ знакомъ былъ не только съ характеромъ практической дѣятельности тогдашняго первосвятителя русской церкви, а и съ направленіемъ его литературной дѣятельности. Посошковъ какъ нельзя болѣе сочувствовалъ Стефану Яворскому, видѣлъ въ немъ не внѣшній, офиціальныи только, но и дѣйствительный, по его внутреннему, душевному настроенію, столпъ и опору русскаго православія, оборону его отъ внушавшихъ тогда наибольшую тревогу опасностей. И Посошковъ вдвойнѣ благоговѣлъ предъ великимъ русскимъ святителемъ; одушевленный общими съ нимъ дѣломъ, занятый одинаковыми съ нимъ заботами, Посошковъ съ увѣренностію обращался непосредственно къ своему высокопоставленному единомышленнику, смѣло адресовалъ ему свои доношенія, записки, мнѣнія.

Прежде чѣмъ займемся разсмотрѣніемъ статьи «О иконоборцахъ», и мы предложимъ нѣсколько замѣчаній о Камнѣ вѣры, какъ трудъ не только однородномъ съ сочиненіемъ Посошкова и извѣстномъ Посошкову, но и самомъ цѣнномъ изъ всѣхъ, выродившихся въ полемикѣ съ лютеранствомъ.

Камень вѣры представляетъ собою явленіе интересное въ нашей древнеотечественной письменности уже по самой судьбѣ своей. При своемъ появленіи, еще только въ рукописи, онъ надѣлалъ, какъ извѣстно, слишкомъ много шума, вызвалъ цѣлую бурю въ литературѣ, а на автора навлекъ «многія страсти, досажденія, поношенія, клѣветы и навѣты отъ нѣкихъ недоброхотныхъ ему человекъ», приведшихъ своими навѣтами даже самого «государя въ малое усомнительство» относительно автора¹⁾.

¹⁾ Сказаніе о творцѣ книги въ концѣ I-го т. Камня вѣры стр. 8.

Сочиненіе это направлено было противъ распространявшагося въ Россіи лютеранскаго духа, ближайшимъ образомъ промивъ лжеученія, пересаженнаго на русскую почву Тверитиновимъ, — тѣмъ Тверитиновимъ, который «прилѣпился бѣше къ нѣкоему врачу-иновѣрцу, отъ него же врачевныя хитрости навикающъ, души своей разслабу воспріять, и, недугомъ еретичества поврежденъ бывъ, тѣлесемъ убо врачъ мняшеса быти, душамъ губитель вселютѣйшій явися»¹⁾. Въ виду усиливающагося религиознаго шатанія, Стефанъ Яворскій принялъ на себя трудъ «камнемъ вѣры заградити дыру, юже татіе прокопаша», и, «да не возмнѣятъ противници своимъ бусловіемъ насъ посрамленныхъ быти», рѣшился имъ «отвѣчати я въ твердости дѣла нашего суда всего міра требовати» (Кам. вѣры т. II, стр. 23, 118). Такъ какъ «противници любопренія держались и отъ насъ писанія истязали», то Стефанъ Яворскій, не ограничиваясь только обличеніемъ еретиковъ, и отъ себя въ широкомъ объемѣ предложилъ имъ ученіе православное. Камень вѣры его, кромѣ полемическаго значенія, поэтому, имѣетъ цѣну, какъ положительное раскрытіе православныхъ догматовъ. Стефанъ Яворскій старается, обыкновенно, прежде утвердить православный догматъ, а потомъ уже опровергаетъ заблужденіе еретиковъ. Каждая глава Камня вѣры раздѣляется на 2 части: положительную, гдѣ доказывается «твердость камене вѣры» и отрицательную, гдѣ исправляется «претыканіе противниковъ». Согласно со всѣми вообще апологетами православія, и Стефанъ Яворскій видитъ въ лютеранствѣ одно изъ порожденій злаго начала, орудіе козней діавола на единую христіанскую церковь; поэтому, онъ и называетъ лютеранъ «учениками діавола», «дѣвольскою злобою помраченными», «дѣволу порабощенными», «духомъ демонскимъ дышущими», «седмоглаваго звѣря служителями», и пр. (т. I, стр. 109, 277, 274; т. II, 4, 67 и др.). Съ другой стороны, источникъ живучести ереси онъ усматриваетъ въ слабости ея ученія, въ потворствѣ чувственности человѣческой, и съ этой точки зрѣнія называетъ лютеранъ «плотскими человѣками, въ сластѣхъ житейскихъ утопшими» (I, 275) и т. п. Не малую долю успѣха лютеранства Стефанъ Яворскій приписывалъ недобросовѣстности его учителей и распространителей. «Въ писаніяхъ они — по его словамъ — пролазки ищутъ, окаянни»; «вельми хвалясь писаніемъ», они, однако, по ковар-

¹⁾ Приложение къ I-му т. Камня вѣры стр. 9.

ству, «не сполна писаніе наводять»; въ своей пропагандѣ они, обыкновенно, «ищутъ уловити неискусныхъ». «На прельщенія неискусныхъ часть нѣбую писанія наводяще, прочіи глаголы, разуму совершенному приличные, утаивають» и пр. (I, 22, 292, 350, 109; II, 154 и др.). Въ виду этого, Яворскій во имя справедливости требуетъ, чтобъ еретики въ своихъ основоположеніяхъ «приводили писаніе полное», чтобъ поступали «подъ совѣстію, аще тую имѣють» (I, 110). Вообще же Стефанъ Яворскій сравнительно рѣдко спускается къ простой бесѣдѣ съ еретиками; по большей части онъ, только вызванный извѣстнымъ заблужденіемъ, занять спеціальнымъ и всестороннимъ раскрытіемъ православнохристіанскихъ догматовъ, витаетъ въ области возвышеннаго богословствованія. Сочиненіе его производитъ впечатлѣніе основательнаго ученаго трактата; онъ постоянно приводитъ доказательства отъ «правилъ логическихъ», «отъ ученія метафизическаго», «яко же философія учить» и пр. (напр. I, 175, 148, 276 и др.). Иногда Стефанъ Яворскій углубляется въ совершенное философствованіе, такъ напр. въ одномъ мѣстѣ онъ пускается въ различеніе «степеней метафизическихъ: естество, существо, тѣло, одушевленное, животное, человекъ» (I, 174). Въ полемикѣ Яворскаго видѣнъ человекъ не только умный и обширно начитанный, но и учившійся, опытный, привыкшій къ школьнымъ диспутамъ, умѣющій бороться съ противниками «чиномъ діалектическимъ и аргументами», старающійся изобличать не только внутреннюю несостоятельность ихъ мнѣній, но также и ихъ непослѣдовательность и нелогичность. Общій тонъ полемики его суровъ и рѣзокъ¹⁾.

По всей справедливости, весьма видное мѣсто въ ряду аполлетовъ православія, въ полемикѣ съ лютеранствомъ, въ петровскую эпоху долженъ занять Посошковъ съ 23-ю главою своего Зеркала очевиднаго, т. е. съ его разсужденіемъ «О иконоборцахъ». Впрочемъ, значеніе Посош-

1) Извѣстенъ еще въ полемической противолютеранской литературѣ «Рожденецъ духовный» Пафнутія, монаха Переяславля-Залѣскаго монастыря. Сочиненіе это, впрочемъ, извѣстно только по описанію г. Ф. Терновскаго (Пр. об. 1863 г. ч. 12). Оно — продуктъ живой устной борьбы Пафнутія съ Тверитиновымъ — имѣетъ форму собесѣдовательную и состоитъ изъ 46 возраженій противъ православія съ опроверженіями ихъ. Возраженія большею частію догматическаго характера. Изложеніе его отличается краткостію, отрывочностію, серьезностію.

кова доселѣ здѣсь никѣмъ рѣшительно не подозрѣвалось, да никто и не могъ обратить на него вниманія съ этой стороны, по той простой причинѣ, что глава О иконоборцахъ извѣстна въ литературѣ исключительно по ссылкамъ только самого Посошкова и сохранилась, какъ пока оказывается, въ единственномъ спискѣ полного Зеркала еще не изданной рукописи, принадлежащей библиотекѣ Казанской Академіи. По своему содержанію, глава эта служитъ отвѣтомъ на общее заглавіе, данное ей Посошковымъ въ оглавленіи Зеркала очевиднаго: «О иконоборцахъ и о лютерскомъ безумномъ мудрованіи, и на вся ихъ неправая толкованія явное обличеніе. И зряй тамо, можетъ всякъ познати, яко люторове соблазнилися зря на Мартиново ученіе и далеко отлучились отъ праваго пути». Тутъ разсмотрѣны и по возможности обличены Посошковымъ всѣ извѣстныя въ народѣ, преимущественно практическія особенности лютеранства. Обличенія постоянно переплетаются обширными увѣщаніями еретиковъ и нравственными приложеніями и предупрежденіями православнымъ.

Посошковъ не счелъ нужнымъ отдѣлить главу О иконоборцахъ отъ главнаго своего полемическаго труда и поставилъ ее какъ непосредственное продолженіе, какъ составную часть противораскольническаго Зеркала. И дѣйствительно, она представляется совершенно однородною по общности своего характера, цѣли, связана съ нимъ единствомъ направленія, тона и пріемовъ полемики. Связующимъ пунктомъ этихъ двухъ сочиненій у Посошкова стало также и общее къ нимъ заключеніе, поставленное въ концѣ книги: «Приложеніе или послѣдованія сему очевидному зеркалу, учиненное ради подтвержденія или возбужденія читающимъ е». Здѣсь Посошковъ, обращаясь преимущественно къ православнымъ, одновременно и совмѣстно предостерегаетъ ихъ отъ двойной опасности — со стороны раскола и со стороны лютеранства, — такимъ образомъ, сразу имѣетъ въ виду и расколъ, и лютеранство, о которыхъ рассуждалъ въ двухъ частяхъ книги отдѣльно. По своему же содержанію, по самостоятельности разсматриваемаго предмета, наконецъ, по своей обширности и богатству матеріала, глава О иконоборцахъ составляетъ отдѣльное, совершенно самостоятельное и весьма почтенное сочиненіе. Разсматривать ее такъ даетъ намъ право даже самое построеніе ея: она снабжена своимъ особымъ предисловіемъ, имѣетъ особый, совершенно самостоятельный распорядокъ въ изложеніи мыслей, въ исчисленіи частей,

свой правильный и до конца выдержанный планъ. Есть даже нѣкоторыя основанія думать, что и самъ Посошковъ разсматривалъ ее какъ бы самостоятельную, только прикладную часть къ противораскольническому Зерцалу; иначе трудно объяснить не только своеобразное построение, но также и полное отсутствіе ея въ сокращенныхъ спискахъ Зеркала, редакция которыхъ, мы предполагаемъ, принадлежала самому же Посошкову. Извлечения сущности содержанія первыхъ 22 главъ полнаго Зеркала въ редакцію сокращенную, Посошковъ могъ свободно опустить послѣднюю главу, безъ всякаго ущерба полнотѣ сочиненія, какъ не имѣющую ничего общаго съ содержаніемъ первыхъ.

Такъ какъ глава О иконоборцахъ доселѣ остается совершенно неизвѣстною, то мы считаемъ нелишнимъ предпослать нѣсколько замѣчаній объ ея планѣ, построении и расположеніи матеріала. Глава «О иконоборной ереси и о вознояляющихъ ю» (— точное заглавіе ея) занимаетъ собою 74 большихъ листа рукописи. Она подраздѣлена на нѣсколько бесѣдъ и главъ. Сначала поставленно общее ко всей статьѣ предисловіе, въ которомъ Посошковъ кратко передаетъ исторію всѣхъ козней діавола въ христіанской церкви, сущность лжеученія всѣхъ ересей, начиная съ Арія и константинопольскихъ императоровъ, продолжая католичествомъ и лютеранствомъ, заканчивая русскимъ расколомъ. «Нынѣ надлежитъ ми слово», заключаетъ Посошковъ предисловіе, «о новоизданномъ лжеблагочестіи, отъ Лютторовъ прившедшемъ, т. е. о иконоборной ереси», такъ какъ «нынѣ нѣпцы, зря на люторская лжесловія, начинаютъ шататися». «Бесѣда 1-я иконоборцамъ», слѣдующая за предисловіемъ, содержитъ въ себѣ общее обращеніе къ лютеранамъ, характеристику ихъ ереси, указаніе ея опасности и т. п. Непосредственно за этою бесѣдою, и какъ бы составныя ея части, слѣдуютъ въ рукописи, иногда не отдѣленные красною строкою (очевидно, по недосмотру переписчика или по сбивчивости его представленія о планѣ статьи), 6 главъ, въ которыхъ подробно разбираются и обличаются самыя коренныя и очевидныя заблужденія лютеранъ: о постѣ, о поклонахъ, объ иконахъ, объ опрѣсновахъ (заглавіе это пропущено въ рукописи), о Пресвятой Богородицѣ (заглавіе опущено), о святыхъ Угодникахъ Воинихъ, о животворящемъ крестѣ (заглавіе опущено). Порядокъ въ расположеніи матеріала, построение каждой главы и здѣсь удержаны тѣ же, что въ противораскольническомъ Зеркалѣ, т. е. сначала, обыкновенно, излагается ученіе православной церкви о томъ или

другомъ пунктѣ, приводятся основанія Священнаго Писанія, св. отцовъ и другія доказательства, затѣмъ указываются уклоненія, заблужденія лютеранъ и, наконецъ, предлагается обличеніе ихъ, разоблаченіе ихъ лжи. Такой порядокъ въ раскрытіи мыслей напоминаетъ также книгу Стефана Лворскаго «Камень вѣры», хотя впрочемъ параллель этихъ сочиненій, какъ ниже увидимъ, не можетъ быть проведена далѣе общаго порядка въ развитіи сочиненія и простираться на частности. Въ концѣ каждой главы, обыкновенно, Посошковъ предлагаетъ «вопросъ лютеромъ», т. е. послѣднее обращеніе къ нимъ, послѣднее слово относительно разсмотрѣннаго въ главѣ пункта и окончательный приговоръ имъ отъ человѣка, сильнаго своимъ православіемъ и потому какъ бы власть имѣющаго. За пересмотромъ отдѣльныхъ пунктовъ лютеранскихъ заблужденій въ перечисленныхъ шести главахъ слѣдуютъ:

«Бесѣда 2-я къ православнымъ» о необходимости «намъ, во православіи сущимъ, отнюдь лютерскому ученію не внимати, но твердо стояти, яко столпу, на каменномъ основаніи утвержденному, еже ни на шее, ни на мнимое десно шататися».

«Бесѣда 3-я иконоборцамъ», въ которой Посошковъ «восхотѣлъ, кромѣ вышеявленныхъ свидѣтельствъ, отъ бытія, въ мірѣ дѣющагося, нѣкая разглагольства предъ очи лютеранъ предложить». Въ этой бесѣдѣ Посошковъ, не касаясь лжеученій собственно, обращаетъ вниманіе на жизнь Лютера, силится разочаровать лютеранъ въ личности ихъ учителя, доказать имъ его нравственную несостоятельность.

«Бесѣда 4-я къ лютерамъ», въ которой Посошковъ обращается съ словомъ убѣжденія присоединиться къ Восточной церкви, покинуть свои заблужденія, заводя при этомъ снова рѣчь о нѣкоторыхъ изъ разсмотрѣнныхъ уже выше пунктахъ, особенно объ иконопочитаніи.

Затѣмъ слѣдуетъ «Вопросъ лютерамъ», гдѣ Посошковъ «уже напослѣдокъ вопрошаетъ всѣхъ лютерства держащихся» относительно ихъ заблужденій и главнымъ образомъ опять останавливается на иконахъ, какъ пунктѣ въ ихъ ученіи самомъ ненавистномъ, съ точки зрѣнія православныхъ людей. Какъ извѣстно, представители старо-церковной партіи даже въ борьбѣ съ русскими вольнодумцами любили обвинять ихъ въ иконоборствѣ¹⁾. Для лютеранъ же имя иконоборца было на Руси самымъ обыкновеннымъ, — оно положено и въ заглавіи сочиненія Посошкова.

¹⁾ Журн. Мпн. Нар. Просв. 1880 г. Іюнь, стр. 262.

Въ заключеніи Посошковъ обращается къ Богу съ горячею молитвою—сберечь русскихъ людей отъ паденія, а уже отпадшихъ и изъ «россійскаго народа большую часть уловленныхъ» возвратить въ лоно свѣтлаго православія, — «да будемъ со всѣми Тебѣ угодившими отъ вѣка, Воже нашъ, славити и воспѣвати Тя, Господа Бога, въ безконечные вѣки вѣковъ. Аминь».

Такъ какъ по своему общему направленію, господствующему тону и по приёмамъ полемики, глава О иконоборцахъ совершенно напоминаетъ вышеразсмотрѣнное противораскольническое Зерцало, то мы и не будемъ подробно останавливаться на этихъ пунктахъ. Намъ интересенъ взглядъ Посошкова на иновѣрцевъ и характеръ его отношеній къ нимъ.

Какъ строгій ревнитель православія, слишкомъ живо интересующійся вопросами, возникавшими на почвѣ религій, Посошковъ не могъ, разумеется, не обратить вниманія на опасность православія съ другой стороны, извнѣ, отъ иновѣрцевъ. И вотъ, съ такою же ревностію, какъ и при полемикѣ съ расколомъ, онъ старается ближе познакомиться съ основоположеніями лютеранства, изучить свойства этого противника, чтобы, соображаясь съ ними, начать наступательную борьбу. Посошковъ пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ выпросить лютеранина, поспорить объ ихъ вѣрѣ; такъ напр. онъ бесѣдовалъ о лютеранствѣ съ ахтырскимъ полковникомъ Перекрестовымъ и отъ него «кое-что узналъ» (Зав. от. стр. 33). Наконецъ, вообще Посошковъ свидѣтельствуетъ, что онъ «много ишѣлъ лютеранъ въ знакомствѣ у себя и много въ нихъ искалъ евангельскаго исправленія» (Зерц. оч., 23 глава, л. 229). Не ограничиваясь устными бесѣдами, Посошковъ обращался и къ книгамъ лютеранскимъ, «искалъ въ законѣ Мартина Лютера» (л. 190 об.). Результатомъ изслѣдованій Посошкова было крѣпкое убѣжденіе его въ несостоятельности лютеранства. Посошковъ не нашелъ въ нихъ и «единныя черты правыя»; «не обрѣтохъ у нихъ не токмо Св. Евангелія, но ниже священной Библии послѣдованія: вся заповѣди Божіи отвергше, держатъ заповѣди отца своего Лютора, — той ихъ законодавецъ, а не Богъ» (л. 229). Прежде всего Посошковъ обращаетъ вниманіе на историческое происхожденіе лютеранства и находитъ въ немъ непосредственное продолженіе и возстановленіе иконоборческой ереси, осужденной седьмымъ вселенскимъ соборомъ. «Мы вельми вамъ удивляемся — обращается Посошковъ къ лютеранамъ, — не дивно тѣ ереси расширять, кѣи еще не освидѣтельство-

ваны и возражены не были. Сія же иконоборная ересь не новая, но древняя и всёміг совершенно извѣстная: много бо она толкована и отъ церкви святыхъ отринута» (л. 166 об.). Истинную причину, кореннаго виновника лютеранства, какъ и раскола, Посошковъ, съ своей религіозной точки зрѣнія, видитъ въ діаволѣ, который «всякими образы тщится благочестіе древнее истребити. Въ началѣ онъ истреблялъ христіанство «явнымъ лицомъ, наглою», когда же это не удалось, «онъ вымыслилъ хитрость злопагубную: прикрылъ своихъ воиновъ одеждами овчими, злыи свой ядъ прикрылъ извѣтомъ благочестія. Сначала извелъ перваго адскаго воина Арія, ... Несторія, ... Въ послѣднее время всю западную страну отвратилъ отъ благочестія. Наконецъ, діаволъ напалъ на нѣмецкіе народы и устроилъ имъ вождя, усугубленнаго законопреступника Лютера и поострилъ его на новія ереси. И другаго адскаго воина извелъ на всеконечное поправіе христіанства — Ягана Кальвина» (л. 164—166 об.). Этимиъ взглядомъ на происхожденіе лютеранства опредѣляется и общій характеръ «слова» Посошкова, обращеннаго къ лютеранамъ. Онъ смотритъ на нихъ именно какъ на орудіе діавольскихъ козней; Лютера онъ называетъ постоянно сатанинимъ, адскимъ посланникомъ, избраннымъ сосудомъ діавола, не только діавольскимъ послушникомъ, но даже пособникомъ, который не только выполнялъ «подушенія блуднаго бѣса, а и отъ себя діаволу помогъ», т. е. и своего прибавилъ (л. 200). «Яганъ Кальвинъ — второй адскій воинъ, діаволу услужливѣйшій Лютера», потому что онъ «своею противностію всѣхъ превзошелъ» и, не ограничиваясь иконами, даже «крестъ святой изъ церкви изверже» (165 об.). Посошковъ не соглашается даже съ общимъ названіемъ лютеранъ христіанами и усволяетъ имъ имя антихристіанъ. Ближайшую точку сопряженія лютеранства съ ученіемъ діавольскимъ Посошковъ усматриваетъ главнымъ образомъ въ гордости, высокомиѣннн лютеранъ, какъ грѣхъ, преимущественно характеризующемъ нравственное существо и дѣятельность духа злобы. «Гордость бо осилъ діавольскій, симъ осиломъ самъ онъ удавился и отъ небесъ отлучился, симъ осиломъ и Мартина удавилъ» (л. 200). Уже въ католичествѣ усматривая дѣйствіе діавольской гордости, внушившей папѣ даже безумное желаніе приравняться апостолу Петру; Посошковъ еще большій элементъ гордыни усматриваетъ въ лютеранствѣ. Лютеръ «вся учинилъ отъ презвѣльна своєю гордости»; онъ «возложилъ на ся гордость превеликую, тому же и послушниковъ своихъ научилъ.

И то гордостное учение не евангельское, а дьявольское» (л. 165, 224 об., 200). На ряду съ гордостію, внушившею Лютеру неповиновение закону Божию и отцепреданному вѣроученію, другимъ источникомъ лютеранскихъ заблужденій, источникомъ столь же дѣйственнымъ и опаснымъ, является, по Посошкову, вытекающая изъ гордости же, безразсудная самонадѣянность, дерзкая увѣренность въ себя, надежда на свои собственныя силы. Не допускаемая нигдѣ, даже въ частной жизни, самоволія, самоумія и пр., въ принципѣ вооружаясь противъ самонадѣянности, Посошковъ тѣмъ болѣе основательно не допускалъ ничего такого въ области вѣры, какъ не всегда подлежащей и часто превышающей законы человѣческаго пониманія. Образно такъ Посошковъ представляетъ паденіе Лютера, который, отвергну авторитетъ слова Божія, «восхотѣ, яко древній дьяволъ, самъ собою большій быти», поставилъ себя «умнѣе Бога»: «выбѣжавъ изъ ограды церковныя, началъ онъ жить по своей волѣ; мысленный волкъ, вида его по пустыни вѣка сего блудяща внѣ ограды церковныя, отъ Бога за отверженіе закона не охраняема, похитилъ его; вида его благодати Божія пуста, вшелъ въ него и всалился, и аможе восхотѣлъ, тамо его и повелъ» (л. 181 об., 167 об.). Дьявольская гордость и дерзкая самонадѣянность помрачали здравый умъ Лютера и стали непосредственною причиною проповѣданныхъ имъ заблужденій: «За возгорженіе и за презрѣніе Божіихъ заповѣдей благодать Божія отнялась отъ Лютера — и того ради, что онъ надѣлалъ, того и самъ не вѣдалъ», такъ какъ «самъ не свой былъ и князя міра волю исполнялъ». Въ порывѣ негодованія противъ Лютера, «лютого губителя душъ христіанскихъ», Посошковъ доходитъ даже до несправедливости къ нему; по его мнѣнію, онъ «весь учинился закону христіанскому противенъ», что онъ «ни глаголетъ, то все сплошь ложь»; «весь онъ гноетъ, нѣсть ни во единомъ словеси его цѣлости, но вся его словеса гнила суть» и пр. (л. 186 об., 180 = Зав. от. 162; л. 181 об. 211, 224). Вслѣдъ за самимъ Лютеромъ и всѣ увѣровавшіе въ него его ученики «погубили здравое разсужденіе въ себя», отъ «высокомнѣнія обунся разумъ ихъ» (л. 185). И Посошковъ не безъ ироніи называетъ постоянно лютеранъ «высокоумами», «высокомыслами», «безумными мудрецами», которые своимъ «глубоко буйнымъ разумомъ все изничтожили», «вся Божія преданія отвергли», «на вся древняя преданія возгордѣли» (л. 220 об., 232, 192). Умственное помраченіе еретиковъ особенно выразилось въ ихъ отношеніи къ Св. Писанію: «дьяволъ заслѣпилъ

имъ очи душевныя и, ослѣпя, вложилъ имъ на Св. Евангеліе толки развращенныя» (л. 166). Разоблачая основоположенія лютеранства и замѣчая постоянныя ихъ противорѣчія ученію Св. Писанія, Посошковъ пришелъ къ тому убѣжденію, что они не понимаютъ и не знаютъ слова Божія, что «читая библію не знаютъ, что въ ней написано». «Мартинъ въ Евангеліе смотрѣлъ, да знатно дѣло, что зажмурился онъ читалъ» и потому «не на ту дорогу улучилъ» (л. 181 об., 226 об.). «Слышимъ мы о васъ, — обращается Посошковъ къ еретикамъ, — что и у васъ книги есть, а чудно, что ничего въ нихъ написаннаго не видите, развѣ лежатъ они у васъ подъ лавкою, а вы на тѣхъ лавкахъ сѣдя, вмѣсто книгъ на вѣтеръ зря разсуждаете». «По всему явѣ есть, яко вы библію токмо именовъ какъ назвать знаете, а что въ ней написано, ничего того не знаете и что ни дѣете, то все бредите. Явѣ есть, яко межъ строкъ читаете и на *хер* (*ἀήρ*) смотря разсуждаете». Вслѣдствіе «гибели ума и отъ земнаго мудрованія», лютеране, хотя, съ общиною гордостію, и «мятъ себя быти мудры и сказуютъ о себѣ, яко они всѣхъ вѣрѣ правѣ», однако, на самомъ дѣлѣ, впали «во всеовершенное безуміе», явились всецѣло объюродѣвшими и своею борьбою на истинное христіанство унизились хуже «зловѣрныхъ жидовъ», за свою хулу на Духа Святаго и Богоматерь стали «худши басурмановъ» (л. 200, 229, 187 об., 180, 194 об., 197).

Но особенно возмущало Посошкова нравственное паденіе, къ которому быстро приблизились лютеране, шествуя «широкимъ, легкостнымъ путемъ свободы». Набожному русскому человѣку казалось самою высшею степенію безнравственности и развращенія пренебреженіе къ церковнымъ обрядамъ, заявленное лютеранами. Посошковъ преимущественно останавливается на этихъ практическихъ отступленіяхъ лютеранъ и объясняетъ ихъ самыми низкими, чувственными инстинктами человѣческой природы. Постоянно Посошковъ обращаетъ вниманіе на безнравственность самого Лютера, стараясь всю его извѣную православію вывести изъ сластолюбія: «Люторъ ради сквернаго блуда, стыдъ свой прикрывая, всѣ древніе законы переломалъ, дабы не зазорно было ему жить въ мірѣ семъ», сдѣлался «явный измѣнникъ Христовъ, ни чимъ же лучше Иуды Искаріотскаго, но еще горши: погубя свое христіанство, не раскаялся, но еще зло къ злу приложилъ... яко скифъ или жидовинъ церковныя сокровища пограбилъ, пресвитеровъ побилъ» и пр. Божія благодать отылась отъ него

за гордость и яко діаволь во тьму претворися, въ скверное житіе ввалися» (л. 199 об., 167 об., 181 об. = Зав. от. стр. 158 и друг.). Обращая вниманіе на жизнь лютеранъ, Посошковъ находилъ полнѣйшее несоотвѣтствіе ея съ идеаломъ христіанской жизни, совершенный разладъ въ дѣлахъ съ словами, въ поступкахъ съ евангельскими требованіями, и это даже въ тѣхъ людяхъ, которые смѣли называть себя «евангеликами»: «они токмо единими усты святое Евангеліе чтутъ, а сердцемъ и дѣлами своими вельми далече отстоятъ отъ него» (л. 166). Часто и въ разныхъ сочиненіяхъ Посошковъ говоритъ отдѣльно о нѣкоторыхъ обрядовыхъ отступленіяхъ лютеранскихъ, которыя въ глазахъ его становятся явнымъ знакомъ полного упадка у нихъ христіанскаго благочестія, а въ своемъ источникѣ связываются съ «послабою» лютеранскаго ученія. Такъ онъ останавливается на томъ напр., что лютеране, обыкновенно нерефлексивно вѣя правила «по своимъ прихотямъ», «яко свиньи, ничего въ грѣхъ не ставятъ, дней не разбираютъ, все у нихъ безгрѣшно, въ страшные дни женятся и посягаютъ, ... наядшиися, напившиися и табакъ натянувши, къ причастію приступаютъ», не исполняютъ законныхъ омовеній, а «яко скоть, въ плотской сквернѣ ходять», не соблюдаютъ постовъ, «яко безсловесный скоть или яко мордва, закона не имущая, по вся дни мясо ядятъ» и пр. (л. 171 = Кн. о ск. и бог. стр. 135; Рожн. дух. возраж. 25; Зав. от. стр. 167, 94, 168; Зерц. л. 189, 220, 208 об.). Между прочимъ, Посошковъ, какъ строгій буквализмъ въ церковныхъ правилахъ, упрекаетъ лютеранъ за то, что они запрещенную «кровь скотскую своимъ глубоко буйнымъ разумомъ присудили ясти, для смаку во всякія своя яди кровь влагаютъ и ядятъ въ сладость, ... ово начиня кишки ядятъ, нарицающе ихъ колбасами» (л. 220 об., 189 = Зав. от. стр. 35). Вѣрхомъ нечестія и развращенія лютеранъ представляется Посошкову поведеніе ихъ на молитвѣ. Въ угоду своей изнѣженной плоти и «отъ превысокія своея гордости», лютеране, какъ въ жидовскихъ совмищахъ, молятся сидя, «въ кирки своя вшедъ, въ шапкахъ, въ шляпахъ и въ парухахъ, сѣдши въ кресла, слушаютъ своя обѣдни, сѣдятъ яко на торжищи или яко въ корчемницѣ», творя тѣмъ «не моленіе, но поруганіе Богу». «Тако возгордѣша и облѣнишася, еже не хоцуть ни мало тѣла своего потрудити, или бы его, ради спасенія своего, удручити, и ради Бога не хоцуть и единого своего члена двигнути». «Отъ великія лѣности истинный поклонъ оставили и хоцуть

поклоны отправляти единимъ токмо помышленіемъ», которые «пользовати чловѣка не могутъ», въ которыхъ «токмо едина блазнь». Лютеръ, «отъ своея презлишнїя лѣности, издалъ новый, отъ вѣка неслыханный поклонъ, еже токмо на умѣ о поклонѣ помыслить и то помышленіе за истинный поклонъ повелѣлъ вѣнчати» (л. 182 об. — Зав. от. стр. 96, 99, 150; Зерц. 180 об. — Рожн. дух. возраж. 26). Опровергая этоть пунктъ ученїя лютеранъ, Посошковъ между прочимъ остроумно уподобляетъ умственные поклоны ихъ тому, «аще кїи чловѣкъ отъ мраза озлбнетъ и помыслить о теплотѣ, то и безъ тепла хранины согрѣтся», или «аще кто отъ глада о пици помыслить и не яди сътъ будетъ» (л. 177 об., 178) и т. п. Наконецъ, Посошковъ вообще замѣчаетъ преобладаніе чувственности въ лютеранахъ сравнительно съ русскимъ народомъ, въ ту пору еще не перенявшимъ и не знавшимъ вкуса въ комфортѣ европейской жизни. «Люторове ни о чесомъ тако не пекутся, яко о собранїи богатства и славы міра сего. Суетамъ міра сего прележать. По всему своему бытію, вси они свѣта сего люди, а не грядущаго». «Вси вкупѣ уклонишася, кон въ украшеніе домовое и во всякое вещьлюбїе, инїи въ сластолюбїе и лакометво и въ неправедныя прибытки, дны же въ блюдолюбїе несытное». «Всѣ великое въ ризахъ и въ пицѣхъ презлишество имѣють, со излишними украшенїи. И то, стало бытъ, житїе ихъ не евангельское, но свѣтское; они пьютъ и ядятъ съ музыками и со всякимъ веселїемъ жизнь провождаютъ», «скача и играя внити въ царство небесное» надѣются; спятъ на мирскихъ постеляхъ, носятъ «златотканныя одежды», надѣвають «парики сеплетенныя и пудромъ напудренныя»; «благовонїа ради, нюханїа при себѣ носить и женамъ своимъ сочиня ароматикки, ради нюханїа повелевають носить»; упражняются во «французскихъ танцахъ», услаждаются «музыками, скрипичами» и пр. и пр. (л. 211, 206 об., 190, 226, 234, Зав. от. 160 и др.)¹⁾. Поричая эту роскошную, веселую жизнь, Посошковъ видитъ въ ней прямое уклоненїе отъ идеала евангельской жизни, ближайшїй поводъ къ нарушенїю всяческихъ уставовъ церкви и правилъ вѣры. «Вмѣсто бдѣнїа церковнаго, люторане бдѣнїа чинятъ на вечеринкахъ и вмѣсто бдѣннаго труда, предъ Богомъ сущаго, трудятся въ танцахъ и въ скаканїи, и тако въ ноци утрудившїся, спятъ даже до

¹⁾ На заразительный примѣръ «сизлишества и распутства» нѣмцевъ жаловался и Крижавичъ. — Рус. гос. въ пол. XVII в. т. II стр. 152.

обѣда: таковое ихъ житіе стало бытъ не евангельское, но языческое» (л. 206 об.).

Роскошь и изыѣженная, «слабая» жизнь лютеранъ, со всякими сластями міра сего, даетъ Посошкову основаніе предполагать въ ней также одно изъ условій, содѣйствовавшихъ умственноу растлѣнію еретиковъ. Находя ихъ вообще умственно повредившимися, духовно больными, Посошковъ не безъ ироніи обращается къ нимъ: «кто не посянется вашему безумію? гдѣ вы свой разумъ подѣвали: на ренскомъ ли его прощили, или предали, на картахъ ли его проиграли, или на тавцахъ ходя растеряли?! Явѣ есть, яко со сладостными брашны и со украшенными потравами и разумъ свой весь съѣли» (л. 191 об., 197, 230, 228; Зав. от. стр. 97). Въ то же время Посошковъ отлично сознавалъ, вслѣдъ за Яворскимъ, что слабость ученія Лютера, потворство чувственности и санкція личнаго произвола преимущественно и привлекають къ нему послѣдователей, служатъ залогомъ силы и живучести ереси. Уже при самомъ возникновеніи ея, по ижѣнію Посошкова, Лютеръ рассчитывалъ на эту слабую струну въ человѣческомъ существѣ и, устанавливая правила «легкостныя», прямо дѣйствовалъ на «сластолюбцевъ», пріусваивалъ себѣ «роскошнелюбивый народъ». «Разстрига Мартинъ Лютый предложилъ предъ очи сластолюбцевъ нѣвія главы евангельскія, яко медь сладкій, внутрь же тѣхъ евангельскихъ словесъ сокреплъ лютын свой ядъ, т. е. погубительное толкованіе. И по истинѣ онъ *Люторомъ* славяше, ибо лютую ересь предъ народъ сластолюбивый всѣя... Люди, кіи возненавидѣли воздержное житіе, возлюбили слабое ученіе Мартиново. Сластолюбцы, яко безсловесные птенцы врановы, розжиувъ ротъ, слушаютъ и развращенная словеса въ сладость пріемлютъ» и пр. (л. 165, 168 об., 170 об., 218 и др.; Зав. от. 162 с. и др.).

Кромѣ нравственной распущенности, проявляющейся въ жизни лютеранъ, Посошковъ еще съ большею энергіею обличаетъ отсутствіе въ нихъ всякихъ моральныхъ принциповъ въ человѣческихъ сношеніяхъ, особенно въ сношеніяхъ съ чужеземцами. Нѣтъ сомнѣній, что въ данномъ случаѣ въ Посошковѣ говоритъ уже не столько религіозное чувство, сколько оскорбленный патріотизмъ, при живыхъ воспоминаніяхъ о страшныхъ насиліяхъ и несправедливостяхъ, которыя вытерпѣлъ русскій народъ въ прежнее время и отъ которыхъ еще не освободился вполне и во время Посошкова. Онъ вооружается здѣсь противъ тѣхъ же обмановъ, безчест-

ности иностранцевъ, противъ которыхъ ратовалъ еще и Крижаничъ. Рассматривая сношенія съ инновѣрцами исключительно съ политико-экономической точки зрѣнія, Крижаничъ пришелъ уже къ выводамъ самымъ не лестнымъ для нравственной репутаціи иностранцевъ. «О государь! — обращался онъ въ своей Политикѣ, — во вѣки вѣчные не вѣруй инороднику, еже бы какую корысть онъ принесъ. Нещадно насъ инородцы перехитряютъ и обманываютъ, землю нашу пустошатъ и разоряютъ, все наше благо и имѣніе выгребаютъ... Со стороны нѣмцевъ всегда нужно бояться клятвенпреступленія» и пр. (Рус. гос. въ пол. XVII в. т. I, стр. 4, 8, 155; т. II, стр. 82, 83). Съ жалобами Посошкова на несправедливости иноземцевъ въ торговыхъ оборотахъ мы уже знакомы по Книгѣ о скудости и богатствѣ; но стоитъ обратить вниманіе также на характерныя выраженія объ иностранцахъ въ главѣ объ иконоборцахъ и въ другихъ сочиненіяхъ Посошкова. Напримѣръ въ Отческомъ завѣщаніи онъ пишетъ: «иноземцы насъ обманываютъ да деньги выманиваютъ, а правды намъ никогда не скажутъ» и пр. (стр. 57). Гораздо рѣзче и подробнѣе высказывается Посошковъ въ главѣ о иконоборцахъ; съ особеннымъ негодованіемъ обличаетъ онъ здѣсь отсутствіе моральныхъ началъ въ отношеніи иностранцевъ къ русскимъ людямъ. Вотъ напр. цѣлая рѣчь Посошкова противъ недобросовѣстнаго поведенія ихъ въ Россіи, не безынтересная въ томъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи, что она раскрываетъ предъ нами господствующее въ народѣ рускомъ мнѣніе объ иностранцахъ и объясняетъ народное недовольство и протесты противъ усиленія въ Россіи иноземческаго вліянія, иностраннаго элемента. Таковы были учителя, просвѣтителы и руководители, приставленные Петромъ Великимъ къ русскому народу, въ глазахъ сего послѣдняго: «Нѣсть въ нихъ не токмо евангельскія, но ниже христіанскія правды. Они того и въ грѣхъ не вѣдятъ, еже насъ обманываютъ и деньги выманиваютъ; они еще то и въ премудрость себѣ поставляютъ, еже кого въ чемъ торговомъ или воинскомъ дѣлѣ обмануть. Къ сему же еще и добра они мало помнятъ... Развѣ въ нихъ сотнй человекъ сыщется добрый, еже бы вѣрить мочно и ежебъ намъ Россіянамъ радѣлъ отъ всея души, или бы добродѣтель, ему сдѣланную, памятовалъ. Истинно, татарове, аще и магометанскую вѣру держатъ, обаче правды въ нихъ большы, нежели у лютеранъ обрѣтается, ибо и малую добродѣтель памятствуютъ. Азъ не могу къ лютеранамъ и прочимъ нѣмецкимъ народамъ примѣни-

тиса, что они добра отнюдь не помнят; худши бо скота они, понеже скоть, аще и безсловесенъ, обаче помнитъ, кто его кормитъ, а они подобни токмо волкамъ: волка колико не корми, а онъ къ лѣсу смотритъ. Тако и сіи народи намъ не надежны суть; что они добро не творять, то все единовѣрцамъ своимъ и единоплеменнымъ наравать» и т. д. (л. 207 об., 208).

Осмотрѣвши лютеранъ со всѣхъ сторонъ, обследовавши всѣ «растлѣнные и неплодные» пункты ихъ заблужденій, Пососшковъ, со свойственною старымъ людямъ серьезностію и рѣзкостію, обыкновенно, заканчиваетъ: «откуда на васъ ни посмотришь, уподобилися вы уроду», «по образу является яко человѣцы, а рассужденіе ваше внѣ человѣча разума», «нѣсть въ васъ человѣча разума, но токмо безсловеснаго скота», «нарицаетеся люди разумны, а дѣлаете безумно», «самое рассужденіе ваше свинское», «бродите вы въ своей вѣрѣ яко скоть, не имущій пастыря» и т. п. (л. 202 об., 233, 201 об., 196, 222 и пр.). Собственная искренность Пососшкова, непоколебимая сила его убѣжденія и радостное, возвышающее духъ сознание обладанія истинною дають Пососшкову право смотрѣть на лютеранъ, такъ сказать, свысока, какъ на людей неразумныхъ, ошибающихся, жалкихъ, и оправдываютъ въ сочиненіяхъ Пососшкова часто встрѣчающіяся довольно наивныя рассужденія. Такъ напр. немалый источникъ удивленія доставляетъ Пососшкову то безстыдство лютеранъ, что они «отъ своего буйства», да еще насъ же православныхъ «буими нарицають»; «паче всего дивно, еже насъ зазирають и пререкують; въ своей гордости «о смиреніи и слышать не хоташа, аще и смиренныхъ дураками нарицають»; «самѣхъ нѣтъ хуже», а они еще «насъ всѣхъ ничтожатъ», «не осмотра себя, да насъ порицають»; презирая иконы, они «насъ же порокують и идолопоклонственниками нарицають» и пр. (л. 204, 203, 200, 227, 208, 234, 231 и др.). Впрочемъ, Пососшковъ совершенно основательно, съ своей точки зрѣнія, объясняетъ эти странныя явленія: «природные уроды — говоритъ онъ — никогда себя безумными не нарицають, но прочихъ всѣхъ дураками называютъ; такъ и Лютеране, сами обезумившиися... указуютъ на насъ» (л. 234 об.).

Опровергая по возможности всѣ догматическія и преимущественно обрядовыя уклоненія лютеранъ, Пососшковъ дѣйствуетъ на основаніи тѣхъ же средствъ и при помощи тѣхъ же приемовъ, которыми пользовался въ поле-

живѣ съ расколѣмъ. Обличая частныя пункты лютеранскаго богословія и обрядовъ, Посожковъ, обыкновенно, разсматриваетъ предметъ всесторонне и выставляетъ всю силу православныхъ аргументовъ противъ нихъ, такъ что является очевидною обширная начитанность Посожкова въ обличительной богословской литературѣ. Такъ напр., онъ подробно развиваетъ православнохристіанское ученіе о пастыряхъ истинныхъ, чтобы изобличить лжеучительство Лютера и другихъ; говоритъ подробно о трудности пути, вводящаго въ царство небесное, вопреки «легкостному ученію лютеранскому»; съ особенною силою и настойчивостію распространяется о необходимости иконопочитаія, о важности и обязательности постовъ, указывая при этомъ ихъ историческое происхожденіе и христіанское назначеніе. Желая разочаровать лютеранъ въ личности ихъ вождя, Посожковъ неоднократно говоритъ о немъ, передаетъ частныя факты изъ его жизни, компрометирующіе его нравственную добродѣтельность. Усматривая же въ лютеранствѣ извращеніе чистаго евангельскаго ученія, Посожковъ увѣщаваетъ лютеранъ обратиться къ Евангелію, какъ непререкаемому источнику христіанскаго вѣдѣнія и непреложному уставу истинно христіанской жизни. «Молю васъ, прочтите вы Библію, ... вникните и разсудите хорошенько»; «прочтите Писаніе подлинникомъ и съ совершеннымъ вниманіемъ, и вся глаголы, въ немъ сущіе, разсмотрѣте въ тонкость, да тогда ужъ и въ толкованіе вступайте, а на вѣтеръ глядя нечего много разсуждать». Прочтите (такую-то главу) подлинникомъ, а не перечнемъ и не борзая, и тамо ясно узрите»... «Воззрите вы. (въ такую-то книгу) съ истиннымъ вниманіемъ» и «тамо узрите ясно» и т. п. Повѣрьте богодухновеннымъ писателямъ, потому что они «смыслили побольше вашего Мартина» (л. 201, 191, 185 и пр.).

Вслѣдствіе же перетолкованія и извращенія смысла нѣкоторыхъ мѣстъ Священнаго Писанія лютеранами, для которыхъ, по живописному выраженію Посожкова, «якоже слѣпому злато за блато виѣняется, тако и ясное писаніе тьмою ся кажетъ», Посожковъ требуетъ добросовѣстнаго, трезваго осмысленія текстовъ, раскрытія ихъ истиннаго значенія, согласно со всемъ евангельскимъ ученіемъ. Онъ рѣзко порицаетъ лютеранъ, которые пользовались отрывочными евангельскими выраженіями и вслѣдъ за самимъ Лютеромъ, изъ всего Евангелія «ханавшимъ токмо единныя словеса», то же, обыкновенно, въ единичныхъ фразахъ «ощупывали» себѣ оправданіе, «минуя все, за одно слово хватились» (л. 204 об.; Зав.

от. 33 стр. и др.). Приводя напр. опорный пункт иконоборцевъ — извѣстная слова: не сотвори себѣ кумира, Посошковъ требуетъ: «вы то слово первѣе осмотрите съ прилежаніемъ, *какихъ* подобій не велѣлъ Богъ строить, *чего ради* ихъ нестроить, да тогда св. иконы и порочьте» и пр. (л. 191). Посошкову удается иногда поддѣлать даже нарушение лютеранами и ихъ ученія, а потому онъ отсылаетъ ихъ «посмотрѣть въ люторскихъ своихъ книгахъ»; но представляя лютеранъ беззащитными, неосновательными, даже и съ этой стороны, Посошковъ заключаетъ: «аще и тамо не обращете (себѣ подтвержденія), то что вы возглаголете? — явѣ есть, яко лучши вамъ молчати и усть своихъ противъ православныхъ христіанъ не отверзати» (л. 202 об.).

Въ ряду прочихъ средствъ и усилій убѣжденія, Посошковъ и здѣсь, какъ въ полемикѣ съ раскольниками, пытается дѣйствовать угрозами наказанія и обѣтованіемъ прощенія. Съ одной стороны онъ пугаетъ со-вратившихся въ лютеранство «сугубымъ наказаніемъ», потому что ихъ грѣхъ уже объявленный, обличенный, стало быть грѣхъ вѣдѣній, «грѣхъ сугубый — и проклятіе (влечетъ) сугубое же» (л. 167). Съ другой стороны, Посошковъ привлекаетъ отпадшихъ снова въ лоно любвеобильной матери Св. Церкви, обѣщая ей матерински-милосердное всепрощеніе покаившимся чадамъ. «Егда образумитесь и на покаяніе прїидете, то отъ всѣхъ тѣхъ люторскихъ богопротивныхъ дѣлъ, во адъ низводящихъ, будете свободни... и съ самимъ Господомъ Богомъ будете во царствїи Его небесномъ и во обществѣ со святыми рабы Божиими въ нескончаемые вѣки вѣковъ веселитися. Аминь» (л. 234).

Говоря о полемикѣ Посошкова противъ иновѣрцевъ, нельзя также не упомянуть о нѣкоторыхъ приемахъ его увѣщаній, бросающихся въ глаза своею оригинальностію. Посошковъ неоднократно свидѣтельствуетъ, что онъ имѣлъ въ виду простыхъ, неученныхъ читателей, для которыхъ писалъ просто; съ этой цѣлю онъ «предлагалъ самыя поемныя дѣла, еже не токмо высокоумные люди (каковыми называютъ себя лютеране), но и самыя поселяне могли явно разумѣти» (л. 233 об.). Отсюда и многія изъ увѣщаній Посошкова запечатлены неподдѣльнымъ простонароднымъ характеромъ, пропитаны иногда народнымъ юморомъ, выражены простымъ русскимъ языкомъ, переполнены сравненіями и уподобленіями изъ области, дѣйствительно, самыхъ «удопоемныхъ» предметовъ. Такъ напр. въ разсужденіи объ опрѣснокѣхъ, отставяемыхъ лютеранами на

томъ основаніи, что и опрѣснокъ суть такой же хлѣбъ, что существенной разницы между имъ и кислымъ хлѣбомъ нѣтъ, Посошковъ глубоко-мысленно и серьезно доказываетъ, что для чего же нибудь да существуетъ «разное званіе: ово папошникъ, ово валенецъ, ово коровай, ово калачъ, ово сайка, ово кренга, ово витушки, ово баранки». «Аще и едино кислое тѣсто, а разнымъ состроемъ состроенное пріемлетъ себѣ разное названіе, яко же и во всемъ мірѣ дѣется: егда то кислое тѣсто большимъ короваемъ испечено будетъ, то нарицають хлѣбомъ, а егда сваявъ маленькимъ коровашечкомъ испечено будетъ, то наричють колобомъ, индѣ же нарицають ихъ басманами; егда же тое тѣсто разсучать потонѣе, то нарицають лепешками; а егда ту лепешку «согнуть» испекуть, то наричють овне сгибнемъ, овне же маконькимъ, инія-жъ шашлыкомъ. Егда же тое кислое тѣсто, растворя поуже и изливъ на сковороду, испекуть, то уже нарицають блинами, а не хлѣбомъ. А вы, — обращается Посошковъ къ лютеранамъ, — опрѣснокъ называете хлѣбомъ, не можете опрѣснокъ съ кислымъ хлѣбомъ разобрать!» и т. д. (л. 206, 188 об.). Обличая безнравственную, распущенную жизнь лютеранъ, Посошковъ, со свойственною старымъ обличителямъ рѣзкостью и съ обычнымъ у Посошкова одушевленіемъ, проводитъ параллель между ними и истинными послѣдователями апостольскими: «святіи апостольстїи прееницы жить по вашему не умѣли, но трудились до поту лица своего, молились до утружденія, постились съ великимъ алканіемъ; вмѣсто хлѣба ядоша быліе, вмѣсто ренскаго шили воду мутную; вмѣсто золотканныхъ одеждъ носили многошвенныя рубища; вмѣсто постель пуховыхъ спали на голой землѣ; вмѣсто свѣтлыхъ свѣтлицъ жили въ темныхъ вертепахъ; вмѣсто французскихъ танцевъ во всеобщихъ бдѣніяхъ нощи провождали; вмѣсто множества пѣнязой премножество вшей имѣли; вмѣсто твердыхъ хранинъ на дожди и на снѣгу безъ покровъ пребывали; вмѣсто музыкъ и веселія, и о малыхъ своихъ грѣсѣхъ день и ноць плакали» (л. 226) и пр. Нѣкоторыя изъ увѣщаній и обращеній Посошкова къ иновѣрцамъ поражаютъ своею наивностію. Такъ напр. онъ упрекаетъ совратившихся въ лютеранство за то, что они предъ своимъ соvrращеніемъ *не спросились* благочестивыхъ христіанъ (л. 231). Обличая иконоборцевъ, Посошковъ требуетъ, чтобы они, въ доказательство своей правоты, сотворили чудо: «вшеде во святую церковь, крикните силою люторскою и во органы со скрышицами възграйте, вопіюще на св. иконы,

дабы онѣ пали на землю и разбились во прахъ» (л. 234). Точно также доказывая святость креста, Посошковъ предлагаетъ, для увѣренія въ этомъ порицающихъ крестъ, «искусити видимымъ дѣломъ», т. е. ни болѣе ни менѣе, какъ «поймать демона и возложить на него крестъ», чтобы видѣть, какое дѣйствіе произведетъ на него эта операція. И Посошковъ совершенно серьезно увѣряетъ, что «сотрясется, не утерпитъ, побѣгнетъ» (л. 203 об.).

Доказывая необходимость почитанія святыхъ угодниковъ и св. иконъ фактомъ чудесъ, совершаемыхъ ими, Посошковъ, между прочимъ, повѣствуетъ о нѣкоторыхъ чудесныхъ явленіяхъ, совершившихся на его памяти и частію даже на немъ самомъ. Разказы эти представляются не безъ интересными въ литературномъ отношеніи, а потому мы выписываемъ ихъ здѣсь. «Нѣкогда азъ, еще въ малыхъ лѣтахъ сущъ», разказываетъ Посошковъ, «одержимъ быхъ трясовичною лютою болѣзнію, яко не чаяли и живу ми быти, понеже марта съ 25 дня одержимъ ею быхъ даже до августа мѣсяца. И аще и вельми болѣиъ бѣхъ, обаче родители мои дерзнуша мя взети къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь. И егда тамо быхомъ, въ день Успенія Пресвятыя Богородицы взя мя отецъ къ литургіи и съ великимъ трудомъ поддержимъ быхъ, едва до херувимскія пѣсни достояхъ. Во время же херувимской пѣсни взя мя жаръ великъ и отецъ мой изведъ мя изъ церкви положилъ за алтаремъ на камени, и егда жаръ той отыде, востахъ и начахъ ясти и пити, и къ Москвѣ уже не на одрѣ мя повезоша, но на конѣ сѣдя, верхомъ поѣхаль. Тако бо Святыхъ Божиихъ молитвами споспѣшествуеми!» (л. 214 об.). Въ подтвержденіе чудотворной силы иконъ, Посошковъ, кромѣ ссылки на «многоя неисчислима чудеса, отъ святыхъ иконъ содѣвавшаяся» и уже записанныя, приводитъ разказъ о чудесныхъ случаяхъ, совершившихся въ его время. Ни въ малѣйшей степени не заподозривая вѣру Посошкова въ истинность чудесъ, имъ разказанныхъ, и не сомнѣваясь въ ихъ подлинности, нельзя однако не усмотрѣть нѣсколько тенденціозный подборъ ихъ, соответствующій цѣлямъ полемики именно съ лютеранствомъ. Въ одномъ разказывается, какъ лютеранинъ по повелѣнію Богородицы крестился въ «русское крещеніе», а во второмъ — какъ двѣ лютеранки наказаны были за непочтеніе къ иконамъ.

«Былъ нѣкто на Москвѣ иноземець люторскаго зловѣрія, чиномъ аптекаръ; и будучи въ Кіевѣ, впаде въ болѣзнь смертную и самъ въ себѣ

можна, яко къ смерти болятъ. И се въ сонномъ видѣніи явился ему образъ Пресв. Богородицы, иже тамо надъ враты градными поставленъ быше, и отъ того образа слышашеся ему гласъ, къ нему глаголющъ, по имени зывающъ: аще ты крестишися въ христіанскую вѣру, то не умреши. Онъ же рече: азъ, Святая Мати Божія, крещенъ есмь и къ Тебѣ, Пресвятѣй Богородицѣ, вѣру имѣю. И отъ того образа бысть гласъ вторицею: Азъ вѣмъ, яко крещенъ еси, еже и Меня чтиши, того бо ради и явихтися да будетъ не тѣа вѣра твоя, еже ко Мнѣ имаша. Обаче глаголю ти, аще не крестишися въ *русское крещеніе*, то отъ одра сего не имаша встати. И той аптекаръ обѣщася креститися. И аще во снѣ обѣщася, обаче и явѣ бысть здоровъ и не по многѣ времени поѣхалъ къ Москвѣ, и пріѣхавъ, повелѣніе Богородично и свое обѣщаніе забы, живяше по прежнему въ люторской вѣрѣ. Егда же бысть Великаго Государя Царя Петра Алексіевича походъ къ Архангельскому городу и той аптекаръ по наряду былъ съ нимъ, Государемъ, съ аптекарскими припасы. И будучи тамо, впаде въ тую-жъ болѣзнь, ею же въ Кіевѣ болѣзновалъ. И тогда той аптекаръ позна свой грѣхъ и обѣщаніе, и воспомяну глаголь Пресвѣтыя Богородицы, отъ свѣтыя ея иконы къ нему бывшій, — нача просити свѣтаго крещенія восточныя церкви. Прочіе-жъ тамо бывшіе лютеране начаша ему претити и Великому Государю доносить, яко бы онъ отъ великія болѣзни умомъ повредился и просить крещенія внѣ своего ума. Онъ же крѣпяшеся и неумолкая крещенія російскаго прошаша и глаголаше дабы такъ не умрети. И Великій Государь послалъ къ нему ближняго своего боярина князя Бориса Алексіевича Голицына. И повелѣ ему освидѣтельствовати, въ цѣломъ ли онъ умѣ російскаго крещенія просить. И по свидѣтельству явился онъ въ разумѣ цѣлъ и просить крещенія отъ истиннаго своего намѣренія, вса бывшая о себѣ повѣдая ему по ряду. И Великій Государь, то увѣдавъ, повелѣлъ его крестити, и бысть отъ свѣтыя купели воспріемникомъ вышеупомянутый бояринъ Борисъ Алексіевичъ. Въ крещеніи наречено бысть ему имя Антонъ. И по крещеніи той аптекаръ бысть здоровъ, якоже и первее. И егда онъ пріѣхалъ къ Москвѣ, то всѣ лютеране вознегодоваша на него и ругаху его. И онъ, видя руганіе великое, преселися изъ нѣмецкія слободы въ огородную слободу, въ близъ церкви Харитона Исповѣдника и довольная лѣто во благочестіи поживъ, скончася въ православнѣ.

«Еще же и во очесѣхъ нашихъ въ прешедшемъ 707 году содѣяся чудо сицевое, еже и нашими очесы видѣно бысть:

«Изъ села Краснаго несену бывшу образу Пресвятныя Богородицы, нарицаемому Тихвинскаго преводу, за Язу рѣку, въ домъ Никиты Мокеева; и егда той образъ людѣ несоша подлѣ житнаго двора, иже за Мясницкими вороты, клирики же идуще пояху пѣнь пресвятѣй Богородицѣ: стылу постиже карета иноземская и въ ней сѣдяху двѣ иноземки лютерскаго зловѣрія; возница же у нихъ былъ россійскаго благочестія. И егда ту святую икону узрѣ; опяся той возница и коней поодержа, дабы пропустить ту св. икону прежде себя, понеже въ то время бысть вельми сухо и отъ коней и отъ колесницы пыль велія подымашеся. Сидящія же въ той каретѣ иноземки безстудно на возницу свою возопиша, рекуще, какая-де диковина, что икону несутъ, — поѣзжай мимо! О ле чудесе! ибо во время объѣзжанія ихъ, на ровномъ мѣстѣ, егда изравнишася противу того образа, хотяще миновати: се внѣзпачу невидимую силою Божию подъяся та ихъ карета, яко на рукахъ подъятая и обратися взнакъ и съ ними вкупѣ. И тѣ иноземки разбишася даже до крове и карета ихъ сокрушися, а возницу откинуло въ сторону и бысть не врежденъ» (л. 216 об. и 217).

Исходя изъ воззрѣній на лютеранъ, какъ на людей помраченныхъ, ошибавшихся въ томъ, чего только «поврежденные умомъ познати не могутъ»; Пососшковъ постоянно старается ввести ихъ въ сознание своей ошибки, заставляеть одуматься, освободиться отъ того умственнаго затѣвнѣя, въ которомъ они находятся, страхнуть съ себя тяготѣющій на нихъ умственный кошмаръ. «Вберите въ головы своя разумъ», «возьмите умъ свой въ голову и рассмотрите», «осмотритесь вы прилеженно, высокомыслие свое отриньте, время бо вамъ высокомыслие свое оставити и воспріяти древнее смиреніе простотное»: «Всячески годствуетъ нынѣ покаяться, дондеже овна зрѣнія нашего не затворилися. О горе, горе тѣмъ, иже вѣдая согрѣшаютъ». «Господа ради, нынѣ о Мартинѣ и о себѣ рассмотрите и прожените его, яко врага и губителя своего и приобщитесь святныя восточныя церкви» и пр. пр. (л. 218 об., 235, 225 об., 236, 231). Пососшковъ рѣшительно теряетъ въ изысканіи средствъ спасти добровольно гибнущихъ, не находитъ словъ, которыми бы можно было разубѣдить ихъ; онъ готовъ бы силою, искусственно пересадить въ нихъ свои убѣжденія, «втиснуть» въ ихъ головы свои мнѣнія: «вы,

люторстїи наслѣдницы, хотя съ трудомъ втисните вышеписанные глаголы въ разумъ свой». «Не худо вамъ поразмыслить о себѣ, на отцевъ своихъ смотрѣть нечего, понеже вы разумная тварь, а не скоть. Нѣкогда бо свинья поросятица впала въ мельничную трубу и колесомъ сломало ю; а поросята, аще и видѣли, что матку ихъ сломало, не разсудили того, въ тую жь трубу поскакали и тако вси пропали. То ты поросята отъ неразумїя своего сдѣлали, а вы не поросята, можно и порасмотря въ отцовскую погибель бросаться» (л. 204 об., 219).

Обличенїя и суровыя порицанїя лютеранъ часто смѣняются у Посошкова выраженїями сочувствїя къ ихъ положенїю, искренними и задушевными словами сожалѣнїя о нихъ; послѣдовательное и ровное теченїе мыслей прерывается часто болѣе или менѣе посторонними разсужденїями, различными восклицанїями. Напр.: «О бѣдныя, бѣдныя лютеране! какъ вы толь безумно учинили, еже повѣрили Мартину?» «О бѣдныя, бѣдныя высокоумы, кто не подивится вашему безумїю?» «О злыя злобы Мартиновы на Господа нашего! о вражды его прелестныя на Создателя вашего! о и вашего безумїя неизмѣримаго» и пр. (л. 173, 226 об., 170, 229 об.). Постоянно при этомъ Посошковъ высказываетъ свое искреннее сокрушенїе, что лютеране съ самаго начала не сожгли Лютера, что они не прогнали его отъ себя, а приняли «гнилое слово за здравое, злой плодъ за добрый» (л. 202, 203, 219, 220).

Всѣми силами своей вѣрующей души Посошковъ желаетъ остановить лютеранство, усматривая уже въ средѣ его крайнюю степень извращенїя религіознаго чувства въ явленїи атеизма. Посошковъ довольно подробно излагаетъ не безъинтересныя свѣдѣнїя объ основныхъ мнѣнїяхъ тогдашняго атеизма въ томъ видѣ, въ какомъ они носились въ русскомъ народѣ и воспринимались русскими людьми. «Нѣдци изъ васъ уже глаголють и не токмо глаголють, но и стоятъ въ томъ, яко нѣсть на свѣтѣ Бога, но сей свѣтъ самъ о себѣ стоитъ; нѣсть у него ни создателя, ни владѣтеля, но мы-де сами собою и всѣмъ свѣтомъ владѣемъ. И кой-де человѣкъ уменъ, той умно и живетъ, а кой глупъ, тотъ глупо и живетъ. И вси-де человѣцы пока живы, то ихъ и приобрѣтенїе; а егда-де кто умереть, тутъ ему и конецъ весь; и ни царства небеснаго, ни муки вѣчныя, ни воскресенїя мертвыхъ не сказуютъ; но егда-де кто умеръ да сгнилъ, тутъ-де ему и конецъ весь. И всѣхъ христіанъ нарицаютъ безумными: егда-де кой человѣкъ умеръ, то уже-де больше нечего

спрашивать, а они-де отъ безумія своего надѣются по смерти и по сгнитіи плоти паки возстати. Да сказуютъ-де Бога быти, да аггеловъ, да бѣсей сказуютъ, да будто инымъ будетъ по смерти царство небесное—лучши здѣшняго, а инымъ будто будетъ мука безконечная,—злѣе здѣшнихъ мукъ. Яко-де челоувѣкъ бредитъ во снѣ, подобно-де тому нарицаеміи христіане бредятъ. То-де издали волочаги, обманщики, выманиваючи у богатыхъ людей деньги» и т. д. (л. 222 об.). Нельзя не замѣтить, какъ дики и безумны казались эти атеистическія мнѣнія для искренно, всецѣло вѣрующаго и запертаго для всякихъ сомнѣній ума и сердца русскаго христіанина. Тѣмъ не менѣе, Посошковъ уже предчувствовалъ живучесть этой аномалии челоувѣческаго разсудка и высказалъ замѣчательное предположеніе, постепенно сбывающееся и въ наше время: «вскорѣ или не вскорѣ», онъ сказалъ еретикамъ, «обаче діаволъ намѣреніе свое въ васъ исполнить! вси бо вы, яко кальвиняне, тако и люторане будете въ безбожіи, — куда васъ діаволъ наклонилъ, туда вамъ и придется пасть». «Лихо было діаволу съ мѣста стронуть, а уже когда кого стронетъ, то уже и овладѣетъ имъ... Се уже мнози изъ васъ начали въ безбожіе вступати, а мало по малу и всѣ отеистами будете». «Потому, еже аще кто въ люторство склонится, тотъ уже и въ безбожіе внидетъ и отеистомъ будетъ».—Вси вы отъ діавола пойманы есте первыми паденьми и вельми близки есте и къ послѣдному паденію отеистскому, т. е. къ безбожной ереси, каа въ васъ уже и началась бытъ» (л. 223 об., 192, 237; Зав. от. стр. 157 и пр.). Тѣмъ съ большею заботливостью Посошковъ старается предостеречь православныхъ отъ заразы лютеранства, какъ прямой дороги къ атеизму, и ввести ихъ въ сознаніе всей гибельной опасности этого духовнаго «василиска».

Вопросъ объ отношеніи православныхъ къ лютеранамъ разсмотрѣнъ въ главѣ О иконоборцахъ весьма подробно и составилъ собою содержаніе особыхъ «бесѣдъ къ православнымъ». Сущность содержанія этихъ бесѣдъ формулирована самимъ Посошковымъ въ излюбленной его фразѣ, дѣйствительно, весьма удачной и характерной: «намъ, во православіи сущимъ, подобаетъ твердо стояти, яко столпу, на каменномъ основаніи утвержденному, еже ни на шее ни на мнимое десно шататися: ни въ люторская лжесловія ни въ римская многословія, ни въ раскольничья блядословія» (л. 204 об.). Посошковъ и здѣсь говоритъ о тѣхъ же заблужденіяхъ лютеранскихъ, но обращаетъ свою рѣчь исключительно

къ православнымъ, уже предъ ними выясняя всю очевидность лжи «люторскихъ, и римскихъ лжесловій», предостерегая ихъ отъ возможности уклоненія. «Намъ не подобаесть имъ ревновати, понеже въ нихъ разумъ токмо свѣтскій, а духовнаго разума, ко спасенію ведущаго, и слѣду нѣсть, но вся свѣцкая». «Намъ надобно въ Господнихъ повелѣніяхъ твердымъ быти, а люторовыхъ повелѣній и близъ себя не припускати». «Аще мы съ ними, люторанами, соединительно жити будемъ, то опасно, дабы и намъ отъ нихъ не навькнути и такожде бы не уклонитися» (л. 207 об., 208 об., 212). Въ виду этого, Посошковъ и желалъ бы искренно прекратить, по возможности, всякія сношенія, порвать всякія связи съ иновѣрцами; онъ многократно совѣтуетъ «весьма отъ нихъ бѣгати; вельми блюстися ихъ», «отревати отъ себя», избѣгать всякаго «сообщенія дружескаго» съ ними, чтобъ «дѣламъ ихъ не навькнути». Сыну своему онъ предписываетъ «и единымъ окомъ не воззирати на ихъ люторская блядословія», «не весьма водиться съ ними, дабы каковому ихъ люторскому ученію не прилѣпятся: всегда бо при водѣ обмочишися, а при огнѣ обожжешся, подобне — при добромъ человекѣ добру научишися, а при зломъ злу и навькнеши». «Ты сыне мой, вельми ихъ бойся и о чесомъ они тебѣ ни будутъ разглагольствовати, не вѣрь имъ, понеже вси люторскіе толки богопротивны суть и правому христіанству весьма вредительны. Господа ради ни на каковне толки не сдавайся... съ нечестивыми люторы отнюдь не водись, содружія съ ними никакаго секретнаго не имѣй». Исключеніе Посошковъ допускаетъ только ради какой либо «гражданскія потребности» и то съ ограниченіемъ, — дозволяя только «легкостно знаться» съ ними (Зав. от. стр. 162, 168). Часто Посошковъ не только въ завѣщаніяхъ сыну и наставленіяхъ православнымъ, но и въ обращеніи къ самимъ люторанамъ откровенно заявляетъ, что русскимъ людямъ должно избѣгать ихъ, какъ «людей вредныхъ и крайне опасныхъ». «Россія многонародна есть и не всякъ человекъ Писаніе вѣсть; того ради и содружіе съ вами имѣть не весьма годствуетъ, — всегда бо подлѣ пчелы медъ, а подлѣ жука дермо». «Православнымъ христіаномъ вельми страшно хлѣбосоольство и содружіе съ вами имѣти, дабы въ люторскихъ сѣтяхъ не увязнути». «Намъ вельми надобно отъ васъ блюстися и бѣжати отъ васъ, яко отъ лютаго змія-василиска,... потому, еже кто аще въ люторство склонится, то тотъ уже и въ безбожіе внидетъ и отѣнстомъ будетъ» и пр. (л. 219 об., 237, 223). Мудрено

ли, что напуганному взору Посошкова представлялось въ лютеранствѣ все опаснымъ, разрушительнымъ и не видѣлось уже «ни единыя черты здраваго разсужденія», «ни единыя черты полезнаго житія, которая веда бы въ царство небесное»?! (Зав. от. стр. 165). Даже въ программѣ школьнаго обученія, въ Завѣщаніи сыну, Посошковъ, при перечисленіи языковъ полезныхъ для изученія, допустилъ весьма замѣтный пробѣлъ, единственно объяснимый религиозными опасеніями Посошкова: онъ не помянулъ нѣмецкаго языка, хотя, конечно, былъ убѣжденъ въ политико-экономической важности сближенія русскихъ съ нѣмцами; — опасность заразы религиозной, очевидно, въ этомъ случаѣ пересилила. Между тѣмъ, Посошковъ тутъ же рекомендуетъ даже польскій языкъ безъ сомнѣнія, менѣе нужный, но за то съ своимъ католичествомъ и менѣе пугавшій Посошкова (стр. 55).

При выясненіи взгляда Посошкова на иновѣрцевъ справедливость требуетъ указать другую точку зрѣнія на нихъ, кромѣ очерченной, также не чуждую Посошкову. И крайне подозрительное его отношеніе къ нимъ не могло заслонить въ его глазахъ многое хорошее у нихъ, съ чѣмъ соглашался Посошковъ, что онъ положительно одобрялъ, чему завидовалъ. Это новое доказательство добросовѣстности и безпристрастія Посошкова рѣзко выдѣляетъ его изъ ряда древне-русскихъ книжниковъ и обличителей, обыкновенно не склонныхъ и не способныхъ ни на какія уступки изъ принятаго общаго направленія и руководившихся принципомъ порицать — такъ порицать безусловно, бить — такъ бить до конца. Посошковъ же сумѣлъ сохранить себя отъ увлеченія одною какою либо точкою зрѣнія на предметъ, — онъ слишкомъ рельефно разграничивалъ въ данномъ случаѣ свои взгляды религиозные отъ политико-экономическихъ и не смущался явно противорѣчащими итогами того и другаго, а съ благороднымъ безпристрастіемъ одинаково повѣдалъ въ своихъ сочиненіяхъ эти итоги. Послѣ указанной сейчасъ религиозной точки зрѣнія Посошкова, съ которой онъ не нашелъ въ иновѣрцахъ ни единыя черты здраваго разсужденія, сплошную ложь, считаемъ умѣстнымъ напомнить взглядъ Посошкова на иновѣрцевъ съ политико-экономической точки зрѣнія, гдѣ Посошковъ становится ихъ даже панегиристомъ, гдѣ онъ съ похвалою и завистію указываетъ на доброе гражданское устройство и образцовый экономическій бытъ у нихъ. И въ разсматриваемой главѣ о иконоборцахъ, не смотря на вообще обличительную цѣль ея, Посошковъ, ска-

завши напр. о недобросовѣстности лютеранъ въ отношеніи къ русскимъ, продолжаетъ: «есть слухъ о нихъ, что въ своихъ земляхъ вельми они всякими своими житейскими поступками добры». При этомъ, Посошковъ, на основаніи какихъ-то свѣдѣній, своеобразно объясняетъ, какъ лютеране себѣ «зажили такую славу»: «издревле, до Мартынова бытія, нѣкто былъ у нихъ пришлецъ или и изъ нихъ выродокъ; той уставилъ у нихъ гражданскіе уставы, какъ купеческіе, такъ и художественные, и воинскіе, и судейскіе: и *всѣ житейскіе ихъ уставы вельми добры*, кромѣ вѣры. И тако они у себя по тѣмъ древнимъ уставамъ *добры и разумны* въ своихъ земляхъ» (л. 208). Уже изъ этого одного отрывка видно, что Посошковъ признавалъ за иновѣрцами и нравственными качества: доброту и гражданскія доблести во взаимныхъ отношеніяхъ; кромѣ того, онъ несомнѣнно признаетъ за ними образованіе, довольно высокую степень цивилизаціи. Такъ напр. часто приводя или ихъ показанія о своей научности, или общепринятія названія ихъ мудрыми, истину знающими, Посошковъ нисколько не оспариваетъ этого въ принципѣ, а только еще болѣе удивляется ихъ заблужденію, еще съ болѣею несомнѣнностію убѣждается въ дѣятельномъ участіи діавола, помрачающаго человѣческой умъ, побѣждающаго земныхъ мудрецовъ. Сопоставляя иногда лютеранъ съ нашими раскольниками, Посошковъ, очевидно, самый этотъ фактъ—приравненія ученыхъ людей къ безумнымъ простецамъ—представлялъ уже въ нѣкоторомъ родѣ униженіемъ, оскорбленіемъ первыхъ (л. 177). Такимъ образомъ, несомнѣнно слѣдуетъ и отсюда, что Посошковъ иновѣрцевъ въ интеллигентномъ отношеніи ставилъ неизмѣримо выше, къ ихъ образованности, хотя только земной, свѣтской, вѣтреной, относился все же съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Наконецъ, даже въ разсужденіи о Лютерѣ, какъ ни злобился на него Посошковъ праведнымъ негодованіемъ христіанина за пагубу множества чистыхъ душъ, какъ ни называлъ его «безумнымъ», «объюродѣвшимъ», «всесвѣтнымъ дуракомъ» и т. п., а всетаки на самоѣ то дѣлѣ признавалъ его ученость, образованіе, всетаки соглашался, что діаволъ *къ ученымъ людямъ* и подослалъ *ученаго* попа, не то что къ нашимъ «буинымъ раскольникамъ, для которыхъ было достаточно діаволу» послать своихъ «способниковъ отъ нижнія чреды: малосмысленныхъ пресвитеровъ и чернецевъ, и простыхъ, некнижныхъ мужиковъ». Нѣтъ, «какъ ко Адаму діаволъ не подослалъ ни вола, ни осла, ни вельбуда, но мудрѣйшаго

звѣря, т. е. змія, дабы Адамъ принялъ отъ него совѣтъ его и повѣрилъ бы словамъ его, понеже той звѣрь паче всѣхъ звѣрей разумнѣйшій... тако нинѣ и къ нѣмцамъ подослалъ Мартина Лютора. Избралъ его не изъ земледѣльцевъ простыхъ и ничего незнающихъ мужиковъ, яко вола или осла, но избралъ яко мудраго змія, т. е. *ученаго чело-вѣка, видимаго свѣта мудрованіемъ исполненаго* и священническимъ саномъ почтеннаго» (л. 166, 175).

Сочиненіе Посошкова О иконоборцахъ, какъ и вообще всѣ сочиненія его, со всею отчетливостію отображаетъ въ себѣ личность автора. Тутъ выступаетъ предъ нами тотъ же Посошковъ, — челоувѣкъ не вполнѣ еще очищенныхъ взглядовъ и очищенныхъ понятій, челоувѣкъ, очевидно, не получившій правильнаго образованія и систематической подготовки къ литературному дѣлу. Наряду съ мыслями совершенно правильными, здравыми, навѣянными Посошкову его религіозною равностію и внушенными его крѣпкимъ природнымъ умомъ, встрѣчаются и здѣсь мысли, выдающія невѣжество Посошкова, его незнаніе, понятія и взгляды, не выдерживающіе критики. Словомъ, и здѣсь можно наблюдать обычное у Посошкова смѣшеніе здраваго съ нелѣпнымъ, важнаго съ ничтожнымъ, серьезнаго съ смѣшнымъ, новаго съ старымъ. Такъ напр., Посошковъ энергично порицаетъ лютеранъ за то, что они терпятъ у себя въ городахъ и домахъ изображенія и копіи античныхъ статуй, различныя украшенія живописныя и скульптурныя въ античномъ вкусѣ. Посошковъ находитъ въ этомъ достаточный поводъ обвинять лютеранъ въ идолопоклонствѣ. Въ «сливаніи» статуй Посошковъ видитъ уже почесть, воздаваемую имъ лютеранами, предосудительную любовь, которую оказываютъ иновѣрцы «живымъ богамъ эллинскимъ, поганскимъ идоламъ и небеснымъ знакамъ». Въ видѣльваніи статуй изъ камня, серебра, мѣди и т. п. Посошковъ усматриваетъ намѣреніе лютеранъ *болше* или *менше* почтить того или другого идола; въ поставленіи статуетокъ на люстрахъ, канделябрахъ онъ пресерьезно видитъ «воспаленіе свѣчей въ честь ихъ», приношеніе имъ и пр. «Богъ запретилъ строити подобія солнца, луны и иныхъ тѣмъ подобныхъ знаковъ небесныхъ: Крона, Афродиты, Діа, Ермія и прочихъ, тѣмъ подобныхъ... Люторове же вельми ихъ памятевуютъ и ради незабытныя памяти строятъ ихъ ово отъ дерева, ово же отъ камня, инія жъ и мѣдныхъ сливають и поставляютъ на зданіяхъ и на иныхъ назначенныхъ и честныхъ мѣстахъ». «Образу Вожію не малыя чести отдать не хотите»,

обращается Посошковъ къ лютеранамъ въ другомъ мѣстѣ, «а истинныя поганскіе идолы не стыдятся прославляете, злаго глагола на нихъ не глаголете,.. явное почитаніе отдаете и память имъ незабытную содѣваете, дабы она до скончанія вѣка влеклась. Ибо, егда у васъ какой триумфъ учинится, то вы прославляете эллинскихъ боговъ, т. е. кумировъ ихъ поставяете ко всенародному зрѣнію: Ариса, Ермія, Діа, Афродиту, Крона и иныхъ подобныхъ симъ, ихъ же поганіи почитали». «Почитающе поганскихъ идоловъ, дѣлаете ихъ во всякихъ украшеніяхъ на серебряныхъ сосудѣхъ отъ серебра, а на золотыхъ сосудѣхъ отъ золота содѣваете и поставяете ихъ на верху тѣхъ сосудовъ. Такжеже и во иныхъ украшеніяхъ домовныхъ содѣваете тѣхъ же кумировъ, ово отъ камня, ово же отъ дерева, а лучшія ради ихъ почести содѣваете серебряныхъ и мѣдныхъ, и оловянныхъ, и поставяете въ срединѣ въ паникадилахъ, въ свѣщныхъ мѣстахъ, дабы воспламеніемъ свѣчъ честь имъ и приношеніе отъправлялось. И по сему стало бытъ въ явные и достовѣрные идолопоклонники» (л. 212 об., 231 об.) Такое недостойное поведеніе лютеранъ представлялось Посошкову тѣмъ болѣе возмутительнымъ, что своимъ идолопоклонствомъ они подавали соблазнъ и вводили въ невольныя заблужденія и православныхъ, «попеше у насъ мнози и не разумѣютъ, что идолъ у васъ поставленъ среди свѣщника, и отъ невѣдѣнія, не сокруша того идола, вносятъ тѣ паникадилы въ церкви и вокругъ того идола оставляютъ свѣщами» (л. 232). Видимо, Посошковъ придаетъ этому обстоятельству не малую важность и силится доказать, что со стороны православныхъ это бываетъ только грѣхъ невѣдѣнія; со стороны же лютеранъ такое недоумѣнное обстоятельство представляется Посошкову эхиднымъ «коварствомъ» и злонамѣреннымъ «пронырствомъ». «Но Богъ видитъ», успокоительно замѣчаетъ Посошковъ, «чіе тутъ пронырство... и той възыщется на васъ грѣхъ, а не на насъ. Кто его (идола) соорилъ, тотъ и идолочець есть, а не мы». Вообще же Посошковъ не безъ гордости заявляетъ, что идолы, т. е. статуи и всякія украшенія античныя въ Россіи, у православныхъ, «весьма отвержены суть, еже не токмо во образъ ихъ знать, но и имени ихъ не памятууютъ» (л. 212 об.). Не сомнѣваясь въ справедливости этого показанія, нельзя не замѣтить въ концѣ концовъ, что всѣ эти разсужденія Посошкова о современныхъ «идолахъ» являются нѣсколько наивными. Но они служатъ яснымъ доказательствомъ только того, что Посошковъ

совершенно не был посвященъ въ смыслъ и значеніе нѣкоторыхъ благородныхъ искусствъ, что онъ допустилъ, такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ ни болѣе ни менѣе, какъ только грѣхъ тоже невѣдѣнія. А строго-церковный взглядъ на вещи и крайне ревнивое храненіе неприкосновенной чистоты Христовой религіи, слишкомъ прозрачно выступающіе главною подкладкою всѣхъ этихъ разсужденій Посошкова, еще болѣе останавливаютъ всякую попытку сказать какой либо упрекъ Посошкову. Совершенно въ томъ родѣ и съ тѣмъ же смысломъ представляется напр. разсужденіе Посошкова объ игральныхъ картахъ. Ревнивый блюститель и охранитель христіанскаго благочестія вездѣ и во всемъ безъ исключенія, и крайне подозрительный къ людямъ измѣнившимъ этому благочестію, Посошковъ повидимому совершенно самостоятельно дѣлаетъ новыя открытія, обличавшія, въ его глазахъ, высшую степень развращенія лютеранъ, усиливавшія мѣру ихъ злочестія. Такъ, въ данномъ случаѣ поруганіе надъ всѣмъ христіанствомъ онъ усматриваетъ даже въ простыхъ игральныхъ картахъ, которыя онъ, повидимому, исключительно усвоетъ лютеранамъ. И Посошковъ серьезно пускается въ доказательства своей мысли. Онъ тщательно разсматриваетъ карты и отмѣчаетъ въ нихъ якобы намеренное поруганіе христіанской святыни. Напр., на державѣ короля бубнового онъ усматриваетъ изображеніе «герба Христова», т. е. креста; въ трефовыхъ маркахъ, «вмѣсто желудей дубовыхъ» — крестовидные знаки; въ картахъ «винныя масти», т. е. въ королѣ пиковомъ, угадываетъ почему-то пророка Божія, царя Давида» (л. 232 об.).

Въ характерѣ внѣшняго изложенія разсматриваемаго сочиненія мы должны отмѣтить черту, общую всѣмъ сочиненіямъ Посошкова, его необыкновенную простоту, общедоступность. Не смотря на то, что Посошковъ въ данномъ случаѣ полемизируетъ противъ лютеранъ, — людей, по его сознанію, образованныхъ, высокоумныхъ, онъ все же имѣетъ въ виду и назначаетъ свое сочиненіе ближайшимъ образомъ простымъ русскимъ людямъ; вслѣдствіе этого, заботится въ изложеніи о такой простотѣ, пишетъ, по его собственному признанію, столь «поэмно», что «не только высокоумные люди, но и самый поселянинъ можетъ ясно уразумѣти» (л. 233 об.). Заботливость Посошкова о простотѣ и популярности отразилась, какъ мы видѣли, даже и на содержаніи сочиненія, внушила Посошкову употребленіе простыхъ увѣщаній, наглядныхъ сравненій, уподобленій и пр. Тою же простотою запечатлѣно и изложеніе сочиненія;

она придала простонародный колоритъ всѣмъ рѣчамъ Посошкова, выразилась во множествѣ пословицъ, поговорокъ, народныхъ оборотовъ, въ принятой Посошковымъ на себя обязанности объяснять смыслъ всѣхъ словъ, не вошедшихъ въ сферу обиходнаго употребленія и предполагавшихъ въ себѣ темноту, неясность для русскаго читателя — простаца ¹⁾).

Что касается порядка въ раскрытіи частныхъ мыслей, то онъ въ сочиненіи Посошкова далеко не представляетъ стройной системы, строгаго плана. Увлекаясь въ обличеніяхъ, Посошковъ постоянно допускаетъ замѣтныя уклоненія отъ предмета, частыя повторенія одного и того же, и дѣлаетъ это совершенно сознательно, потому что часто вставляетъ очень умѣстную оговорку: «о семь пространіе выше речеся» или: «о семь пространіе ниже речеся». Такую невыдержанность, это «умноженіе словесъ», Посошковъ объясняетъ «нестерпимою досадою» на упорство заблуждающихся, а также желаніемъ тверже запечатлѣть въ умѣ читателей предлагаемые имъ доводы, многократнымъ повтореніемъ невольно, такъ сказать, вбить въ чужую голову свое убѣжденіе. «О семь пространіе выше и не во единомъ мѣстѣ речеся ради неразумія лютеранъ», объясняетъ напр. въ одномъ мѣстѣ Посошковъ. Или: «аще бо и прежде рѣхъ, обаче и нынѣ не умолая глаголю» и пр. (л. 236 об., 234). «За повторенія не зазрите», извиняется Посошковъ въ Отечественномъ завѣщаніи, — «понудила бо я люторская слабость и гнилые ихъ толки, дабы во многократномъ воспоминаванні паче могли пояти» (стр. 39 и 49).

Уже изъ приводимыхъ нами выдержекъ изъ главы О иконоборцахъ очевидно, что тонъ Посошкова и въ этомъ сочиненіи является по мѣстамъ слишкомъ рѣзокъ; въ сочиненіи встрѣчаются выраженія вульгарныя, даже прямо оскорбительныя, неприличныя. Какъ мы замѣтили о Зерцалѣ противораскольническомъ, явленіе это было слишкомъ обычное для того времени; выраженія ругательныя имѣли полное право гражданства въ русской полемической письменности. Въ этомъ отношеніи сочиненіе Посошкова нисколько не выдѣляется, сравнительно напр. даже съ Камнемъ въры Стефана Яворскаго, человѣка неизмѣримо болѣе цивилизованнаго и облагороженнаго. Не вмѣняя, такимъ образомъ, Посошкову

¹⁾ Посошковъ считаетъ нужнымъ объяснять даже такія слова какъ напр.: притча, восхищать, брачные сыны и т. п.

въ вину его рѣзкости въ полемикѣ, мы за то съ особеннымъ удовольствіемъ и здѣсь отмѣтимъ слишкомъ высокій для простаго русскаго человѣка уровень понятій о приличіяхъ и вѣжливости въ Посошковѣ, высказавшійся въ его и здѣсь извиненіяхъ за свою рѣзкость, — извиненіяхъ, къ которымъ его ничто не могло тогда особенно обязывать, кромѣ высокоразвитаго въ немъ нравственнаго чувства и его возвышенныхъ понятій о достоинствѣ человѣческой личности даже въ ненавистныхъ еретикахъ. «Сіе не судя глаголю, но остерегая отъ лже-евангельскаго житія православныхъ христіанъ, дабы остереглись». «Сіе не судя глаголю—судя имъ Богъ единъ». «Не судя васъ сіа глаголемъ, но болѣзнуя о васъ, еже погибаете напрасно» (л. 207, 211, 225 и пр.). Такими и подобными фразами нерѣдко заключаетъ Посошковъ свои суровыя слова обличеній. Точно также и въ окончательномъ послѣсловіи въ Зерцалу очевидному Посошковъ самъ объясняетъ причины своей суровости, вѣнчана въ ней, проситъ у читателей себѣ прощенія и молитвъ къ Богу, да не вѣнчатъ Онъ ему этого грѣха. «Аще кто узритъ, яко глаголи написаны иныи уничижительно, о семъ вѣдите, яко не ради уничиженія, но ради востыгновенія положени суть тако. И аще кому узрятся иныи глаголи суровы, о семъ не скорбите, не руганія бо ради положили тако, но ради возбужденія отъ заблужденія. Тако бо ревность, еже по Господѣ, понуди мя на жестокіе глаголы... Вы тѣ суровыи глаголы прилежно разсмотрите и аще уразумеете, яко о дѣлѣ Божіемъ воскричалъ, то не подобаетъ на мя гнѣватися, но паче годствуетъ... за мя Богу помолитися, да проститъ Богъ моя та согрѣшенія, еже недѣлю воскричалъ» (л. 243). Подобныя рѣчи въ устахъ простаго древне-русскаго человѣка представляются явленіемъ насколько рѣдкимъ, настолько же и знаменательнымъ; онѣ высоко ставятъ въ нашихъ глазахъ Посошкова и еще большее уваженіе внушаютъ къ этому замѣчательному выходцу изъ русскаго народа.

Въ заключеніе, сопоставимъ рассмотрѣнное сочиненіе Посошкова О иконоборцахъ съ Камнемъ вѣры Стефана Яворскаго. Сущность приѣмовъ полемики Посошкова, его общій тонъ и даже обычная канва въ раскрытіи мыслей, по которой излагается въ каждой главѣ сначала православное ученіе на основаніи Священнаго Писанія, Св. Отцовъ и пр., потомъ отмѣчается уклоненіе еретиковъ, наконецъ обличеніе ихъ: все это въ общемъ близко напоминаетъ трудъ Стефана Яворскаго. Но, какъ мы видѣли, и это формальное сходство далеко не всегда выдержано, потому

что у Посошкова весьма часто нарушается связь и последовательность въ раскрытіи частныхъ мыслей, на каждомъ шагѣ встрѣчаются уклоненія отъ предмета, забѣганія впередъ, повторенія сказаннаго. Эти недостатки, общіе всѣмъ вообще сочиненіямъ Посошкова, совершенно чужды строго-систематичному труду Стефана Яворскаго. Еще замѣтнѣе разница въ содержаніи. Посошковъ обратилъ вниманіе главнымъ образомъ на обрядовыя и только самыя важныя догматическія отступленія лютеранъ, т. е. на пункты ихъ заблужденій наиболѣе очевидныя, наглядныя, служившіе прежде всего и самымъ существеннымъ камнемъ преткнанія и соблазна для православныхъ. Между тѣмъ, Камень вѣры является не только полемическимъ сочиненіемъ, а въ то же время и строго-богословскимъ трактатомъ, гдѣ обстоятельно разсмотрѣны и отвлеченныя вопросы христіанской догматики, гдѣ подробно разслѣдованы нѣкоторыя пункты, даже и не упомянутыя у Посошкова. Объясненіе этой особенности содержанія главы О-иконоборцахъ мы находимъ прежде всего въ личности самого Посошкова, этого простого русскаго начетчика, непосвященнаго во всѣ тонкости и глубину богословскихъ умозрѣній въ такой мѣрѣ, въ какой это дѣло доступно было просвѣщенному богослову, Стефану Яворскому. Съ другой стороны, разница въ содержаніи обусловливается и различною цѣлю сравниваемыхъ сочиненій. Между тѣмъ какъ Стефанъ Яворскій имѣлъ въ виду преимущественно лютеранъ, людей сравнительно образованныхъ, и потому могъ безпрепятственно углубляться въ догматическія тонкости, не рискуя быть непонятымъ; Посошковъ назначалъ свое сочиненіе прежде всего именно простецамъ и неукамъ, на которыхъ, по справедливому сознанію Посошкова, можно было дѣйствовать только простыми словами и которыхъ «никакая увѣщанія и ясная изъясненія и философскіе глаголы пользоваться могутъ» (л. 242 об.). Вообще, сочиненіе Посошкова О иконоборцахъ отличается отъ Камня вѣры, какъ общедоступное, популярное изложеніе отъ ученаго трактата. Цѣль Стефана Яворскаго была, такъ сказать, теоретическая: облечить лютеранство въ его основаніи, разбить всю сущность его догматики; у Посошкова же ближайшая цѣль была практическая: поразить пункты лютеранскихъ заблужденій не столько сами въ себѣ, сколько въ глазахъ православныхъ и людей, подъ влияніемъ ихъ «шатающихся, сумнительныхъ». Отсюда и въ содержаніи, у Стефана Яворскаго встрѣчаемъ полнѣйшее, всестороннее обличеніе лютеранскихъ

догматовъ, со всею силою научной аргументаціи и во всемъ богатствѣ богословской эрудиціи; у Посошкова же взято самое наглядное, простое въ разсматриваемомъ предметѣ и самое очевиднѣйшее, доступное — въ качествѣ основаній и доказательствъ. И въ изложеніи, — у Стефана Яворскаго строжайшая система, порядковъ въ развитіи мыслей, выдержанный вездѣ неизмѣнный планъ, а у Посошкова отсутствіе всякой школярности, далеко не вездѣ соблюдаемый порядковъ въ раскрытіи мыслей, изобиліе отступленій, повтореній, допускаемыхъ часто сознательно, съ вѣдома автора и въ цѣляхъ все того же утвержденія однихъ и вразумленія другихъ.

Что касается вліянія Стефана Яворскаго на Посошкова, то оно — если и было — слишкомъ ничтожно, ограничивалось только формальною стороною, общимъ распорядкомъ мыслей и не простиралась вовсе на содержаніе. Посошковъ остался настолько самостоятеленъ и независимъ, что не повторилъ въ своемъ сочиненіи даже всѣхъ пунктовъ, въ которыхъ обличалъ лютеранъ Стефанъ Яворскій (напр. о мощахъ святыхъ, о душахъ святыхъ, о благодѣяніи преставльшимся, о преданіяхъ). Посошковъ зналъ сочиненіе Яворскаго и не хотѣлъ повторять его, а хотѣлъ сказать свое, рѣшился предложить свои «разглаголаные доводы», которые вовсе не служили какимъ либо экстрактомъ изъ сочиненія Яворскаго, а должны были, по мысли Посошкова, стать дополненіемъ Камня вѣры, стать на ряду съ нимъ, какъ лишнее, прибавленное слово, какъ новость, такъ что Посошковъ могъ рекомендовать его на ряду съ Камнемъ вѣры. И дѣйствительно, сочиненіе Посошкова стало новостью для своего времени, потому что оно было совершенно независимо, оригинально, съ своимъ особымъ складомъ, въ своемъ особомъ родѣ.¹⁾ Для настоящаго

¹⁾ Что касается вышеупомянутаго сочиненія Пафнутія — Рожнецъ духовный, то, вѣроятно же всего, Посошковъ и не зналъ этого сочиненія. Сравнивая же теперь сочиненіе Посошкова съ сочиненіемъ Пафнутія, мы не находимъ въ нихъ ничего общаго, кромѣ совпаденія въ предметъ обсужденія. Между тѣмъ какъ глава О иконоборцахъ представляетъ подробный и законченный разборъ нѣкоторыхъ пунктовъ лютеранскаго ученія, Рожнецъ духовный — насколько можно судить о немъ по описанію — представляетъ отрывочный, чуждый всякой системы разговоръ о разныхъ предметахъ, касающихся вѣроисповѣдныхъ разностей лютеранства съ православіемъ. Здѣсь между прочимъ заходитъ также рѣчь о предметахъ, вовсе и не упомянутыхъ у Посошкова, напр. о монашествѣ, о чинахъ церковныхъ, о крещеніи, о священствѣ, о чинахъ ангельскихъ и пр.

же времени это сочиненіе сохраняет важное историческое значеніе, научный интересъ, такъ какъ оно было слишкомъ современно, имѣло непосредственное, ближайшее отношеніе къ дѣйствительной жизни, служило отвѣтомъ на одинъ изъ жгучихъ, настоятельныхъ вопросовъ той эпохи. Въ литературномъ отношеніи оно представляетъ собою драгоценный памятникъ, совершенно самостоятельное, несколько независимое отъ другихъ, произведеніе здраваго самобытнаго русскаго ума и усердія, плодъ религиозныхъ убѣжденій и набожной ревности древне-русскаго христіанина, типическій образецъ древне-русскаго мощнаго стиля, замѣчательно полновѣсныхъ и слишкомъ выразительныхъ реченій.

„Завѣщаніе отеческое“.

Значеніе этого сочиненія. — Заѣщательная литература въ Россіи до Посошкова. — Идеалы Посошкова сравнительно съ прежде господствовавшими.

«Завѣщаніе отеческое» Посошкова служитъ непосредственнымъ продолженіемъ особаго рода произведеній въ древне-русской литературѣ, которыя изображали, въ различныхъ видахъ, идеалы древней жизни, формировавшіеся подъ вліяніемъ письменности и условій народнаго быта. Вслѣдъ за нѣсколькими предшествовавшими и параллельными однородными сочиненіями, Завѣщаніе Посошкова наполнено наставленіями, которыя, безъ сомнѣнія, имѣли дѣятельную силу въ нашемъ древнемъ обществѣ, ясно выражали его требованія, его пониманіе, стремленія, словомъ—выражали дѣйствительность. Тутъ подведенъ итогъ до-петровской жизни, нарисованъ послѣдній идеалъ, выработанный старо-русскимъ человѣкомъ въ первый моментъ его соприкосновенія съ новыми понятіями новаго времени.

Въ ряду другихъ сочиненій Посошкова, его Завѣщаніе отеческое занимаетъ совершенно самостоятельное положеніе и характеризуется сравнительною общностью своего содержанія. Между тѣмъ какъ въ разсмотрѣнныхъ нами сочиненіяхъ Посошковъ спеціально занимался историко-экономическимъ состояніемъ Россіи, или расколомъ и иновѣріемъ, какъ самыми выдающимися явленіями общественной жизни; въ Завѣщаніи онъ обращаетъ вниманіе на всю жизнь православнаго христіанина, во всѣхъ возрастахъ его развитія, на всѣхъ степеняхъ общественной іерархіи и подъ воздѣйствіемъ всевозможныхъ вліяній. Правда, узкость положеннаго надписанія сочиненія не даетъ, повидимому, права на такое обобщеніе и заставляетъ предполагать въ немъ простое, совершенно частное наставленіе отца своему сыну; но матеріалъ былъ слишкомъ великъ, тема

была слишком широка: въ рамки ея легко укладывались мысли чело-
вѣка, живо заинтересованнаго современнымъ положеніемъ вещей, горячо
преданнаго общественнымъ вопросамъ, — и отцовскія наставленія родному
сыну подъ перомъ автора разрастались въ общіе трактаты о томъ, какъ
нужно жить вообще челоѣку и какъ поступать въ извѣстномъ положе-
ніи, при извѣстныхъ условіяхъ. Отсюда весьма естественно вытекало то,
что своимъ содержаніемъ Завѣщаніе отеческое вступало въ связь съ дру-
гими сочиненіями Посошкова, потому что касалось и тѣхъ частныхъ,
сравнительно, областей, которыя составляли исключительное ихъ содержа-
ніе. Съ одной стороны, Завѣщаніе отеческое имѣетъ непосредственныя
точки соприкосновенія съ Книгою о скудости и богатствѣ, потому что Посош-
ковъ и тутъ разсуждаетъ между прочимъ «О земледѣльствѣ», «О су-
дѣйствѣ», «О художествѣ», «О солдатскомъ бытіи», «О крестьянскомъ
житіи» и пр. Съ другой стороны, оно напоминаетъ Зерцало очевидное,
потому что и тутъ встрѣчаются постоянныя замѣчанія о расколѣ, ино-
вѣрїи и вообще разборъ религіозныхъ вопросовъ занимаетъ самое видное
мѣсто. Болѣе же общимъ началомъ, объединяющимъ всѣ сочиненія По-
сошкова, служитъ ихъ общій характеръ, — характеръ религіозно-прак-
тической, который очевиденъ въ Книгѣ о скудости и богатствѣ, еще
яснѣе является въ Зерцалѣ очевидномъ и, наконецъ, съ особенною релье-
фностію обнаруживается въ Завѣщаніи отеческомъ. Но и принимая во
вниманіе сходные пункты содержанія Завѣщанія съ другими сочиненіями
Посошкова, нельзя не замѣтить нѣкоторой между ними разницы въ ха-
рактерѣ изложенія одного и того же матеріала, разницѣ, выдѣляющей
Завѣщаніе отеческое изъ ряда другихъ сочиненій Посошкова и сообща-
ющей разсужденіямъ Завѣщанія интересъ новизны. Дѣло въ томъ, что
въ другихъ сочиненіяхъ Посошкова, при изобилии проектовъ, все-же
преобладаетъ элементъ историческій, описательный (который мы и раз-
сматривали): Посошковъ стоитъ тамъ на почвѣ историческихъ данныхъ,
изображаетъ дѣйствительное положеніе тогдашняго общества; между тѣмъ
въ Завѣщаніи, наоборотъ, выступаетъ почти исключительно сторона иде-
альная, если не принимать за исторію самыхъ бѣглыхъ и случайныхъ
ссылокъ и указаній, изрѣдка попадающихся здѣсь. Тамъ, по меньшей
мѣрѣ на половину, Посошковъ, съ точностію историка, описываетъ, го-
воритъ — какъ есть, какъ существуетъ; тутъ же Посошковъ преимуще-
ственно излагаетъ свои воззрѣнія, какъ должно быть, какъ нужно устроить

жизнь. Во всякомъ разѣ, Завѣщаніе Посошкова представляетъ въ себѣ не точную копію современной ему жизни: тутъ обрисованъ *идеалъ* чловѣка-христіанина, указаны средства приложить къ дѣлу высокія требованія вѣры въ семейной и общественной жизни. Для достиженія этихъ идеаловъ требовались, очевидно, усилія, и нѣтъ сомнѣнія, что самъ Посошковъ сознавалъ трудность полнаго приложенія къ жизни всѣхъ тѣхъ высокихъ нравственныхъ требованій, которыя онъ носилъ въ своей душѣ и которыя предлагалъ въ своемъ Завѣщаніи, поставляя цѣль жизни и совершенство чловѣка въ выполненіи этихъ требованій. Сущность и характеръ многихъ совѣтовъ Посошкова, совершенно несогласныхъ съ житейскою моралью и, конечно, не выполнявшихся самимъ Посошковымъ (каковы напр. разсужденія его о богатствѣ, повторенія евангельскихъ совѣтовъ), съ несомнѣнностью убѣждаютъ насъ, что Посошковъ желалъ записать въ своемъ Завѣщаніи черты идеальныя, что онъ нарисовалъ, по своему разумнію, идеальнаго христіанина; его Завѣщаніе есть подробная картина истинной христіанской жизни, дѣятельной и многоплодной, жизни «по духу», какъ опредѣляетъ ее самъ Посошковъ, строго отличая отъ жизни «по міру сему», образчикъ каковой онъ усматривалъ напр. въ лютеранскомъ обществѣ.

Но если Завѣщаніе Посошкова не представляетъ точную копію современной жизни, то, съ другой стороны, и идеальность его является относительною: его нельзя назвать чисто идеальною картиною жизни, образомъ только воображаемымъ. Конечно, большая часть требованій Посошкова была выше современнаго уровня жизни, во многомъ отступала отъ нея, даже во многомъ шла наперекоръ ей; за то, съ другой стороны, несомнѣнно, что эти требованія господствовали въ представленіи современниковъ Посошкова, что теоретически они признаваемы были тѣми же людьми, которые ихъ нарушали, а по возможности, и осуществляли въ своей жизни. На ряду съ чертами чисто идеальными, въ совѣтахъ и наставленіяхъ Посошкова постоянно и даже большею частію проглядываютъ черты совершенно бытовныя, прямо взятая изъ жизни, черты, освѣщающія личность и поведеніе самого Посошкова, живо рисующія намъ ту эпоху. Такимъ образомъ, идеалы Посошкова слагались подъ вліяніемъ народныхъ представленій и взглядовъ, основывались на дѣйствительной жизни и во многомъ заимствовались изъ нея¹⁾. Эта-то жиз-

¹⁾ Рисуя свои идеалы, Посошковъ часто прямо ссылается на факты изъ жизни современной, напр. стр. 167, 194 и др.

ненность идеаловъ Посошкова и даетъ намъ право видѣть въ нихъ не частный взглядъ Посошкова, но воззрѣнія и правила всего современнаго ему русскаго общества, даже болѣе — воззрѣнія всей древне-русской жизни.

Ко времени Петра Великаго и еще ранѣе, при Алексѣѣ Михайловичѣ, окончательно уже сформировался характеръ народной жизни; въ данномъ ей направленіи русская жизнь исчерпала себя и явилась въ послѣдней стадіи своего развитія, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Въ это-то время, какъ представитель народа, Посошковъ и изобразилъ въ своихъ сочиненіяхъ все выработанное долговременною русскою жизнію, всю освященную вѣками мудрость жизни, изобразилъ древне-русскую, до-петровскую жизнь, съ ея хорошими и дурными сторонами. Въ Зерцалѣ очевидно и особенно въ Книгѣ о скудости и богатствѣ Посошковъ изобразилъ преимущественно темную сторону жизни, недостатки, требовавшіе неотложнаго, радикальнаго исправленія; Завѣщаніе же его представляетъ обратную сторону медали: тутъ указанъ путь совершенства, идеаль, до котораго только могъ дойти древне-русскій человѣкъ; тутъ изображена свѣтлая, желаемая сторона жизни, хотя и эта свѣтлая сторона не чужда недостатковъ и односторонностей, свойственныхъ тогдашнему времени. Но какъ недостатки народной русской жизни и характера наживались постепенно, подъ вліяніемъ историческихъ условій, подъ вліяніемъ всей прошедшей судьбы русскаго народа; такъ, съ другой стороны, и доброе начало, идеальная сторона его жизни, записанная въ Посошковскомъ Завѣщаніи, есть достояніе всей древней исторіи нашего отечества. Не только основной взглядъ и мысли, но многія и частныя наставленія Посошкова, относительно вѣры и благочестія, составляютъ, какъ увидимъ, буквальное почти повтореніе правилъ, предписанныхъ еще Владиміромъ Мономахомъ и еще болѣе — Домостроемъ. Что касается правилъ чисто житейскихъ, практическихъ, то въ нихъ совмѣщено, очевидно, достояніе житейской мудрости всѣхъ предыдущихъ вѣковъ, и, во всякомъ случаѣ, еще до Посошкова и даже съ большею подробностію, чѣмъ у него, были попытки ихъ систематизаціи, напр. въ Домостроѣ.

Итакъ, Завѣщаніе отеческое Посошкова есть очеркъ идеальной жизни, сложившейся въ представленіи вообще древне-русскаго человѣка, общій итогъ до-петровской жизни. Такимъ, дѣйствительно, оно и является

намъ, но является только въ бѣльшей его части, а не исключительно. Уже непосредственная близость Посошкова къ эпохѣ преобразованія и къ новымъ началамъ русской жизни, съ одной стороны, и искренняя преданность и сочувствіе Посошкова къ дѣлу реформы (что можно было видѣть изъ разсмотрѣнныхъ сочиненій) — съ другой, ручаются намъ за то, что Посошковъ не могъ всецѣло изолировать себя отъ вліянія новыхъ началъ новаго времени. Волѣе же короткое знакомство съ Завѣщаніемъ отеческимъ не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Древнерусскій идеалъ жизни нелучаетъ у Посошкова новые оттѣнки, принимаетъ особый колоритъ. Идеализируя древнюю жизнь, Посошковъ изрѣдка высказываетъ уже такіе взгляды и убѣжденія, которые не могли быть имъ унаслѣдованы отъ прошлаго періода и которые характеризуютъ наступленіе новой жизни, господство новыхъ понятій. Какъ извѣстно, Завѣщаніе отеческое Посошкова относится еще къ первому періоду литературной дѣятельности Посошкова, когда еще реформаторское движеніе на Руси только готовилось. По самому времени явленія своего, занимая среднее положеніе между Зерцаломъ очевиднымъ — первымъ трудомъ Посошкова, когда онъ занимался исключительно вопросами вѣры, и Книгою о скудости и богатствѣ — послѣднимъ его сочиненіемъ, когда Посошковъ увлекся политикой, духомъ преобразованій; Завѣщаніе, и по самому содержанію и характеру своему, стоитъ, такъ сказать, на рубежѣ двухъ эпохъ. Въ большинствѣ оно тяготеетъ еще къ старому времени, представляетъ кругозоръ домостроевскихъ понятій; въ нѣкоторыхъ же частяхъ оно склоняется уже къ новому времени, предлагаетъ новые, свѣжіе взгляды. Мѣстами Посошковъ пишетъ какъ фанатикъ раскольникъ, проповѣдуетъ неприкосновенность старины, стоитъ за мертвую обрядность, мѣстами же онъ говоритъ какъ настоящій представитель вѣка просвѣщенія. Завѣщаніе отеческое справедливо названо однимъ изъ нашихъ изслѣдователей «звѣномъ, соединяющимъ старину съ новизною, реакцію съ реформою, консервативныя понятія съ прогрессивными стремленіями»¹⁾. Правда, реформаторскаго въ Завѣщаніи отеческомъ Посошкова, сравнительно, еще очень немного, но и это немногое возбуждаетъ интересъ, является особенно цѣннымъ въ историко-литературномъ отношеніи, потому что даетъ возможность прослѣдить постепенное воз-

¹⁾ Брикнеръ — Журн. Мин. Нар. Просв. 1876 г. ч. 9 стр. 50.

ростаніе русскаго человѣка для новой исторіи, даетъ возможность, въ связи съ другими завѣщательными произведеніями древне-русской литературы, прослѣдить постепенное развитіе идеаловъ древне-русскаго человѣка до кануна первыхъ дней новой Россіи.

Представимъ анализъ Завѣщанія отеческаго въ связи съ таковыми же сочиненіями древней литературы и отмѣтимъ новыя черты идеаловъ Посошкова. Но предварительно — нѣсколько словъ о завѣщательной литературѣ на Руси вообще.

Какъ мы имѣли уже случай замѣтить, Завѣщаніе отеческое Посошкова принадлежитъ къ особому разряду произведеній на Руси — завѣщательныхъ. Форма родительскаго завѣщанія составляетъ видъ литературныхъ произведеній, параллельный пастырскимъ поученіямъ и вмѣстѣ съ послѣдними перешла къ намъ въ Россію изъ Греціи. Встарину чрезвычайно распространены были и пользовались громадною популярностью различные сборники отеческихъ сочиненій, носящіе имена: Златоуста, Златоструя, Измарагда, Златой цѣпи и т. п. Но на ряду съ дѣйствительными выписками изъ твореній Златоуста и другихъ отцевъ церкви, въ этихъ сборникахъ встрѣчается много такихъ сочиненій, которыя, имѣя связь съ сочиненіями Златоуста только по мыслямъ, а иногда и безъ этой связи, были уже чисто русскаго происхожденія. Таковы, между прочимъ: «Почуеніе нѣкоего отца духовнаго», начинающееся словами: «сыне мой, чадо мое, приклони ухо, послушай отца своего, внуши глаголы родившаго тя»... «Посланіе нѣкоего отца духовнаго сыну духовному»; «Почуеніе нѣкоего христолюбца къ духовной братіи» и множество другихъ поученій съ различными названіями: поученіе къ дѣтямъ, слово о христіанскомъ житіи, слово како жити крестьянамъ и пр. Всѣ эти поученія, заключающія въ себѣ наставленія во всѣхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, уже и формою своею весьма близко напоминаютъ извѣстныя намъ завѣщательныя сочиненія. Особенно въ близкой связи съ этими сборниками находится извѣстной Домострой Сильвестра. Протопоповъ, спеціальнѣйшій изслѣдователь поученія Мономаха, нашелъ и его первоисточники въ древнѣйшей русской литературѣ: онъ указалъ на сходныя съ нимъ по содержанію и имѣвшія на него вліяніе — «Слово нѣкоего отца къ сыну» и Почуеніе нѣкоего Ксенофонта, «еже глагола къ сынома своимъ».

Общій характеръ всѣхъ завѣщательныхъ сочиненій былъ религиозно-

назидательный. Содержаніе ихъ составляли нравственные правила, жизненные идеалы, согласные съ требованіями лучшихъ людей времени. Цѣль ихъ была — поддержать нравственность и религіозность въ народѣ. Само собою разумѣется, что самое заявленіе и напоминаніе этихъ правилъ вызывалось уклоненіями, жалкимъ нравственнымъ состояніемъ древняго общества, въ большинствѣ котораго, по свидѣтельству исторіи, господствовали, въ полномъ разгулѣ, дикіе инстинкты, грубые пороки и страсти. Столь не высокій уровень общественной нравственности, сглаживал, безсомнѣнія, нѣкоторыя идеальныя черты идеаловъ, предлагаемыхъ въ завѣщаніяхъ, въ то же время отрицательною своею стороною опредѣлялъ въ общемъ противоположный строго-аскетическій характеръ этихъ идеаловъ и упрочивалъ значеніе ихъ въ жизни, влияніе ихъ на общество. Между тѣмъ какъ жизнь шла впередъ и человѣческая натура требовала удовлетворенія въ развивающихся страстяхъ и порокахъ, единственною охраною общества отъ нравственнаго разгнѣнія была религія; другихъ принциповъ, сдерживающихъ дикіе инстинкты, умѣрающихъ излишнее обнаруженіе чувственности, древне-русское общество не выработало. Послѣ этого, совершенно понятно религіозное настроеніе лучшихъ людей стараго времени и строго-религіозной характеръ выработанныхъ ими идеаловъ. Эти свѣтлыя личности, съ своими идеалами, излагаемыми, обыкновенно, въ формѣ завѣщаній, являлись истинными цивилизаторами древняго русскаго общества, которое не имѣло для руководства въ дѣлѣ религіи ни богословской догматики, ни нравственныхъ кодексовъ для назиданія въ жизни или, по крайней мѣрѣ, не могло таковыми пользоваться. Въ силу этого-то, родительскія завѣщанія, не смотря на свое частное назначеніе, пользовались громадною популярностію въ древней Руси и, несомнѣнно, имѣли важное педагогическое значеніе. При недостаткѣ и даже совершенномъ отсутствіи школъ, завѣщанія являлись почти единственными не только вообще воспитателями общества, а и его образователями, поддерживая и распространяя христіанское просвѣщеніе въ народѣ. Такъ какъ сущность и цѣль истиннаго образованія полагалась тогда не въ приобрѣтеніи грамотности и научныхъ познаній, а, главнымъ образомъ, въ ближайшемъ знакомствѣ и усвоеніи истинъ христіанской вѣры и благочестія, то недостатокъ школъ достаточно и съ успѣхомъ вознаграждался, вмѣстѣ съ храмовымъ богослуженіемъ, пастырскими поученіями, и — семейными, родительскими наставленіями, завѣщаніями. И нужно особенно выкинуть

въ смыслъ нашей родной, благочестивой древней жизни, чтобы представить себѣ, какъ важно было у насъ слово престарѣлаго, умирающаго христіанина, какъ переходило оно отъ отца къ сыну и внуку и до позднихъ потомковъ, какъ оно, представляя, съ одной стороны, опытъ прошедшей жизни, съ другой — предлагало завѣтъ грядущему. Писатели такихъ подробныхъ и систематическихъ завѣщаній, какъ Духовная Мономаха, Домострой Сильвестра, Завѣщаніе отеческое Посошкова, Духовная Татищева, сами уже указывали болѣе широкое назначеніе своимъ произведеніямъ, нежели какое указываетъ ихъ заглавіе. Такимъ образомъ, по мысли самихъ уже авторовъ, завѣщаніямъ предназначалась широкая роль общественныхъ кодексовъ нравственности, жѣрила нравственной жизни цѣлаго народа. Владиміръ Мономахъ, назначая свое поученіе дѣтямъ своимъ, въ то же время предполагаетъ и «иного кого», могущаго «слышать его писаніе»¹⁾; иногда въ поученіи онъ обращается вообще къ христіанамъ и въ концѣ поученія обращается съ просьбою: не осудите меня, дѣти мои и иной кто, прочитавъ это посланіе» (стр. 47). Сильвестръ, предлагая свое «наказаніе и посланіе», повидимому только «единородному сыну Анфиму», въ то же время постоянно употребляетъ выраженія, въ родѣ слѣдующихъ: «у кого пошлетъ Богъ дѣтей, у кого родится дочь, у кого сынъ или слуга вѣрный есть и т. п.»²⁾. Кромѣ того, онъ предлагаетъ наставленія самаго общаго характера и для всѣхъ безъ различія. «Въ домовитомъ обиходѣ», пишетъ напр. онъ, «вездѣ и всякому человѣку, — государю и государынѣ, сыну и дочери, служкѣ мужеска полу и женеска, и стару, и малу всякое дѣло начати достойно»... (стр. 27). Точно также Посошковъ, хотя и написалъ въ заглавіи своего Завѣщанія: «предлагаю завѣщаніе сіе любезному моему сыну (Николаю)», но въ то же время постоянно повторяетъ выраженія: «аще кто чтии, аще кто восхоцеть..., аще коего человѣка..., на сіе слово всякъ зри и разумѣи..., аще кто будетъ жену ничтожить..., изволяи да зреть въ Очевидномъ Зерцалѣ..., то себѣ всякъ вѣждь и пр. и пр.»³⁾. Татищевъ, хотя и назначалъ Духовную непосредственно своему сыну Евграфу, но

1) Духовная Вл. Мономаха. Изд. 1793 г. стр. 2; стр. 9.

2) Домострой. Временникъ Имп. Общ. ист. и др. Р. 1849 г. кн. 1 стр. 21, 22, 15 и др.

3) Завѣщ. отеч. стр. 39, 41, 48, 70, 71, 76, 88, 104, 114, 152 и др.

въ то же время, очевидно, намѣренно желалъ придать ей характеръ популярнаго жизненнаго руководства, потому что, въ противномъ случаѣ, нѣкоторые его наставленія теряли бы всякій смыслъ. Такъ напр. извѣстно, что сынъ Татищева былъ уже взрослый, а Духовная неоднократно повторяетъ: «выучись писать» и затѣмъ подробно разсматриваетъ первые шаги въ жизни молодаго человѣка; наконецъ, въ Духовной говорится о выборѣ службы, между тѣмъ какъ Евграфомъ выборъ этотъ былъ уже сдѣланъ — онъ состоялъ на военной службѣ.

Во главѣ завѣщательной древне-русской литературы поставляется, обыкновенно, поученіе Владиміра Мономаха, какъ болѣе раннее, самостоятельное и систематическое произведеніе.

«Духовная великаго князя Владиміра Вс. Мономаха дѣтямъ своимъ» заключаетъ въ себѣ религіозно-нравственныя наставленія и правила житейской мудрости, какъ опытъ жизни лучшихъ людей того времени и преимущественно самого Владиміра Мономаха, изложившаго здѣсь все свое міросозерцаніе, свой взглядъ на жизнь и природу. «Срѣтоша мя послы отъ братьевъ на Волгѣ», разсказываетъ Мономахъ случай къ написанію поученія, «и рѣша: согласиися съ нами, да изгонимъ Ростиславича и волость его отымемъ. И рѣхъ: не могу съ вами идти и нарушить клятвы. И отпустивъ ихъ, взявъ Псалтырь, въ печали разгнулъ оную и вынулось миѣ сіе: вскую прискорбна еси душе моя... Потомъ собралъ словеса миѣ угодныя и сложилъ оныя порядкомъ и написалъ», — эти-то слова онъ и предлагаетъ въ своемъ поученіи. Итакъ, мысли поученія В. Мономаха вынесены имъ изъ чтенія св. Писанія: Мономахъ затвердилъ изъ прочитаннаго все, что особенно падало на его душу, поражало его умъ, или имѣло близкое приложеніе къ жизни его и современнаго ему общества, и сгруппировалъ это въ своемъ родительскомъ наставленіи. Положивъ религіозный починъ поученію, Мономахъ и продолжаетъ въ томъ же религіозномъ направленіи. Кромѣ того, что богомысліе не оставляло его, повидимому, ни на одну минуту, Мономахъ, при всякомъ случаѣ, подробно исповѣдуетъ свойства Божіи и благоговѣнно опредѣляетъ отношенія человѣка къ Богу. Прерывая нить своихъ наставленій, Мономахъ иногда предается набожнымъ размышленіямъ, въ которыхъ высказывается все христіанское благодушіе его вѣрующей души. «Разумѣйте, дѣти мои», напр. размышляетъ онъ, «сколь Богъ милостивъ. Мы, грѣшныи и смертныи, когда кто намъ зло сотворить, хо-

щемъ его пожрати, кровь пролити, а Господь, владѣющій жизнью и смертію, согрѣшенія наши терпитъ и пр. и пр. (стр. 10, 11). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ религіозная настроенность автора переходитъ въ возвышенныя, молитвенныя гимны, напоминающіе Псалтырь Давида (стр. 4—7, 9, 12—14, 58—61). Мономахъ усвоилъ духъ этой священной книги, она пришлась особенно ему по сердцу: изображеніе въ Псалтири душевнаго состоянія царя библейскаго, жизнь котораго полна тревогъ, очень походило на состояніе души Мономаха, жизнь котораго была непрерывной борьбой съ родичами. Чувство благоговѣнія предъ чудесами и совершенствами мірозданія подавляло въ Мономахѣ всякія усилія ума понять самыя обыкновенныя явленія природы и жизни, возвышало силу его вѣры и упрочило всецѣло религіозный характеръ постановленій, мыслей и даже выраженій Мономаха. Сильное вліяніе на него имѣла также свято-отеческая литература. Особенно большое сочувствіе обнаруживаетъ онъ къ Василию Великому — и можно указать свойства твореній послѣдняго, ясно отобразившіяся на произведеніи Мономаха. Таково, напр., глубокое сочувствіе Мономаха природѣ и поэтическое вдохновеніе при созерцаніи ея, — свойства характеризующія помянутаго отца церкви. Кроме того, Мономахъ самъ ссылается на Василія Великаго, а Протопоповъ находитъ въ Духовной даже буквальные заимствованія изъ словъ Василія ¹⁾).

Всѣ наставленія, правила, вообще идеалы Мономаха характеризуются преимущественно религіозно-аскетическимъ направленіемъ. Въ то время, когда Русь только-что приняла христіанство и только-что начала сознавать себя подъ вліяніемъ новыхъ, христіанскихъ понятій, дѣломъ первой необходимости было опредѣлить отношенія къ новому Богу, разъяснить новымъ христіанамъ общее представленіе о Немъ и Его свойствахъ, внушить обязательность не пустаго, формальнаго отношенія къ Нему, какъ это было въ язычествѣ, а внутренней, живой любви, безпредѣльной преданности Его волѣ. Первую, болѣе или менѣе обстоятельную попытку удовлетворить этой потребности и представляетъ поученіе Мономаха. Этотъ замѣчательный князь возвышался надъ современнымъ обществомъ въ пониманіи сущности христіанства и свои религіозныя понятія изложилъ практически, наглядно, примѣнительно къ сознанію

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1874 г. ч. 2 стр. 254.

простыхъ, неразвитыхъ русскихъ людей той эпохи. Въ своихъ молитвенныхъ обращеніяхъ излагая существенные пункты христіанскаго представленія о Богѣ, Мономахъ въ практическихъ наставленіяхъ опредѣляетъ отношенія христіанина къ Богу; догматическому ученію придаетъ характеръ дѣятельной религіозности. «Научися, христіанине, быти человекомъ благочестивымъ, научися очами управлять, языкъ воздерживать, умомъ смиренно мудрствовать». «Слезы испустите о грѣхахъ вашихъ». «Паче всего имѣйте страхъ Божій». «Во первыхъ, ходите въ церковь, да не застанеть васъ солнце на постели». И дома «не оставьте ни одной ночи, чтобы не положить нѣсколько поклоновъ земныхъ; если болѣзнь не позволяетъ, то хотя три». Даже на пути «аще и на конѣ сѣдиши, когда имихъ молитвъ читать не умѣете, то — Господи, помилуй! повторяйте» (стр. 9, 14, 26, 2, 28, 15, 16). Рисуя идеалъ христіанской жизни, Мономахъ старается предохранить дѣтей отъ грубыхъ пороковъ, распространенныхъ въ обществѣ: «лжи блюдитесь, пиянства и блуда: въ томъ бо душа погибаетъ и тѣло» (стр. 22). Съ особенною подробностію Мономахъ останавливается на правилахъ, устанавливающихъ истинныя христіанскія отношенія членовъ общества, — на правилахъ милосердія, смиренія, взаимнаго уваженія, правосудія и пр. «Бога ради, не лѣнитесь добрыхъ дѣлъ. Милостыню творите неоскудну: то бо есть начатокъ всякаго добра. Паче всего убогихъ не забывайте... Сироту, вдовицу оправдывайте, а не отдавайте сильнымъ на погубленіе. Ни праваго, ни виновнаго не убивайте, ни одной души христіанской не погубляйте... Больныхъ посѣщайте, не проходите мимо человека, не сдѣлавъ ему привѣтствія. Болѣе же чтите гостя» и т. д. (стр. 11, 28, 2, 16, 24, 23). Постоянно Мономахъ внушаетъ кротость въ словахъ, поступкахъ, даже въ употребленіи пищи (стр. 7 и 8). Особенное уваженіе внушаетъ къ духовенству: «епископы, игумены, попы, чтите, любите, снабдите, да примете отъ нихъ къ Богу молитву и милость отъ Бога» (стр. 18). Съ особенною силою Мономахъ вооружается противъ гордости, какъ самаго опаснаго и противоестественнаго зла въ общественной жизни: «паче всего гордости не имѣйте въ сердцѣ и умѣ». — Нѣтъ нужды говорить, какъ много значили такія благодушныя, утѣшающія наставленія любимаго князя для скорбной души тогдашняго русскаго человека, какъ смягчали они житейскія невзгоды народа, находящагося въ неблагопріятныхъ соціальныхъ условіяхъ, при повсемѣстномъ отсутствіи въ немъ правильныхъ

юридическихъ понятій, когда право сильнаго носило характеръ почти законности, такъ что враги, козни, насилія — всегда и вездѣ могли найтись при общественныхъ людскихъ вседневныхъ отношеніяхъ.

Во второй половинѣ своего поученія Мономахъ, въ примѣръ дѣятельной христіанской жизни, приводитъ свою собственную, дѣлаетъ перечень своихъ трудовъ на войнѣ, охотѣ и въ управленіи¹⁾. «Сіе писаніе прочитаючи, потщитесь на вся дѣла добрая», заключаетъ Мономахъ. «Аще всего не исполните, то половину» (стр. 47, 14).

Въ полномъ своемъ развитіи, родительское поученіе является въ половинѣ XVI в., въ сочиненіи знаменитаго современника и руководителя Іоанна Грознаго — іерея Сильвестра — въ Домостроѣ. Это классическое произведеніе нашей древне-отечественной письменности, назначенное въ назиданіе сыну Сильвестра Анфиму, скоро вошло во всеобщее употребленіе и надолго сдѣлалось руководителемъ въ устройствѣ жизни: даже въ наше время домостроевскій элементъ является преобладающимъ въ жизни низшихъ классовъ народа. Много говорили и писали у насъ о происхожденіи Домостроя. Результатомъ этихъ излѣдованій было сомнѣніе въ самостоятельности, а относительно большей части Домостроя даже въ авторствѣ Сильвестра. Г. Некрасовъ подыскалъ множество первообразовъ нашего Домостроя въ литературахъ: древне-индійской, итальянской, французской, нѣмецкой, чешской; указалъ множество источниковъ его въ нашихъ древнихъ измарагдахъ, золотыхъ цѣпяхъ и пр.²⁾ Нѣкоторыя же главы Домостроя суть близкія заимствованія изъ священныхъ книгъ — Притчей, Премудрости Соломона и др.³⁾ Впрочемъ, вопросъ о происхожденіи и подлинности Домостроя не имѣетъ для насъ прямаго значенія, и мы коснулись его только потому, что очевидныя заимствованія Сильвестра изъ другихъ авторовъ даютъ право видѣть въ Домостроѣ голосъ и взглядъ не одного лица, а цѣлаго народа, видѣть въ немъ произведеніе, если такъ можно выразиться, общенародное, возникшее на почвѣ народной жизни и полное общенародныхъ идеаловъ.

1) Ссылаться въ примѣръ на собственную жизнь было въ обычай древнихъ завѣщателей: его мы находимъ и въ поученіи упомянутого нами Ксенофонта. Рус. Вѣстн. 1856 г. № 7, стр. 207—223.

2) Чт. въ Общ. ист. и др. Рос. 1872 г. кн. 3-я «О происх. др.-рус. Домостроя».

3) Прав. Собес. 1860 г. ч. 3-я стр. 289.

Много времени прошло отъ Мономаха до Сильвестра, сильно развилась русская жизнь въ теченіе времени отъ XII до XVI в., но развилась она, къ сожалѣнію, не столько въ хорошихъ своихъ сторонахъ, сколько въ дурныхъ. Такая, повидимому, аномалія въ жизни молодого народа становится, однако, для насъ совершенно понятною, если мы припомнимъ, что почти весь именно этотъ промежутокъ времени лежитъ въ нашей отечественной исторіи темнымъ пятномъ, посящимъ заглавіе татарскаго ига. Правда, русскій народъ, воспитанный еще въ XII вѣкѣ, благодаря такимъ свѣтлымъ личностямъ, какъ напр. Владиміръ Мономахъ, сохранилъ и теперь свои характеристическія черты, свой національный характеръ: и теперь онъ является народомъ строго-религіознымъ. Но нѣтъ въ немъ уже того живаго, дѣятельнаго христіанства, проповѣдникомъ котораго былъ въ XII в. Владиміръ Мономахъ. Насъ поражаетъ въ Домостроѣ формальность, внѣшность русскаго, чисто обрядоваго уже христіанства въ XVI вѣкѣ. Да и эта односторонняя религіозность нуждалась теперь въ такихъ многочисленныхъ, точныхъ предписаніяхъ, которыми переполненъ Домострой. Недалеко ушла и народная нравственность, которая, не освободившись еще отъ насилія необузданной, естественной природы человѣческой, дѣятельно заявлявшей себя въ XII вѣкѣ, теперь встрѣтила новыя противодѣйствія въ новыхъ привычкахъ и порокахъ, навѣянныхъ отъицъ, прижитыхъ въ это время. Лицемеріе, двоедушіе, семейный деспотизмъ и т. п., такъ чуждые еще не подвергшагося, такъ сказать, искусственному извращенію сердца Мономаха и безусловно имъ запрещаемые, теперь являются въ извѣстной мѣрѣ законными, получаютъ въ народномъ представленіи даже идеальныя очертанія. Эта нравственная расшатанность, обнаружившаяся ко времени Домостроя и въ нежъ получившая себѣ нѣкоторую санкцію, была истинною причиною разрушительныхъ, болѣзненныхъ явленій, ознаменовавшихъ петровскую эпоху нашей исторіи (расколъ, предубѣжденіе къ иностранцамъ, сопротивленіе образованію и пр.). Да и теперь еще наше общество далеко не освободилось отъ этихъ нравственныхъ недуговъ, записанныхъ въ Домостроѣ.

Домострой раздѣленъ на главы. Но по содержанію, а въ различныхъ спискахъ и по объему, эти главы рѣшительно перепутываются. Гораздо удобнѣе, по содержанію, раздѣляютъ его на двѣ части: въ первыхъ 25 главахъ, къ которымъ нужно причислить и послѣднюю, 64-ю,

излагаются правила относительно вѣры и благочестія; а во второй части, въ 38 главахъ — правила экономіи, управленія домою и вообще хозяйствомъ. Для насъ имѣетъ значеніе, конечно, первая часть. Общій характеръ Домостроя чисто религіозно-практическій. Правила вѣры и дѣятельности излагаются въ немъ въ непосредственномъ приложеніи къ жизни, съ точнымъ обозначеніемъ случаевъ, условій и образа ихъ осуществленія.

Прежде всего Сильвестръ заботится о религіозныхъ убѣжденіяхъ своего сына, желая сдѣлать его непоколебимымъ въ христіанскомъ законѣ, «творящимъ волю Божию и хранящимъ заповѣди Его, себя утверждающимъ во страстѣ Божіи и жёну поучающимъ, и домочадцевъ наказующимъ». Поэтому, весь Домострой свой Сильвестръ называетъ «писаніемъ христіанскаго житія» и въ самыхъ первыхъ главахъ начинаетъ излагать правила вѣры въ Бога, главные догматы христіанства и правила «како любить Бога». «Имѣй, чадо, великую вѣру въ Бога, все упованіе возлагай на Господа. Страхъ Божій всегда имѣй въ сердцѣ своемъ и память смертную. Всегда волю Бога твори и по заповѣдемъ Его ходи. Будь трудникъ къ Богу, чадо Евангелія» (стр. 104, 37, 4). Подробно и въ разныхъ мѣстахъ Сильвестръ говоритъ о религіозныхъ обязанностяхъ человека, въ которыхъ должна выражаться его вѣра въ Бога и останавливается, главнымъ образомъ, на богослуженіи и молитвѣ. «Прибѣгай всегда съ вѣрою ко св. Божіимъ церквамъ, заутрени не проснпай, обѣдни не прогуливай, вечерни не погрѣши. Вставай по звону, прійди къ началу». «А въ церкви стой со страхомъ, съ молчаніемъ молися, ни съ кѣмъ не бесѣдуй, не озирайся, на стѣну не приклонися, ни съ посохомъ не стой, ни съ ноги на ногу переступай». Въ жизни домашней Домострой предписываетъ строго соблюдать назначенные для молитвы часы. «Божій долгъ всякому христіанину повечерницу, полунощницу и часы въ дому своемъ всегда пѣти съ кроткостояніемъ, молчаніемъ, молитвою и съ поклоны. Ложася спать, въ землю по три поклона положить. А въ полунощи всегда, тайно возставъ, со слезами къ Богу молитися». И въ неназначенное для молитвы время Домострой совѣтуетъ всегда четки въ рукахъ держать и молитву Іисусову во устахъ держать: 600 разъ глаголи: Господи, Іисусе Христе, помилуй мя, а седьмое сто — Пречистой Богородицѣ, а потомъ пакы обращайся на первое» (стр. 105, 9, 83, 12, 16—19 и др.). Желая всю жизнь хри-

стіанина сдѣлать непрерывнымъ Богослуженіемъ, Домострой и жилища старается приблизить къ храмамъ. Онъ вмѣняетъ въ непрѣмную обязанность «украсить домъ святыми образами, устроить ихъ благодѣбно, со всякимъ украшеніемъ, со свѣтильники и кадити ладономъ» (стр. 8).

Вмѣстѣ съ правилами, касающимися собственно религіозной жизни человека, въ Домостроѣ предлагаются правила нравственныя, имѣющія въ виду воспитаніе строго нравственнаго характера личности. Въ этомъ отношеніи Домострой особенно вооружается противъ гордости и въ противовѣсъ ей настойчиво рекомендуетъ христіанскую добродѣтель — смиреніе. «Буди смиренъ, очи долу понизая, умиленъ къ Богу, къ человекѣмъ привѣтливъ, не досадитель, не гордъ. Обидимъ не мсти, хулимъ моли;.. кто излаеть — терпи (5, 8, 111 с.) и пр. Вмѣстѣ съ смиреніемъ, Домострой старается расположить къ милосердію. Первымъ проявленіемъ этой добродѣтели является и тутъ, какъ у Мономаха, гостепримство: вмѣняется въ обязанность «накормити прїѣзжихъ людей и иноземцевъ». Затѣмъ, Сильвестръ заповѣдуетъ «нищимъ милостыни давати»; совѣтуетъ раздавать нищимъ то, что запасенное въ хозяйствѣ «попортится». Также «въ монастыри, въ больницы, темницы заключенныхъ посѣщай и милостыни подавай» (15, 90, 6, 106). Но особенно Домострой понуждаетъ къ милосердію въ пользу церкви и духовенства. «Къ церкви приходи съ приношеніемъ, со свѣчемъ, со просфорою, съ финіамомъ, ладономъ, каномомъ, кутьею и милостынею. И отцу духовному приношеніе давай. Всякихъ плодовъ въ огородѣ первое въ церковь принеси и духовному отцу въ домъ послѣ» и пр. (9, 6, 105, 21, 79, 10). Домострой предостерегаетъ читателей отъ различныхъ пороковъ, особенно распространенныхъ въ обществѣ: «Паче всего храни чистоту тѣлесную»; вооружается противъ скомороховъ, плясанія, сощѣлей, пѣсней бѣсовскихъ, противъ чарованія, «звѣздочетья, алманаховъ» и пр., называя людей, преданныхъ этимъ «дѣвольскимъ угодіямъ», проклятыми (106, 46, 38 и др.). Энергично возстаетъ Домострой противъ пьянства. Впрочемъ, порокъ этотъ настолько укоренился въ тогдашнемъ обществѣ, что Домострой не дерзаетъ извлечь его съ корнемъ: «не реку не пити», прибавлено въ Домостроѣ: «не буди то! но реку не упиватися» (106, 63, 110, 14 с.). Къ «неправедному житію» Домострой относитъ также разрушительныя и возмутительныя пороки общественной жизни: неправосудіе, взяточничество, волокитство (45, 103, 114 с.). Касаясь жизни обще-

ственной, Домострой прежде всего внушает строжайшее повиновение царю, «яко самому Богу». Въ житейскихъ столкновеніяхъ съ людьми, «старшимъ себя честь воздавай и поклоненіе твори, среднихъ, яко братію, почитай, юнѣйшихъ, яко чада, люби» (гл. V, VII). Но съ особеннымъ уваженіемъ Домострой отзывается о духовенствѣ, стараясь внушить полнѣйшее благоговѣніе «къ симъ духовнымъ наказателямъ и не бурному пристанищу». «Къ священному чину всегда прибѣгай, честь воздавай, припадай къ ногамъ ихъ и во всемъ повинуйся имъ по Бозѣ: велію вѣру, любовь и повиновеніе и всякое покореніе предъ ними имѣй» (5, 6, 20, 105 стр.). Гораздо подробнѣе Домострой рисуетъ идеаль семейной жизни. Но домостроевскія правила, опредѣляющія взаимныя отношенія членовъ семьи, какъ классическіе афоризмы древне-русской мудрости, настолько извѣстны, что было бы излишне подробно ихъ выписывать. Отецъ изображается какъ полноправный, безапелляціонный глава и судія всѣхъ домочадцевъ, начиная съ жены и кончая челядью. Ему вѣняется въ обязанность «жену учти всякому страху Божию, всякому вѣжеству, промыслу и руководѣлю, и домашнему обиходу, и всякой поряднѣ». Въ отношеніи къ дѣтямъ, отецъ также обязанъ учить ихъ страху Божию, вѣжеству и руководѣлю. Наконецъ, на попеченіе отца же возлагается заботливость о слугахъ, «какъ о нихъ промыслити во всякомъ ученіи, въ божественныхъ заповѣдяхъ и въ домовомъ строеніи» (стр. 1, 107, 50, 31). Заповѣдую вообще «любвное отношеніе ко всѣмъ», Домострой, въ качествѣ воспитательныхъ средствъ, не только карающихъ, но и поощряющихъ, рекомендуетъ, однако, въ различной степени, вѣжлеванное стеганіе плеткою, возложеніе ранъ, казненіе жезломъ. Идеальныя стороны жены составляютъ—полнѣйшее, безпрекословное повиновеніе мужу и качества, входящія въ понятіе хорошей, практичной хозяйки. Лишенная всякаго права самостоятельности, она во всемъ должна спрашиваться мужа, просить его совѣтовъ; контроль мужа простирается даже на выборъ женою знакомыхъ, на бесѣды ея съ гостями и т. п. (29, 57, 83, 58 стр.).

Правила практическаго хозяйства занимаютъ большую часть Домостроя, и въ этомъ отношеніи Сильвестръ является рѣшительно специалистомъ. Нужно удивляться практической изворотливости его ума, научающаго, съ изумительною предусмотрительностію и подробностію, искусству,—какъ сохранить равновѣсіе расхода съ приходомъ, какъ откладывать отъ

всякаго приплада со дня рожденія дочери ей на приданое, какъ и когда закупать продукты по дешевой цѣнѣ, какъ все хранить, какъ, наконецъ, пиво варити, медъ сытити, шти варити и т. п.

Такою же практичностію и точностію отличаются многочисленныя въ Домостроѣ правила общественнаго приличія. Таковы, напр., правила: въ гостяхъ садиться на послѣднемъ мѣстѣ, чтобы потомъ хозяинъ перевелъ на высшее; не начинать яди въ гостяхъ, если въ ряду званыхъ будетъ кто «честнѣе»; хвалить всякое брашно поданное, не смотря на его дѣйствительное качество; или напр. наказъ слугъ: «куда пошлютъ въ люди, у воротъ легонько поколотить, у сѣней ноги отереть, носъ высморкать, выкашляться, искусно молитву сотворити... Предъ хозяиномъ носа не копать, не кашлять, на стороны не смотрѣть» и пр. пр. (стр. 11 — 13, гл. 35). Такою же мелочностію, точностію и подробностію отличаются и всѣ вообще вышеупомянутыя правила Домостроя, подробности которыхъ было неудобно приводить, по ихъ обширности.

Убѣждая сына своего выполнять его «худое ученіе и грубое наказаніе и предсказывая ему за это всякихъ благодатей — временныхъ и вѣчныхъ, Сильвестръ ссылается въ образецъ на свою жизнь: «памятуй, чадо, како мы жихомъ. И ты тому же ревнуй и тако твори» (2, 112, 106 — 110 стр.).

Итакъ, Домострой рисуеъ намъ идеалъ человѣка строго религіознаго, набожнаго, точнѣйшаго исполнителя всякихъ церковныхъ обрядовъ, жизнь котораго опутана тысячами мальчайшихъ правилъ, предусматривающихъ и опредѣляющихъ каждый его шагъ, каждое движеніе. При этомъ нельзя не замѣтить, что внутренній смыслъ прежней искренней и простосердечной религіозности значительно поколебался. Вниманіе Домостроя обращено почти исключительно только на внѣшность, на обрядъ, съ исполненіемъ котораго неразрывно соединено воздаяніе и который изъ средства возведенъ въ цѣль. Правда, и Домострой говоритъ о милосердіи и т. п. добродѣтеляхъ, свидѣтельствующихъ, повидимому, о жизненности, дѣятельномъ характерѣ проповѣдуемой имъ набожности. Но стоитъ только обратитъ вниманіе на дѣйствующія здѣсь побужденія, чтобы на половину разочароваться. Истинно-христіанскіе мотивы нравственной дѣятельности въ Домостроѣ являются въ значительной мѣрѣ извращенными и подавленными со стороны побужденій житейскихъ, человѣческихъ: сюда приходятъ такіе не безпредосудительные, въ нравственномъ отношеніи, дѣятели, какъ

стремленіе къ чести, славѣ, практической выгодѣ и т. п. Напр., питаніе нищихъ является здѣсь не столько цѣлю, какъ вообще доброе дѣло, сколько средствомъ пріобрѣсти, кромѣ изды отъ Бога, «отъ людей добрую славу». Милосердіе, вообще, рекомендуется, какъ средство составить репутацію добраго человѣка, котораго бы вездѣ «ждали, встрѣчали и провожали», какъ средство, при маломъ «убыткѣ», снискать «дружбу и добрую славу во вѣкъ» (стр. 15, 111). Съ другой стороны, напр. пьянство и т. п., пороки являются не столько сами по себѣ безнравственными, сколько вредными для репутаціи человѣка, потому что влекутъ «отъ людей срамоту», и т. д. (стр. 14). Наконецъ, есть мѣста, гдѣ Домострой еще непосредственнѣе жертвуетъ внутреннимъ смысломъ поступковъ для лицевой ихъ стороны, гдѣ допускаетъ онъ прямую неправду, проповѣдуетъ лицемеріе. Чтобы сохранить за собою славу добраго человѣка и не нарушить формальныхъ отношеній съ людьми, онъ рекомендуетъ скрытничество, ложь. Чтобы исполнить правило содружія и любовнаго житія съ другими, совѣтуетъ пользоваться всеми средствами, не обращая вниманія на ихъ моральную цѣну; напр., «аще людемъ твоимъ лучитца съ кѣмъ брань», то, чтобы соблюсти свой добрый авторитетъ предъ другими и «утолить» чужихъ, Домострой предписываетъ, не смотря ни на что, бранить и бить своихъ, хотя бы они были и правы, «да еще недруга же напоити и накормити» (стр. 111, 13 и др.).

До такой крайней обрядности и формализма развились, подъ вліяніемъ историческихъ условій, прекраснѣйшія черты національнаго русскаго характера. Животворное сѣмя христіанства, посѣянное въ свѣжую, полную силы натуру славянина, не получило надлежащаго воспитанія. Грубое физическое насиліе дикаго, въ своемъ бездушномъ фанатизмѣ, мусульманства наложило неизгладимую печать на подавленный русскій народъ. Благодаря этому вліянію, и русскій народъ явился фанатикомъ въ своей религіозности, подчиняющимъ интересамъ религіи каждый шагъ своей жизни, но, къ сожалѣнію, фанатикомъ столь же почти бездушнымъ и мелочнымъ, вполне способнымъ воспитать въ своей средѣ такихъ борцовъ православія, которые готовы умереть изъ-за неприкосновенности въ немъ и «единого аза».

На рубежѣ XVII столѣтія въ исторіи внутренняго направленія и характера русской жизни совершается замѣчательный переворотъ. На рус-

скомъ тронѣ является могучій первоимператоръ, который пробудилъ свой народъ, поколебалъ всю внѣшность и формальность въ его жизни, положилъ основу духовной самостоятельности русскаго народа, вывелъ его на путь самобытнаго прогресса. Какъ встрѣтили эту рѣзкую пере-мѣну утвердившіеся въ неподвижной обрядности питомцы Домостроя, мы уже знаемъ; съ одной стороны, обнаружилась старовѣрческая оппозиція новому строю, съ другой — неблагоприятное увлеченіе имъ. Среди этихъ крайностей стали люди, которые критически отнеслись къ современному теченію жизни, безъ предубѣжденія встрѣтили новыя порядки, охотно, безъ нравственной ломки согласились подвергнуть старину безпристрастному пересмотру и старались сохранить изъ стараго и усвоить изъ новаго все только истинно хорошее, полезное. Въ рядахъ этой немногочисленной, но лучшей части новаго русскаго общества, состоявшей, конечно, изъ людей, прежде всего, образованныхъ, учившихся и по положенію высокопоставленныхъ, долженъ быть названъ и нашъ Посошковъ. Его Завѣщаніе представляется рѣдкостнымъ и въ высшей степени дорогимъ памятникомъ, въ которомъ мы знакомимся съ этою умѣренной, среднею партіею петровскаго общества, — съ людьми, воспитавшимися на Домостроѣ, но разумно, сознательно отнесшимися и къ новымъ условіямъ и требованіямъ, знакомимся съ возрѣніями и идеалами здравомыслящаго древне-русскаго человѣка-простолюдина въ высокоинтересный моментъ его исторической жизни. Остановимъ свое вниманіе на этихъ идеалахъ. Само собою разумѣется, тутъ мы не встрѣтимъ совершенно новаго, цивилизованнаго человѣка, освободившагося отъ вліяній своего воспитанія, и весьма естественно, что въ идеалахъ Посошкова осталось весьма и весьма много домостроевскаго; но за то мы встрѣчаемъ здѣсь очевидную уже способность и полную готовность къ новой жизни, первые прививки новаго духа; встрѣчаемъ людей, принадлежащихъ еще старому времени, но уже усваивающихъ новыя взгляды и убѣжденія, новыя понятія и идеи.

Анализируя Завѣщаніе Посошкова, нельзя будетъ игнорировать Духовную Татищева, какъ произведеніе совершенно однородное, почти одновременное и рельефно отгѣняющее нѣкоторыя черты особенностей въ характерѣ и содержаніи перваго. Какъ принадлежащая перу извѣтнаго въ свое время вольнодумца, рьянаго сторонника Петра Великаго изъ партіи либерально-прогрессивной, Духовная Татищева, уже по этому самому, имѣетъ черты своеобразнаго характера, рисуетъ идеалы нѣсколько иного склада, про-

пагандирует иногда другой строй жизни, сравнительно съ Завѣщаніемъ Посошкова. Съ другой стороны, какъ произведение челоѵка, не только вѣрующаго, но, во время писательства — подѣ впечатлѣніемъ житойскихъ неприяностей и приготовленій къ смерти — и слишкомъ благочестиваго, и Духовная Татищева носитъ на себѣ тотъ же преобладающій религиозный характеръ и написана въ такомъ же церковномъ тонѣ. Что касается элемента пракческаго, присущаго всеѣмъ сочиненіямъ и идеаламъ Посошкова, то и у Татищева, въ данномъ сочиненіи, онъ является даже въ наибольшей долѣ. Идеалы Татищева построены приѣвнительнѣе къ жизни, они ближе поставлены къ дѣйствительности, нежели сравнительно высокіе и болѣе отвлеченные идеалы Посошкова. Въ авторѣ Духовной Татищева со всею ясностію выступаетъ предѣ нами челоѵкъ слишкомъ умный, опытный и теоретически и практически мудрый, отлично знающій жизнь и людеѣ, т. е. сильный тѣми качествами, которыя поражаютъ насъ не столько въ Завѣщаніи отеческомъ, сколько скорѣе въ Книгѣ о скудости и богатствѣ Посошкова.

«Завѣщаніе отеческое сыну своему со правоученіемъ за подтвержденіемъ Божіихъ Писаній» Посошкова, въ прекрасномъ изданіи А. Попова составляетъ довольно объемистое сочиненіе. Не отличаясь строгою разграниченностію матеріала и выдержанностію частныхъ сюжетовъ, Завѣщаніе отеческое раздѣлено на главы. Имъ предпослано предрѣчіе къ Завѣщанію, въ которомъ предложено нѣсколько наставленій религиознаго характера, преимущественно о твердомъ и непоколебимомъ стояніи въ православіи, среди «обьюродѣвшихъ еретиковъ» и «олазивыхъ раскольниковъ». Первая глава: «Объ отроческомъ житіи» содержитъ наставленія сыну-отроку о нравственномъ и школьномъ самовоспитаніи, преимущественно о храненіи себя въ тѣлесной чистотѣ, а также вообще объ «опасномъ житіи», о точнѣйшемъ выполненіи христіанской добродѣтели смиренія, наконецъ, объ избраніи жены. Вторая глава: «О брачномъ житіи» содержитъ наставленія о святости супружескихъ отношеній. Въ третьей главѣ: «О началѣ мірскаго житія» Посошковъ, полемизируя противъ Лютеранъ, доказываетъ обязательность для христіанъ хранить внѣшнюю, тѣлесную чистоту, соблюдать омовенія и пр.; далѣе предлагаетъ наставленія о первоначальномъ воспитаніи дѣтей, обученіи, даже объ одѣяннн дѣтей, о

воздержаніи въ жизни, особенно о воздержаніи отъ пьянства, объ отношеніи къ духовному отцу и о необходимости покаянія. Глава четвертая: «О мірскомъ моленіи и молитвѣ» содержитъ специальный трактатъ о религіозныхъ обязанностяхъ человѣка: о временахъ моленія и составѣ молитвы, объ обязательности поклоновъ при моленіи (противъ Лютеранъ), о моленіи во время литургіи. Пятая и самая большая глава: «О гражданскомъ житіи» наполнена многочисленными предписаніями, опредѣляющими нравственный характеръ человѣка, обнимающими домашнюю преимущественно жизнь. Положеніе же человѣка, какъ члена общества, занимающаго извѣстное опредѣленное положеніе, описано Посошковымъ въ особыхъ рубрикахъ, входящихъ въ составъ той же главы: о земледѣльствѣ, о рабскомъ житіи, о художествѣ (т. е. о ремесленникахъ), о купечествѣ, о солдатскомъ бытіи, объ офицерствѣ, о крестьянскомъ житіи и, наконецъ, о нищенскомъ житіи. Такимъ образомъ, общій идеаль человѣка-христіанина, какъ общественной единицы, разсмотрѣвъ Посошковымъ въ этой главѣ раздѣльно, въ лицѣ всѣхъ частныхъ особей, входящихъ въ понятіе общества. Шестая и послѣдняя глава: «О приказныхъ порядкахъ», съ особыми рубриками: о старомъ подъячествѣ, о судействѣ, — рисуетъ идеаль «праведнаго судіи» и судейства, чуждаго пороковъ и недостатковъ, которыми заражено было древнее судопроизводство.

Въ эпиграфѣ Завѣщанія отеческаго Посошковъ написалъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Бога вседержителя и всея твари сотворителя, предлагаю Завѣщаніе сіе любезному ми сыну. Прошу тебя, Господа ради, всѣми силами своими держися Создателя своего Бога и да снабдиши (соблюдеши) заповѣди Его святыя и моего отеческаго Завѣщанія да не отиѣдеша». Эпиграфъ въ высшей степени удачный, потому что въ немъ Посошковъ высказалъ и цѣль своего труда, и его существенный характеръ. Главнымъ побужденіемъ, которое руководило Посошковымъ въ написаніи Завѣщанія, было желаніе его видѣть въ молодомъ поколѣніи осуществленіе идеаловъ, сформировавшихся въ его представленіи; видѣть воплощеніе въ жизни высокихъ требованій христіанства, идеаловъ евангельскихъ, какъ ихъ могъ себѣ представить и согласить съ обыденною жизнью авторъ. Сообразно характеру идеаловъ, и все Завѣщаніе Посошкова является съ строго религіознымъ характеромъ. Во имя Бога онъ началъ его писаніе и во имя религіи онъ предла-

гаетъ всѣ наставленія, вездѣ и во всемъ преслѣдуя религіозные интересы. Предлагаетъ ли Посошковъ программу школьнаго обученія, важнѣйшимъ условіемъ онъ при этомъ поставяетъ, чтобы не перенять изъ наукъ чего нибудь «развратнаго для благочестивой вѣры». Зайдетъ ли рѣчь о богатствѣ, Посошковъ скорѣе спѣшитъ передать самое существенное въ этомъ отношеніи правило: «паче же временнаго, нищи богатства вѣчнаго, чѣмъ тебѣ въ безконечные вѣки жить». Говоритъ ли о выборѣ невѣсты сыномъ, прежде всего и даже «наипаче смиренія и разума», онъ велитъ искать «въ невѣстѣ страха Божія». Предлагаетъ ли правила первоначальнаго воспитанія дѣтей, «начальнѣйшимъ обученіемъ» поставяетъ сообщеніе религіозныхъ понятій и «страха Божія водруженіе». Заговоритъ ли Посошковъ объ одеждѣ, опять-таки невольно уклоняется онъ на свою излюбленную тему и вставляетъ наставленіе: «паче же всѣхъ воспоминаемыхъ украшеній нужно украшаться благочестивою, правою христіанскою вѣрою, еже блюсти ю цѣло и непоколебимо». Нужно ли Посошкову воодушевить, утѣшить раба въ его тяжелой судьбѣ, онъ прежде всего поставяетъ ему на видѣ, что «за терпѣніе будетъ отъ Бога вѣнецъ славетатися», что горечь жизни, какъ бы она ни была несносно тяжела, должна вызывать не ропоть, а радость «за вѣщую душевную пользу», что въ бѣдствіяхъ и тяготахъ жизни христіанину «нужно поставяетъ себѣ находку» и пр. и пр. (стр. 8, 141, 21, 53, 57, 185). Однимъ словомъ, все у Посошкова проникнуто духомъ религіи, на всемъ лежитъ неизгладимая печать ея. Это мы сейчасъ увидимъ въ знакомствѣ и съ самими идеалами Посошкова.

«Не вознегодуй на мя», обращается Посошковъ къ сыну, «за сіе мое Завѣщаніе: не худа ради предложихъ ти сіе, но дабы ты не лишень былъ царства небеснаго» (стр. 140). Вотъ прямая цѣль писанія Посошкова, — цѣль достигнуть общей цѣли всѣхъ стремленій, всей жизни человѣка. Къ достиженію этой цѣли и направлены предлагаемые Посошковымъ идеалы. Этимъ же опредѣлялся и сравнительно возвышенный характеръ послѣднихъ: Посошковъ, въ этомъ случаѣ, витааетъ въ области болѣе идеальной и отвлеченной, нежели напр. Татищевъ, который стоитъ на болѣе утилитарной, житейской точкѣ зрѣнія и, кромѣ нравственныхъ высокихъ цѣлей, преслѣдуетъ, съ неменьшимъ постоянствомъ, цѣли житейскія, не упускаетъ изъ вида практической философіи, гласящей, что «конецъ желаньямъ нашимъ ненасытнымъ, въ свѣтѣ главный пунктъ — деньги». (Тат. и его вр. 233 стр.).

Первый членъ Посошковскаго катихизиса посвященъ религіознымъ потребностямъ и обязанностямъ человѣка. Посошковъ желаетъ воспитать прежде всего религіознаго, искренно вѣрующаго христіанина. «Господа ради, всѣми своими силами держися своего создателя Бога». «Непрестанно Его прославляй и за всякое дѣло благодареніе Ему возсылай и не преставай въ мысли своей Бога имѣй!» «Ни на единъ часъ Бога изъ мысли своей не выпускай: аще стоиши или сѣдиши, аще идеши или лежиши, или что либо твориши, яко во дни, тако и въ нощи, отнюдь изъ мысли своей Бога не выпускай, и кромѣ молитвы, Бога имѣй въ себѣ присно». «Всегда и во всемъ надежду возверзи на Господа» (стр. 1, 28, 135, 142). Рекомендую вообще сыну такое душевное настроеніе, чтобы «Богъ въ немъ жилище свое соорудилъ», Посошковъ требуетъ непрерывнаго богомыслия, какъ бы даже повторяя самыя слова Владиміра Мономаха: «егда путемъ идеши или ѣдеши, не могли ты въ то время бездѣленъ быти, но глаголи умомъ своимъ Давыдовы псалмы, кои можешь памятествовати... Между же ими промѣшивай Богомъ данную молитву — Отче нашъ и Пресвятой Богородицѣ поздравительный архангеловъ глаголь... и глаголи не просто, но съ богомыслиемъ. Тако творя, всегда съ Господомъ будещи и Господь съ тобою будетъ» (стр. 170, 171). Въ то же время, Посошковъ всячески старается ввести сына въ сознание истинной цѣли всѣхъ стремленій христіанина, направляетъ его взоръ въ жизнь загробную, внушаетъ всемирныя усилія къ достиженію царства небснаго. «Мой совѣтъ буди тебѣ, сыне мой, сицевъ, — еже бы ти никаковыя вещи, на семъ свѣтѣ сущія, съ прилежнымъ пропеніемъ у Бога не просити; но токмо да будетъ твое прилежное пропеніе объ оставленіи грѣховъ твоихъ и о полученіи царства небснаго». «Поревнуй и ищи первѣе царства небснаго. При попеченіи же о царствіи Божіемъ и о всякой правдѣ, вся благая, не токмо грядущая, но и настоящая, приложатся», (стр. 102, 21, 136). Какъ самое дѣйствительное и надежное средство не потеряться во всѣхъ случайностяхъ жизни, не пропасть отъ тяготъ и горечи житейской, Посошковъ внушаетъ сыну непоколебимое упованіе на Бога и безпредѣльную вѣру во святой промыслъ Божій: «ни о какомъ злоключеніи своемъ не скорби, безъ воли бо Божія ни что тебѣ не содѣется, токмо буди ты Божій; ни о чемъ не печалься, но во всякихъ своихъ благихъ и злыхъ случаяхъ живи по Его Божьей волѣ». Съ этой точки зрѣнія,

Посошковъ и проповѣдуетъ всегда примирительный взглядъ на жизнь: «сего ради, сыне мой, и скорби, и бѣды вся любезно и благодарно приѣми; не убойся и не ужаснися: безъ Божіа бо воли ничто тебѣ не случится... Подобаеть паче о бѣдахъ радоватися, а не сокрушатися», потому что они низводятъ на человѣка «велию мзду отъ Бога и мученическаго вѣнца сподобляють» (стр. 181, 102, 22).

Но съ особенною настойчивостію Посошковъ, подѣ влияніемъ религіозныхъ волненій въ его время, которыхъ еще не опасался напр. Домострой, выражаетъ свое желаніе воспитать именно *православнаго* христіанина, вѣрнаго сына «Святыхъ Восточныхъ церкви», непоколебимаго для иновѣрій, раскола и вообще чуждаго всякой религіозной неустойчивости. «Всѣми своими силами держися Восточная церковь и вѣру имѣй тую, кую насадилъ и возрастилъ царь Константинъ, къ намъ же принесь Владимиръ». «Твердо завѣщаваю и заклинаю, да всѣми силами держишися святыхъ Восточныхъ церкви, яко родиши ты матери. Аще же сіе завѣщаніе презриши, мое отеческое благословеніе да обратится ти въ клятву». «Господа ради, держися древняго христіанства, ни на каковыя толки не сдавайся, но стой, яко мраморный столбъ, на недвижимомъ камени утвержденный, не склоняйся ни на шую страну, ниже на мнимое десно» (стр. 111, 5, 7, 168, 2, 161).

Еще гораздо съ большею подробностію Посошковъ распространяется въ изложеніи обязанностей человѣка къ Богу и при этомъ особенно останавливается на молитвѣ. Цѣлую главу Завѣщанія Посошковъ посвящаетъ этому предмету и разсматриваетъ его гораздо полнѣе и обстоятельнѣе, нежели Домострой. Выше, знакомясь съ характеромъ религіозныхъ воззрѣній Посошкова, мы уже изложили въ высшей степени здравый теоретическій взглядъ Посошкова на смыслъ и значеніе христіанской молитвы; указали также и на тѣ крайности и дробныя, мелочныя предписанія, въ которыхъ высказалось у Посошкова практическое раскрытіе вопроса о молитвѣ. Не касаясь въ настоящемъ случаѣ, такъ сказать, принципиальной стороны дѣла, постараемся въ общей картинѣ и, по возможности, языкомъ самого Посошкова изложить требованія его относительно молитвы, въ литературномъ отношеніи не безынтересныя и въ своемъ родѣ весьма любопытныя. «Завѣщаваю тебѣ, сыне мой, егда отъ сна вставать будешь, то прежде всякаго глаголанія возложи на ся крестное знаменіе истовое» (т. е. триперстное). При этомъ, По-

сошеговъ счель полезнымъ для своего времени описать самый процессъ знаменія крестнаго и предостеречь отъ двоеперстія. «Первѣ возложи на чело, потомъ низведи свою руку на пупъ, отъ пупа же на десное плечо, а потомъ на лѣвое... И въ сложеніи перстовъ Св. Троицу исповѣдай; двоеперстнаго же сложенія вельми бойся». «Возставъ на ногѣ, первѣ сотвори предъ образомъ три поклоны *воставаьные*», и потомъ уже «отступи отъ одра своего». Послѣ, «когда лице свое умыеши, *расмо* свое настоящее исправляй». Въ этомъ правилѣ Посошковъ «принуждаетъ проглаголати не борзяся, со вниманіемъ и богомыслиемъ» но нѣсколько разъ извѣстныя молитвы, освященныя церквію для домашняго богослуженія, какъ то: молитву Господню, молитву Богородичную, символъ вѣры. Затѣмъ должна слѣдовать «отъ себя молитва»: за царя, за царяцѣ, за царевичей, за отца духовнаго, роднаго, за родственниковъ; «потомъ о себѣ вспомяни», о супругѣ и дѣтяхъ. За совершеніемъ молитвы, по указанной программѣ, къ Богу, должна непосредственно слѣдовать совершенно тождественная молитва къ Богородицѣ; потомъ такія же точно молитвы, только съ уменьшеннымъ количествомъ назначаемыхъ при этомъ поклоновъ, должны возсылаться къ св. Іоанну Предтечи, Іоанну Богослову, священномученику Власію, св. Спирidonу, преподобному Онуфрію, великомуч. Варварѣ. Послѣ молитвы къ святымъ слѣдуютъ повторенія молитвы Господней, молитва къ Ангелу-хранителю и молитва къ «тезоименному блюстителю Николаю». Наконецъ, молитва заупокойная: о царяхъ, дѣдахъ и пр. (стр. 75..., 86, 91, 94 и др.). Интересны также правила поведенія во время молитвы, своею точностію и мелочностію напоминающія Домострой, а своимъ происхожденіемъ всецѣло обязанныя древне-русской жизни, составляющія неотъемлемое достояніе и главное богатство послѣдней. «Егда будещи предъ образомъ Воиниѣ молитву возсылати, на стороны не поглядывай, стой, яко столбъ, неподвиженъ;... аще въ то время тѣло твое воззудѣеть, не мози двинутися или почесатися; аще и блоха начнетъ тя копошити, всячески потерпи». Спрашивающимъ и докучающимъ во время молитвы «не отвѣчай»; если же молитва будетъ чѣмъ прервана, если и вторицею и третицею смѣшастся она, то всегда начинай снова, «еже бы безъ всякаго пренинанія исправить ю». «Егда же пріидеть день праздничный, то всячески упразднися, отнюдь никакихъ работы не работай, но иди въ церковь. Далече не доѣхавъ до церкви, востани и доиди до

крыльца пѣшь. Вступя въ церковную ограду, шапку съ себя сѣйши. При дверяхъ церковныхъ и парикъ сними, и войди въ церковь рабски. Егда увидеши въ церковь, то первѣе Спасителеву образу сотвори 3 поклона, Богородицѣ два... потомъ пресвитеру и людямъ. На высокомъ мѣстѣ не становись, на хоры и на клиросъ не восходи и поющихъ крылошанъ, ради своєю пыхи, съ мѣста не сбивай. И стани на мѣстѣ неподвиженъ, яко твердый столбъ, о стѣны не опирайся, ногъ не оттопыривай, ногу за ногу не закладывай, но стой прямо, кротко, со страхомъ, трости отнюдь въ рукахъ не держи (потому что только нѣмцы, у которыхъ вѣра особая, отъ христіанскія отличная, со дреколѣиѣмъ сидятъ). Не плюй гордостно въ дальность отъ себя, чтобы плюновеніемъ или сморканіемъ не оскоредить кого, но плюй толко предъ собою, вблизиности и подтирай ногою. На стороны отнюдь не поглядывай, потому что можешь красотою доброличною узвѣтися и вмѣсто пользы пакость себѣ приобрящени. Все вниманіе устремляй къ богослуженію, что поютъ или что читаютъ, вся внимли и ничесого мимо ушеть не пускай, умошь съ Богомъ бесѣдуй. Кромѣ воздыханія, ничего своего къ церковному пѣнію не приишпывай и по особымъ книжкамъ — полкаторски — не читай и пр. и пр. (стр. 103..., 117, 169, 177 и др.). Во времена, узаконенныя для поклоновъ, особенно въ извѣстные моменты литургіи, Посошковъ требуетъ неотмѣннаго выполненія нѣкоторыхъ тѣлодвиженій: стани на колѣну, рудѣ свои возверзи къ небеси, возложи на ся крестное знаменіе, стоя на колѣну, поклонись до земли, возстани на ногѣ твои, падъ на землю ницъ лежи, не воздвизайся отъ земли и т. п. Съ наставленіями Посошкова о поклонахъ, ставленія свѣчей, о цѣлованіи иконъ, мы уже знакомы. Посошковъ предлагаетъ настолькоъ подробную программу поведенія во храмѣ, что старается даже подчинить правиламъ взгляды, движенія глазъ молящагося, заповѣдуетъ возводить при молитвѣ очи свои горѣ, а не долу (169 с.). — Между религіозными обязанностями, Посошковъ напоминаетъ также о непрѣмной обязательности для христіанина прибѣгать къ таинствамъ церкви, какъ благодареннымъ средствамъ освященія и подкрѣпленія въ жизни (стр. 13, 72..., 204).

Не ограничиваясь молитвою къ Богу, Посошковъ желалъ бы, по возможности, всю вообще жизнь и дѣятельность христіанина сдѣлать непрерывнымъ служеніемъ Богу. Непрестанному богомыслию онъ, при всякомъ

удобномъ случаѣ, хочеть приурочить и внѣшнее дѣйствованіе, тѣлесный трудъ. Всему въ жизни, всякому и мелочному обстоятельству онъ хочеть придать характеръ церковности, на все наложить печать христіанства. «Егда какое дѣло начинати будеши, то отнюдь просто не начинай, но первѣе возложи на ся крестное воображеніе истовое». «На письменныхъ дѣлахъ въ началѣ полагай начертаніе крестное». «Аще ясти какую ядь начнеши, то и тамо, прежде положенія во уста своя, возложи на ся крестное воображеніе». «Въ сосудъ съ питіемъ дуни крестообразно». «Входя куда либо, крестись, выходя — тоже. Не моги минути церкви, чтобъ, снявъ шапку, не поклониться», и пр. и пр. (стр. 172, 173, 104 и др.). Неуклонное соблюденіе всѣхъ этихъ и подобныхъ требованій часто обставляется у Посошкова слишкомъ предусмотрительными и по своей мелочности озадачивающими дополненіями и условіями. Напр., при встрѣчѣ съ несомымъ Тѣломъ Христовымъ, «чуть его завидиши, шапку съ себя сойми, съ коня своего сниди и, *аще и грязно, поклонись до земли*». Въ извѣстные моменты богослуженія «падъ поклонися до земли, *аще и многонародно въ церкви всячески потрудись*» и т. п. (стр. 104, 168, 131).

Таковъ для Посошкова идеаль религіознаго человѣка, христіанина, — идеаль, повидимому, чисто древне-русскій, домостроевскій. Но если мы внимательно всмотримся въ этотъ идеаль, то увидимъ довольно замѣтно выступающіе въ немъ уже новые оттѣнки. Идеаль Посошкова далеко уже не въ такой мѣрѣ бездушень и такъ исключительно механиченъ, какъ идеаль Сильвестра. Излагая точную, мелочную регламентацію, Посошковъ старается каждый обрядъ осмыслить, въ каждомъ ничтожномъ обычаѣ и предписаніи отмѣтить внутреннее его значеніе, въ силу котораго этотъ обычай является не какъ бездушный, формальный обрядъ, но какъ форма, полная религіознаго содержанія. Между тѣмъ какъ Домострой учитъ только обряду, въ немъ полагаетъ главную цѣль своихъ стремленій, и, при безчисленномъ множествѣ обрядовыхъ тонкостей, весьма рѣдко отмѣчаетъ ихъ внутренній смыслъ и содержаніе; Посошковъ никогда и нигдѣ не ограничивается одною внѣшностію, а всегда обязательно обращаетъ вниманіе и на скрывающуюся въ ней внутреннюю сторону. По крайней мѣрѣ, являясь строжайшимъ проповѣдникомъ обрядности, онъ нигдѣ при этомъ не опускаетъ изъ вида и содержанія, одушевляющаго эту обрядность, внутренняго значенія, осмысливающаго ее. Съ каждымъ

словомъ молитвы Посошковъ соединяетъ опредѣленное содержаніе, каждому движенію тѣла, каждому жесту въ религиозныхъ обрядахъ онъ старается приурочить извѣстное движеніе духа. Математически точно измѣряя и вычисляя обрядовыя дѣйствія, Посошковъ неотступно внушаетъ при этомъ всегда и «движеніе умное», «держаніе въ мысли», «возношеніе духовное», «исповѣданіе духомъ» и пр. т. п. «Возлагая на себя крестное знаменіе», говоритъ напр. Посошковъ, «умными своими очима зри крестъ Христовъ». «Въ сложеніи трехъ перстовъ исповѣдуй святую Троицу». Полагая поклоны, «умными очима воззри въ самому Богу. Тѣлесными очима зри на образъ Богородицы, умными очима также зри на небо» (стр. 75, 76, 90, 91 и др.). Впрочемъ, съ постоянными замѣчаніями Посошкова о значеніи и внутреннемъ смыслѣ въ молитвѣхъ и иконопочтаніи мы уже знакомы. Поэтому, не станемъ болѣе приводить примѣровъ и выписокъ изъ Посошкова, тѣмъ болѣе, что перечислять въ Завѣщаніи все, подтверждающее наше положеніе объ осмысленности Посошковымъ формальныхъ требованій и обрядовыхъ мелочей, значило бы снова перебрать все его предписанія. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, Посошковъ является далеко уже не слѣпымъ приверженцемъ обряда. Воспитавшись на Домостроѣхъ и усвоивъ его предписанія во всей точности, онъ успѣлъ замѣтно возвыситься надъ понятіями Сильвестра, не ограничился внѣшностію, формальностію русской религіозности, обратилъ вниманіе на болѣе существенный элементъ ея, — и свою несравненно болѣе жизненную, дѣятельную религіозность завѣщалъ своимъ потомкамъ. Нельзя не видѣть въ этомъ вліяніи новаго времени, задатка гуманности. Очевидно, лучшіе русскіе люди, высказавшіеся въ лицѣ Посошкова, стали, наконецъ, отыскивать мысль въ своей набожности, стали открывать утраченный смыслъ русской религіозности. И по всему видно, какъ еще ново было это дѣло для русскаго человѣка, какъ непривычна была для его головы эта, какъ бы вновь только что открытая, зависимость формы отъ содержанія, обряда отъ его духовнаго смысла. Самъ Посошковъ, какъ мы видѣли, и то въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, такъ сказать, прорывался, передаваясь на сторону неразумной обрядности, исключительнаго формализма. Съ другой стороны, не даромъ онъ почелъ себя обязаннымъ постоянно, даже повторяясь, отмѣчать во всякихъ ничтожныхъ обрядовыхъ дѣйствіяхъ ихъ духовное знаменованіе, старался связать отдѣльныя движенія тѣла съ соотвѣстными движеніями души. Усилія Посошкова

всегда выслѣдить и отнѣтитъ эту связь выходить иногда очень характерны и невольно обращаютъ на себя вниманіе. Не говоря напр. о томъ, что Посошковъ нигдѣ не опустилъ случая упомянуть объ обязательности при крестномъ знаменіи и духовнаго воображенія креста Христова, онъ старается приучить мысль слѣдовать за рукою даже въ самомъ процессѣ крестнаго знаменія. «Егда руку свою возложши на чело, то въ умѣ своемъ помышлай о вышнемъ рогѣ креста Христова, егда же низводиши будещи руку свою на животъ, то помышлай о длинномъ древѣ крестномъ, а егда уже руку свою низведеши на нупъ, то помышлай о нижнемъ рогѣ креста Христова, а егда положиши руку свою на правое плечо, то помышлай о правомъ рогѣ креста; егда же понесеши руку на лѣвое плечо, то въ умѣ своемъ держи о поперечномъ древѣ крестномъ» и т. д. Правда, прототипы такихъ внушеній можно найти и въ Домостроѣ, но встрѣчаются они тамъ неизмѣримо рѣже и имъ, видимо, не придается тамъ особаго значенія и важности: приводятся они только иногда, между прочимъ, кстаті, а потому и производятъ впечатлѣніе только болѣе или менѣе общихъ мѣстъ, фразъ, стереотипныхъ для всей древне-русской, религіозной письменности — выраженій. Правда также, что въ подобныхъ наставленіяхъ замѣтна крайняя механичность, съ которою Посошковъ старается опредѣлить чисто духовныя движенія, связывая съ несеніемъ руки соотвѣтственное перенесеніе мысли, или напр. съ извѣстнымъ движеніемъ глазъ — опредѣленное движеніе «умныхъ очей» и т. п., но избѣжать этого, совершенно освободиться отъ механичности едва ли и было возможно для Посошкова, воспитавшагося все же въ духѣ домостроевскаго формализма.

Духовная Татищева несравненно уже менѣе удѣляетъ мѣста разсужденіямъ о религіозныхъ обязанностяхъ человѣка. Тѣмъ не менѣе, и изъ нея видится прежде всего нескрѣпная религіозность автора, который, въ помнслахъ о смертномъ часѣ, завѣщаль, для спасенія души и отпущенія грѣховъ, деньги по церквамъ раздавать, пѣть панихиды, читать псалмы, давать ладонъ и свѣчи, построить церковь и пр. и пр. Очевидно также желаніе Татищева воспитать и въ сынѣ своемъ религіозную настроенность. Съ этою цѣлію, онъ заповѣдуетъ ему прежде всего «пучаться въ законѣ Божіемъ день и ночь даже до старости, со вниманіемъ читать письмо святое, ... книги учителей церковныхъ, ... истолкованія заповѣдей и блаженствъ» и пр. «Читай письмо святое прилежно и тщица

по оному поступать» (Тат. и его вр. стр. 209, 216). Но склонность Татищева къ вольнодумству и здѣсь уже успѣла высказаться. Между тѣмъ какъ Посошковъ обнаруживаетъ безусловное довѣріе ко всему, такъ или иначе прикрытому авторитетомъ церкви, Татищевъ, напротивъ, не преминулъ сдѣлать сыну предусмотрительное замѣчаніе относительно напр. прологовъ, четыхъ миней, что «многія исторіи въ истинѣ бытія оскудѣвають», что нѣкоторыя изъ нихъ «соблазны въ сомнительству подать могутъ» (стр. 210). Рекомендую знакомиться съ ученіемъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій, въ цѣляхъ утвержденія и непоколебимости въ православіи, Татищевъ, въ то же время, совѣтуетъ уклоняться отъ религіозныхъ преній съ иновѣрцами, «чтобы у людей злаго мнѣнія о себѣ не подать, а отъ неразумныхъ и не потерпѣть». Между тѣмъ, Посошковъ, въ своей религіозной ревности, не способенъ былъ ни на какіе компромиссы, не допускалъ никакихъ уступокъ; преслѣдуя правду въ сферѣ религіозной съ особенною заботливостію, онъ, совершенно напротивъ, старался внушить и сыну ту же ревность по Богѣ, которую одушевленъ былъ самъ: «аще кого узриши сунящася, не моги умолчати», повторялъ онъ неоднократно своему сыну (стр. 78 и др.). Далѣе, Посошкову, по своимъ убѣжденіямъ примыкающему къ партіи охранительно-консервативной, представлялось наиболѣе опаснымъ протестанство и отъ него особенно онъ желалъ предостеречь своего сына; между тѣмъ какъ Татищевъ, человѣкъ либерально-прогрессивнаго лагеря, большую опасность видѣлъ въ католичествѣ и завѣщалъ въ Духовной «остерегаться особенно папистовъ».

Теперь посмотримъ на нравственные качества, которыми надѣляетъ Посошковъ своего идеальнаго христіанина.

Составъ нравственныхъ предписаній Посошкова вполне соответствуетъ Домострою. Какъ и въ послѣднемъ, Посошковъ старается предостеречь сына своего отъ грѣховъ и рекомендуетъ ему по преимуществу нѣкоторыя и именно тѣ же, что и Домострой, добродѣтели. Въ первыхъ же строкахъ своего Завѣщанія, наряду съ требованіемъ вѣры въ Бога, Посошковъ требуетъ, чтобы сынъ всѣми силами соблюдалъ заповѣди Божіи, хранилъ душу свою отъ всякаго грѣхопаденія. «Отъ всего сердца своего у Отца небеснаго проси, дабы въ тебѣ всегда содѣвалась Божія воля, дабы діаволь никаковыя власти не возымѣлъ и на грѣхи бы тебя не приводилъ» (стр. 1, 79, 74). Посошковъ перебираетъ частные виды

грѣха, предостерегая отъ нихъ сына. Напр.: «Господа ради, чадо, бойся блуднаго грѣха» (стр. 9, 14); «вельми бойся лжи, дабы въ сыновство діаволу не вдатися» (147 с.); «отнюдь пустошныхъ словесъ, наипачежъ ругательныхъ не глаголи» (46, 148 с.); «всячески тщися, еже бы ти до пьяна не упиватися и дабы весьма его (вина) не касатися» (62 с.¹); «также въ яденіи пицномъ имѣй воздержаніе и не пресыщайся» (61 с.²); «чтобы не навывать во грѣхахъ, со злыми людьми отнюдь содружия никакого не имѣй» (74, 9). Но особенно опасными и безнравственными, въ представленіи Посошкова, грѣхами являются гордость и самоумничество, когда человѣкъ въ разумѣ своемъ высоко о себѣ помыслить. «И въ ереси ни отъ чего тако не впадаютъ, яко отъ высокоумія своего. Сего ради, чадо мое, не мози и близъ себя допускати самоумничества. Не буди гордъ; самому премудрому человѣку не надлежитъ гордиться и умомъ своимъ возноситься» (стр. 69, 70 и др; Кн. о ск. и бог. 77 стр.³)

Въ главѣ всѣхъ положительныхъ чертъ нравственности, которыми Посошковъ желаетъ украсить своего идеальнаго человѣка, должно быть упомянуто прежде всего смиреніе. Принимая евангельскіе совѣты въ качествѣ обязательнаго закона, Посошковъ, на основаніи ихъ и проповѣдуетъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, начало уступчивости; въ противовѣсъ гордости, настойчиво внушаетъ совершеннѣйшее смиреніе. Правило смиренія и самоумниженія Посошковъ желалъ бы постановить общимъ принципомъ въ жизни и дѣятельности человѣка, положить въ

¹) Пьянство вызывало обличенія во всѣхъ домострояхъ и сочиненіяхъ, преслѣдовавшихъ исправленіе русской жизни. Напр. Просвѣт. Юс. Вол. стр. 364.

²) Наставленія о воздержаніи въ пицѣ были весьма важны и умѣстны для русскаго человѣка, любовь котораго къ изобилію яствъ выражалась въ 50 — 100 блюдахъ, подаваемыхъ за однимъ обѣдомъ. — Котошихинъ «О Россіи въ царств. Ал. Мих.» стр. 118.

³) Но съ особенною силою вооружается Посошковъ противъ всякаго проявленія самоумія, какъ мы отчасти и видѣли, въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ. Самоволіе онъ считаетъ главнымъ источникомъ погибели «и въ духовныхъ, и въ мірскихъ дѣлахъ», источникомъ развращенія всей вселенной. Зерц. очевид. реп. л. 94 об., 52, 100, 114 и др. Отъ «самозаконія» призводитъ «всякую злую вещь» и Патр. Іоакимъ. Увѣтъ дух. л. 23.

¹) На такихъ же основахъ кротости, взаимнаго уваженія и уступчивости хочеть построить жизнь и Іосифъ Вождій. Просвѣтитель, стр. 362, 367.

основу всего поведенія христіанина. Строгость и точность предписаній Посошкова въ этомъ отношеніи своимъ ригоризмомъ превосходитъ даже Домострой. Вездѣ, гдѣ только заходитъ у Посошкова рѣчь о столкновеніяхъ съ другими, онъ вставляетъ замѣчанія: «не мози никого похнути, потѣснити, самъ уступи, не озлобься, не воспротивься, уступи, премоли» и т. п. «Буди яко кроткое овчатко, ни малыя гордости не припусти къ себѣ, но всѣхъ буди крочшгь, нималыя выскости въ себѣ не являй. Ровнай себя червию, иже въ трупахъ зарождается; предъ великомъ человекомъ смиреніе и низость свою показуй безлукавную; буди яко рабъ, служа всѣмъ» (стр. 107, 149, и пр. = Зерц. л. 52, 200 об.). «Не гнѣвайся на обиды, буди глухъ на руганіе. Кто тя ударить въ ланиту, обрати ему другую. Кто обидитъ или озлословитъ тя, ты всячески понеси на себѣ, а того и въ мысль свою не влагай, еже бы чѣмъ ему отмити, и не жалься на него, не токмо людемъ, но иже Богу; но паче всякими образы тщися, еже бы сдѣлать ему какую ни есть добродѣтель». «Отнюдь ни на кого не гнѣвайся: на всякія злыя словеса и досадительныя буди глухъ, и аще кто тя севернословно и ругательно избранитъ, буди яко не слышай и ничему тому не внимай, но вся та гнилая словеса мимо ушей своихъ пускай.» «Во всякомъ дѣлѣ буди услуженъ и безотвѣтенъ. Чѣмъ тебѣ досадятъ, терпи. Аще будутъ тебя бити, понеси на себѣ» и только, когда «не въ мочь ти будетъ», можно поугать жалобой; «аще-же можеша понести на себѣ, ради своя вѣщія душевныя пользы, то вся претерпи» и пр. (стр. 82, 143, 182, 179, 185 и др.). Съ другой стороны, самъ опасно себя храни, чтобы во грѣхъ не войти и какому человекъ досады бы не учинить, дабы никто не пожаловался на тебя. Никого въ гнѣвъ не приводи, ни стараго, ни малаго, ни богатаго, ни убогаго ничѣмъ не оскорби; ни во очи, ни заочно досады никому не чини, но буди самъ отъ всѣхъ обиженъ; и другу и недругу — всѣмъ добро дѣй. Сурово ни съ кѣмъ не говори, но буди любителенъ всякому человекъ, и пр. (стр. 146, 107, 15, 20 и др.). Посошковъ желаетъ такого самоотверженнаго смиренія, что поставяетъ его принципомъ всякихъ отношеній человека даже къ животнымъ и только органическимъ предметамъ. Напр., запрещая при проѣздѣ на конѣ тѣснить человека-пѣшехода, Посошковъ прибавляетъ: «и не человека токмо люби, но и скоты жалуй; аще и курицу наѣдешь, въ песокъ рыщущуюся, не потѣсни ю; аще иную скотину или пса на пути наѣдени

спяща, не досаждай ей, объѣдь ю. Подобивъ, и въ лѣсѣ дрова безъ potreбы, на поруганіе не руби. Тако живи опасно, чтобы не токмо чело-вѣку, но и скотомъ миль бы ты былъ. Всякое дѣло первѣе къ себѣ приложи, — угодно ли оно будетъ тебѣ, и то токмо твори, чего самъ себѣ жалаешь» (стр. 16., 171, 19, и др.). Духомъ смиренія обусловливаются и всѣ житейскія правила приличія, предписываемыя Посошковымъ, — напр. какъ держать себя въ гостяхъ, на обѣдахъ и т. п. Посошковъ такъ вѣрять въ начало смиренія и «низкостности», что видитъ въ немъ источникъ истинной христіанской мудрости. По его мнѣнію, сынъ его, если и въ умѣ недостаточенъ будетъ, но смиренъ, то «паче мудрыхъ людей умудрится» (стр. 72).

Другая главнѣйшая христіанская добродѣтель, которую по преимуществу долженъ украшаться челоѣкъ и которую особенно настойчиво рекомендуетъ Посошковъ, есть милосердіе. Будь ко всякому челоѣку милосердъ. Нищимъ подавай пѣнязи, особенно въ церкви. Бѣднымъ лю-дямъ въ нуждахъ помогай, распростри руку свою на подааніе и пр. Прозящему милостиню подай, отдай даже «лучшій кусокъ, кой тебѣ (самому) угоденъ» (стр. 133, 143, 140, 173). Кромя бѣдныхъ, благотворительность христіанина должна быть направлена на церковь и духовенство. Въ этомъ случаѣ Посошковъ требуетъ буквального выпол-ненія древняго положенія о десятинахъ: «на кійждо годъ исчисли при-бытка и отдѣли десятую долю Богу. Егда выработаша десять пѣнязей, то не отлагай до иного времени, отдѣли десятый пѣнязь и освяти его Богу» и пр. Но и кромя десятины, на всякое церковное украшеніе по-давай неоскудную рукою, безъ сожалѣнія; пресвитеровъ питай лучшею пищею, подавай имъ неоскудную рукою, съ усердіемъ, подаваніемъ не-оскуднымъ надѣлай (стр. 138, 63, 143 и др.¹).

Одно изъ самыхъ основныхъ правилъ христіанской жизнедѣятельно-сти, по Посошкову, составляетъ трудолюбіе. Какъ самъ челоѣкъ въ вы-сшей степени дѣловой, Посошковъ желаетъ видѣть то же и въ своихъ потомкахъ, смотря на трудолюбіе не съ практической только точки зрѣ-нія, но приписывая ему и высшій смыслъ, даже религіозное значеніе. Бездѣльная жизнь и бесполезная трата времени представляются Посош-кову не только въ общественной жизни неправыми, незаконными, но и

¹) Буквального выполненія правила о десятинахъ требуетъ также Іосифъ Во-лоцкій. Просвѣтитель стр. 368.

въ экономіи спасенія «вредительными», — «вельми бо грѣшно чловѣку туеядцемъ быти». Смотри на жизнь христіанина, какъ на непрерывный трудъ и прославленіе Бога добрыми дѣлами, Посошковъ и подтверждаетъ эту основу, существенное требованіе христіанской жизни, своими личными симпатіями, навѣкомъ своей собственной жизни. Видно, что Посошковъ самъ вошелъ, такъ сказать, во вкусъ этой трудовой и благочестивой жизни, а потому, отъ всей полноты своего убѣжденія, онъ и заявлялъ, что «нѣсть того на свѣтѣ утѣшище, еже во трудахъ забавлятися». И сыну своему Посошковъ желалъ бы цѣликомъ передать свое убѣжденіе о могущественномъ значеніи трудолюбія въ жизни. «Моленіемъ молю тя, Господа ради, буди у дѣла своего люботруденъ»; «никогда праждеи не сиди», и пр. Посошковъ преслѣдуетъ всякую пустоту жизни и безсодержательность, гдѣ бы она ни проявлялась въ поведеніи чловѣка. Онъ рисуеъ типъ чловѣка, постоянно занятаго дѣломъ, избѣгающаго пустословія и бездѣлья, чловѣка серьезнаго, во всемъ аккуратнаго, всегда послѣдовательнаго себѣ, вѣрнаго своему слову и убѣжденію, обдуманно говорящаго и тѣмъ болѣе осмысленно поступающаго. «Пустошнихъ глаголовъ», говоритъ напр. онъ, «весьма бѣгай, посмѣшнихъ или ругательныхъ словесъ отнюдь не глаголи. Не буди продержливъ на слово, во всякое слово первѣе розжуй, не будетъ ли въ немъ какого порока. Тако себя остерегай, дабы никаковымъ словомъ себя не одурачити» и пр. Еще тѣмъ болѣе «дѣла своя всякія десятирицею осматривай, дабы въ нихъ ни малыя кастери не было; ни единаго дѣла, не осмыслася крѣпкимъ размышленіемъ, не начинай дѣлать, — въ тонкость разсмотри о немъ» и пр. (стр. 211, 183, 170, 148, 190, 11, 215 и др.).

Съ трудолюбіемъ неразрывно связывается терпѣніе, готовность къ перенесенію всякихъ лишеній. И Посошковъ, съ равною же силою и настойчивостію, старается воспитать въ сынѣ и эту христіанскую дободѣтель. Онъ внушаетъ скромность требованій, съ одной стороны, и христіанское самодовольство съ довѣріемъ къ промыслу — съ другой; онъ хочетъ, такимъ образомъ, заранѣе примирить сына съ жизнію, со всеми ея невзгодами, жаеетъ придать свѣтлую окраску всему и тягостягъ ея, рисуеъ въ самыхъ свѣтлыхъ, завлекательныхъ чертахъ спокойствіе, миръ души, христіанское самодовольство. Завѣщая христіанину уже съ ранняго дѣтства запасаться христіанскими доблестями, приучаться «нужду всякую терпѣти, навькати терпѣнію»; онъ, въ тоже время, же-

лаетъ утвердить сына въ волѣ Божіей, чтобы онъ «разумѣлъ во всемъ изволеніе Божіе, чтобы «во всемъ на Его Божію волю полагаеся», — и «житіе твое», ободряетъ Посошковъ сына, «паче царскаго веселостно будетъ; понеже и презѣльная скудость будетъ ти сладостна паче богатства многого, и не токмо сносная бѣда, но и самая смерть ни во что ти будетъ, за еже весь ты будешь въ Бозѣ. Безжалательный бо человекъ всегда веселъ бываетъ, аще у него много, аще и мало: о всемъ радуется и Бога благодарить, и живетъ, яко царствуетъ» (стр. 56, 78, 142).

Нѣкоторыя предписанія Посошкова, касающіяся частной и общественной жизни, проникнуты чисто аскетическимъ характеромъ. Таковъ, напр., взглядъ его на богатство. «Богатства временнаго не весьма ищи; богатство бо временное ничто есть; не всякому оно на пользу, но вѣщши бываетъ на погибель. Отъ богатства приходитъ гордость, тщеславіе, сластолюбіе, вещелюбіе, всякая роскошь непотребная; всякія пакости наводитъ оно на человека, погубляетъ». Поэтому, «не радуйся, сыне мой, богатству, аще будетъ у тебя довольное, и съ притужаніемъ за нимъ не бѣгай» и пр. (стр. 141...). Такого же характера правила Посошкова объ отношеніи къ почестямъ, славѣ житейской.

Разсмотрѣніе частныхъ нравственныхъ правилъ поведенія въ общественной и семейной жизни считаемъ излишнею подробностію. Очевидно, всѣ предписанія Посошкова, касающіяся нравственности, имѣютъ слишкомъ близкое сходство съ Домостроемъ. Но и здѣсь легко усмотрѣть довольно замѣтную разницу между нравственнымъ идеаломъ Посошкова и Домостроя. Нравственный идеалъ послѣдняго въ большинствѣ его чертъ является чисто формальнымъ, часто лишеннымъ истиннаго внутренняго содержанія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже безнравственнымъ, полнымъ только человѣческаго разсчета, не моральныхъ мотивовъ. Между тѣмъ, нравственный идеалъ Посошкова, при той же формальной точности, мелочности, имѣетъ гораздо болѣе нравственнаго содержанія и несравненно полнѣе проникнуть нравственною идею. У Силвестра замѣтили мы до крайности доведенное начало уклончивости, примѣнительности къ жизни и угодливости къ людямъ; множество его наставленій направлено именно къ тому, чтобы научить, какъ ужиться съ разными людьми, жертвуя подчасъ правдою, чтобы не нарушить добрыхъ отношеній къ другимъ и не повредить своимъ интересамъ. Такой принципъ уклончивости, примѣняемости и угодливости людямъ,

легко переходящій въ совершенное равнодушіе къ правдѣ и неправдѣ, ведетъ къ совершенному уничтоженію искренности въ обращеніи людей, къ совершенному ослабленію нравственныхъ основъ въ жизни общества. Посошковъ не успокоивается на такихъ взглядахъ. Его честность, прямота, вѣра въ искренность человѣческихъ отношеній, стоятъ гораздо ближе къ чуждымъ лицемѣрія, безхитростнымъ понятіямъ Владиміра Мономаха. Какъ истый любитель правды, Посошковъ не могъ оставаться равнодушнымъ, «видя правду отвержену» гдѣ бы то ни было: тѣмъ болѣе онъ не могъ самъ проповѣдывать и возводить на степень идеала двоодушіе, лицемѣріе и т. п. неправду. Поэтому, если онъ совѣтуетъ сыну, какъ и Домострой, «заживать доброе имя»: то требуетъ достигать этого дѣйствительными нравственными достоинствами, истинными заслугами, а никакъ не внѣшнею формою, бездушнымъ благочестіемъ, тѣмъ болѣе не хитростію, не притворствомъ, отъ чего Посошковъ прямо предостерегаетъ въ своемъ Завѣщаніи. Голосъ общественнаго мнѣнія, слава отъ людей, не должны быть цѣлію нравственной дѣятельности человѣка, потому что они могутъ только сбивать человѣка съ пути истинной нравственности: лучше, поэтому, вовсе не обращать на нихъ вниманія, такъ какъ только искренность, чистота намѣреній и побужденій обуславливаютъ нравственную цѣну и значеніе всякаго поступка: такова высоконравственная, чистая мораль Посошкова! Внушая, напр. полнѣйшее смиреніе, уничиженіе предъ всякимъ человѣкомъ, Посошковъ прибавляетъ такіа, повидимому, совсѣмъ непринимавшіяся Домостроемъ въ расчетъ условія: «предъ всякимъ человѣкомъ низость свою покажуи безлукавную и смиреніе твори не того ради, дабы тебя люди хвалили; но отъ самыя истины въ словахъ и дѣлахъ, и во всякихъ поступкахъ смиреніе твори безъ всякаго притвора; и не токмо въ явности, но и въ тайности, и внутрь себя смиренъ буди; ничтожа себя, смиреніе носи въ себѣ и того своего смиренія не ставь себѣ въ добродѣтель» (145 стр.). Заповѣдуя сыну упражненіе въ дѣлахъ милосердіа, онъ говоритъ: «аще что ни подаси, ни предъ кѣмъ не славься, ни самъ предъ собою, ниже Богу извѣстуй, сколько подаси» и т. д. (стр. 133). Излагая правила молитвы въ храмѣ, Посошковъ не забываетъ сдѣлать замѣчаніе: «читай себѣ молитву тайно и не токмо языкомъ, но и губами не шевели, дабы люди не поставили тя въ великаго молитвенника: но токмо умомъ своимъ читай, дабы никто не видѣлъ, не слышалъ, ниже разумѣлъ, что ты тво-

рши» (124 стр.). Говоря о нищенскомъ житіи, Посошковъ не забываетъ поставить на видъ существеннаго условія — «буди и духомъ нищъ» (208 стр.) и пр. и пр. «И какіе труды ты ни понесени, ради своєю душевныя пользы, то ты тѣхъ трудовъ и болѣзней своихъ не вспоминай не то что предъ Богомъ и предъ челоуѣки, но ниже самъ предъ собою; тако ихъ имѣй, яко бы ничего того не бывало» (185 стр.). Такъ, наконецъ, говоритъ Посошковъ вообще объ обязательности для истиннаго христіанина правды, искренности въ поступкахъ: «лжи во уста своя ни малыя не влагай и лъстиваго глагола никакаго никому не глаголи. Опасно храни себя въ семь: аще кто на тебя пошлется въ какомъ свидѣтельствѣ, аще врагъ, аще и самый секретный другъ, не мози солгати дружбы ради, или страха ради отъ лица сильнаго. Лучше тебѣ бѣду и смерть подъяти, неже солгавъ цѣлу быти, вмѣсто правды ложь сказати. О сыне мой, счастливъ бы ты былъ, аще бы ты за праведное свидѣтельство смерть пріялъ!» (стр. 147, 148). Такой же искренности, правдивости до полнѣйшаго самоотверженія Посошковъ требуетъ и во всѣхъ другихъ добродѣтеляхъ, во всѣхъ поступкахъ христіанина. Такъ еще напр., требуя чистѣйшаго цѣломудрія, онъ внушаетъ безропотное, терпѣливое перенесеніе изъ-за этого всякихъ угрозъ, побоевъ и даже смерти: «О, аще бы ты, чадо мое, за таковое цѣломудріе убиенъ былъ до смерти, то бы ты великъ былъ во царствіи небесномъ» (стр. 10). Даже въ физическомъ трудѣ Посошковъ силится искоренить все неискреннее, разсчитанное на показъ, — и работать онъ заставляетъ «всею христіанскою правдою, безъ всякія лѣности, безлукавно, — каково во очесѣхъ (наблюдающихъ), таково и заочно» (179 стр.). Словомъ, Посошковъ рѣшительно вооружается противъ всего показнаго, дѣланнаго, эффектнаго. И въ благочестіи, и въ общественныхъ отношеніяхъ, и даже въ физическомъ трудѣ Посошковъ требуетъ искренности, правоты, самаго дѣла. Всюду давая предписанія о внѣшнемъ поведеніи, онъ нигдѣ на этомъ не останавливается и этимъ не ограничивается; вездѣ онъ въ то же время обращаетъ вниманіе на душевное настроеніе, на сущность, внутренней смыслъ дѣла; всегда требуетъ полнаго соответствія между внѣшнимъ видомъ, положеніемъ и душевнымъ состояніемъ, требуетъ полной гармоніи мыслей съ словами, словъ съ дѣлами.

Идеальныя черты чистой христіанской нравственности въ жизни част-

ной и общественной, затребовавшая Посошковымъ, въ сущности тѣ же самыя повторяются и Татищевымъ въ его Духовной. И онъ также заповѣдуетъ благіе нравы, смиреніе, вѣрность, правду, справедливость, благородство, вѣрность присягѣ и пр. И онъ, съ небольшою энергіею и рѣвностію, возстаетъ противъ всякихъ уклоненій съ пути нормальной жизни и сурово порицаетъ всякое нравственное уродство въ жизни: лицемерство, коварство, лесть, зависть и ненависть; съ негодованіемъ бранить «проклятыхъ ябедниковъ, душевредцевъ, плутовъ, воровъ, богомерзкихъ и жадныхъ подлецовъ» и пр. Словомъ, и Татищевъ стремится въ жизни общественной и частной къ той же вообще правдѣ, какъ и Посошковъ, но, впрочемъ, не пускается въ математическія вычисления и измѣренія нравственныхъ поступковъ человѣка, какъ это дѣлаетъ послѣдній.

Въ общей сферѣ социальныхъ воззрѣній Посошкова должны быть отмѣчены, не лишеныя интереса, его *политическія убтожденія*, и въ ряду его правилъ общежитія должны быть указаны, разсѣянные по всѣмъ сочиненіямъ, спеціальныя наставленія Посошкова объ отношеніи къ гражданской власти, объ обязанностяхъ человѣка, какъ члена государственной семьи. — По своимъ политическимъ воззрѣніямъ, Посошковъ представляется строжайшимъ монархистомъ — и въ этомъ отношеніи является выразителемъ общаго, выработаннаго всею русскою исторіею, взгляда на царя, какъ именно Божія помазанника и избранника. «У насъ самый властительный и всецѣлый монархъ», такъ характеризуетъ Посошковъ русское самодержавіе. Онъ «самъ собою владѣетъ». «Мы же Монарха своего почитаемъ яко Бога и честь его опасно хранимъ, и волю его всеусердно исполняемъ». «Яко Богъ всѣмъ свѣтомъ владѣетъ, такъ и царь въ своей державѣ имѣетъ власть; какъ чему повелитъ быть, такъ и подобаетъ тому быть неизмѣнно и ни мало ни на право, ни на лѣво неподвижно». Только самъ Государь стоитъ внѣ всякихъ ограниченій: «Царскому Величеству нѣтъ предѣла: идѣ же царское пришествіе, тутъ и законъ измѣняется» (Соч. Пос. I, 254, 122, 252, 231, 136 и пр.). Сообразно такому идеальному взгляду на царя, строятся у Посошкова наставленія, которыми долженъ руководствоваться человѣкъ, какъ подданный своего Государя. Кроимъ обязательной и усиленной молитвы за царя, которую Посошковъ диктуетъ — въ предложенной имъ въ Завѣщаніи программѣ христіанской молитвы — обыкновенно прежде всего, ставитъ на самомъ первомъ мѣстѣ, онъ требуетъ все-

гданяго и особеннаго почтенія и уваженія къ Государю, какъ подобію Самаго Бога, внушаетъ ту же крайнюю осмотрительность въ обращеніи даже съ именемъ только царскимъ, какъ и съ именемъ Божиимъ. (Зав. от. стр. 214 и др.). «Ревниво оберегая царскую честь въ принципѣ, Посошковъ и на практикѣ старается удалить все, что, по его мнѣнію, компрометировало царя, какъ владыку, полнаго господина подданныхъ— своихъ «природныхъ рабовъ»; всякія частныя сношенія, которыя бы могли ставить царя на одну доску, въ одинаковыя условія съ подданными, Посошкову кажутся уже недостойными, ненормальными. Даже такой напр. ничтожный и въ сущности безразличный актъ, какъ взиманіе царемъ на свое имя росписокъ съ казенныхъ должниковъ, уже не правится Посошкову, и онъ желалъ бы устранить его, какъ обычай «вельми несчастный и чести царской неприличный» (Соч. Пос. I, 73). Наконецъ, Посошковъ предлагаетъ не мало энергичныхъ обязательствъ въ отношеніи къ государю и болѣе практическаго свойства. «Аще у какого дѣла строптиваго будешь во управленіи», поучаетъ Посошковъ сына, «то у дѣла царскаго, за царскіе секреты стой, являясь яко левъ. Буде вручено ти какое дѣло государево будетъ, то ты о домѣ своемъ и ни о чемъ своемъ тако не пекися, яко о врученномъ ти дѣлѣ» (Зав. от. стр. 106, 145). Царственная нужда, по представленію Посошкова, должна превышать все интересы; для нея единственно Посошковъ рѣшается на исключенія даже въ области религиозныхъ обязанностей чловека (напр. Зав. от. стр. 133); ради только ей онъ готовъ допустить пренебреженіе нѣкоторыхъ основныхъ общечеловѣческихъ правилъ жизнедѣятельности. Интересно напр., какъ Посошковъ — вдохновенный любитель правды и заклятый врагъ всякой лжи и обмана — учитъ солдата «ради царственной нужды» врать непріятелю, обязываетъ завѣдомо лгать: захваченный въ плѣнъ, о недостаткахъ своихъ воинскихъ непріятелю «не мори изъясляти, все связывая вдвое или втрое, правды ни малыхъ не объявляй, не сплоснь говори имъ ложь» (Зав. от. стр. 192 и пр.).

Политическія убѣжденія Посошкова находятъ себѣ совершенно единомысленный откликъ и въ Духовной Татищева. Послѣдній, какъ тоже строжайшій монархистъ, главнѣйшими качествами добраго гражданина поставляетъ вѣрность своему государю и государству, ревность къ государственной службѣ, прилежаніе къ общей пользѣ и безусловное повиновеніе властямъ. Грустныя событія, совершившіяся на глазахъ Татищева

и вызванныя корыстными замыслами верховниковъ, небудили его внушить своему сыну глубоко-правдивыя политическія истины: «съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда не согласуйся... Паче всего тайность государя прилежно храни и никому не открывай, всего же болѣе женщинъ и льстецовъ хитрыхъ охраняйся» и пр. т. и. (Тат. и его вр. стр. 217, 218).

Кромѣ общаго христіанскаго идеала, къ которому должно стремиться молодое поколѣніе, Посошковъ обрисовалъ идеальныя черты частныхъ личностей, занимающихъ то или другое опредѣленное положеніе въ обществѣ. Онъ предполагаетъ, что сынъ его можетъ быть и крестьяниномъ, и воиномъ, и купцомъ и пр., а потому и снабжаетъ его совѣтами на случай избранія имъ той или другой карьеры, предлагаетъ правила, касательно положенія и спеціальныхъ обязанностей каждаго изъ всѣхъ общественныхъ классовъ. Эта часть Завѣщанія отеческаго имѣетъ близкое соотношеніе къ Книгѣ о скудости и богатствѣ, дополняетъ ее. Между тѣмъ какъ въ Книгѣ о скудости и богатствѣ Посошковъ разсматриваетъ положеніе общественныхъ сословій, какъ они существуютъ и преимущественно съ стороны ихъ недостатковъ; въ Завѣщаніи отеческомъ Посошковъ рисуетъ идеальное положеніе ихъ, каковы они должны быть, согласно христіанскому ученію и сообразно цѣли христіанской жизни (что, впрочемъ, нужно отличать отъ юридическихъ преобразованій, проектируемыхъ Книгою о скудости и богатствѣ). Весьма естественно, поэтому, вышло то очевидное явленіе, что въ разсматриваемыхъ идеалахъ господствуютъ преимущественно тѣ нравственныя предписанія и добродѣтели, которыя составляютъ противовѣсъ порокамъ и недостаткамъ, подробно обрисованнымъ въ Книгѣ о скудости и богатствѣ.

Прежде всего Посошковъ обращаетъ вниманіе на земледѣльца (котораго онъ отдѣлилъ отъ крестьянина, но которые, видимо, являются совершенно тождественными и въ представленіи Посошкова. Зав. от. стр. 176—178, 204—205). Главный недостатокъ въ крестьянской жизни, отъ котораго происходили нравственныя пороки народа, Посошковъ полагалъ, какъ мы видѣли, въ бѣдности. Поэтому, въ Завѣщаніи отеческомъ, съ христіанской точки зрѣнія, Посошковъ старается примирить бѣдняковъ съ своей судьбою, пробудить уваженіе къ себѣ,

возможное довольство своимъ положеніемъ. «Аще, сныи мой, весьма ѡскудѣши и принятися не можеши, и тогда во отчаяніе и уныніе не вдавайся и ни къ какому воровству и неправедному дѣлу не касайся... но, возлежа надежду на Бога, иди въ земледѣльную работу. Работай всюю правдою, безъ лѣности и безъ лукавства, не день къ вечеру гони, но дѣло къ концу приводи... Будь Богу благодаренъ, ни о чемъ на Бога не возропци, и тако живя, и во крестьянствѣ спасешися». Также Посошковъ внушаетъ крестьянамъ честность и правду въ отношеніи къ помѣщикамъ, какъ первый шагъ къ установленію болѣе правильныхъ отношеній между тѣми и другими. Въ противовѣсъ народному невѣжеству, суевѣріямъ и религіозной холодности, Посошковъ побуждаетъ крестьянина къ неуклонному исполненію религіозныхъ обязанностей, повторяетъ свою завѣтную мысль о распространеніи грамотности въ крестьянскомъ быту, предлагая слѣдующее смѣлое и преждевременное наставленіе тогдашнему крестьянину: «въ день праздничный книги читай или что пиши о пользѣ душевной». Посошковъ предостерегаетъ крестьянина отъ «обычныхъ у работныхъ людей» пороковъ: «въ пьянство, въ зѣрнь и въ картежъ не вдавайся, во время работы скверноглаголанія, празднословія и кощунства, не твори, ворожбы не касайся, въ примѣты не вѣрь и пр. Съ особенною настойчивостію Посошковъ вооружается противъ недобросовѣстности и всякой житейской неправды въ средѣ трудящагося люда, энергично повторяя: «надобно всякому человѣку *прямымъ* сыту быти, нужно работать правдою» и т. п. Безусловно требуя отъ сына трудолюбія и добросовѣстности въ работѣ, Посошковъ, кромѣ того, обязываетъ его возможно содѣйствовать насажденію тѣхъ же добродѣтелей и въ его собратіяхъ по положенію. Съ этою цѣлію, онъ рекомендуетъ товарищескіе совѣты, убѣжденія и тому подобныя «тихостныя понужденія».

Подробно говорить о крестьянствѣ и Татищевъ. Разсматривая крестьянъ, вопреки Посошкову, какъ свою помѣщичью собственность, а не какъ владѣніе царственное, собственность государя, Татищевъ повторяетъ тѣ же правила въ отношеніи къ крестьянамъ, какъ и Посошковъ, съ тою только разницею, что онъ не останавливается особенно на потребностяхъ нравственныхъ и вообще духовныхъ, и съ наибольшою подробностію говорить объ экономическомъ устроеніи крестьянскаго быта. Вслѣдъ за Посошковымъ, и Татищевъ ставитъ въ отношеніи къ крестьянамъ «нан-

выпущимъ нунетомъ — учить грамотѣ и писать», чтобы чрезъ это всякій и земледѣлецъ «позналъ законъ и страхъ Божій, и хотя бы тѣмъ могъ назваться истиннымъ человекомъ и различилъ себя отъ скота» (Тат. и его вр. стр. 227). Затѣмъ и Татищевъ требуетъ отъ крестьянъ постоянного трудолюбія, заботится о бодрой и прилежной работѣ всего сельскаго населенія, «дабы во время работы ни малой лѣнкости и дальняго покою крестьянамъ происходить не могло, — понеже отъ враздности крестьяне умирають: спать довольно, ѣдятъ много, а мѣстоу не мѣняютъ». Обличая популярныхъ въ крестьянскомъ быту «проклятыхъ обманщиковъ, воровъ, шентуновъ, колдуновъ» и другія порожденія крестьянской темноты и невѣжества, Татищевъ съ особенною энергіею нападаетъ на «кабакъ, какъ общее подлымъ людямъ приобщеніе, всакому злодѣянью школу, лучшее пристанище, убѣжище и покровительство» (стр. 232).

Правила, предписанныя Посошковымъ крестьянину, почти въ полномъ составѣ повторяются имъ и человеку, «вдавшемуся въ рабское житіе» (Зав. от. стр. 178—185). Какъ самое лучшее, надежное средство не погибнуть отъ горечи рабства, не предаваться отчаянію, Посошковъ и здѣсь прежде всего силится примирить раба съ своей долею, внушаетъ непоколебимое унованіе на Бога и вѣру въ Его святой промыслъ. «Аще вдашися какому господину, о злочюченіи своемъ не скорби, — безъ воли бо Божія ничто тебѣ не содѣется, токмо буди ты Вожей. Ни о чемъ не печалься, но во всякихъ благихъ и злыхъ случаяхъ живи по Божіей волѣ». Посошковъ преслѣдуетъ и здѣсь, какъ вездѣ, чистоту, искренность отношеній рабовъ къ господамъ. «Почитай господина и служи ему, яко Богу, безъ лѣнкости, безъ лукавства, всюю христіанскою правдою работою, радѣи ему съ истиннымъ усердіемъ». Въ то же время Посошковъ предостерегаетъ отъ пороковъ, распространенныхъ въ рабскомъ житіи: лѣнкости, сквернословія, воровства, разврата, подробно рассказывая въ назиданіе исторію столкновеній Іосифа въ домѣ Пентефрія. Особенно энергично предостерегаетъ рабовъ отъ пересудовъ и сплетничества, какъ преимущественно распространеннаго и противнаго порока въ нихъ: «аще господинъ твой будетъ няница или мотыга, не понеси его; аще безвинно избрантъ и зашибетъ тя, не гнѣвайся на него и не токмо людямъ, но и Богу не жалуйся на него».

Въ «художествѣ» Посошковъ видѣлъ недостатки главнымъ образомъ въ небрежности и недостаточномъ обученіи мастеровъ; поэтому, въ Завѣ-

щанія (стр. 185—189) онъ ставитъ въ обязанность ремесленнику «пещися о тщательномъ, самомъ добромъ и звукомъ мастерствѣ». При этомъ Посошковъ настойчиво внушаетъ своему художнику добросовѣстное отношеніе къ заказчикамъ и ихъ матеріалу: «кому даси слово на срокъ сотворити дѣло, то слово намятуй крѣпко; паче же храни себя, еже-бы отъ врученныхъ вещей не похитити чего, ниже что перемѣнити и прихѣсити. Всякое дѣло дѣлай правдиво, безъ всякаго фальшивства» и пр. Особенную осмотрительность Посошковъ внушаетъ оружейному мастеру, такъ какъ въ производствѣ послѣдняго ближе всего можетъ быть замѣшанъ государственный интересъ. Между прочимъ, въ разсужденіи о ремесленникахъ въ Книгѣ о скудости и богатствѣ, Посошкова возмущала, какъ мы видѣли, небрежность иконописцевъ, — и въ Завѣщаніи своемъ онъ не преминулъ обратить нарочное вниманіе на «маляра». «Тщися — говоритъ онъ послѣднему — еже бы не погрѣшитъ предъ Богомъ въ рисовѣ и въ изображеніи лица Спасителя» и т. под. Посошковъ предлагаетъ и здѣсь, какъ въ Книгѣ о скудости и богатствѣ, основныя правила иконописи, даже излагаетъ довольно подробно «личную азбуку».

Въ купеческомъ сословіи и торговлѣ, какъ мы видѣли, Посошковъ усмотрѣлъ страшныя неправды, обманы, подлоги, вражду, ненависть и пр.; все это Посошковъ хочетъ искоренить въ своемъ идеальномъ представленіи торговаго человѣка (189—192 стр.). «Аще вступиши въ купечество, то въ словѣ будь твердъ, яко камень, — цѣны не измѣняй, расплатою не волочи» и пр. «Паче же богатства и живота люби правду, а неправды не припускай къ себѣ. Всѣмъ имѣй правые, вѣрныя. Товаровъ своихъ плохихъ не называй добрыми, закрасы въ товарахъ не чини, барыша большаго не моги взять, отъ чужихъ лавокъ не перезывай, своего товару не весьма выхваляй, чужого товару не моги охулить» и пр. «Ни о чемъ же тако не завѣщай, яко о любви къ Богу и своей братьи».

Въ солдатскомъ бытіи всѣ недостатки Посошковъ производилъ главнымъ образомъ отъ скудости ихъ содержанія, вслѣдствіе чего «войски» были не тверды на брани и, по недовольству своею судьбой, часто рѣшались на самоубійство. Поэтому, въ Завѣщаніи (стр. 192—198), Посошковъ старается примирить воина съ своимъ бѣдственнымъ положеніемъ, внушаетъ самоотверженіе въ перенесеніи всѣхъ нуждъ и лишеній на службѣ. «Буди доволенъ своимъ жалованіемъ; аще пре-

питатися не можно жалованіємъ, то заведи кое ни есть рукодѣліе, отъ чего бы прибавку въ пицѣ приобрѣсти, а неправого дѣла бойся паче огня. Аще скудость хлѣбная случится, то яждь и нечистыхъ свотовъ мясо: въ нуждѣ бываетъ и закону премѣненіе. Солдатствомъ же души своя не погубиши». Посошковъ внушаетъ воину правдивое служеніе государю, храбрость въ войнѣ, точное соблюденіе военной дисциплины, расчетливость въ стрѣльбѣ, чтобъ и «свинцу не было изъянно»; предостерегаетъ отъ разврата, поставляя неразрывную связь между нравственною чистотой и физическимъ могуществомъ: «чистота паче щита въ бою». Настоятельно внушаетъ Посошковъ кроткое, любовное обращеніе съ простымъ народомъ, потому что «солдаты ничѣмъ тако народу не мерзѣютъ, яко обидою и нахальствомъ своимъ и гордостными поступками». При этомъ Посошковъ, въ качествѣ завлекательнаго примѣра, рассказываетъ про нѣкоего солдата, который, по смиренію своего поведенія, «уподобился бурицѣ», а въ бою «столь напоренъ явился, что нарывчивѣе его не было». Самое же величайшее зло, которое можетъ совершить солдатъ, — измѣна, заговоръ: «паче всего блюди себя отъ измѣны, не моги учинити заговора. Аще заговоры имѣти будеши, то будеши ты чорту барабанъ», и пр. Крайне возмущали Посошкова въ военномъ вѣдомствѣ, какъ мы видѣли, насилія офицеровъ и вообще несправедливости военнаго суда; поэтому, въ Завѣщаніи Посошковъ предлагаетъ особое разсужденіе «о офицерствѣ» (стр. 198—204), въ которомъ помѣщены правила, опредѣляющія поведеніе лицъ, начальствующихъ надъ солдатами, и правила надзора и управленія послѣдними. «Самъ никого не обижай, буди милостивъ, взяткъ вельми бойся; буди къ подданнымъ яко отецъ, за злыя же дѣла буди имъ великимъ злодѣемъ: не пада ихъ наказуй, накрѣпко запрети, чтобъ на квартирахъ стояли смирно» и пр.

Образцовая аккуратность и предусмотрительность Посошкова, его желаніе нарисовать самую подробную картину идеальной постановки жизни, не позволили ему обойти даже нищаго, какъ особый родъ общественнаго состоянія (205—208 стр.). «Аще, сыне мой, нападеть на тя дряхлость, не возропци на Бога, но со благодареніемъ возложи на ся суму», т. е. ступай въ нищенское житіе. И Посошковъ своими наставленіями рисуетъ типъ истиннаго нищаго. «Своя и малыя хижинны не имѣй, ризу имѣй едину, пѣнзлей не накапливай» и пр. Въ то же время Посош-

ковъ желаетъ искоренить тѣ недостатки, которыя компрометировали въ глазахъ его русское нищенство. «Въ прощеніи милостыни не буди докучливъ, милостыни не порехватывай» и пр. Словомъ, вся сущность наставленій сводится къ тому, чтобы 'нищій былъ «нищъ и духомъ», чтобы «Христовой нищетѣ подражатель былъ».

Послѣдняя глава Завѣщанія отеческаго — «О приказныхъ порядкахъ» (208—246 стр.) — заключаетъ въ себѣ идеалъ подъячаго и направлена къ искорененію тѣхъ вопиющихъ недостатковъ, которыми страдало древнерусское судопроизводство. Такими недостатками были: самоволіе подъячихъ, взяточничество, притѣсненія бѣдныхъ, волокитство въ дѣлахъ и пр. Посошковъ желаетъ совершенно перевоспитать русскаго подъячаго, поэтому и беретъ его съ первыхъ шаговъ служенія, — обращается къ «молодому подъячему» и внушаетъ ему серьезное отношеніе къ своимъ обязанностямъ. Во главѣ всѣхъ правилъ Посошковъ поставляетъ: «живи богоугодно и вышереченнаго завѣщанія не нарушивай». Затѣмъ слѣдуютъ наставленія, касающіяся специально жизни и обязанностей приказнаго: «въ дѣлѣ приказномъ буди бодръ, весьма при канцеляріи будь, дома не засыпайся, приходи прежде людей, а выходи послѣди всѣхъ, живи живи въ канцеляріи» и пр. «Аще братья твоя, подъячіе, пойдутъ гулять и забавляться, ты забавляйся работою и неподвижнымъ сидѣніемъ». Въ отношеніи къ начальникамъ Посошковъ внушаетъ глубочайшее уваженіе и безпрекословную исполнительность. Въ отношеніи къ челобитчикамъ отъ молодого подъячаго Посошковъ требуетъ постоянства, добросовѣстнаго выполненія касающихся его дѣлъ, напр. срочнаго списыванія нужныхъ бумагъ. «Буде кто тебя подарить, чтобы прилежнѣе потрудился, то и сва у себя убавь и тчися, чтобы не туне былъ его подарокъ». Очевидно, Посошковъ, живя во время непроходимаго взяточничества, не могъ даже представить себѣ возможность его совершеннаго искорененія. Старому подъячему, рекомендуя вообще «паче подвигнуться на благоугодныя дѣла», Посошковъ предлагаетъ убѣдительнѣйшія правила, на основаніи Священнаго Писанія, о праведномъ производствѣ дѣлъ, объ осмотрительности въ рѣшеніяхъ, «дабы ни малыя въ нихъ кастери не было». «Господа ради, бѣжи отъ неправды, бойся паче огня ее. За взятки да за поправленіе виновнаго горши всѣхъ мученъ будещи» и пр. Наконецъ, Посошковъ рисуетъ идеалъ самого судіи. «Аще, сыне мой, будещи судіею, то паче можещи угодити Богу, нежели въ иномъ мірекомъ пре-

бываніи. Праведный судъ паче поста и молитвы заслужить тебѣ». Судейство представляется Посошкову столь важнымъ и отвѣтственнымъ служеніемъ, что въ разсужденіи должнаго устройства и идеальной постановки судопроизводства Посошковъ даже затрудируется сказать определенное мнѣніе. Прежде всего и болѣе всего онъ заставляеть судію, будетъ ли онъ «остръ или тупъ, поменъ или не поменъ» въ дѣлахъ, немолчно молить Бога о дарованіи здраваго разсужденія. Съ своей стороны, Посошковъ только «для пригѣру» рѣшается предложить «по своему мнѣнію малыя статьи» въ наставленіе судѣй. Преслѣдуя вездѣ только правду и законность, Посошковъ, съ понятною силою и настойчивостію, требуетъ того и другаго отъ судіи, какъ призваннаго хранителя правды и представителя законности. Онъ старается внушить судѣй свой взглядъ на преимущественную высоту и нравственную отвѣтственность судейскаго служенія, силится привязать все вниманіе судьи къ своимъ обязанностямъ, расположить его къ строжайшей осмотрительности. «Къ тому судейскому правленію всю свою мысль приложи и ни о домѣ своемъ, ни о женѣ, ни о дѣтяхъ такого попеченія не имѣй, яко о управленіи судейскомъ. Самого себя всего презри, только едино твое помышленіе и попеченіе да будетъ о разсужденіи правды съ неправдою, — то тебѣ постъ, то и молитва, еже право и нелицеприятно судити». Сообразно своему религіозному взгляду на судъ, Посошковъ желаетъ и судебное разбирательство построить на началахъ религіи, придать ему характеръ суда Божія. Такъ, онъ рекомендуетъ прежде всего дѣйствовать на религіозныя убѣжденія подсудимыхъ, допрашивать и уговаривать отъ имени Бога: «претите прежде всего судомъ Божиимъ»; потомъ и въ раскрытіи истины въ судныхъ дѣлахъ Посошковъ совѣтуетъ устраивать нѣчто въ родѣ третейскаго суда въ присутствіи Бога. Совѣтуя судѣй «паче всего приводить всякими образы въ миръ» всѣхъ тяжущихся, «понуждать ихъ великимъ притужаніемъ къ миру», Посошковъ предлагаетъ безъуките-ресныя наставленія о томъ, какъ въ преніяхъ судящихся «дошущиваться самыя силы», какъ челобитчика «поводить на словахъ, напереть на него, распросить въ тонкость, въ самую дробь» и т. п. Для аккуратности и безошибочности въ дѣлахъ, Посошковъ рекомендуетъ судѣй заводить для себя памятыя книжки, въ которыхъ бы выписывать «сесенцію дѣла». Въ допросахъ обявываетъ искать правды «безъ всякаго посягательства и безъ понаровки»; бѣдныхъ защищать отъ изобиды сильныхъ содеряи-

ковъ; лбедниковъ, «многословіемъ правду заминающихъ», отиудъ не допускать; бояться взятковъ, «пенеже изда и мудрому очи заслѣпляеть», и пр. Тутъ же Посошковъ предлагаетъ подробныя правила о наказаніяхъ судебныхъ, при чемъ ясно обозначаются его личныя симпатіи. Какъ любитель правды, онъ жестоко караетъ неправду: жесвидѣтелямъ, напр., назначаетъ смерть или «знакъ», т. е. клеймо на тѣлѣ, или же совершенно беззащитное существованіе, въ всякаго законнаго покровительства; между тѣмъ, за правдивое призваніе Посошковъ обѣщаетъ всякое снисхожденіе и милосердіе. Какъ человѣкъ набожный и строгоправославный, Посошковъ особенно суровъ въ отношеніи къ преступникамъ противъ вѣры: повторыя основное положеніе еще Іосифа Волоцкаго, что еретику уже «нѣсть покаяніа», Посошковъ и требуетъ примѣнять къ нимъ нещадныя застѣнки, нѣтъ, немедленное вершеніе, сожженіе и т. п.¹⁾

Русское судопроизводство, и послѣ петровскаго обновленія еще переполненное древнею неправдою, не могло ускользнуть отъ вниманія и Татищева, который, въ своей полной столкновеіи и неприятности жизни, былъ опытно знакомъ съ нимъ — и, не смотря на свое привилегированное положеніе, на себѣ переиспыталъ все его несовершенство. Сущность всѣхъ разсужденій Татищева объ исправленіи русскаго суда сводится къ тому же итогу, къ которому пришелъ и Посошковъ. Неправда, давившая «маломочныхъ, подлыхъ людишекъ», оказывается, дала себя почувствовать и могущественному дворянину; а потому и изъ подъ пера послѣдняго вылились тѣ же энергичные протесты неправосудію и задуманныя исканія правды, которые переполнили собою все книги мизернаго крестьянина. Наипаче всего прилежи, завѣщаетъ Татищевъ сыну, о правосудіи; не предай немощнаго въ руки сильному; елико возможно прилежи, чтобы ни въ чемъ присягу свою не нарушить, судейской душею не торгуй, хранись предстателей, совѣтниковъ, блюдолизовъ, чтобы тебя лестно въ напастъ неправосудія не привели, и въ выборѣ подчиненныхъ своихъ помощниковъ прежде всего состояніе ихъ совѣти познавай, и пр. и пр. Словомъ, безусловное соблюденіе правосудія вездѣ и во всемъ, полное предпочтенія общественныхъ интересовъ и законности собственной, личной пользы, отреченіе отъ взяточничества, — по мнѣнію Татищева, суть неизбѣжныя условія честной гражданской службы.

¹⁾ На томъ же настаивалъ и Стефанъ Яворскій. Камень вѣры гл. 12-я.

Мы закончили послѣдовательное обозрѣніе идеаловъ Посошкова, извлекли все наиболѣе существенное въ содержаніи его Забѣщанія отеческаго. Очевидно, идеалы Посошкова многими уже отличаются отъ домостроевскихъ; своею духовною стороною, осмысленностію, содержательностію, они возвышаются надъ прежде господствовавшими въ представленіи русскихъ людей идеалами — попреимуществу внѣшняго, механическаго характера. Такимъ образомъ, идеалы Посошкова представляютъ собою уже новую стадію въ развитіи русскаго общества, опредѣляютъ наступленіе иного времени, новой эпохи въ исторіи русской жизни. Разсматриваемые же съ точки зрѣнія новаго времени, они являются, однако, настолько отсталыми, несовершенными, что далеко еще не принадлежатъ ему и не могутъ вполне характеризовать его. Они все же зиждутся на основахъ и складѣ древней жизни и, не отрѣшаясь отъ нея, только болѣе или менѣе возвышаются надъ нею. Въ нихъ такъ еще много удержано домостроевскаго, соблюдено столько стараго, традиціоннаго, допетровскаго, что въ большей своей части Забѣщаніе отеческое представляется достойнымъ перломъ древне-русской письменности, а самъ авторъ его — законнымъ сыномъ древней Россіи. Какъ въ области теоретическихъ, собственно вѣроисповѣдныхъ воззрѣній Посошкова мы видѣли постоянное смѣшеніе существеннаго съ ничтожнымъ, содержательнаго съ формальнымъ, новую тенденцію все осмыслить, объяснить, съ древне-русскою погоней за обрядомъ; такъ и здѣсь, на практической почвѣ — въ нарисованной картинѣ жизнедѣятельности христіанской, еще очевиднѣе наблюдается то же смѣшеніе новаго съ старымъ, нужнаго съ излишнимъ, отжившимъ, серьезнаго съ мелочнымъ. Для полноты картины приведемъ здѣсь еще нѣсколько образчиковъ такого смѣшенія, ради удобства нами оупущенныхъ въ своемъ мѣстѣ. Такъ напр., требуя отъ раба полной почтительности къ господину, Посошковъ чуть ни на самомъ первомъ мѣстѣ повторяетъ домостроевское требованіе: «аще господиъ твой будетъ тебя съ собою кормити, не моги ты прежде его начати что ясти», не моги «лучшіе куски себѣ изъ сосуда избирати» и т. п. Приучая подъячаго къ аккуратности, на ряду съ служебными обязанностями, ставитъ равносильное требованіе — выбѣгать на встрѣчу судѣй для того только, чтобъ «недопуская его до крыльца, поклонъ ему достойный отдать», а послѣ обязываетъ «наки проводить его до саней или до коляски». Забѣщая сыну въ свободные часы читать книги, Посошковъ вполетаетъ въ это замѣчательное пред-

писаніе множество требованій относительно процесса чтенія и сбереженія книги, слишкомъ мелочныхъ: «читающе (книгу), не облокотися о ню, никакихъ вещи свѣтскія не полагай на ню, не полагай ю въ штаны, не полагай въ кафтаннй карманъ, и то не вельми низокъ бы былъ» и пр. Въ изложеніи правилъ поведенія за столомъ встрѣчаются такіа напр. мелочи: «егда начнешь ясти, то не избирай въ сосудѣ лучшихъ кусковъ, да не явишися сластолюбець. Обѣдуя въ людяхъ, избирай себѣ куски изъ блюда худшіе, кусковъ отъ дальняго края не возмай, не ускори ясти прежде другихъ; егда случится сладостную ядь ясти, то не удержи ю въ устѣхъ своихъ, ради устнаго услажденія, да не сотвориши въ себѣ гортанобѣсія», и пр. и пр. Можно бы насчитать въ Завѣщаніи Посошкова и еще цѣлую массу правилъ въ томъ же тонѣ и подобнаго же разбора.

Нельзя конечно, повторимъ и здѣсь, безусловно винить Посошкова за его обрядовое направленіе, за эти чисто формальныя предписанія и ограниченія. Но его уже крайній консерватизмъ въ этомъ отношеніи, стремленіе соблюсти до мелочей всю внѣшнюю обстановку старой жизни, усилія математически опредѣлить границы обряда, все смѣрять, высчитать, безпорядочное смѣшеніе подобныхъ мелочей съ правилами важными и серьезными, наконецъ, его строгая настойчивость въ требованіи выполненія и этихъ мелочей, — все это плохо вяжется съ многими свѣтлыми и возвышенными взглядами, новыми и болѣе или менѣе смѣлыми понятіями Посошкова, все это связываетъ его Завѣщаніе съ Домостроемъ. При правильномъ взглядѣ на вещи, при осмысленіи обряда, послѣдній, однако, и самъ по себѣ сохраняетъ для Посошкова все свое обаяніе, всю свою силу и обязательность. Съ трудомъ мы находимъ только нѣсколько единичныхъ случаевъ, гдѣ Посошковъ согласился поступиться старинными обрядами, пожертвовать ими ради новыхъ условій жизни. И при этомъ въ высшей степени интересными представляются иногда усилія Посошкова помирять разныя требованія, съ одной стороны подчиниться новымъ условіямъ, а съ другой — удержать старинное обрядовое правило. Такъ напримѣръ, парики внушали Посошкову полное отвращеніе, какъ совершенная новость въ туалетѣ русскаго челоуѣка и новость притомъ предосудительная съ церковно-обрядовой точки зрѣнія. Между тѣмъ, они обязательно были введены «ради офицерскаго украшенія и отиѣны». И вотъ Посошковъ силится найти какой-либо выходъ изъ затрудненія: не

нарушая древняго правила, выполнить новое требованіе; и онъ находитъ обходъ въ томъ, что совѣтуетъ своему сыну, «аще будетъ во офицерствѣ или въ сиклитствѣ», гдѣ «не можно будетъ безъ уборства главу свою имѣти, собственныя своя волосы отростити и тѣми украшатися» (Зав. от. стр. 161). Въ большинствѣ же случаевъ Посошковъ, во имя стараго церковнаго строя древне-русской жизни, рѣшительно вооружается противъ новыхъ обыкновеній, отрицаетъ все носящее характеръ новой свѣтскости. Мы уже отчасти видѣли, съ какою упорствомъ Посошковъ восставалъ, напр., противъ париковъ, танцевъ и т. п. «Есть бо нѣщии изъ нашего праваго христіанства, которые и въ церкви стоять въ парухахъ... А парухи горши шапки и шляпы: въ парухахъ волосы собраны отъ мертвыхъ жонъ и дѣвицъ, много же и отъ скверныхъ блудницъ, и таковыхъ мертвечинныхъ и нечистыхъ блудницъ волосы православнымъ христіанамъ и въ церкви на главы своя возлагати не весьма годствуеть» и пр. Танцы тоже представляются Посошкову дѣломъ крайне предосудительнымъ и богомерзкимъ, дѣломъ, по его убѣжденію, творимымъ ради угожденія діаволу (Зав. от. стр. 150, 97). Такъ и слышится въ подобныхъ внушеніяхъ Посошкова голосъ древнѣйшаго русскаго начетчика-аскета, съ тою только несущественною разницею, что послѣдній и выражался еще гораздо опредѣленнѣе. Невольно просятся на сравненіе запрещенія Посошкова съ рѣчами нашихъ древнихъ сборниковъ: «идѣ же сопѣли и гусли, и пѣсни сатанинскія», гласить напр. одинъ изъ такихъ, «ту бѣсове собираются, ту омраченіе души и пагуба... плесаніе всѣхъ играній проклятѣе есть: многовертимое плесаніе отлучаетъ чловѣка отъ Бога и во дно ада ведетъ плясущихъ»¹⁾ и пр. и пр. — Словомъ, какъ догматическія, религіозныя воззрѣнія Посошкова, мы видѣли, изобличаютъ въ немъ чловѣка не установившагося, чловѣка тронутаго новымъ временемъ, но еще не очищеннаго вполне; такъ и жизненные идеалы его, не принадлежа безусловно ни старому, ни новому періоду, характеризуютъ во всѣхъ подробностяхъ переходное время, историческій моментъ выхода Россіи изъ ея замкнутаго существованія и исключительно церковно-обрядоваго склада жизни къ жизни сознательной, цивилизованной, къ жизни, какъ опредѣляетъ ее Посошковъ, свѣтской.

¹⁾ Измарагдъ, ркп. Соловецкой библ. № 270 л. 9 об. и 19 об.

Въ своемъ Завѣщаніи отеческомъ Посошковъ перебралъ всѣ общественныя сословія, разсмотрѣлъ всѣ общественныя состоянія, онъ не забылъ нарисовать идеальныя черты даже нищаго. И въ такой-то въ высшей степени подробной и предусмотрительной картинѣ жизнѣдѣтельности христіанской тѣмъ съ большею очевидностію обозначается существенный и слишкомъ явный пробѣлъ: мы не находимъ здѣсь никакого особаго разсужденія о духовенствѣ. Трудно повѣрить, чтобы этотъ ревнитель православія и благоговѣйный читатель духовнаго чина опустилъ безъ вниманія именно это сословіе «друговъ и наперсниковъ Божіихъ, у престола Его и нынѣ съ плотию стоящихъ». Такая несообразность уже сама по себѣ даетъ намъ право съ вѣроятностію предполагать существованіе другой, распространенной редакціи Завѣщанія отеческаго, съ особою главою о духовенствѣ; а свидѣтельства самого Посошкова въ другихъ его сочиненіяхъ возводятъ эту вѣроятность на степень несомнѣнной истины. Въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи — Книгѣ о скудности и богатствѣ — Посошковъ, разсуждая объ обязанностяхъ духовенства и о должномъ прохожденіи пресвитерскаго служенія, между прочимъ, говоритъ: «аще книга отеческаго завѣщанія принята и печатана будетъ, то надлежитъ готовящемуся во пресвитерство ее читать, понеже тамо положено, какъ пресвитеру духовенство свое вести и како монаху жити и какъ, въ архимандритахъ будучи, братію пасти, какъ себя вести и что подобаетъ архіерею творити» и пр. Далѣе Посошковъ говоритъ также: «я сына своего поостерегъ, написалъ ему въ томъ же завѣщаніи», какъ испытывать ставленниковъ, «аще случится ему быть во архіерействѣ. Въ томъ моемъ завѣщаніи написахъ всякое пресвитерское дѣло, какъ что ему управляти» и пр. (Соч. Пос. т. I, стр. 18—20). Во всякомъ случаѣ, мелкіе отрывки и выраженія, касательно духовенства, разсѣянные, такъ сказать, между строкъ и во всѣхъ главахъ

Завѣщанія, Посошковъ не могъ же считать обстоятельнымъ описаніемъ «всякаго пресвитерскаго дѣла». Нѣтъ сомнѣнія, что въ Завѣщаніи дѣйствительно представлено было Посошковымъ особое подробное описаніе пастырскихъ обязанностей; существовала, слѣдовательно, полная редакція Завѣщанія, намъ не сохранившаяся, съ главою о духовенствѣ¹⁾. Нельзя особенно не пожалѣть объ утратѣ именно этой главы, которая для насъ обѣщала наибольшій интересъ, сообразно важности и нѣкоторой исключительности самаго ея предмета. Сдѣлаемъ, однако, попытку, при помощи имѣющихся, хотя и отрывочныхъ, данныхъ, воспроизвести взглядъ Посошкова на духовенство, на основаніи болѣе или менѣе близкихъ замѣчаній Завѣщанія и другихъ сочиненій Посошкова о духовенствѣ, — возстановить идеальнъ Посошковскаго пастыря. Между прочимъ, въ полной редакціи Зеркала очевиднаго мы находимъ особую большую главу «О пресвитерахъ и о власти, данной имъ отъ Бога». Глава эта, написанная въ полемическомъ тонѣ, съ цѣлію оправдать православный догматъ священства отъ заблужденій безпоповщинской секты, въ то же время представляетъ собою довольно подробное раскрытіе православнаго ученія о сущности и важности служенія пастырскаго вообще. Изъ нея, поэтому, можно не мало извлечь и общихъ положеній, пригодныхъ нашей цѣли.

Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Посошковъ обнаруживается истиннымъ представителемъ окрѣпшаго въ древней Россіи уваженія къ духовенству,

¹⁾ Быть можетъ потеря главы о духовенствѣ зависѣла отъ переписчика, за-
 благоразсудившаго почему либо выпустить ее въ своемъ спискѣ, который и
 сохранился намъ. Но всего вѣроятнѣе, это былъ одинъ изъ фоліантовъ Завѣ-
 щанія, принадлежацій перу самого Посошкова, который часто переписывалъ
 свои сочиненія, притомъ иногда измѣняя и самый составъ ихъ. Такъ, по его
 собственному признанію, онъ переписывалъ нѣсколько разъ Книгу о скудости
 и богатствѣ. Тоже было и съ Зеркаломъ, которое Посошковъ переписывалъ
 нѣсколько разъ и въ различномъ объемѣ. Исслѣдователи сочиненій Посошкова
 оспаривали другъ друга въ вопросѣ о времени написанія Зеркала: Погодинъ
 указалъ на 1708 г., Брикнеръ — на 1706; съ своей стороны, и мы имѣемъ не-
 сомнѣнное доказательство въ пользу написанія его въ болѣе позднюю пору,
 по крайней мѣрѣ не ранѣе 1712 г., потому что въ нашей рукописи Посошковъ
 пишетъ: «въ прошломъ 711 году»... (л. 190). Дѣло объясняется, кажется, очень
 просто: Посошковъ неоднократно переписывалъ Зерцало, допуская измѣненія
 и въ составѣ его содержанія. Тоже въ данномъ случаѣ имѣемъ полное право
 предполагать и относительно Завѣщанія

является искренним учителем духовнаго чина, отзываясь о немъ съ глубочайшимъ уваженіемъ и искреннимъ благоговѣніемъ. По его мнѣнію, это—должны быть самые просвѣщенные, самые возвышенные представители человѣчества въ его настоящемъ положеніи, которые особенно велики силою божественной благодати и нравственнаго полномочія, сообщаемыхъ имъ въ посвященіи,—своею близостію къ Богу, поддерживаемою постояннымъ предстоаніемъ престола Вышняго въ богослуженіи. Словомъ, это—посредники между Богомъ и человѣкомъ, посредствующая ступень, связующая два міра, неизбѣжные проводники всякаго православнаго христіанина отъ жизни земной въ обѣтованное царство благодати. Само собою разумѣется, что всѣ другія сословія казались Посошкову ничтожными въ сравненіи съ такимъ высокимъ, святымъ служеніемъ, какъ пастырство, а потому и весьма послѣдовательно онъ поступилъ, поставивъ всѣ безъ исключенія человѣческія обязанности и сословія въ соподчиненное положеніе къ служенію духовенства. «Нѣтъ на свѣтѣ величайши чина священническаго, noneже образъ Христовъ въ себѣ имуть, и Самъ Богъ его возволич и власть имъ дарова тую-жъ, кую Самъ имаше, рече-бо: имъ же грѣхи отпустите...». — такъ начинаетъ Посошковъ въ Зерналѣ главу о пресвитерахъ (л. 51 об.). То же многократно повторяетъ онъ и въ другихъ мѣстахъ: «священство—столпъ и утвержденіе человѣческому спасенію; безъ него никаковыми мѣрами до царства небснаго человѣку дойти невозможно. Всю власть нашего спасенія Господь вручилъ пастырямъ нашимъ и ключи Царства небснаго имъ же вручилъ» (I, 3, Зав. от. 66 стр.). Такимъ образомъ, Самъ «Богъ почтилъ ихъ высокою, неудобозимѣрною честию. Всѣ мѣрети сановники предъ пресвитеры низки оуть» и пр. Поэтому, первая обязанность каждаго вѣрующаго почитать и уважать своихъ пастырей, «яко апостоловъ Христовыхъ». «Великою честию подобаетъ священниковъ чтити, отъ мірскихъ чиновначальниковъ отиѣнною, паче роднаго отца: яко бо душа честивѣ плоти, такъ и отецъ духовный плотскаго честивѣ» и пр.¹⁾ Также и въ житейскихъ столкновеніяхъ, — не могли, наприимѣръ повторять Посошковъ дожостровское правило, съети выше пресвитера или діакона, пятай ихъ нищею лучшею, въ церкви съ почетомъ ста-

1) Взглядъ чисто святоотеческій и составился у Посошкова подъ несомнѣннымъ влияніемъ отеческихъ твореній.

новись повади ихъ, совершающему же богослуженіе пресвитеру твори поклонъ какъ образу Божию и ир. (Зав. от. 62, 78, 107, 129). Съ почтеніемъ должно соединяться полное повиновеніе, послушаніе пресвитеру: «повинуйся предъ нимъ яко рабъ и прекословенъ предъ нимъ не буди, во всемъ предъ нимъ рабствуй. Подобаетъ ихъ почитать и во всемъ услуговати, всегда быть имъ рабами. И ты, чадо мое», обращается Посошковъ къ сыну, «яко Божія, тако и отца духовнаго заповѣданія держи» (Зерц. оч. л. 64 об.; Зав. от. стр. 65...). Изъ уваженія къ духовенству, міряне должны воздерживаться отъ всякихъ осужденій и нареканій на духовенство, — эту мысль Посошковъ настоятельно проводитъ въ полемикѣ съ раскольниками. «Страшно есть на освященный чинъ посягати и ихъ порицати, понеже они вѣтницы Бога и все наше спасеніе заключи Богъ во устѣхъ ихъ. Не наше дѣло пресвитеровъ судити, — есть у нихъ Судія» и ир. (Зерц. оч. л. 54, 57 и др.).

Таковъ взглядъ Посошкова на духовенство и таковы должны быть, по его мнѣнію, отношенія пасомыхъ къ пастырямъ. Взглядъ, опять повторимъ, чисто древне-русскій, высказанный, какъ мы отчасти и видѣли, въ другихъ завѣщаніяхъ¹⁾, воспитанный историческою жизнію Россіи и громадною ролью, которую искони играло въ общественной жизни русское духовенство. Но принимая во вниманіе все сказанное Посошковымъ о духовенствѣ, нельзя не замѣтить и въ этомъ случаѣ существенной разницы его Завѣщанія сравнительно съ прежними. Именно, проповѣдуя, вслѣдъ за другими, полную неприкосновенность пресвитерскаго чина, онъ первый же въ нѣкоторомъ отношеніи нарушаетъ это правило и, вопреки своимъ предшественникамъ, дерзаетъ изобличать невѣжество и нравственные недостатки въ современномъ ему духовенствѣ (напр. Соч. Пос. I, 3, 9, 10, 308 и др.) Не говоря пока о нравственномъ значеніи этого воступка, замѣтимъ, что упрёки, высказанные Посошковымъ духовенству, были вполне основательны, справедливы: духовенство, въ тогдашнемъ его состояніи, дѣйствительно, могло возбудить и возбуждало только соблазнъ въ народѣ, ставило въ опасность православіе. Рѣзкая сатира была необходима и въ высшей степени полезна. И вотъ, простой мірянинъ, воспитанный на Домостроѣ, своимъ словомъ обличенія, первый рѣшается переступить тотъ волшебный кругъ, въ которомъ издавна русское духо-

¹⁾ Напр. Духовная Вл. Мон. стр. 18; Домострой стр. 6, 5, 20, 116.

венство изолировано было отъ вслѣхъ, со стороны благочестивыхъ сыновъ Домостроя, упрековъ¹⁾). Какъ бы то ни было, во всякомъ разѣ, это новый шагъ, шагъ къ лучшему, шагъ впередъ. А что видимое несогласіе Посошкова съ собою не есть дѣйствительное противорѣчіе, это видно изъ того, что онъ вездѣ и всегда отдѣлялъ самое служеніе пастырское отъ его исполнителей, которые, по въ высшей степени разумному мнѣнію Посошкова, «какъ люди», никогда не были застрахованы отъ пороковъ и недостатковъ, и съ этой стороны могутъ всегда заслуживать укора, при совершеннѣйшей чистотѣ и святости живущаго въ нихъ дара. Посошковъ прямо даже обличаетъ тѣхъ, которые въ своемъ представленіи сливаютъ то и другое до нераздѣльности, которые, поэтому, вообще «священный чинъ снижаютъ за убожество и безкнижество духовныхъ: то оны» — говоритъ Посошковъ о такихъ лицахъ — «отъ незнанія своего ихъ священнической чести и отъ безумія своего чинятъ» (Зав. от. 63 стр.). На основаніи этого разграниченія, Посошковъ и требуетъ вездѣ почета и уваженія пресвитеру не какъ человѣку, а главнымъ образомъ, если не исключительно, какъ пресвитеру, какъ носителю преимущественныхъ благодатныхъ дарованій и священныхъ полномочій. «Аще кій пресвитеръ и ушѣтца, яко простодюдинъ (—это одна сторона), не моги его не почитити, онъ бо есть слуга Бога Вышняго (—это другая сторона, и она требуетъ уваженія): аще онъ и пьянъ, обаче данный ему отъ Бога даръ непьянъ». На всѣхъ пресвитерахъ одинаково «почиваетъ благодать святаго Духа; благословеніемъ ихъ дѣйствуетъ Духъ Святый — како высокоученымъ, тако и неученымъ, яко трезвымъ, тако и пьянымъ» и пр. (Зав. от. 64, 113; Зерц. оч. л. 58). Наконецъ, нужно замѣтить, что и Посошковъ, побуждаемый правдолюбіемъ и искреннимъ желаніемъ добра, рѣшился указать недостатки духовенства съ опасеніемъ, оговорками, «не безъ страха въ сіе дѣло великое вступилъ», но его призванію. «Не постави, Господи Боже, моего словесе во осужденіе, еже дерзнулъ поносительно на пастырей своихъ писати»; и если онъ рѣшился обличать, то «не ради укоризны чина пресвитерскаго, не въ понось», а ради пользы, «да негли

1) При этомъ мы, разумѣется, не беремъ въ расчетъ Стоглава, въ которомъ недостатки тогдашняго духовенства были призваны и заявлены избранными представителями земли русской, поставленными, такъ сказать, въ юридическую необходимость необинуясь заявить о насущныхъ нуждахъ и недостаткахъ въ государствѣ.

изъ сего моего изъявленія Богъ изреститъ нѣкое исправленіе. Богъ о семъ свидѣтель, что не руганія ради написалъ сія, но ради исправленія» (Соч. Пес. I, стр. 10, 25; Зерц. еч. л. 60).

Гораздо труднѣе, при отсутствіи въ сочиненіяхъ Посошкова непосредственнаго обращенія къ духовенству, опредѣлить взглядъ Посошкова на обязанности самого пастыря. На основаніи нѣкоторыхъ отрывочныхъ замѣтокъ, можно, впрочемъ, отвѣтить только существенныя качества и обязанности, входящія въ идеалъ посошковскаго пастыря. Поставляя нравственное растлѣніе общества и явленіе раскола въ зависимость отъ безнечности и невѣжества духовенства, Посошковъ прежде всего жаждетъ надлежащаго воспитанія, подготовленности отъ пастырей¹⁾ и виѣняетъ имъ въ обязанность наученіе въ вѣрѣ, нравственное и даже умственное руководство своей паствы. Въ посланіи къ Стефану Яворскому Посошковъ рисуеъ жалкое положеніе русскаго народа, оставленнаго безъ всякихъ просвѣтительныхъ средствъ, лишеннаго «отъ настоятелей своихъ всякаго исправленія духовнаго и ученія духовности, потому что и сами они ничего не разумѣютъ». «Вашей святости», обращается Посошковъ съ просьбою къ названному святителю, «вельми нужно потщатися, дабы намъ дать знать, какъ намъ духовное благочиніе управлять, какъ намъ Бога знать, какъ иконы почитать, какъ душеполезно жить. Я иню, что и на Москвѣ развѣ снѣй челоувѣкъ знаетъ, что есть вѣра, кто есть Богъ». Говоря далѣе объ изданіи новаго требника, Посошковъ совѣтуетъ «виѣстить» въ него особыя статьи въ руководство пастырю при исповѣданіи пасомыхъ и вообще при «наученіи и нравоученіи». «Пастыремъ бо надобно о паствѣ пещися, дабы всѣ праведно жили». И не только самихъ пасомыхъ учить вѣрѣ, а увѣщавать ихъ, чтобы они «и дѣтей своихъ юныхъ всякому благоправію научали, во страсть Божіи возвращали» (т. I, стр. 308..., 22). Очевидно, всѣ высказанныя требованія отъ духовенства соединяются въ одну пастырскую обязанность проповѣди, и Посошковъ высказываетъ свой сличкомъ высокій взглядъ на важность и необходимость этого средства христіанскаго просвѣщенія. Напримѣръ, онъ завѣщаетъ своему сыну: «егда пресвитеръ начнетъ читати поученіе, то паче молитвы своей внемя читаемымъ глаголамъ и памятуй незабытно; аще

¹⁾ Въ Книгѣ о скудости и богатствѣ, какъ мы видѣли, Посошковъ предлагаетъ подробную программу воспитанія и испытанія кандидатовъ священства.

и вся Писанія вѣдаши и законъ христіанскій добрѣ разумѣши, не отвращайся отъ поученія» и пр. (Зав. от. 184 стр.). — Наконецъ, находимъ у Посошкова правила касательно внѣшняго благоповеденія и приличія духовныхъ. «Пресвитеру подобаетъ быть всегда трезву и слово имѣть ко всякому человѣку умиленное, взоръ кроткій, ступаніе ногъ тихое... Священному чину подобаетъ имѣть чистоту во всемъ, яко въ тѣлѣ, таво и въ душѣ, подобно и въ одеждѣ, и во всякомъ своемъ житейскомъ исправленіи, чтобы житіемъ и одеждою были отличны отъ простолюдиновъ: шапка была бы съ бобримъ, сапоги низкіе, лаптей бы не носили» и пр. (т. I, 30, 31; Пр. о школахъ л. 6). Безъ сомнѣнія, слишкомъ высокъ былъ этотъ идеалъ пастыря для своего времени, когда ни въ чемъ безъ исключенія «попы неотмѣнены были отъ простыхъ мужиковъ», когда, при полнѣйшемъ невѣжествѣ и нравственной бѣдности, духовные и по внѣшнему виду своему способны были возбуждать только отвращеніе къ себѣ, потому что не только по улицамъ ходили, а и у престола Божія стояли «въ гнусныхъ, раздранныхъ кафтанахъ и въ лаптяхъ, растоптанныхъ и въ калѣ обваленныхъ».

Въ своемъ рѣшеніи критически отнестись къ современному духовенству и откровенно заявить объ его вопиющихъ недостаткахъ, Посошковъ является человѣкомъ уже новаго времени, положившимъ, притомъ, начало обличительному направленію на недостатки церковной жизни и въ свѣтской литературѣ. Часто и скоро послѣ Посошкова стали повторяться жалобы на недостатки духовенства въ новой русской литературѣ. Ломоносовъ, при своемъ высокомъ взглядѣ на пастырское служеніе въ принципѣ, нагъ на существенное условіе «благосостоянія и возвышенія народнаго», свидѣтельствовалъ однако, что «у насъ попы первые пьяницы», что «грамотѣ многіе изъ нихъ столько же знаютъ, сколько батракъ или коровница» у пѣвцевъ. Вообще Ломоносовъ слишкомъ презрительно относился къ современному духовенству и часто незаслуженно оскорблялъ его. Напр., въ обычай крестить дѣтей въ холодной водѣ онъ усматривалъ низкое верыстолюбіе поповъ, которые «желаютъ послѣ родинъ, крестинъ, вскорѣ и похоронъ»¹⁾. Въ письмѣ «О мольбѣ стекла» Ломоносовъ сравниваетъ упорство русскаго духовенства съ обезурачной дѣятельностію языческихъ жрецовъ, «боявшихся, какъ бы при распространеніи просвѣ-

¹⁾ Записки «О сохр. и размнож. російскаго народа».

щенія не обнаружилось, что аглицевъ и воловъ жрецы ѣдятъ напрасно». Въ «гимнѣ борода» Ломоносовъ также рѣзко осмѣиваетъ нашихъ «жрецовъ», которые, наряду со всѣми защитниками ложныхъ мѣтій, прикрываютъ свое полнѣйшее невѣжество бороною¹⁾ и пр. Кантемиръ также постоянно глумится надъ всѣмъ духовнымъ сословіемъ, не разбирая, насколько оно виновно въ своемъ невѣществѣ. Обвиняя духовенство въ низкомъ своекорыстіи, почитая его распространителемъ суевѣрій въ народѣ (напр. въ сатирѣ «на стояніе свѣта сего»), Кантемиръ никогда не упускаетъ случая посмѣяться надъ пьянымъ попомъ, невѣжественнымъ церковникомъ, безмозглымъ чернецомъ и т. п. Татищевъ, въ Духовной своей, обращая вниманіе сына, какъ помѣщика, на духовенство, какъ средство къ «благоденственному и мирному житію» и избѣжанію злодѣяній въ жизни крестьянъ, въ то же время яркими красками дополняетъ картину неудовлетворительности современнаго духовенства, состоящаго изъ «невѣждъ, лѣнивыхъ, неученыхъ, пьяницъ», которые съ крестьянами братались, имъ мирволили, а объ своихъ обязанностяхъ ни мало не заботились (Тат. и его вр. 227 стр.).

Въ своихъ запросахъ отъ духовенства образованности, просвѣщенія, въ своихъ настойчивыхъ требованіяхъ отъ священниковъ неуклоннаго, ревностнаго исполненія пастырской обязанности учительства, Посошковъ является сознательнымъ, убѣжденнымъ сторонникомъ тѣхъ просвѣтительныхъ идей, которыя легли въ основу всѣхъ мѣропріятій Петра В. относительно духовенства и которыя слышались отъ всѣхъ передовыхъ людей новаго времени. Ломоносовъ, напр., тоже, не ограничивая обязанностей духовенства одною молитвою, поставлялъ имъ требованіе «обучать страху Божию и честнымъ нравамъ». «Главное дѣло», говорилъ онъ, «въ томъ состоитъ, что вездѣ, гдѣ только есть церкви, должны попы и причетники учить грамотѣ»²⁾ и пр. Татищевъ внушалъ также своему сыну особенную заботливость найти «попа ученаго, который бы своимъ поученіемъ и предікою къ совершенной добродѣтели крестьянъ велъ». Нельзя при этомъ не замѣтить, что Татищевъ, какъ и Посошковъ, въ своихъ разсужденіяхъ о духовествѣ посматрѣлъ на дѣло гораздо серьезнѣе, глубже, нежели Ломоносовъ, а тѣмъ болѣе Кантемиръ. Отиѣчая недостатки въ положеніи тогдашняго духовенства, Татищевъ указалъ и

¹⁾ Библиогр. зап. 1859 г. стр. 461.

²⁾ Лѣтон. рус. литер. Тихонравова т. IV, стр. 197.

причины неудовлетворительности этого положенія; заявляя справедливыя требованія отъ духовенства, онъ въ то же время озаботился порекомендовать и нѣкоторыя практическія мѣры къ возвышенію самого духовенства, къ восстановленію его нравственнаго авторитета. Совершенно согласно съ Посошковымъ, и Татищевъ усматривалъ причину упадка духовенства въ его крайней бѣдности, матеріальной необеспеченности, въ его вынужденной привязанности къ папшѣ и сѣноосу. Поэтому, Татищевъ ставитъ первымъ условіемъ возвышенія и облагороженія духовенства освобожденіе его отъ «крайней въ деньгахъ нужды»; обезпеченіе его «безбѣднымъ денежнымъ пропитаніемъ». Желая съ поднятіемъ умственнаго и нравственнаго уровня въ духовенствѣ восстановить и внѣшнее благопріятіе въ послѣднемъ, Татищевъ требовалъ совершеннаго удаленія духовенства отъ черной работы, «что ихъ сану совѣшмъ неприлично» и чтобы «навозомъ отъ нихъ не пахло» (стр. 226).

Въ заключеніе нашего разбора сочиненій Посошкова вообще и знакомства съ идеальными его возрѣніями въ частности, считаемъ нужнымъ остановиться на особенно замѣчательныхъ, по своей гуманности, разумности и новизнѣ, мысляхъ Посошкова о воспитаніи и о женщинѣ. Такіе вопросы, какъ о воспитаніи и о женщинѣ, въ исторической жизни народа, съ точки зрѣнія социологіи, признаются вопросами первой величины. По крайней мѣрѣ признано за несомнѣнный фактъ, что первоначальное воспитаніе и вліяніе женщины имѣютъ громадное значеніе въ жизни народа, служатъ однимъ изъ главныхъ факторовъ, подъ воздѣйствіемъ которыхъ слагается тотъ или другой нравственный типъ народа, его характерныя черты и особенности. Въ высшей степени неудовлетворительная постановка воспитанія и положенія женщины въ древней Россіи, безъ сомнѣнія, оказала свое сильнѣйшее вліяніе въ упорномъ, продолжительномъ невѣжествѣ народа, въ его нравственной несостоятельности. Посошковъ своими сочиненіями даетъ намъ поводъ обратить вниманіе на состояніе воспитанія и положенія женщины въ до-петровской Россіи. Историческая цѣнность мыслей Посошкова въ данномъ случаѣ обуславливается уже важностію предмета; сочиненія его, разсматриваемыя съ этой стороны и въ связи съ другими памятниками древне-русской письменности и историческими обстоятельствами, представляютъ любопытнѣйшую

картину постепеннаго развитія сознанія въ русскомъ обществѣ, — постепенное освобожденіе отъ узкости взглядовъ старины и приближеніе къ гуманнымъ идеаламъ новаго времени.

Русскій человекъ, взятый въ первобытную эпоху его историческаго существованія, повидимому, не имѣлъ совершенно и понятія объ искусствѣ воспитанія и обученія; оно отождествлялось съ обязанностію родителей выкармливать дѣтей и совершенно сливалось и исчерпывалось обязанностію выкармливать именно христіанъ. Такой высоко-гуманный для своего времени человекъ, какъ князь Владиміръ Мономахъ, рисуя программу жизни для своихъ дѣтей, кромѣ общихъ нравственныхъ наставленій и одиноко стоящаго выраженія: «чего не знаете, тому учитесь; отецъ мой умѣлъ говорить на пяти языкахъ: въ томъ честь отъ чужихъ» (Духовная стр. 26), ничего не говоритъ такого, что мы привыкли соединять съ понятіями воспитанія, обученія. Въ Демостроѣ мы находимъ уже спеціальныя разсужденія — «како дѣтей своихъ воспитати, како дѣти учти» (главы XV и XVII). Но и тутъ исключительно говорится только объ ученіи страху Божию, вѣжеству, благочинію, руководствію и о средствахъ къ достиженію этой цѣли, т. е. о «неослабномъ, учащенномъ» практикованіи жезла, ранъ, казненія, реброкрушенія и т. п. При такомъ отсутствіи въ идеалахъ передовыхъ людей даже мысли о нуждѣ научнаго образованія и систематически-правильнаго воспитанія, напрасно бы мы стали искать его въ жизни. «Царевичей учать грамотѣ и писать, а иными языкамъ, кромѣ русскаго, наученія въ Россіи не бываетъ... Въ думѣ бояре молчатъ, брады устава, потому и грамотѣ не учены... Въ своемъ государствѣ русскіе люди наученія никакого добраго не имѣютъ и не приемятъ, въ иныя же государства для науки дѣтей своихъ не посылаютъ», — такъ рѣзко, но справедливо отозвался о состояніи русскаго просвѣщенія Котошикинъ (о Россіи... стр. 14, 19, 41). Великій русскій политикъ Брѣжаничъ также сѣтовалъ на «неумѣтельность» ни къ чему русскаго народа, «потому — объясняетъ онъ это явленіе — тупы разумы, коимъ треба есть бруса и коостренія, т. е. поученія, ибо и ариѳметикъ ся не учать наши люди. По правдѣ Руссы должны себя звать варварами, потому что не желаютъ наукъ, остаются въ незнаніи, простотѣ, грубости» (Рус. госуд. I, 13, 42, 120, 159). Но напрасно этотъ свѣжій, образованный человекъ взывалъ къ русскому народу: «треба намъ учиться, треба добывать мудрости, треба учиться языка

греческаго, латинскаго, философіи, политики, чисельницы, звѣздочетья» (I, 108, 110; 321; II, 176 и др.): само правительство стояло на запрещеніи перенимать какіе бы то ни было заморскіе извѣщанія.

Совершенно другой оборотъ получаетъ вопросъ о воспитаніи при Петрѣ. Великій преобразователь русскаго царства прежде всего обратилъ вниманіе на воспитаніе и далъ первый толчекъ долго потомъ занимавшимъ русскую мысль педагогическимъ идеямъ. Преслѣдуя завѣтную свою цѣль — создать политическое могущественное тѣло Россіи, и сознавая полнѣйшее, всестороннее превосходство своихъ внѣшнихъ враговъ, достигнутое путемъ просвѣщенія, Петръ настойчиво и поспѣшно началъ цивилизовать Россію. Утилитарная цѣль, естественно, сообщила таковой же характеръ всему образованію: наука цѣнилась настолько, насколько она приносила прямую пользу, насколько она дѣлала искуснаго воина, хорошаго моряка, годнаго псаца и т. и. Но народъ болѣе чѣмъ прежде сталъ сторониться науки; не съ подозрѣніемъ только, а въ большей своей части съ пріимъ уже презрѣніемъ посмотрѣлъ на нее. Не понимая вполнѣ намѣреній преобразователя, простой народъ имѣлъ и нѣкоторыя дѣйствительныя причины отвернуться отъ этого односторонняго образованія, вызваннаго цѣлями государственными, часто не совпадавшими съ видимымъ благомъ народа и выгодами различныхъ сословій. Наиболѣе основательнымъ побужденіемъ уклоняться отъ заморской науки послужили учителя-иностранцы, — это, только необходимою вызванное и вслѣдствіе рѣшительнаго отсутствія въ Россіи способныхъ, подготовленныхъ людей допущенное, самое темное пятно петровскаго образованія. Не пользуясь до Петра благосклоннымъ пріемомъ на Руси, гдѣ сомнѣвались въ универсальныхъ ихъ способностяхъ и по своему расправлялись за шарлатанство, иностранцы теперь толпами бросились въ Россію на призывъ Петра. Искатели приключеній спѣшили воспользоваться трудами и глупостію русскаго народа, являлись въ качествѣ хозяевъ къ темнымъ работникамъ. При помощи вслѣдствіи средствъ, забравъ въ свои руки видныя мѣста и монополіи, иностранцы систематически грабили народъ, сдѣлались сильными жестокими бичами русской самостоятельности, свободы и независимости ¹⁾). Все русское они старались клеймить именовъ варвар-

¹⁾ Столкновенія Ломоносова съ академиками служатъ яснымъ тому доказательствомъ.

ства, потому что чрезъ это приобретали въсь и кредитъ они сами; выигрывали право на степень нашихъ учителей, руководителей. Отталкивая отъ себя народъ своимъ высомѣремъ, иноземные учителя въ то же время владѣли слишкомъ ограниченными образовательными средствами. При усилившейся страсти щеголять пустотой легкаго, поверхностнаго образованія, у насъ явились цѣлыя полчища такъ справедливо осмѣянныхъ Фонвизинимъ вральмановъ-учителей и губерноровъ-лаксевъ, портныхъ и т. п. Такіе педагоги, естественно, могли только уродовать, а не образовывать¹⁾. Все это, въ связи съ религиозною особенностію, возбудило въ рускомъ человѣкѣ рѣшительное отвращеніе къ иностранцамъ-учителямъ. И совершенно понятными представляются отзывы простыхъ русскихъ людей о вредѣ заморскаго ученія; объ иноземцахъ, какъ отступникахъ отъ вѣры и добрыхъ дѣлъ, какъ развратникахъ истинны. Народъ отвергалъ отъ себя эту чуждую науку; онъ съ несравненно большею охотою велъ своихъ дѣтей въ грамотникамъ, начетчикамъ и мастерамъ, отдавалъ ихъ «въ науку» читать по Часослову и Псалтырѣ. Тутъ русскій человѣкъ не ждалъ отъ сына какихъ нибудь практическихъ познаній, но увѣренъ былъ по крайней мѣрѣ, что душа его не будетъ извращена, онъ останется въ той же общинѣ, въ которой выросъ, не станетъ презирать священныя права народа и глумиться надъ всѣмъ русскимъ, — а это были самыя явныя и слишкомъ обыкновенныя на первыхъ порахъ слѣдствія заморскаго образованія.

Воспитанникъ Домостроя и исконный патриотъ, Песонковъ не могъ, разумеется, освободиться отъ домостройныхъ, древне-русскихъ началъ и взглядовъ на воспитаніе; съ другой стороны, онъ не могъ безусловно довѣриться новому образованію, убѣдиться въ непогрѣшимости иноземной цивилизаціи. Со свойственнымъ ему благоразуміемъ, тактичною, По-

1) Въ самомъ дѣлѣ, чему напр. можно было научиться у нѣкоего Глюка, судя по его программѣ, или «приглашенію къ російскимъ юношамъ, аки мягкой и всякому изображенію угодной глины»? (Наука и Литер. при Петрѣ. Пекарскій стр. 129—131). Волотовъ жаловался на «бѣдное и весьма-весьма недостаточное» ученіе у французовъ-учителей, которые, если что и знали, то «не умѣли по русски ничего растолковать», большею же частію «не учили, а мучили дѣтей, сущими пустяками и бездѣлницами время проводя» (Мемуары. От. Зап. 1860 г. кн. 5, стр. 31). Извѣстная княгиня уже екатерининскаго времени — Дашкова жаловалась на пустоту заморскаго ученія, такъ какъ «для наученія разума ничего не дѣлали». (Записки кн. Дашковой. Москвит. 1841 г. № 1, стр. 100).

сонкомъ и въ данномъ случаѣ усвоилъ лучшей стороны древне-русскаго и новаго научнаго воспитанія, отвергая крайности и злоупотребленія того и другаго, явился, такимъ образомъ, представителемъ средняго, возможно-лучшаго направленія въ современной педагогикѣ. Въ его педагогическихъ идеалахъ мы находимъ слишкомъ много домостроевскаго, но за то, съ другой стороны, находимъ и слишкомъ много новаго, чуждаго Домострою. Первое и самое существенное, что Посошковъ постарался усвоить и удержать изъ древне-русскаго воспитанія, — это, дѣйствительно, высоко-прекрасное свойство послѣдняго: его строго-религіозный характеръ ¹⁾. Все воспитаніе и образованіе человѣка, съ первыхъ признаковъ пробужденія мыслительности въ ребенкѣ, Посошковъ подчиняетъ контролю религіи и наполняетъ преимущественно религіознымъ содержаніемъ. Сильно вооружаясь противъ исключительной «свѣтскости» нѣмецкаго воспитанія, онъ, въ своемъ стремленіи сохранить вездѣ религіозный характеръ воспитанія, даже въ обученіи искусству говоренія, доходитъ до оригинальности, высказываетъ съ обычною прямою такія замѣчанія, которыя невольно поражаютъ теперь своею странностію, предлагаетъ наставленія, по своему ригоризму не возвышающіеся надъ Домостроемъ. Довольно подробную программу первоначальнаго воспитанія дѣтей Посошковъ налагаетъ въ Заѣщаніи отеческомъ, и здѣсь-то преимущественно настаиваетъ на участіи въ этомъ дѣлѣ религіознаго элемента. «Духовному чину надлежитъ пешихся, дабы отцы и матери дѣтей своихъ учили страху Божію и всякому благоправію». Подъ этимъ верховнымъ надзоромъ церкви, въ лицѣ духовенства, въ воспитаніи должно соблюдать извѣстныя предосторожности и правила. Сущность всѣхъ этихъ правилъ сводится къ тому, чтобы съ самаго неразумнаго дѣтства жизнь христіанина получала религіозное направленіе и построилась въ строго-церковномъ духѣ. Еще только «егда чадо начнетъ языкомъ своимъ нѣмотовати», Посошковъ обязываетъ «Божіе имя ему натверживать и страхъ Божій въ него

1) Религіозный элементъ въ воспитаніи былъ всецѣло удержанъ и Петромъ В. Въ наказѣ воспитателямъ царевича Алексѣя Петровича Петръ въ первой же статьѣ поименовалъ «Законъ Божій», какъ предметъ особенной важности, «поже истинный страхъ Божій начало есть всея премудрости», и на него велѣно обратить вниманіе «наче всѣхъ вещей при возвращеніи царевича». Между прочимъ царевичу предписывалось каждодневное чтеніе св. Писанія. (Дѣян. П. В. Голикова, т. 3-й, стр. 97—106).

ввороняти». «Не учи чада (начинающего говорить) и тому, еже бы тебя звалъ татю, а матери — мамою, но самое ваше начальнѣйшее ученіе да будетъ: Богъ на небѣ — и, руку его взявъ, указуй на небо» и пр. Посошковъ придаетъ такое важное значеніе дѣлу первоначальнаго воспитанія дитяти и съ такою серьезностію настаиваетъ на необходимости проведенія строжайшихъ религіозно-нравственныхъ началъ въ воспитаніи, что даже напр. въ такомъ, собственно говоря, еще безразличномъ поведеніи родителей, когда «отецъ учитъ мать бранити и кукиши ей казати, а матери насупротивно учать отца бранити, бити и за бороду драти», видитъ уже «вѣчную погибель» ребенка. Въ предотвращеніе этой опасности Посошковъ и даетъ подробныя наставленія относительно обращенія съ дѣтьми, диктуетъ даже отеческія наставленія ребенку, придавая высокую степень важности и будучи безусловно увѣренъ въ спасительности такихъ требованій, обращенныхъ къ ребенку, какъ напр.: «не бранися, не дерися: Богъ съ неба смотритъ; языкъ не выставляй: Богъ за то тебя убьетъ» и т. п. Заботясь прежде всего о водруженіи страха Божія въ дѣтяхъ, Посошковъ, какъ самъ носитель свѣтлой, чисто христіанской религіозности, въ то же время требуетъ воспитывать и любовь къ Богу, — «чтобы они Бога любили». Съ ранней же молодости Посошковъ требуетъ внушать дѣтямъ навыкъ къ исполненію религіозныхъ обязанностей: «образамъ святымъ учите дѣтей кланяться: глаголите имъ, указуя на образы: сей образъ Божій, а сей — Богородицынъ... и ты кланяйся имъ». Проповѣдуя, какъ мы видѣли, и взрослымъ часто не особенно возвышенную, узко практическую мораль, Посошковъ и ребенку при всякомъ удобномъ случаѣ втолковываетъ эту зависимость благоденствія человѣка отъ религіозно-нравственныхъ подвиговъ съ его стороны, нерасторжимую связь добрыхъ дѣлъ съ воздаяніемъ за нихъ отъ Бога. Такъ напр., въ данномъ разѣ Посошковъ хочетъ расположить ребенка «кланяться Богу» общавами, что Богъ, «видя поклоненіе, дастъ того или того много».

Вмѣстѣ съ религіознымъ воспитаніемъ должно соединяться нравственное. Въ этомъ отношеніи Посошковъ, согласно установившимся въ древней Россіи на это дѣло воззрѣніямъ, отдаетъ предпочтеніе спартанскому характеру воспитанія. Совершенно отчаяваясь въ благонадежности и нравственной пригодности человѣка, возвращеннаго «въ ласканіи и во всякой потачкѣ и въ нѣгѣ», Посошковъ уже младенца ве-

леть воспитывать «въ наказаніи», чтобъ «воля не была. Младенецъ еще въ юности научится злу, то уже добрымъ человѣкомъ не будетъ; а кой человѣкъ въ наказаніи возрастетъ, той всегда добрый человѣкъ будетъ». Сваливая вину недостатковъ вообще всего русскаго — «неназаннаго народа» на «людей начальствующихъ», Посошковъ въ частности и за дѣтей молную отвѣтственность возлагаетъ на родителей. Поэтому-то онъ и внушаетъ своему сыну особенную строгость въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, поэтому-то онъ и настаиваетъ на необходимости стариннаго приѣма и метода воспитанія, по которому понятіе воспитанія отождествлялось съ понятіемъ наказанія и даже самыя слова эти стали синонимическими. «Ты, сыне мой, въ великомъ наказаніи чады своихъ имѣй и страху Божию, смиренію и прочимъ добродѣтелямъ учи ихъ прилежно, наказуй нещадно. Если же возрастите въ ласканіи и во всякой потачкѣ и въ нѣгѣ, то въ томъ пути не будетъ: либо пьяница будетъ, либо озорникъ, либо самый воръ... Всякое бо зло и безумство родится отъ родительской потачки». Поэтому, «ни малма имъ воли не давай, изъ очей своихъ на малъ часъ не выпускай; крѣпко держи, еже бы никакого дѣла своимъ изволомъ, безъ вашего вѣдѣнія не дѣлали, но все бы житіе ихъ и дѣла были по вашей волѣ». Даже и послѣ, «егда отдаси сына во училище, вмѣсто себя приставь къ нему приставника вѣрнаго, старика или старуху». Съ полнымъ одобреніемъ и сочувствіемъ припоминаемая требованіе, заявленное еще «древними святыми — бить дѣтей своихъ нещадно», Посошковъ и самъ, велѣдъ за Домостроемъ, рекомендуетъ въ качествѣ воспитательныхъ мѣръ тѣлесныя наказанія. Но если еще и мы не избѣжали учебныхъ экзекуцій, то тѣмъ болѣе нельзя ставить въ укоръ подобныхъ предписаній Посошкову, во времена котораго «всякое поученіе тростию чинилось», когда спеціальнымъ назначеніемъ палки полагалось «вчиненіе наученія». А съ другой стороны, строго-то говоря, едва ли и можно оснаживать Посошкова въ этой предложенной имъ спартавской теоріи воспитанія. Представляется слишкомъ вѣроятнымъ, что въ его время, при отсутствіи еще какихъ либо цивилизаціонныхъ основъ въ жизни русскаго народа, единственно *страхъ* Бога и родителей могъ предохранять подрастающее поколѣніе отъ нравственной и соціальной искалѣченности; не мудрено, что «нѣга, потачка и ласканіе» являлись дѣйствительно разрушительными элементами въ воспитаніи, что «играніе губило» дѣтей и что только гроза и розга гарантировали доброкачествен-

ность питомцевъ... Въ обращеніи съ дѣтьми Посошковъ требуетъ отъ родителей такой строгости, чтобъ «и взгляду вашего боялись»; въ болѣе же важныхъ случаяхъ, напр. за какіе либо проступки, совѣтуетъ и «ребра сокрушить, безъ всякаго милосердія наказать».

Здѣсь же, т. е. въ дѣтскомъ воспитаніи, Посошковъ полагаетъ начало тѣхъ аскетическихъ правилъ поведенія, которыми онъ желалъ бы опутать жизнь и взрослого христіанина. Внушая ровный надзоръ, чтобы ребенокъ «никогда празденъ не былъ и дней бы своихъ не терялъ даромъ», Посошковъ нераздѣльно съ этимъ связываетъ и другое требованіе: «и при томъ порядкѣ обучай его нужду всякую терпѣти. Въ мягкія одѣянія не облачай, даждь платье самое расхожее и грубое, дабы онъ навывкалъ терпѣнію; пищаи сладостными не весьма питай, но обучай къ яденію суровыхъ ядей» и пр. Особенно предостерегаетъ Посошковъ юношество «отъ пьянственнаго питья; а наипаче не пускай заморскихъ питій пити, понеже ты здравію человѣческому вредительны, а царскому богатству истощительны». Вооружаясь противъ бездѣлья и пустыхъ, «перебивочныхъ разговорѣвъ», Посошковъ стремится воспитать изъ ребенка человѣка дѣловаго, серьезнаго, сосредоточеннаго по его душевной настроенности; а по внѣшнему виду онъ желаетъ такъ поставить своего питомца, чтобы на него никто, а тѣмъ болѣе женщины — «и взорить не восхотѣли». «За шутки съ дѣвками», наказываетъ Посошковъ своему сыну-воспитателю, «ты ребра ему сокруши, безъ всякаго милосердія накажи его, дабы впредь ни мало къ нимъ не приближался». Впрочемъ, правила, подобныя послѣднему, выходили изъ-подъ пера Посошкова не потому, чтобы онъ былъ рѣшительный гонитель женщинъ и въ принципѣ вооружался противъ общенія съ ними, а единственно изъ-за опасеній за чистоту юной души ребенка.

Гораздо интереснѣе правила Посошкова о школьномъ, научномъ образованіи. Въ этомъ случаѣ Посошковъ выходитъ уже изъ круга домохозяйныхъ понятій и становится пионеромъ новой педагогіи, человѣкомъ новаго времени, сознавшимъ новыя потребности жизни и новыя обязанности человѣка. Несмотря на то, что самъ Посошковъ лишенъ былъ всякаго научнаго образованія, онъ вполне сознавалъ не только полезность, но совершенную необходимость науки и отводилъ для нея поле, быть можетъ, даже болѣе обширное, чѣмъ самъ преобразователь Россіи. Посошковъ стремился ко всеобщему ученію, къ общенародной грамот-

ности, не исключая и своего родового сословія — простыхъ поселянъ. Подобная мысль, предупредившая усилія нашего времени, была въ высшей степени замѣчательна и снѣла для той поры, когда и въ избранныхъ представителяхъ русской націи, въ духовенствѣ и боярахъ, вся сумма учености въ большинствѣ случаевъ не достигала искусства писать и граничила съ полною безграмотностію. Самъ Посошковъ, очевидно, сознавалъ, что русскій народъ не возросъ еще до сознательнаго уваженія науки и потому совѣтовалъ на первыхъ порахъ употребить даже насиліе. «Я чаю, нехудо учинить крѣпкое опредѣленіе, чтобъ и въ малыхъ деревняхъ безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ», подъ опасеніемъ «какого ни есть страхованія» (Соч. Пос. т. I, стр. 176; Зерц. оч. л. 132). Мало того, Посошковъ желаетъ просвѣтить ученіемъ даже Мордву, «закона немущую, дней незнающую», т. е. племя полудикое и самое низкое, по представленію Посошкова: «нехудо и у Мордвы дѣтей брать и грамотѣ учить, хотя бы и *насилно*». Но особенное вниманіе, какъ мы знаемъ изъ разбора Книги о скудости и богатствѣ, Посошковъ обратилъ на духовенство. Вполнѣ сознавая разрушительныя послѣдствія невѣжества въ духовенствѣ, Посошковъ въ своихъ сочиненіяхъ и даже черезъ особыя посланія старается вызвать дѣятельность власти на поднятіе умственнаго уровня въ духовенствѣ. Если своими наступательными требованіями въ данномъ случаѣ Посошковъ повторяетъ и ранѣе его раздавшійся голосъ, напр. Стоглава, о необходимости просвѣщенія въ русскомъ духовенствѣ, то, съ своей стороны, Посошковъ заходитъ гораздо далѣе. Онъ не останавливается на образованіи только духовенства, а въ этомъ видитъ только начало дѣла, первый шагъ, не столько цѣль, сколько средство къ просвѣщенію всего русскаго народа, видитъ только необходимое условіе къ тому, чтобы «во всемъ народѣ возсіялъ свѣтъ благоразумія» (I, 22). Поэтому, не достигнувъ еще перваго пункта своихъ желаній — образованія духовенства, Посошковъ обращается уже къ будущимъ ученымъ пастырямъ и говоритъ имъ объ обязанности учить весь народъ, указываетъ, такимъ образомъ, конечную цѣль желаемаго школьнаго ученія. Замѣчательно при этомъ, что, стремясь искренно къ народному просвѣщенію, Посошковъ намѣренно какъ бы лавируетъ, старается совершенно не упомянуть объ учителяхъ-иноземцахъ, наполнившихъ Русь и назойливо предлагавшихъ свои просвѣтительныя услуги. Хотя Посошковъ и не высказывается

ясно, но очевидно, что и здѣсь имъ руководило полное сомнѣніе въ ихъ полезности и пригодности, недовольство ихъ поведеніемъ въ Россіи и опасенія за чистоту православной вѣры. Такое великое дѣло, какъ воспитаніе народа, Посошковъ желаетъ поручить никому другому, какъ только духовенству, даже соглашаясь при этомъ, по необходимости, ждать воспитанія и надлежащаго образованія самого духовенства. Священники должны убѣдить своихъ пасомыхъ отдать «дѣтей въ наученіе», они же, или хотя дьячки, и должны быть первыми педагогами народа (т. I, стр. 22, 175).

Программа ученія, предлагаемая Посошковымъ, сравнительно весьма широка. Посошковъ не довольствуется изученіемъ только религіозныхъ предметовъ, доселѣ составлявшихъ для русскаго человѣка исключительную область доступнаго и безукоризненнаго знанія, но рекомендуетъ изученіе и свѣтскихъ наукъ, приписывая нѣкоторымъ высокую степень важности и образовательнаго значенія, напр. грамматикѣ (I, 11 и 12 стр.; II, стр. 300). «Паче же грамматическаго ученія потребно книжное разумѣніе, священныхъ писаній толкованіе». Кроме того, Посошковъ совѣтуетъ «украшати книжнымъ ученіемъ риторскимъ и философскимъ разумомъ», совѣтуетъ изученіе грамматики словенской, выкладки цифральной, художеству какому нибудь, особенно рисованію; также рекомендуетъ изученіе языковъ латинскаго, греческаго, польскаго и пр. Въ свободное отъ занятій время Посошковъ совѣтуетъ «неборзостное, съ прилежнымъ вниманіемъ» чтеніе книгъ и притомъ книгъ не только духовныхъ, но и гражданскихъ, «бытейскихъ», даже иностранныхъ, напр. польскихъ, но въ послѣднемъ случаѣ требуетъ строгой осмотрительности, чтобы «не обрѣсти книги на развратъ благочестивна наша вѣры, или какому грѣху приводящія: ты весьма отъ себя отрѣвай, дабы благочестіе не погубити, еретикомъ бы не быть» (Зав. от. стр. 170, 8; Соч. Пос. I, 15).

Не ограничиваясь болѣе или менѣе отрывочными замѣчаніями въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ о настоятельной необходимости ученія, его программѣ, средствахъ и границахъ, Посошковъ принялъ на себя трудъ составить цѣлый специальный проектъ о школахъ, который онъ, какъ человѣкъ «присутствія къ власти не имѣющій», и предлагалъ на разсмотрѣніе «архіерею Божию», т. е., вѣроятно, Стефану Яворскому. Проектъ этотъ хранится въ рукописи Академіи Наукъ,

№ 102, подъ заглавіемъ: «*Посошкова проектъ о школахъ*». Въ началѣ есть приписка: «*списана изъ книгъ бывшаго при Синодѣ оберъ-секретаря Леванидова 1756 года, мая 18 дня*». Заканчивается сочиненіе подписью автора: «*писавый сіе убогій земледѣлецъ, московскій уроженецъ, Иванъ Посошковъ*».

Это небольшое сочиненіе представляется на нашъ взглядъ слишкомъ замѣчательнымъ и важнымъ, такъ какъ оно цѣликомъ наполнено мыслями, такъ сказать, предвосхищенными у великаго цивилизатора земли русской. Сказавши о необходимости образованія и изблечивши при этомъ удобномъ случаѣ невѣжество русскаго духовенства, въ которомъ «*вина погябели*» многихъ, Посошковъ высказываетъ свой въ высшей степени замѣчательный для того времени взглядъ на великое дѣло народнаго просвѣщенія. По его мнѣнію, просвѣщеніе умственное, образованіе школьное, также необходимы для человѣка и столь же полезны для него, какъ просвѣщеніе истинною Христіанскою вѣрою. Заслугу Петра Великаго, цивилизовавшаго Россію, онъ готовъ приравнять заслугѣ Великаго князя Владиміра, озарившаго Русь свѣтомъ истиннаго боговѣдѣнія: «*отъ своего простоумія такъ дознаваюся, писалъ Посошковъ, яко за ученіе школьное не меньшія мзды пріяти (достоянъ Петръ В.) просвѣтившаго Россію святымъ крещеніемъ*». Подобная мысль говоритъ сама за себя; она одна ставитъ Посошкова сыномъ новаго вѣка, человѣкомъ новаго времени. Нечего и говорить, что съ точки зрѣнія старообрядческой партіи, допетровской Россіи, такая великая мысль, столь просвѣщенный взглядъ былъ сугубо ересью. Далѣе Посошковъ останавливается въ своемъ проектѣ на средствахъ ученія и здѣсь подробно говоритъ о необходимости составленія прежде всего подробной грамматики, съ изложеніемъ ученія о падежахъ, склоненіяхъ и пр., даже о декламаци и способахъ произношенія «*гласномъ или тихостномъ, кроткомъ*». Между прочимъ Посошковъ обнаруживаетъ и въ этой области свободное, трезвое отношеніе къ предметамъ, изъ-за неприкосновенности которыхъ умирали древне-русскіе люди: онъ предупредилъ реформу Петра въ русской графикѣ и въ принципѣ рѣшилъ уже необходимость измѣненія славянской азбуки для русскаго употребленія. «*Нехудобъ и письменъ азбучныхъ пополнить, понеже азбука есть не евангельское слово, не отъ Бога она составлена. А всѣмъ намъ зримо, что есть много лишнихъ письменъ, а многихъ нужныхъ, нашему*

языку російскому свойственныхъ, и не положено. Въ латинской, польской и въ нѣмецкой 24 литеры, а всякую рѣчь безъ измѣненія могутъ писать, а въ нашей азбукѣ 45 письменъ, а темноту такую писаніе содержитъ, яко мнози рѣчи пишутся измѣненіемъ противъ глаголанія настоящаго, а иныхъ реченій и написать тѣми нашими письмены не возможно». Наконецъ Посошковъ переходитъ къ главному предмету сочиненія и подробно говоритъ о должномъ устройствѣ и правильной организаціи школьнаго дѣла. Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторыя изъ тѣхъ его мыслей, которыя, въ то время принадлежатъ къ идеальной области желаемаго, теперь, въ нашихъ глазахъ, являются какъ-бы сбывшимися въ большей ихъ части пророчествами. «Для російскія славы, наипаче ради духовной пользы, довелось бы въ Россіи соорудить академію великую всѣхъ наукъ. И въ царствующемъ градѣ Москвѣ соорудить бы академію великую патріаршу. Такожде же бы и въ городахъ, во всѣхъ епархіяхъ построить училища. Нехудо бы грамматическія школы постронть и во обителяхъ, а у Троицы, въ Сергіевѣ монастырѣ, можно бытъ и цѣлой академіи. Нехудо бы тѣхъ, кто книжный разумъ имѣетъ въ себѣ и на степени возводить». Проектируя набирать «приставниковъ въ школы изъ иноковъ или изъ церковныхъ причетниковъ», что касается собственно учителей, Посошковъ рекомендуетъ, — «буде въ Греціи и въ иныхъ православныхъ странахъ самыхъ высокоученыхъ людей не обряцется, — по нуждѣ, хотя и изъ люторскія вѣры учителей достать».

Говоря объ отношеніи Посошкова къ наукѣ, мы пользуемся случаемъ для полноты и точности картины — сказать, что есть не мало въ сочиненіяхъ Посошкова мѣстъ, которыя съ перваго взгляда представляются стоящими въ противорѣчій съ его общими просвѣтительными воззрѣніями, мѣстъ, повидимому, свидѣтельствующихъ, что онъ далеко не всегда и всецѣло держался на высотѣ своихъ гуманныхъ идей. Проповѣдуя высокое значеніе, правдѣ и силу науки для человѣка, Посошковъ въ то же время шелъ, повидимому, въ разрѣзъ съ современною наукою, самъ упорствовалъ иногда въ старыхъ, уже отвергнутыхъ наукою воззрѣніяхъ. Такъ напр., нельзя обойти молчаніемъ одного, не столько, впрочемъ, въ существѣ дѣла важнаго, сколько оригинальнаго, рѣзкаго въ сочиненіяхъ Посошкова факта — его воззрѣній космографическихъ. Посошковъ въ этомъ случаѣ стоитъ рѣшительнымъ сторонникомъ старыхъ понятій о центральности земли и яркимъ антагонистомъ новой, ширившейся въ Европѣ

и проникавшей въ Россію системы Коперника. Прицая и оспаривая «преклятаго Коперника, Вогу суперника», Посошковъ съ своей точки зрѣнія силится доказать, что солнце поставлено Богомъ «на тверди небесной, а не въ центрѣ всего свѣта». Ставши разъ на ложную дорогу, Посошковъ пускается въ изобрѣтенія разныхъ казуистическихъ доказательствъ своей теоріи. Такъ напр., однимъ изъ полновѣснѣйшихъ аргументовъ, окончательно поражающихъ систему Коперника, для Посошкова является тотъ, что не могъ же самъ «Господь Богъ, во время бытія Его на земли, кійждо день со землею солнцу служить». Усматривая, такимъ образомъ, въ этомъ ученіи «опакое превращеніе всѣхъ законовъ Божиихъ» и уличая по этому поводу Коперника въ «безуміи отъ високоумія», Посошковъ переноситъ его вину даже и вообще на всѣхъ лютеранъ и не безъ раздраженія порицаетъ ихъ за то, что они «не хотятъ тѣмъ лжесоставникамъ словесе воспретительнаго изреченію» (Зав. от. стр. 156, 157). — Отмѣчая этотъ фактъ въ сочиненіяхъ Посошкова, мы однако не имѣемъ, кажется, ни малѣйшаго права винить въ томъ Посошкова и упрекать его изъ-за этого въ обскурантизмъ. Несомнѣнно, со стороны Посошкова это былъ грѣхъ невѣдѣнія, а потому и нельзя придавать ему особенно серьезнаго значенія. Если даже и въ наше время не рѣдкость еще люди, склонные болѣе недовѣрчиво изумляться системою Коперника, нежели придавать ей вѣроятіе, то во время Посошкова она и вовсе не имѣла правъ гражданства. Извѣстно, что самъ Тредьяковскій, справедливо хвалившійся своимъ образованіемъ, доносилъ на своего соперника, Сумарокова, Ступоду, что въ одной одѣ у него говорится «о дѣйствительномъ множествѣ міровъ и о безконечности пространства». Просвѣщенный святитель — Стефанъ Яворскій въ данномъ случаѣ тоже остался ученымъ старовѣромъ: открытіе Коперника, заподозрѣнное церквію въ противорѣчій съ словомъ Божиимъ, отвергалось и имъ, какъ заблужденіе¹⁾. Можно ли, наконецъ, винить Посошкова въ этой его ошибкѣ, когда даже самъ великій Ломоносовъ не былъ свободенъ отъ неменѣе грубыхъ и непростительныхъ ошибокъ, утверждая напр., что «затишніе причиняетъ падежи скота и повѣтрія на людей²⁾»?!

Несравненно болѣе рѣзкимъ и замѣтнымъ диссонансомъ съ взглядами Посошкова на науку звучать его тоже общія разсужденія о такъ на-

¹⁾ Пропов. Ст. Яв. т. III стр. 193.

²⁾ Соч. Лом. т. I стр. 647.

званной имъ «вѣтреной премудрости». Эта вѣтреная премудрость, подъ которою Посошковъ разумѣеть, повидимому, совокупность свѣтскихъ наукъ и вообще область не-религіознаго знанія, трактуется постоянно имъ какъ какое-то злое начало, вмѣсто пользы приносящее явный вредъ человѣку. Въ прямую зависимость отъ вѣтреной премудрости Посошковъ поставляетъ развитіе и усиленіе всѣхъ ересей, отъ нея производитъ и вообще духъ противленія Евангелію. Это странное въ устахъ Посошкова убѣжденіе настойчиво повторяется въ его полемическихъ сочиненіяхъ. Призывая за лютеранами всеоружіе такой именно мудрости, Посошковъ въ этомъ и видитъ причину еретичества: «Лютеране паче всѣхъ живущихъ на земли себя вмѣняютъ мудрыми быти, *того ради* вся древняя преданія и отвергоша отъ себя». Какъ люди мудрые, они «отреклись отъ Апостоловъ, *неучившихся философіи, и избрали себѣ философа* Мартина». Съ этой точки зрѣнія, Посошковъ не безъ гордости и свидѣтельствуеетъ, что большинство русскаго народа не приобщилось этой опасной мудрости, а потому и стоитъ твердо въ православіи: «мы люди немудрые, вѣтреной мудрости не учились и *того ради* святому Евангелію противитися не можемъ, но еже въ немъ написано, тому и вѣримъ». «Мы, во православіи сущіи, вѣтреной премудрости не учились и *того ради* святому Евангелію и святыхъ Апостолъ писанію вѣримъ и вся преданія ихъ тако твердо держимъ, аще бы и ангель, сошедъ съ небесе, сталъ насъ инако учить, не послушаемъ его» (Зерц. оч. л. 206 об., 220 об., 202 об.). Всѣ подобныя рѣчи Посошкова объясняются, однако, весьма просто, онѣ не стоятъ ни въ малѣйшемъ противорѣчій съ общими взглядами Посошкова на науку и съ его настоятельными запросами на нее. Дѣло въ томъ, что Посошковъ существенно различалъ истинную ученость отъ легкаго, поверхностнаго отношенія къ наукѣ, серьезное научное образованіе отъ легкомысленнаго усваиванія верхушекъ науки и модныхъ мнѣній; и относясь съ величайшимъ уваженіемъ къ настоящей, солидной наукѣ, Посошковъ справедливо порицалъ разившіяся въ то время по западной Европѣ и проникавшія въ Россію этотъ, такъ сказать, пустоцвѣтъ научный. Во всякомъ случаѣ, сейчасъ высказанная теорія Посошкова не есть плодъ обскурантизма, не результатъ древне-русской замкнутости, отчужденія отъ науки и слѣпаго предубѣжденія противъ нея, а скорѣе наоборотъ — плодъ свѣтлаго, разумнаго пониманія истиннаго значенія и силы настоящей науки. Теорія эта, безъ сомнѣнія, основана была

прямо на дѣйствительной жизни, она выработана была Посошковымъ подѣ свѣжими впечатлѣніями дѣйствительности, когда, по интересному свидѣтельству Посошкова, большинство новыхъ русскихъ людей, «кои только маленько губъ своихъ показали книгочтеніемъ», увлеклись въ вольнодумство, заражались моднымъ либерализмомъ, еретичествомъ (Пр. о шеолахъ л. 8). Виновать, такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ не Посошкова, а тѣ осмѣянные всѣми здравомыслящими современниками пионеры новой русской образованности, которые такъ плохо рекомендовали въ глазахъ русскаго народа свою заморскую ученость, новонабранную ими именно «вѣтреную» мудрость.

Теперь познакомимся съ взглядами Посошкова на женщину. — Въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка въ сферѣ общественныхъ отношеній обонхъ половъ и социальнаго положенія женщины, какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ русской жизни, произошли весьма важныя, существенныя измѣненія и преобразованія. Эти измѣненія, въ ихъ лучшей, болѣе разумной и чуждой крайностей части, отразились въ идеалахъ и нашего Посошкова. Правда, у него нѣтъ цѣльныхъ специальныхъ разсужденій на эту тему, но и встрѣчающіяся отрывочно мысли, по ихъ новизнѣ и гуманности, сравнительно съ старыми домостроями, въ высшей степени замѣчательны. Но чтобы опять яснѣе была историко-логическая послѣдовательность развитія новыхъ воззрѣній на женщину, возникшихъ въ XVIII вѣкѣ, мы должны и здѣсь напередъ взять въ соображеніе предшествовавшія историко-традиціонныя воззрѣнія.

Въ первобытныя времена господства грубой физической силы, понятія о женщинѣ проникнуты были грубыми, животно-эгоистическими чувствами. Какъ существо болѣе слабое, женщина естественно стала въ соподчиненное отношеніе къ мужчинѣ, потому что не могла съ нимъ соперничать въ силѣ, а слѣдовательно и въ уваженіи. Такія именно понятія о женщинѣ отразились въ «Русской правдѣ», гдѣ было ограничено чело-вѣческое достоинство женщины и жизнь ея оцѣнена вдвое ниже жизни мужчины (только полвиры, между тѣмъ какъ за мужчину цѣлая вира). Впрочемъ это не было еще временемъ окончательнаго порабощенія женщины, потому что не всегда еще она ступевывалась предъ мужчиной и физической своею силою: въ русскихъ былинахъ мы видимъ величавые

образы героинь, обладающих могучею силою и мощными нравственными характеромъ. Посредствомъ этихъ свойствъ, женщина приобрѣтала часто уваженіе. Владиміръ Мономахъ, хотя и не велитъ дѣтямъ своимъ «давать надъ собою власть женамъ», все-таки завѣщаетъ любить ихъ (Духовная стр. 25). Въ худшемъ измѣнилось положеніе русской женщины во время татарщины. Сосѣдство и гнетъ дикаго народа разлагающимъ образомъ дѣйствовали на семейный бытъ народа. Татары развили деспотическія наклонности въ русскомъ человѣкѣ вообще и способствовали развитію варварства и жестокости въ отношеніи къ женщинамъ въ частности. На помощь практиковавшимся уже крутымъ ибрамъ въ отношеніи къ женщинамъ явились теперь и теоретическія разсужденія, болѣе и болѣе унижавшія женщину. При сильномъ развитіи аскетическаго направленія на Руси, составлялась цѣлая литература изъ поученій¹⁾ о злыхъ женахъ, гдѣ собраны были тысячелѣтнія изреченія мудрецовъ и прихвры библейской исторіи, являющія женщину въ самомъ неблагоприятномъ свѣтѣ. Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ этихъ поученій составилъ и въ Домостроѣ общій идеаль жены, какъ существа совершенно безличнаго, лишеннаго всякой самостоятельности, безпрекословной рабыни своего мужа-повелителя, отъ плетокъ и произвола котораго совершенно не гарантировалось ея человѣческое достоинство. Конечно, эти книжные разсказы, поученія, идеалы, имѣли свой вѣсъ и долю вліянія на самую жизнь. Даже Котошихинъ не былъ свободенъ отъ предубѣжденія, что вообще женщины «природнымъ разумомъ простоваты». О положеніи же русской женщины онъ сообщаетъ такія свѣдѣнія: «царевны (не имѣющія права выходить замужъ ни за Русскаго, какъ холопа, ни за иностранца) живутъ, яко пустынницы, въ молитвѣ, въ постѣ пребываютъ, лица свои слезами омываютъ»¹⁾. «Бояре дочерей своихъ не указываютъ никому, и живутъ тѣ дочери въ особыхъ дальнихъ покояхъ». Выборъ для дочери жениха исключительно опредѣляется волею родителей: «дочери о томъ и не скажутъ, и любятъ невѣста только по приданому». Наконецъ, при самомъ же вѣнчаніи «протопопъ поучаетъ новобрачныхъ, какъ имъ жити: женѣ быти у мужа въ послушествѣ, мужу поучати ее слегка жезломъ» (О Россіи...

¹⁾ Побуждаемый человѣколюбивыми чувствами, уже Крижаничъ проектировалъ устранить это ограниченіе относительно браковъ царевенъ. Рус. гос. въ пол. XVII в. т. I, 322; II, 273.

стр. 12, 119, 120, 8). Радикальную перемену въ судьбѣ русской женщины произвелъ петровский переворотъ. Русскіе, отпавленные за границу, увидѣли женщину въ обществѣ, во всемъ блескѣ ея красоты, и съ изумленіемъ извѣщали соотечественниковъ, какъ о «превеликой диковинкѣ», о томъ, что «женскій народъ тамъ зѣло благообразенъ, политиченъ, свободенъ, веселится на гуляньяхъ»¹⁾ и пр. Открыты были и у насъ ассамблеи, и русская женщина изъ своего теремнаго заключенія постепенно входила въ общество въ блескѣ европейской наружности. «Женъ», говоритъ Щербатовъ, «до того не чувствовавшія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее пристойными одѣянiями и болѣе предковъ своихъ распростерли роскошь въ украшенiи», такъ что «желаніе быть прiятней» стало слишкомъ властно «дѣйствовать надъ чувствами женъ»²⁾. А напыщенные русскіе кавалеры, по словамъ Новикова, теперь уже «всѣ кричали: вотъ чудесное произведеніе природы, вотъ совершенное ея твореніе» и пр. и пр.³⁾

Столь діаметральная перемена въ судьбѣ русской женщины касалась на первыхъ порахъ, разумѣется, только высшихъ сословій, и новые порядки не могли, конечно, помутить сразу старшій домостроевскій бытъ народной массы. Тѣмъ не менѣе, и въ средѣ простаго народа выдѣлялись уже личности, которыя приблизились къ новымъ понятiямъ и, не отдаваясь безусловно новому влеченію жизни, значительно возвысились надъ Домостроемъ, усвоили себѣ болѣе гуманныя, идеальныя воззрѣнія на женщину. Таковъ нашъ Посошковъ. Въ его сочиненiяхъ нѣтъ, какъ мы сказали, особыхъ разсужденій о женщинѣ и нѣтъ даже ни одного обращенія къ нимъ; но за то Посошковъ предлагаетъ сыну подробныя правила о выборѣ невѣсты и объ отношенiяхъ мужа къ женѣ. И этихъ правилъ совершенно достаточно для того, чтобы видѣть чловѣчный и въ высшей степени нравственный взглядъ Посошкова на женщину, какъ на существо равное мужчннѣ, заслуживающее полного уваженія отъ мужа. Только предостерегая отроковъ отъ разврата, Посошковъ требуетъ удаленія отъ женщинъ и высказываетъ, очевидно, общезвѣстныя въ ту пору сентенціи: «дѣвицъ блюди, ни къ чемъ съ ними не сообщайся, бесѣды съ ними вводивъ не имѣй» и пр. (Зав. от. стр. 12). Такія требо-

1) Наука и Литер. при П. В. Пекарскій, т. I, стр. 148.

2) О поврежд. правовъ. Рус. Стар. 1870 г. т. II стр. 16.

3) «Живописецъ» 1774 г. стр. 20 (изд. Ефремова).

ванія, какъ мы уже выше и имѣли случай объяснять, сложились у Посомкова несомнѣнно вслѣдствіе представленія опасности разврата, какъ грѣха особенно «мерзкаго и ненавистнаго», а также, вѣроятно, и подѣ влияніемъ нравственной безупречности тогдашнихъ столкновеній мужчины съ женщиной. Вообще же Посомковъ является положительнымъ противникомъ прежде господствовавшихъ воззрѣній на женщину, какъ источникъ грѣха. Старинное правило, гласящее, что невѣста любилась по приданому, рѣшительно отвергается Посомковымъ: считая жену такимъ же человѣкомъ, совершенно равнымъ мужу, Посомковъ и при выборѣ ея требуетъ искать тѣхъ человѣческихъ свойствъ въ ней, которыя онъ желаетъ видѣть и въ мужчинѣ. Посомковъ совѣтуетъ искать равной даже по внѣшнему положенію въ свѣтѣ. Что касается богатства, приданнаго, то, какъ набрасывающее иногда тѣнь на нравственные достоинства человѣка, какъ поводъ и средство къ развращенію, оно является для Посомкова не только необходимымъ, но даже въ нѣкоторомъ родѣ препятствіемъ при выборѣ невѣсты. «Егда начнеши искать невѣсту, то не ищи невѣсты честиѣ себя, наипаче же богатя бѣжи, да никогда, недостатка ради твоего, поносишъ будещи отъ нея; но ищи себѣ равныя, или паче — низшія себя, понеже честна жена мужемъ, а не мужъ женою. Ты не богатства, не чести ищи въ невѣстѣ, но ищи смиренія и разума, наипаче жъ ищи въ ней страха Божія» (Зав. от. стр. 21). Полагая, такимъ образомъ, существеннымъ въ женщинѣ ея нравственными, человѣческими достоинства, Посомковъ слишкомъ легко отзывается о внѣшней красотѣ женщины, что составляло исключительный предметъ восхищенія женщиною для ново-цивилизованнаго русскаго общества. «Еще тебѣ, сыне мой, сказую и завѣщаваю: егда невѣсту будещи избирати, то красоты преизлишнія не ищи... Аще же искать будещи красоты духовныя: смиренія, страха Божія, — и по той духовной и тѣлесную красоту получиши, то воля Божія тако ти созволила, не опасайся пояти ю, аще и вельми будетъ впрекрасна» (стр. 22). При самомъ уже выборѣ невѣсты Посомковъ требуетъ отъ мужчины полнаго жъ ней уваженія и, вооружаясь противъ всякаго насилія, поставяетъ условіемъ брака добровольное согласіе невѣсты: «въ сватаніи своемъ не спѣши, но первѣе о невѣстѣ испытай, какова она есть... и буде явится ти нравна, то и себя ей покажи и освѣдомься подлинно, еже ты ей понравился ли, и егда подлинно увѣси, еже ты ей понравился, тогда и

дѣло начинай. То добро и свято, еже бы оба изъ воли и изъ любви сошлись. И егда сватаніе начнется, такого безумія не моги учинити, еже бы ти невѣсть двухъ или трехъ во единыя времена смотрити, понеже дѣвица такой же человекъ, яко и ты, а не лошадь» (стр. 23 и 22). А вотъ какъовы должны быть, по Посошкову, отношенія мужа къ женѣ въ ихъ «брачномъ, мірскомъ житіи»: «не моги, чадо мое, и близъ себя допустить самоуничества, но во всякомъ дѣлѣ, не токмо духовномъ или во гражданскомъ, но и въ домовомъ правленіи употребляй совѣта помощника своего. Безъ совѣта безъ женяго ничего не твори, она дана тебѣ не ради порабощенія, но ради помощи. Аще кто будетъ жену ничтожить и претворять въ рабій образъ, той будетъ Богу противно чинити» и пр. (стр. 70).

Итакъ, у Посошкова со всюю очевидностію выступаетъ уже новый взглядъ на женщину, неизмѣримо болѣе человѣчный, гуманный, существенно возвышающійся надъ тѣмъ низменнымъ уровнемъ домостроевскихъ воззрѣній, по которымъ древне-русская женщина трактовалась существомъ низшимъ мужчины, существомъ, которое можно было приобретать черезъ супружество въ качествѣ жены, но съ которымъ позволительно было обращаться такъ же безцеремонно, какъ, по удачному сравненію Посошкова, съ лошадью. Сравненіе Завѣщанія Посошкова съ Духовною Татищева въ вопросѣ о женщинѣ еще болѣе усиливаетъ благоприятное впечатлѣніе, производимое Посошковымъ. Замѣчательно, что онъ не только ни на іоту не отсталъ отъ своего несравненно болѣе счастливаго, образованнаго, слишкомъ либеральнаго прогрессиста-современника, а серьезностію своихъ взглядовъ часто даже возвысился надъ барски-щепетильными требованіями послѣдняго. Въ высшей степени разумныя требованія Посошкова относительно выбора невѣсты почти цѣликомъ повторяются Татищевымъ. Послѣдній также вооружается противъ насильственныхъ браковъ и принужденія со стороны родителей, сыну своему при выборѣ невѣсты совѣтуетъ также искать равной себѣ по возрасту, состоянію и положенію, искать въ супружествѣ не богатства, но главнымъ образомъ «жены» и въ ней — «разума и здравія». Особенность Татищева въ томъ, что, какъ человекъ высшаго тона, онъ не могъ съ равнодушіемъ крестьянина отзываться о свѣтскихъ качествахъ невѣсты и потому въ числѣ «главныхъ обстоятельствъ въ персонѣ супруги» представляетъ, «лѣпоту лица, возрастъ и веселость въ компаніи». Барская

натура Татищева высказалась и въ энергичныхъ предостереженіяхъ отъ брака съ «хололками»,— потому что «изъ подлости взятая жена хотя бываютъ довольно милы, но ихъ родственники за подлость неприятны и всегда застарѣвшая подлость въ сердцахъ ихъ обрѣтаетъ свое жилище». И какъ солиденъ, какъ симпатиченъ является скромный въ требованіяхъ Посошковъ съ своимъ глубоко-мудрымъ и гуманнымъ совѣтомъ не гнаться особенно за «честію» въ невѣстѣ, искать даже предпочтительно низшую себя, потому что не мужъ бываетъ честенъ женою, а скорѣе жена прославляется чрезъ мужа! Что касается семейнаго положенія женщины, то Татищевъ почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ повторяетъ высоко-гуманныя правила Посошкова. «Имѣй въ памяти», завѣщаетъ Татищевъ сыну, «что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница, во всемъ другомъ должна быть и о всемъ съ нею обще должно прилежать». Но и въ этомъ случаѣ, повидному, тотъ же барскій гоноръ заставляетъ Татищева присовокупить предусмотрительное замѣчаніе: «храниться надлежитъ, чтобы тебѣ у жены не быть подъ властію: сіе для мужа очень стыдно, худое мнѣніе подастъ и слабость ума изъявляетъ» (Тат. и его вр. стр. 212—214).

Реформа русскаго государства надолго заинтересовала собою русскую мысль; слишком много высказано было взглядовъ на великое дѣло Великаго Петра, — взглядовъ, расходящихся до полной взаимной противоположности. Между тѣмъ какъ одни видѣли въ реформѣ только завершеніе исторически подготовлявшагося процесса, рѣшительный моментъ давно уже ожидавшагося перелома, другіе хотѣли видѣть въ ней насильничество надъ русскою жизнію и исторію. Одни считали Петра Великаго благодатнымъ гениемъ-свершителемъ и одухотворителемъ русской народности, «богомъ Россіи», другіе видѣли въ немъ совершенно чуждое порожденіе, живое воплощеніе противунаціональнаго и даже антихристіанскаго духа. Не наше, конечно, дѣло въ данномъ разѣ входить въ разсмотрѣніе этого вопроса; мы только съ своей стороны не можемъ не указать на сочиненія Посошкова, какъ, по нашему мнѣнію, на первостепенный историческій документъ, помогающій въ осмысленіи вообще той эпохи и положительно необходимый въ рѣшеніи поставленнаго вопроса. Здѣсь предъ нами выступаетъ живой, нисколько нетронутый искусственною цивилизаціею, свободный отъ всякаго внѣшняго давленія и какихъ либо увлеченій современникъ реформы, истинный гражданинъ тогдашней русской земли. Конечно, не можетъ даже мысли возникнуть объ его пристрастномъ отношеніи къ иноземцамъ и объ его ненависти къ своему національному. Посошковъ представляетъ собою типъ здравомыслящаго чисто-русскаго человека, съ русскимъ умомъ и взглядомъ на вещи, съ русскимъ характеромъ и неподдѣльнымъ народнымъ складомъ рѣчи, съ его беззавѣтнымъ патриотизмомъ и, наконецъ, съ чисто національною тенденціею исправить свое отечество, облегчить положеніе своего народа. Связь Посошкова съ народомъ была для него не какимъ либо случайнымъ признакомъ, внѣшнимъ качествомъ, а, такъ сказать, природнымъ его инстинктомъ. Отсюда и народность его сочиненій не есть качество, какъ только внѣшній признакъ характеризующее ихъ, а есть невыдѣляемая ихъ сущность. Въ нихъ, какъ въ немногихъ самобытныхъ произведеніяхъ, русская письменность

лвилась нерасторжимою съ народной жизнью, воплотила въ своихъ формахъ неподдѣльные народные взгляды и понятія; къ нимъ, собственно говоря, не приложима та нормальная теперь литературная мѣрка, по которой мы отыскиваемъ въ литературномъ произведеніи народности, какъ чего-то вноснаго, не столь существеннаго, могущаго болѣе или менѣе проникать сочиненіе, даже быть и не быть въ немъ. Итакъ, Посошковъ — живой представитель современной ему русской народности. Какимъ же, однако, является этотъ русскій человѣкъ въ своихъ сочиненіяхъ? — Связанный и чувствомъ, и образомъ воззрѣній, и языкомъ съ старобитною жизнью, Посошковъ въ то же время исполненъ уже всецѣло и тревожнаго духа реформы, онъ носитъ ея потребности въ груди своей, по своему, на основаніи завѣщанныхъ изстари формъ, онъ осмысливаетъ свои тревожныя сомнѣнія. Прямой наслѣдникъ старорусскихъ традиционныхъ понятій, Посошковъ въ то же время есть уже и законный сынъ своей дѣловой эпохи, до самозабвенія преданный исканію лучшаго, исполненный новыхъ, болѣе разнообразныхъ потребностей, болѣе сложныхъ запросовъ. Самый узкій и непосредственный націонализмъ идетъ у Посошкова рука объ руку съ смѣлыми реформаторскими стремленіями. А это сознаніе нѣкоторой неполноты, недостаточности старыхъ, освященныхъ давностію формъ жизни, эти порывы къ новому, лучшему — стали общимъ знаменіемъ того времени, существеннымъ признакомъ той именно эпохи. Посошковъ и въ этомъ случаѣ не былъ какимъ либо феноменальнымъ выродкомъ изъ тогдашней жизни, совершенно оторваннымъ отъ дѣйствительности, не имѣющимъ подъ собою никакой реальной почвы. Наконецъ, и всѣ идеалы его, изъ за которыхъ онъ ратовалъ, во имя которыхъ онъ такъ или иначе относился къ существовавшему порядку вещей, положительно или отрицательно, сочувственно или саркастически, — всѣ они взяты имъ не извнѣ, не сверху откуда либо, а изъ самой жизни, изъ всей полноты прошедшаго и настоящаго русской дѣйствительности, суть выраженіе жизненнаго народнаго воззрѣнія. И вотъ такіе-то, чисто народные по своему происхожденію и національные по своему характеру идеалы Посошкова, его стремленія, желанія, проекты, являются часто до подробностей тождественными съ реформаторскими начинаніями Петра, поражаютъ своимъ сходствомъ даже въ мелочныхъ частностяхъ съ преобразовательными стремленіями и дѣлами послѣдняго... Отсюда и опредѣляется громаднѣйшая роль сочиненій Посошкова, какъ непрерываемаго

и существенно важнаго историческаго документа въ выясненіи даннаго, слишкомъ запутаннаго и высокоинтереснаго факта. нашей исторіи. Если не можетъ быть и рѣчи о томъ, что для большинства законѣлаго въ невѣжествѣ и старообрядности русскаго люда реформа Петра была дѣйствительнымъ насиліемъ, то съ другой стороны, именно сочиненія Посошкова до очевидности выясняютъ, что она и не была совершенно чуждою русскою народности, не была столь мгновенна, чтобы окончательно разрушить наши связи съ старымъ бытомъ, совершенно разъединить два міра — міръ до-петровской и послѣ-петровской жизни. При всей своей рѣзкости и наступательности, реформа, несомнѣнно, имѣла національную подкладку, носила народный характеръ, отвѣчала самобытнымъ стремленіямъ коренныхъ русскихъ людей. Сама жизнь, способная породить такихъ людей, какъ Посошковъ, носила, слѣдовательно, въ себѣ сѣмена преобразованій, вела къ реформѣ, и мало ли могло таиться въ средѣ русскаго народа, и при Петрѣ и до Петра, такихъ смѣлыхъ, рѣшительныхъ и въ такой мѣрѣ убѣжденныхъ реформаторовъ, представителей въ то же время непосредственнаго націонализма, каковъ былъ Посошковъ?! Этотъ-то общій историческій смыслъ сочиненій Посошкова, сказывающійся во всей массѣ сыраго историческаго матеріала (который мы и старались выдѣлать), въ связи съ общимъ ихъ идеальнымъ направленіемъ, выработаннымъ и возвышающимся на почвѣ живой дѣйствительности (которое мы также старались выслѣдить), и обусловливаетъ важное историческое значеніе сочиненій Посошкова, придаетъ имъ высокую степень научнаго интереса. Трудно себѣ представить существованіе болѣе объективнаго историческаго памятника, въ такой мѣрѣ безпристрастнаго среди крайностей своей эпохи и столь, однако, живо отразившаго въ себѣ современную жизнь и эти крайности, какъ сочиненія Посошкова.

Не менѣе важное значеніе имѣютъ сочиненія Посошкова и въ исторіи русской литературы. Въ своемъ содержаніи они представляютъ живое отображеніе древне-русской жизни, мастерски исполненную картину всесторонняго соціального положенія Россіи, представляютъ въ себѣ, такъ сказать, итогъ, подведенный къ до-петровской жизни. А своимъ преобладающимъ и всепроникающимъ религіознымъ характеромъ и внѣшнею формою своего изложенія сочиненія Посошкова становятся послѣднимъ звеномъ древне-русской письменности, блестящимъ и полнымъ ея завер-

шеніемъ. Но въ то же время, съ другой стороны, сочиненія Посошкова носятъ неотразимую печать новаго времени и новыхъ понятій. Съ этой стороны они являются любопытнѣйшими, такъ сказать, введеніемъ въ новую литературу, предисловіемъ къ ней. Въ нихъ слишкомъ много иѣсть, которыя являются совершенно достаточнымъ связующимъ пунктомъ литературной работы Посошкова съ литературою новою — если не свѣтскою, въ современномъ понятіи этого слова, то съ литературою ученою и духовною, во главѣ которой поставляются имена: Ломоносова, Татищева и пр. съ одной стороны, Стефана Яворскаго, Θεофана Прокоповича и пр. съ другой. Такимъ образомъ, сочиненія Посошкова связываютъ двѣ литературныя на Руси эпохи, сглаживаютъ собою слишкомъ замѣтную рѣзкость перехода отъ одной къ другой, подававшую даже поводъ къ отрицанію всякой между ними генетической связи. Самымъ фактомъ своего существованія сочиненія Посошкова блестяще доказываютъ цѣльность и непрерывность въ развитіи русской литературы, нерасторжимую связь и зависимость ея новаго періода отъ стараго. Они служатъ однимъ изъ очень немногочисленныхъ и тѣмъ болѣе драгоценныхъ памятниковъ нераздѣльнаго единенія всѣхъ выработанныхъ существенныхъ свойствъ и характеристическихъ чертъ исключительно религіозной древне-русской письменности съ новымъ критически-дѣловымъ направленіемъ и свѣтскимъ характеромъ новой русской литературы.

Наконецъ, разсматриваемыя вообще въ исторіи русскаго прогресса, сочиненія Посошкова представляются въ высшей степени замѣчательными. Не говоря о цѣности въ этомъ отношеніи социальныхъ проектовъ Посошкова, по отзывамъ специалистовъ, ставящихъ его на ряду съ великими и образованнѣйшими политико-экономами Европы ¹⁾; собственно богословскія воззрѣнія Посошкова представляютъ собою фактъ, въ исторіи русской цивилизаціи слишкомъ знаменательный и отрадный. Его очень во многомъ возвышенныя и очищенныя понятія религіозныя были новымъ приобрѣтеніемъ древне-русской жизни, дорогою находкою, которую самостоятельно нашель, до которой додумался самъ древне-русскій человѣкъ. Богословская мудрость Посошкова была не заносная, не навязанная, а самобытно выработанная на основаніи первоисточниковъ и сознательно

¹⁾ См. «Иванъ Посошковъ» Брикнера, а также въ статьѣ Тарасова—Юридич. Вѣстн. 1880 г. часть X.

прочувствованная, — была кровнымъ достояніемъ древне-русскаго человѣка, уже возросшаго до состоянія умственной зрѣлости и готоваго вступить въ новую исторію. И Посошковъ, по крайней мѣрѣ на половину, уже принадлежитъ этой исторіи. Слишкомъ выдающимися и поразительными въ сочиненіяхъ простаго, неучивагося древне-русскаго человѣка являются такія мысли, какъ высказанныя и развитыя Посошковымъ напр. объ истинномъ смыслѣ христіанской молитвы, о значеніи иконопочитанія, здравый взглядъ на суевѣрія и пр. Если эти, такъ же какъ и вообще всѣ здравыя мысли Посошкова, напр. о воспитаніи, объ устройствѣ жизни, о христіанскомъ поведеніи и взаимныхъ отношеніяхъ и др., — если эти мысли загромождаются у него предписаніями обрядовыми, если общее теряется въ частностяхъ, то это значить только, что царство обряда и формы было слишкомъ еще сильно и не Посошкову, разумѣется, было сломить его. Сразу отрѣшиться отъ своего времени, оторваться отъ отщепенныхъ традицій, да еще въ такой области, какъ религія, гдѣ русскій человѣкъ былъ слишкомъ ревнивъ и осмотртеленъ, было, конечно, выше силъ Посошкова, было невозможно для него. Великій шагъ его впередъ и важная заслуга его уже въ томъ, что въ безграничномъ хаосѣ обрядности и формальности древне-русской онъ совершенно самостоятельно, безъ всякаго сторонняго руководства, сумѣлъ уловить главную мысль, схватить сущность, понять жизнь. Въ высшей степени благороднымъ представляется его стремленіе регулировать христіанскую жизнь, просвѣтить своихъ земляковъ, одухотворить для нихъ бездушное, внести жизненный смыслъ въ то, что испоконъ вѣка выполнялъ русскій человѣкъ безотчетно. Все это сдѣлалъ Посошковъ, — въ этомъ его истинная, непререкаемая заслуга, его знаменательный подвигъ нравственный. Его новыя взгляды, мысли и эти его необычныя тогда новыя реформаторскія попытки въ сферѣ древне-русской религіозной жизни ставятъ въ нашихъ глазахъ старорусскаго Посошкова гражданиномъ и новаго времени, сыномъ новой уже исторіи, достойнымъ современникомъ великаго реформатора Россіи и творца новой русской цивилизаціи.

Благодаря исключительно своему природному уму, энергіи и необыкновенной силѣ и выработанности нравственнаго характера, простой древнерусскій «холопъ» — Посошковъ съ умѣлъ далеко возвыситься надъ своимъ временемъ и вырваться изъ тѣснаго кружка, къ которому онъ принад-

жесталь. Лишенный правильного образования и воспитанный въ средѣ, даже сознательно противодѣйствующей образованію, этотъ «неучъ» по- нять, однако, стремленія новаго времени и искренно радовался началу просвѣщенія. Усматривая вмѣстѣ съ умственнымъ и нравственное и ма- териальное банкротство отечества, этотъ во всякомъ случаѣ полезный, талантливый труженикъ всего себя посвятилъ заботамъ о всестороннемъ — моральномъ и материальномъ — возвышеніи соотечественниковъ, жизнью пожертвовавъ въ услуженіе помочь Петру Великому въ дѣлѣ преобразо- ванія Россіи. Сдѣлать что нибудь нынѣ, болѣе этого у Посошкова уже недоставало человѣческихъ силъ: на избранномъ пути онъ сдѣлалъ все, что возможно было сдѣлать. И по всей справедливости Посошковъ мо- жетъ и долженъ стать въ глазахъ потомства образцомъ, всегда заслу- живающимъ подражанія и внушающимъ полнѣйшую благодарную о себѣ память. Имя его вполне достойно занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ хроникѣ русской самодѣтельности. И Посошковъ по справед- ливости уже занялъ это мѣсто; онъ отысканъ въ русской исторіи и по- ставленъ въ ряду немногихъ, избранныхъ представителей самодѣтель- ности въ Россіи («Самодѣтельность» Смайлса, изд. 1881 г. т. I, стр. 203—210). Энергическій, дѣятельный и въ высшей степени честный образъ этого сына народа заслуживаетъ неизбвенной памяти и полнѣй- шаяго уваженія отъ каждаго русскаго человѣка.

Важнѣйшія изъ замѣченныхъ опечатокъ:

<i>Стран.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
9	26	землиныхъ	земляныхъ
13	17	лѣтъ 1725 г.	отъ 1752 г.
35	9	сочиненія Посомкова, представляютъ	сочиненія Посомкова представляютъ
62	17	представляютъ родъ	представляютъ родъ
65	27	реформъ, то	реформъ; за то
67	31	т. II, 40, 31, 41, 50.	т. II, 31, 50.
74	29	прочаго харча» (23 с.).	прочаго харча».
77	34	о дѣрзостяхъ, которыя	о дѣрзостяхъ, которыя
78	16	землевладѣльцу	земледѣльцу
106	19	ли о гнѣности	или о гнѣности
116	14	разгѣ	разгѣ
138	25	нареканий	нареканий.
147	19	на правленія	направленія
152	36	то же	тоже
156	18	и, резонно	и резонно
177	13	О ле чудесе	О ле чудесе
190	2	на - чный.	на - учный
200	12	поставлений	наставлений
201	2	излагаая	излагая
211	26	соблюденн	соблюдени